

**СРЕДНЯЯ АЗИЯ
В ЭПОХУ
КАМНЯ И БРОНЗЫ**

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

СРЕДНЯЯ АЗИЯ В ЭПОХУ КАМНЯ И БРОНЗЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА · ЛЕНИНГРАД
1 9 6 6

Ответственный редактор

В. М. МАССОН

СРЕДНЯЯ АЗИЯ В ЭПОХУ КАМНЯ И БРОНЗЫ

Утверждено к печати Институтом археологии Академии наук СССР

Редактор издательства В. Т. Бочевер
Художник Д. С. Данилов. Технический редактор И. М. Татарина
Корректоры М. А. Горилас, Н. И. Журавлева и Г. И. Яковлева

Сдано в набор 4/V 1966 г. Подписано к печати 11/VIII 1966 г. РИСО АН СССР
№ 122-116В. Формат бумаги 60×90¹/₁₆. Бум. л. 9⁹/₁₆. Печ. л. 18¹/₈ + 8 вкл. (1 п. л.) =
=19¹/₈ усл. печ. л. Уч.-изд. л. 19,96. Изд. № 2887. Тип. зак. № 951. М-27804. Тираж 1300.
Бумага типографская № 1.

Цена 1 р. 29 к. + переплет 10 коп.

Ленинградское отделение издательства «Наука»
Ленинград, В-164, Менделеевская лин., д. 1

1-я тип. издательства «Наука». Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

Настоящее издание представляет собой одну из книг, посвященных общим вопросам археологии и древней истории Средней Азии, намеченных к выпуску Сектором Средней Азии и Кавказа Ленинградского отделения Института археологии АН СССР. Необходимость в работах общего характера в археологии Средней Азии ощущается не с меньшей остротой, чем в других отраслях советской археологической науки. Все шире раздвигающийся фронт археологических изысканий, возрастающее с каждым годом количество публикаций по среднеазиатской археологии приводят к тому, что исследователи порой оказываются в плену у фактического материала, а за многочисленной литературой, издающейся в разных городах, следить становится все труднее и труднее. Вместе с тем обобщение накопленных данных, прослеживание на их основе общих закономерностей необходимы для определения роли и места Средней Азии в историческом процессе.

Настоящая книга отнюдь не претендует на исчерпывающее описание систематизированного материала. Полная публикация полученных данных — задача таких изданий, как «Археологические карты» (подобная карта издана Академией наук КазССР), «Свод археологических источников», труды и сборники различных экспедиций и научных учреждений. Свою задачу коллектив авторов рассматривал в ином профиле — дать общее представление о материальной культуре, наметить некоторые закономерности и тенденции исторического развития. Различные разделы и периоды освещены с разной степенью полноты как в силу ограниченности материала, так и нередко в силу его слабой разработанности и отсутствия соответствующих публикаций. При наличии нескольких мнений по тем или иным вопросам и проблемам авторы стремились отразить это реально существующее многообразие, высказывая, как правило, свое отношение к различным теориям и гипотезам. Территориально Средняя Азия рассматривается в границах Туркмении, Узбекистана, Таджикистана и Киргизии с привлечением в ряде случаев памятников юга Казахской ССР. Изложение доведено по возможности до середины I тыс. до н. э., когда Средняя Азия, вошедшая в состав ахеменидской державы, характе-

ризуется уже сложившимся классовым обществом. Таким образом, книга посвящена главным образом первобытной археологии Средней Азии.

История изучения соответствующих памятников сравнительно коротка. Еще не существует монографического обзора археологии Средней Азии в целом, хотя имеется ряд статей, очерков и частных исследований, посвященных этой проблематике (М. Массон, 1939, 1956; Толстов и Шишкин, 1942; Ершов, 1944; Бернштам, 1949д; Литвинский, 1954а; Лунин, 1958). Не составляет в этом отношении исключения и первобытная археология Средней Азии — самая молодая отрасль среднеазиатской археологии. Досоветский период характеризуется преимущественно вниманием к средневековью; находки, относившиеся к каменному и бронзовому веку, крайне немногочисленны и случайны (Лунин, 1958, стр. 98—104). Специальными работами были лишь раскопки двух холмов у селения Анау, осуществленные в 1904 г. американской экспедицией под руководством Р. Пампелли (Pumpelly, 1908). Внимание к этим памятникам было обращено благодаря любительским раскопкам А. В. Комарова, проведенным еще в конце XIX в. (Комаров, 1888). К сожалению, материалы, добытые А. В. Комаровым (а судя по объему работ, они довольно значительны), остаются до сего времени неизданными и даже неразысканными.

Значение работ Р. Пампелли неоднократно рассматривалось в советской литературе (Литвинский, 1952; В. Массон, 1956д, стр. 309—314). Не вполне совершенная методика раскопок, погоня за научной сенсационностью нанесли изучению памятников существенный ущерб. Однако именно публикация Р. Пампелли ввела в широкий научный оборот известные анауские культуры.

Изучение древностей Средней Азии эпохи первобытнообщинного строя за советское время не поддается той детальной периодизации, которую предлагают исследователи для истории всей среднеазиатской археологии. Отрезок времени с 1917 по 1941 г. следует характеризовать как единый период. Это было время кардинальных перемен в исторической науке, вставшей на прочный теоретический фундамент марксистско-ленинских идей. Археологические объекты стали рассматриваться не как вещи сами по себе, а как материалы для изучения истории древнего общества, его культуры, хозяйства и общественных отношений. Соответственно изменилась и сама направленность полевых работ. Сплошное изучение отдельных районов и областей, широкие систематические раскопки обеспечили создание надежной историографической базы. Это благоприятным образом сказалось в первую очередь на выявлении и изучении памятников античного периода, но был сделан также и ряд важных открытий, относящихся к более ранним эпохам. Существенно отметить, что многие из этих открытий связаны с систематическими работами крупных

экспедиций. Так, в 1938 г. А. П. Окладниковым, находившимся в составе Термезской археологической комплексной экспедиции, была открыта и раскопана пещера Тешик-Таш на юге Узбекистана, до сих пор остающаяся наиболее изученным памятником среднеазиатского мустье (Окладников, 1939б, 1940в; Тешик-Таш, 1949). Археологические исследования Хорезмской археологической экспедиции под руководством С. П. Толстова привели к открытию первых памятников неолита и бронзового века в низовьях Аму-Дарьи, причем особое значение имели раскопки стоянки Джанбас-Кала 4, позволившие выделить кельтеминарскую неолитическую культуру (Толстов, 1939, 1941, 1946а, 1948а). Ряд памятников эпохи бронзы был открыт в ходе полевых исследований экспедиции А. Н. Бернштама в Северной Киргизии (Бернштам, 1943; ранее такие памятники были исследованы здесь А. И. Тереножкиным; см.: Тереножкин, 1935). Проводилось изучение и памятников анауского типа в Южной Туркмении (Марущенко, 1935, 1939), но, к сожалению, эти работы не сопровождались соответствующими публикациями. В целом это был период начала интенсивного накопления материала по первобытной археологии. Однако количественно материал был еще весьма невелик, зачастую попросту фрагментарен, локализован в выборочных районах. Вместе с тем уже были сделаны шаги по его исторической интерпретации — сборник «Тешик-Таш» и монография С. П. Толстова «Древний Хорезм», вышедшие уже в послевоенный период.

Послевоенный период изучения первобытной археологии Средней Азии представляется возможным разделить на два этапа: 1945—1952 гг. и с 1952 г. до наших дней. В качестве грани, разделяющей период, берутся работы Б. А. Куфтина в Южной Туркмении, установившие на Намазга-Депе новую периодизацию памятников анауского типа (выделение комплексов Намазга I—VI) и позволившие заменить устаревшую схему Пампелли—Шмидта. Эта периодизация в силу охвата большого промежутка времени имеет руководящее значение для всей Средней Азии. Напомним, что данная периодизация способствовала установлению правильной даты чустской культуры в Фергане, в то время как сопоставление с результатами работ Р. Пампелли на Анау приводило к необоснованному удревнению этих ферганских комплексов.

Первый этап характеризуется постепенным увеличением новых материалов и продолжает в этом отношении основную тенденцию 1917—1941 гг. Выходят и труды, содержащие публикации памятников, открытых в довоенный период. Новые открытия, как и в предшествующий период, связаны главным образом с систематическими работами крупных экспедиций, прежде всего Хорезмской археолого-этнографической экспедицией (ХАЭ) во главе с С. П. Толстовым и Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедицией (ЮТАКЭ), руководимой М. Е. Мас-

соном. Хорезмской экспедицией были открыты многочисленные памятники первобытной эпохи, преимущественно неолитические, вдоль Узоя, что позволило замкнуть территориальный разрыв между первобытными памятниками Хорезма и Южной Туркмении (Толстов, 1952а, 1952б, 1953а, 1953б, 1958а; Итина, 1958б). Специальный отряд ЮТАКЭ, возглавленный А. П. Окладниковым, изучал памятники каменного века Красноводского полуострова (Окладников, 1949б, 1951), причем особое значение имели раскопки пещеры Джебел, установившие ее стратиграфию (Окладников, 1956в). В Южной Туркмении проводилось изучение культур эпохи бронзы (В. Массон, 1953, 1954б; М. Массон, 1955), в частности памятников анауского типа (Литвинский, 1952; Ганялин, 1953). Этапными работами явились исследования 1952 г., когда XIV отряд ЮТАКЭ был возглавлен Б. А. Куфтиным (Куфтин, 1954, 1956; В. Массон, 1956д). В эти же годы стали появляться новые данные о первобытных памятниках в других областях Средней Азии: в 1948 г. провел разведки в Западном Таджикистане А. П. Окладников, а в 1950 г. в Фергане была открыта новая для Средней Азии оседлоземледельческая культура, позднее получившая название чустской (Воронец, 1951, 1954).

Наиболее значительными достижениями характеризуется второй этап. Систематическое изучение памятников именно первобытной эпохи ликвидировало отставание, которое ранее наблюдалось в этой области, и поставило ряд районов Средней Азии (для некоторых периодов) в число наиболее хорошо изученных областей Советского Союза. Характерной чертой второго этапа является постепенное заполнение памятниками всей карты Средней Азии, ликвидация разорванных ареалов. Но это лишь одна сторона процесса, отражающая количественный рост накопленного материала. Другая сторона состоит в углубленном изучении и интерпретации этого материала, и в связи с этим вырабатывается особый подход уже к организации самих полевых работ. Например, в 1955—1964 гг. были осуществлены систематические вскрытия ряда поселений эпохи неолита и энеолита Южной Туркмении, что позволило на большой фактической основе подойти к проблеме изучения общественных отношений (В. Массон, 1960в, 1962в; Сарияниди, 1962б; Хлопин, 1964а); с целью углубленного рассмотрения истории хозяйства древних племен проводилось сочетание полевых работ археологов и геоморфологов, что дало ценные результаты в Хорезме и в Южной Туркмении. Показательно появление сборников и книг, посвященных специально памятникам каменного и бронзового веков. Таковы два тома «Трудов» ЮТАКЭ, публикация хорезмийского могильника эпохи бронзы Кокча-3 (Итина, 1961), работа, посвященная памятникам Северо-Западного Таджикистана (Литвинский, Окладников и Ранов, 1962), исследование группы энеолитических поселений (Хлопин, 1964а). В серии «Свод археологических источников»

дается полная публикация энеолитических памятников Южной Туркмении (В. Массон, 1962 г; Хлопин, 1963а; Сарияниди, 1965). Значительное место первобытным памятникам уделяется и в сводных историко-археологических монографиях (В. Массон, 1959а; Заднепровский, 1962а; Толстов, 1962а), и в историях союзных республик Средней Азии (История Туркменской ССР, 1957; История Киргизии 1963; История таджикского народа, 1963). Эпоха первобытнообщинного строя изучается всесторонне: появляются работы по палеогеографии (Толстов, Кесь и др., 1960; Лисицына, 1963а, 1963б, 1964а, 1964б), специальные антропологические исследования (Трофимова и Гинзбург, 1960; Трофимова, 1961б; Гинзбург, 1962). Поставлена проблема исторического места Средней Азии эпохи неолита и энеолита в исторических процессах (В. Массон, 1964в). На протяжении рассматриваемого этапа складываются направления в изучении среднеазиатских памятников эпохи камня и бронзы, появляется значительное число археологов, специализирующихся именно на изучении этой эпохи (Виноградов, 1957б; Аскарлов, 1962г; Касымов, 1962а; Хлопин, 1962б; Сарияниди, 1963а; У. Исламов, 1963б; Ранов, 1963; Бердыев, 1965б, а также работы Алпысбаева); первая кандидатская диссертация по первобытной археологии Средней Азии была защищена в 1950 г. М. А. Итиной. Широко развернувшиеся работы советских археологов регулярно реферируются за рубежом (Movius, 1953; Chard, 1960; Frumkin, 1963, 1964а, 1964б; Ghirshman, 1964), а также используются западными авторами в их исследованиях (Bordes, 1955; Casal, 1961).

В кратком введении невозможно перечислить многочисленные открытия, сделанные в течение второго этапа, да в этом и нет особой необходимости: именно на них в значительной мере основана настоящая книга. Отметим, что наряду с успешным продолжением исследований в Хорезме и Южной Туркмении фронт работ существенно расширяется, ликвидируются белые пятна археологической карты. В Ферганской долине открываются и раскапываются многочисленные памятники чустской культуры (Заднепровский, 1957б, 1959а, 1962а; Спришевский, 1957а, 1958а—1958в, 1960; Чуланов, 1963) и могильники степной бронзы (Гамбург и Горбунова, 1956, 1957). Неолитические стоянки, а также поселения и могильники эпохи бронзы были открыты и в низовьях Зеравшана (Гулямов, 1956; У. Исламов, 1961а; Аскарлов, 1962а). В районе Самарканда проводится исследование памятников каменного века, в том числе первой для Средней Азии верхнепалеолитической стоянки (Лев, 1960, 1964). Особенно заметные изменения по сравнению с предшествующим этапом происходят в Таджикистане. Памятники каменного века здесь широко изучаются на западе республики (Окладников, 1958а, 1961б; Ранов, 1961б), открыты они и на Памире (Ранов, 1959б—1959г, 1961в). Тщательно исследуются развешенные стоянки эпохи бронзы в районе Ленина-

бада (Литвинский, Окладников и Ранов, 1962), а на юго-западе Таджикистана была открыта совершенно новая для Средней Азии культура эпохи бронзы.

Естественно, что такое лавинообразное увеличение материалов создает значительные трудности в его углубленном исследовании и интерпретации. Прежде всего это касается вопросов периодизации. Для истории Средней Азии, как, впрочем, и для многих стран Востока, характерна неравномерность развития отдельных областей, сохранявшаяся вплоть до совсем недавнего времени. Эту неравномерность необходимо учитывать при построении периодизации в масштабах всей страны, причем за основу следует брать исторически ведущие явления, характерные в первую очередь для наиболее развитых областей.

На протяжении большей части каменного века эта неравномерность, как правило, или не ощущается, или она не столь значительна, чтобы ее можно было выявить на основании имеющихся данных. Пока мы не знаем, было ли связано с подобной неравномерностью наличие в Средней Азии в эпоху палеолита стыка различных культурно-исторических зон, да и сами границы этих зон еще требуют уточнения. Поэтому периодизацию истории Средней Азии в эту пору можно строить на основаниях, принятых для палеолита в целом. Соответственно этому положению в первой части настоящей книги выделены главы, посвященные нижнему палеолиту, мустьерскому времени и верхнему палеолиту. Материалы из-за их ограниченности по верхнему палеолиту и мезолиту объединены в одной главе.

Период существования раннеземледельческих общин в Средней Азии был длительным; ему-то и посвящена вторая часть данной книги. Неравномерность развития в этот период выступает особенно ярко. На юго-западе складываются и процветают оседло-земледельческие племена, у которых переход к новым формам хозяйства привел к коренным переменам в быту и сложению культуры совершенно нового типа. Большую (северную) часть Средней Азии, однако, занимали племена охотников, рыболовов и собирателей, архаические культуры которых образуют как бы один из южных очагов огромного массива неолитических племен Азии. Ведущая роль принадлежала южным племенам, связи с которыми имели нередко решающее значение для их более северных соседей.

Период раннеземледельческих культур в Средней Азии охватывает как неолит, так и энеолит. Однако необходимо иметь в виду, что в эти понятия для северных и южных районов вкладывается разное содержание и их следует применять как условные. В отношении земледельческо-скотоводческих племен термин «неолит» можно употреблять для обозначения того раннего периода их развития, когда еще в сильной степени сказываются пережитки присваивающего хозяйства, в частности еще велика роль

охоты, а орудия труда развиваются на базе мезолитической техники, не давая, как правило, принципиально новых форм. В Средней Азии этот период хорошо представлен джейтунской культурой VI—V тыс. до н. э. Период энеолита можно рассматривать как время сложившегося земледельческо-скотоводческого хозяйства, когда в быту широко применялись медные изделия, почти полностью вытеснившие кремневые орудия. Для северных районов Средней Азии неолит обозначает тот период развития охотничье-рыболовческих племен, использующих кремневые орудия, когда они овладевают искусством изготовления глиняной посуды. Для выделения у племен севера особого энеолитического периода достаточные данные отсутствуют, и вообще в настоящее время имеются известные сомнения в необходимости этого выделения.

Следующая большая эпоха в истории Средней Азии — бронзовый век, которому посвящена третья часть настоящей книги. Это было время распространения земледельческо-скотоводческих и скотоводческо-земледельческих культур на большей части территории страны. Земледелие перестало быть монополией небольшой группы юго-западных племен. На широких просторах от Ферганской долины до низовьев Аму-Дарьи производящее хозяйство приходит на смену примитивной экономике. Неравномерность развития отдельных районов начинает постепенно нивелироваться. Для южных общин, где переход к новым формам хозяйства совершился за несколько тысячелетий до эпохи бронзы, новый период означал важный этап в развитии производительных сил, в частности выделение ремесел, приходящих на смену домашним производствам, резкий рост имущественной дифференциации и выделение богатых патриархальных семей.

Как и термин «энеолит», термин «бронзовый век» является в значительной мере условным, особенно для юго-западной части Средней Азии, где, кстати, так же как и в Северо-Восточном Иране, собственно бронзовые изделия составляют сравнительно редкое исключение среди общей массы металлических вещей.

Периодизация самого бронзового века Средней Азии еще мало разработана. Введение традиционной триады — ранняя, средняя и поздняя бронза — представляется преждевременным, хотя, возможно, существенное увеличение известных материалов и приведет к подобной необходимости. Вместе с тем по крайней мере два периода бронзового века выделяются достаточно определенно.

Так, в пору ранней бронзы характерен высокий уровень развития оседлоземледельческой культуры юга-запада, приближающейся по своему уровню к культуре городских цивилизаций Древнего Востока (комплексы Намазга IV и V). В других областях Средней Азии памятники ранней бронзы еще не выявлены, за исключением, пожалуй, низовий Зеравшана, где к этому времени относится земледельческо-скотоводческая или скотоводческо-земледельческая культура Заман-Баба. Несмотря на то что в ее сло-

жении роль стимулятора сыграли влияния со стороны оседлых земледельцев юго-запада, бесспорно местная основа этой сравнительно высокоразвитой культуры предостерегает против недооценки возможного уровня развития других районов Средней Азии в пору ранней бронзы.

Комплексы поздней бронзы представлены в Средней Азии почти повсеместно, но с разной степенью полноты. В древнейшем земледельческом центре — в Южной Туркмении — мы наблюдаем в этот период упадок и запустение, хотя полного перерыва в развитии и не происходит. Зато в большинстве других областей утверждаются племена степной бронзы, тесно связанные со своими более северными современниками и, видимо, соплеменниками. Имеются основания утверждать, что, как и для многих других областей Евразии, это было время значительных перемещений племенных групп. Видимо, с севера в Среднюю Азию продвигаются, смешиваясь с местным населением, племена срубной и андроновской культур. Племена степной бронзы достигают границ оседлоземледельческих оазисов юга, а в ряде случаев как будто даже и переходят эти границы. В Юго-Западном Таджикистане складывается своеобразная культура подобных северных пришельцев, впитавшая ряд элементов оседлоземледельческих комплексов.

Наконец, для южных областей Средней Азии достаточно определенно вырисовывается еще один период, охватывающий первую треть I тыс. до н. э., который можно именовать раннежелезным веком. В это время на территории Южного Туркменистана, точнее, если употреблять местную древнюю топонимику, в Гиркании, Парфии и Маргиане, создаются крупные ирригационные системы, на поселениях появляются цитадели, происходит процесс сложения раннеклассового общества. Обнаружение в Южном Узбекистане комплексов, крайне близких маргианским, позволяет предполагать, что сходным образом протекало развитие и в Бактрии. Вероятно, в дальнейшем представится возможным выделить этот период как особый и для более северных областей. Таковы некоторые проблемы периодизации Средней Азии в эпоху камня и бронзы, определившие структуру данной книги.

Как уже отмечалось выше, эта книга является коллективным трудом. Она написана группой ленинградских археологов: М. П. Грязновым, Ю. А. Заднепровским, А. М. Мандельштамом, В. М. Массоном, А. П. Окладниковым и И. Н. Хлопиным. Библиография составлена Т. Н. Заднепровской. Общая редакция осуществлена В. М. Массоном. Вся книга неоднократно обсуждалась на заседаниях Сектора Средней Азии и Кавказа, всем сотрудникам которого авторы выражают свою благодарность за высказанные советы и замечания. При просмотре рукописи ценные замечания были сделаны П. И. Борисковским и Н. Г. Горбуновой. Основной текст книги был закончен в 1964 г. и вышедшая после этой даты литература учтена и использована лишь частично.

Часть I. ПАЛЕОЛИТ И МЕЗОЛИТ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Глава 1.

Средняя Азия в четвертичный период. Нижнепалеолитические памятники

Каменный век — огромная по хронологической протяженности полоса истории Средней Азии, охватывающая десятки и сотни тысяч лет. На протяжении этого периода произошло заселение Средней Азии человеком. Люди каменного века создали основу, на которой совершалось все последующее развитие самого человека, его техники, экономики, общественных отношений, культуры. В процессе последовательного перехода от одних форм жизни к другим, более развитым и высоким, возникали и сменяли друг друга разнообразные культуры.

Население Средней Азии вступало в сложные взаимоотношения с иными народами и племенами, с обитателями нередко весьма отдаленных стран. В течение каменного века здесь происходило множество важных и интересных исторических событий.

Уже сейчас могут быть намечены некоторые общие контуры палеолитической и мезолитической истории Средней Азии, определены некоторые общие черты развития ее древнейших культур, а также высказаны определенные, хотя во многом еще предварительные, соображения о том естественноисторическом фоне, на котором протекали судьбы древнейшего населения этой территории.

Имеются опыты периодизации памятников каменного века (палеолита и мезолита), связанные с палеогеографией, эволюцией климата и ландшафта на территории Средней Азии. Первая такая попытка была сделана в 1949 г. автором этого обзора (спустя 10 лет после открытия Тешик-Таша) в сборнике «Тешик-Таш»; вторая — в 1958 г. в первой сводке работ по археологии Таджикистана (Окладников, 1958а); третья — в 1960—1962 гг. В. А. Рачковым в ряде его статей, в том числе написанных совместно с гео-

логами-четвертичниками (Ранов, 1963). Вопросы периодизации памятников палеолита и мезолита Средней Азии все чаще привлекают внимание геологов. Памятники эти учитываются и при составлении стратиграфических и палеогеографических схем как региональных, так и общих.

Природные условия Средней Азии в четвертичное время

Древнейшая палеолитическая эпоха истории человека протекала на фоне грандиозных геологических событий конца третичного периода и трех этапов последующего четвертичного времени: нижнечетвертичного, среднечетвертичного и верхнечетвертичного. В Средней Азии вплоть до середины и конца третичного времени (миоцена и плиоцена), как и во всей Евразии, существовала резко отличная от современной и вместе с тем своеобразная естественногеографическая обстановка. Горы были много ниже, чем теперь: их высота не превосходила в среднем 500 м, и лишь самые высокие хребты поднимались до 1000 м над ур. м. Горные области Средней Азии представляли собой всего лишь холмгорья и мелкосопочники.

Подобный рельеф оказывал определенное влияние на климат. С юга сюда свободно проникали теплые и влажные массы воздуха со стороны Индийского океана и Аравийского моря. Климат был более теплым и влажным. Об этом свидетельствуют распространенные у подножия хребтов Средней Азии отложения красноземных рыхлых продуктов выветривания, типичных для степных и влажных субтропиков. Однако уже с юрского времени началось прогрессирующее иссушение климата. Оно резко усилилось на рубеже третичного и четвертичного периодов, когда произошло грандиозное поднятие горных хребтов Копет-Дага, Гималаев, Памира и Тянь-Шаня, достигших 3—7 тыс. м, в связи с чем прекратился доступ в Среднюю Азию муссонных масс теплого воздуха. Одновременно сказывалась и постепенная регрессия водоемов, представляющих теперь лишь остатки бывшего великого Средиземного моря. Согласно Б. А. Феодоровичу, наступило новое время — антициклонального климатического режима с характерным для него сухим и жарким летом, холодной зимой, малым количеством осадков (70—150 мм). Постепенно сформировались современные ландшафты степей и пустынь Средней Азии, а также характерный для них животный и растительный мир.

Другой важнейшей особенностью четвертичного периода, неразрывно связанной с первой, было похолодание. Похолодание тоже начинается в очень ранние времена. Чутким индикатором климатических колебаний являются, как известно, кораллы. В верхнеюрское время северная граница распространения рифообразующих кораллов захватывала часть Каспийского моря

по линии Мангышлак—Аму-Дарья. В верхнемеловое время она опускается на юг до линии верховья Аму-Дарья—Чарджоу—Красноводск. В миоцене кораллы были распространены только на юге Каспия, в плиоцене — в районе южных границ Афганистана, а теперь — в Индийском океане, Персидском заливе и в Красном море. Таким образом, граница распространения кораллов за это время сместилась к югу на 15° широты. В четвертичное время похолодание шло ритмически, отдельными волнами, то затухая, то усиливаясь. Эти волны похолодания соответствуют ледниковым эпохам Европы и других соседних со Средней Азией частей евразийского материка. Они, естественно, оставили особенно отчетливые следы в виде оледенений в горных областях Средней Азии. Геологи насчитывают по крайней мере три ледниковых и столько же межледниковых периодов. С грандиозными геологическими событиями конца третичного—начала четвертичного периодов связаны и изменения в гидрологическом режиме Средней Азии, т. е. в режиме ее рек и таких огромных внутренних водоемов, как Каспийское и Аральское моря. Подъем суши привел к образованию долин больших рек, усиленному еще и тем, что на горах стали накапливаться большие запасы влаги в виде снега и льда глетчеров. В результате, вопреки общему последовательно прогрессирувавшему иссушению климата, реки стали больше, полноводнее, образовалась древняя Пра-Аму-Дарья, а затем и древняя Сыр-Дарья. Соответственно интенсивности притока речных вод изменялся объем акваторий Каспия и Арала, где происходили то трансгрессии, то регрессии, а также изменялись насыщенность воды солью и ее температура. В условиях несравненно более теплого климата, чем в соседних приледниковых областях Европы и Азии, в горах Средней Азии никогда не возникали мощные покровные оледенения. Ледники имели долинный характер, и их непосредственная деятельность ограничивалась собственно горной областью. На остальной территории во времена усиленного оледенения, вероятно, складывались условия, близкие к тем, которые имели место в плювиальные периоды в субтропических и тропических районах. Здесь, в ныне сухих местах, больше выпадало осадков. Это в свою очередь способствовало развитию растительности, в том числе древесной вдоль рек и на горах. Так, например, по данным пыльцевого анализа, кроме традиционных саксаульников, в районе Балханских гор в начале четвертичного периода произрастали береза, ольха и кедр. На характере растительности, естественно, отражались большие климатические колебания четвертичной эпохи. Например, для Западной Туркмении отмечаются характерные чередования пыльцевых комплексов — спектров «лесного» типа, обогащенных пылью древесных растений, и спектров степного типа с преобладанием пыльцы ксерофитных травянистых растений. «Лесные» спектры при этом, по мнению палеоботаников, свидетельствуют о существовании

более богатой, чем теперь, растительности. Потепление в свою очередь приводило к смене лесных комплексов степными, характерными для более сухого климатического режима. Эти колебания климата отражались и на характере животного мира. Так, в развитии фауны моллюсков Каспийского моря имели место четыре кризиса — переломных момента, связанных с колебаниями его уровня. Изменялась и наземная фауна. В прибалханском районе, например, найдены кости слона из рода *Hesperolofodon*, жившего в конце бакинского и в начале хазарского периодов. Слоны эти питались не травой, а листьями деревьев и жили в условиях более теплого и влажного климата. Исчезновение их в дальнейшем вызвано было, очевидно, не только похолоданием, но и обеднением древесной растительности, лишившим этих листоядных животных корма. Основаниями для реконструкции климата, животного и растительного мира служат изменения в морской фауне Каспия и наземной фауне млекопитающих животных.

Четвертичное время начинается резким увеличением Каспийского моря. Если в конце третичной эпохи, в предакчагыльский период, Каспий занимал лишь свою южную впадину, то в последующее акчагыльское время (плиоцен) уровень его резко повысился и воды Каспия заняли вдвое большую площадь, чем прежде. Такая мощная трансгрессия Каспийского моря объясняется, по-видимому, начавшимся энергичным подъемом гор и увеличением на них водосбора. Вероятно, именно тогда возникли и долины великих рек Сыр-Дарья и Аму-Дарья. Затем последовали еще две трансгрессии — небольшая апшеронская и более мощная бакинская. Последняя относится уже к началу новой четвертичной эпохи.

Бакинское время в Южном Казахстане характеризуется древней наземной фауной, обнаруженной в Кошкургане (Коскоргане), — остатками древнего слона, гигантского верблюда, зюссенборнской лошади, мосбахской лошади, носорога Мерка, сибирского носорога. Все это, кроме сибирского носорога, — животные, типичные для ранней поры четвертичного периода, предшествующего хазарскому времени и фауне по схеме В. И. Громова. В хазарскую эпоху снова произошло резкое повышение влажности. Доказательством является, во-первых, тот факт, что Пра-Аму-Дарья несла тогда к берегам Каспия крупнозернистые пески. Очевидно, воды в ней стало больше, а в горах, откуда она текла, усилилось накопление снега и льда, а также возросло морозное выветривание. Во-вторых, именно в это время по восточному побережью Каспия и вдоль континентального обрыва Усть-Урта начались грандиозные оползни. Оползни могли появиться в таких масштабах только при увеличении осадков до 300 мм. Увеличение влажности и повышение уровня Каспийского моря в хазарское время привели к его новой трансгрессии. По всем признакам хазарская эпоха хронологически совпадает с эпохой

максимального оледенения Русской равнины. За хазарским временем следует более сухое время, когда уровень Каспия понизился, а Пра-Аму-Дарья настолько загромодила свое старое русло наносами, что вынуждена была покинуть его в низменных Каракумах и уйти в северные Каракумы.

Крупнейшим событием в истории равнин Средней Азии явилась следующая, хвалынская трансгрессия Каспия, когда его воды затопили большие пространства северокаспийской впадины и образовали залив в Каракумах. Уровень моря поднялся тогда на 50 м выше современного. Об опреснении каспийских вод и резком похолодании как Каспийского водоема, так и окружающих его областей в хвалынское время свидетельствует смена хазарской фауны моллюсков новой, угнетенной и бедной по составу. Одновременно в Фергане впервые появляется такой индикатор холода, как волосатый слон — мамонт (Беляева, 1946). Кости мамонта известны и из района г. Алма-Аты, где они обнаружены в лессах на молодых конусах выноса.

В районе Ташкента в арыке Боз-Су найдены остатки другого члена мамонтового фаунистического комплекса — волосатого «сибирского» носорога. Кости этого животного обнаружены также и в ряде мест на Тянь-Шане, в том числе на Иссык-Куле у Пржевальска. Все эти перемены вызваны были, очевидно, новым мощным толчком в горообразовании и ростом ледников в горах — происходит максимальное оледенение гор Средней Азии. Оледенение гор продолжается, постепенно затухая, и в начале последующего, новокаспийского времени. В бассейне Сыр-Дарьи этой смене геологических событий соответствует чередование четырех комплексов четвертичных отложений и древних речных террас: I — сохского комплекса (бакинская эпоха в Прикаспии); II — ташкентского (хазарская эпоха); III — голодностепского (хвалынская эпоха); IV — сыр-дарьинского (новокаспийская эпоха). В общей схеме геологической периодизации четвертичного периода бакинская эпоха Прикаспия соответствует нижнему плейстоцену (Q_1), хазарская — среднему (Q_2), хвалынская — позднему плейстоцену (Q_3), новокаспийская современная эпоха — голоцену (Q_4). Сопоставляя эту схему с классической альпийской схемой, общепринятой для Западной Европы и для Средиземноморья, можно далее предположительно синхронизировать бакинскую эпоху с минделем, хазарскую — с риссом и миндель-риссом, хвалынскую — с рисс-вюрмом и вюрмом. Возможность такой синхронизации определяется тем, что, как известно, события четвертичной истории — смена ледниковых эпох (плювиальных на юге) межледниковыми и смена соответствующих им колебаний уровня моря (трансгрессий и регрессий) — имеют не узколокальный характер, а так или иначе охватывают всю нашу планету.

Возможный параллелизм с четвертичной Индией

Важное значение имеет вопрос о возможности установления известного параллелизма синхронизации событий четвертичной истории горных районов Средней Азии, Тянь-Шаня и Памира с историей Гималаев и соседних частей Северо-Западной Индии. В Северо-Западной Индии исследованиями Т. Т. Петерсона и Х. де Терра была установлена определенная шкала последовательной смены климатических изменений, чередования ледниковых и межледниковых эпох (De Terra, Peterson, 1939). Здесь прослежено четыре ледниковые эпохи и три межледниковые. Из них первое оледенение и первый плювиальный период Де Терра относит к началу четвертичного периода (отложения зоны татрот), второе оледенение и второй плювиал — к началу среднего плейстоцена (отложения валунного конгломерата и грубого галечника). Для этого времени характерны древнейшие каменные изделия человека в виде грубых пластин «пресоанского» типа. Затем следует второй межледниковый период, когда появляются ручные рубила аббевиль-ашельского типа и в то же время изделия древнесоанского типа в виде грубых рубящих орудий — чопперов и чоппингов. Эти предметы связаны с высокой террасой T_1 . К последующему третьему оледенению и плювиалу относятся потварские базальные галечники T_2 и вслед за ними потварская лессовая глина. С этими отложениями связаны две археологические культуры: поздний ашель и поздний Соан А и Б. Эти культуры продолжают существовать и в третьем межледниковом периоде, которому соответствует терраса T_3 . Для четвертого оледенения (плювиала) и террасы T_4 характерна культура развитого Соана. Схема плейстоценовой стратиграфии Северо-Западной Индии интересна для сопоставления с четвертичной историей Средней Азии уже тем, что она позволяет яснее представить ход последней. Такую мысль впервые высказал еще В. Н. Вебер, а затем ее подробно развил на основе исследований Де Терра и Патерсона К. В. Курдюков. Он пришел к выводу о наличии определенного параллелизма в геологической истории Средней Азии (точнее, Южной Ферганы) и Пенджаба в конце третичного — начале четвертичного периодов. Курдюков, как и Вебер, исходил при этом из того, что Южная Фергана и Северо-Западный Пенджаб «расположены соответственно на северной и южной окраинах пояса горных хребтов, принадлежащих к наиболее высоким на поверхности земного шара (Алайский и Заалайский хребты, Памир, Гиндукуш, Гималаи), в том месте, где этот пояс сильнее всего суживается, имея ширину всего 600—800 км». Как в Гималаях, так и в Фергане, по его словам, отмечается в позднечетвертичном периоде два оледенения с соответствующими им террасами (T_1 , T_2), имеющими близкий высотный уровень. При этом со вто-

рыми террасами связано накопление мощных отложений лесса, что, возможно, свидетельствует о возрастании сухости климата.

Более древнему среднеплейстоценовому оледенению Гималаев соответствуют в Фергане отложения «сохского конгломерата». Первое оледенение Гималаев прямых аналогий в Фергане, по Курдюкову, не имеет. Используя эти данные, а также данные дальнейших работ, можно будет сопоставить имеющиеся сейчас в нашем распоряжении материалы по четвертичной истории и каменному веку Средней Азии со схемой последовательности древних культур Северо-Западной Индии.

Такую попытку по отношению к Таджикистану, в целом удачную, уже сделал В. А. Ранов (Ранов, 1961г, 1962б).

Вопрос о нижнем палеолите в Средней Азии

Из наиболее ранних изделий человека в Средней Азии могут быть названы два предмета, обнаруженные у основания разреза четвертой (снизу) террасы р. Вахша у села Кызыл-Кала. Один представляет собой грубый остроконечник, второй — еще более примитивное рубильце. По общему облику и по примитивности техники эти изделия следует отнести к нижнему палеолиту и, может быть, к начальной его ступени, шелльской или еще более ранней. Рядом с ними, в стенке карьера, обнаружена челюсть яка (по определению Н. К. Верещагина). Эти находки связаны, по-видимому, с плотной слоистой супесью, подстилающей валунно-галечный слой, в котором найдено кремневое орудие, близкое к «ориньякским» килевидным скребкам высокой формы.

В. А. Васильев относит отложения, отмеченные у Кызыл-Кала, к кулябскому комплексу, синхронному кокбайскому и восточно-памирскому. В суглинках кулябского комплекса, в бассейне р. Оба-Мазор, встречены кости ослы, оленя, быков, которые не могут быть, по мнению Э. А. Вангенгейм, моложе нижней половины четвертичного периода. В пыльце представлены береза (25—50%), лещина (до 30%), ольха, сосна, липа, вяз, ива, ясень, ель, споры мхов и папоротников. Такой состав растительности свидетельствует о более холодном, чем сейчас, климате и, очевидно, соответствует условиям первого горного оледенения Памиро-Дарваза.

Однако каменные изделия, о которых здесь идет речь, малочисленны и маловыразительны по их типологическому облику. Необходимы дальнейшие работы, которые должны подтвердить их связь с отложениями кулябского возраста.

В Туркменистане наиболее древние, апельские, изделия обнаружены на 39-м километре железной дороги по направлению от Красноводска на восток, к Ашхабаду, между станциями Янгаджа и Кара-Тенгир. В этом месте линия железной дороги про-

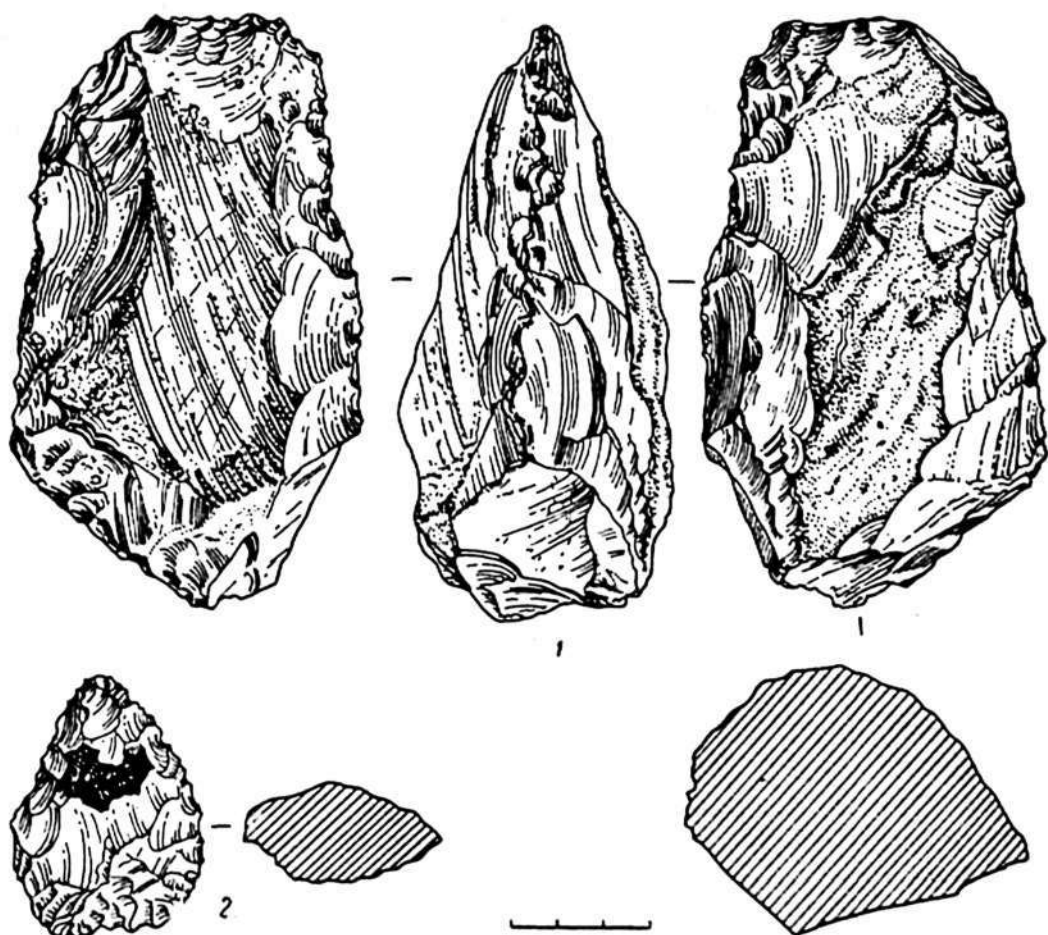

Рис. 1. Нижнепалеолитические орудия из района Краснодарска (1, 2).

ходит по широкой прибрежной равнине, прорезанной сухим руслом безымянного ручья, куда сходится ряд саев, разрезающих Краснодарское плато. В результате длительной эрозии рыхлые отложения здесь разрушены и над низиной возвышаются только небольшие, но очень эффектные даже издали останцы, расположенные как бы двумя правильными рядами или цепочками (Окладников, 1951, 1956а). Между останцами на размытой и частично развеейной песчаной поверхности в большом количестве рассеяны обработанные человеком кремни различного возраста.

Среди них было найдено одно грубое ручное рубило миндалевидных очертаний, отличающееся тем, что одна сторона его обработана оббивкой, вторая имеет две широкие продольные грани, разделенные острым ребром (рис. 1, 1). Это изделие может быть сопоставлено с близкими ему по форме и технике изготовления европейскими рубилами шалосского типа.

Поблизости собрано несколько архаических отщепов и одно миниатюрное рубильце сердцевидной формы, двусторонне обработанное (рис. 1, 2), близкое к микокским рубильцам. Эти находки могут служить доказательством того важнейшего факта, что

на территории прикаспийской части Туркмении в нижнепалеолитический период существовали люди, выделявшие ручные рубила скорее всего в конце ашельского времени.

Следующая находка нижнепалеолитических изделий в Средней Азии относится уже к горным ее районам. Она зарегистрирована в глубине Тянь-Шаня на высоте около 2400—2500 м над ур. м., в районе Нарына. В 1953 г. при обследовании долины небольшой горной р. Он-Арча было подвигнуто тщательному осмотру обнажение галечниковой толщи древней террасы, высоко поднимающейся над руслом и явно не соответствующей характеру современной гидрографической сети.

В галечной стене на глубине около 25 м по отношению к верхней части террасы в непотревоженном положении была обнаружена массивная, обработанная человеком галька (рис. 2). Один край ее представляет собою длинное, слегка дугообразно выпуклое лезвие, оформленное широкими сколами. Такие вещи, сделанные из целых галек, известны в археологической литературе как «галечные орудия» — чопперы. Рядом найдено одно скребловидное орудие из расколотой пополам плоской гальки с грубым, но вполне отчетливо обработанным сколами дугообразно выпуклым лезвием. Такие скребловидные инструменты из целых галек обычны в нижнепалеолитических комплексах Юго-Восточной Азии.

Геологические условия и характер найденных на р. Он-Арча каменных изделий свидетельствуют о их глубоком, нижнепалеолитическом возрасте. По определению Е. Я. Ранцман, галечники в долине р. Он-Арча отложены во время первой межледниковой эпохи Тянь-Шаня.

К самому концу того же межледникового времени или к началу следующего ледникового периода относится, по-видимому, еще одна находка, обнаруженная на этот раз далеко

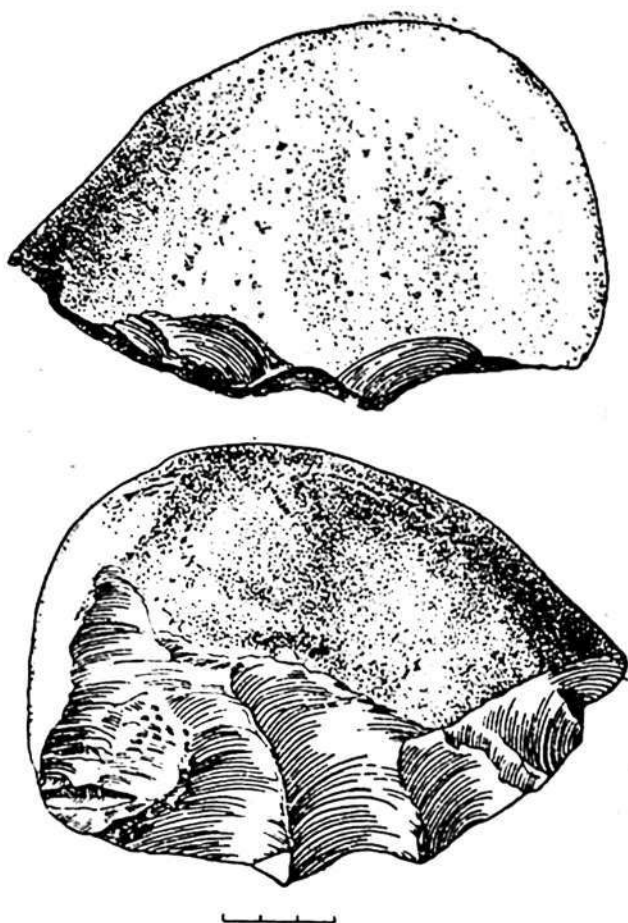

Рис. 2. Он-Арча. Нижнепалеолитическое орудие.

к югу от Нарына, в бассейне р. Сыр-Дарьи, на самой границе Киргизии и Таджикистана, в Ферганской долине.

Здесь, в глубоком ущелье Ходжа-Бокирган-Сай у кишлака Кайрагач, хорошо видны уступы древних берегов, пропиленных водой. Сверху площадки этих высоких древних береговых уступов сложены рыхлыми глинистыми толщами лессовидных пород, а глубже залегает древний галечник, такой же, как на р. Он-Арча. На стыке лессовидной глины и галечника снова оказалась такая же, хотя и не столь массивная, галька овальной формы, грубо оббитая вдоль одного края несколькими ударами, в результате которых образовалось дугообразно выпуклое, как у сечки, лезвие.

В связи с находками на р. Он-Арча и в Ходжа-Бокирган-Сая нужно отметить еще одно интересное, весьма архаичное по форме и технике древнее изделие, обнаруженное П. Т. Коноплей в той же Ферганской долине в основании галечной толщи древней высокой террасы в одном из ущелий около Денгирик-Дере. Оно представляет собой массивный большой клиновидный чоппер с характерной пяткой и выпуклым поперечным лезвием. Обе стороны орудия оформлены сколами, лезвие носит следы дополнительной подправки. Возраст его может быть более древним, чем возраст орудия из Ходжа-Бокирган-Сая, и близким по времени к чопперу Он-Арчи.

Находки в Южном Казахстане

Большой интерес вызвали новые открытия, сделанные на территории Казахстана, в районе хребта Малого Каратау, к западу от г. Джамбула и к северу от Чимкента (Алпысбаев, 1961а, 1961б, 1962). В ряде мест (Борыказган, Танирказган, Токалы 1, 2, 3 и др.) на поверхности мелкосопочника были собраны многочисленные каменные изделия архаического облика, изготовленные преимущественно из тонкозернистого серовато-черного кремня нижнекарбонového возраста. О древности этих изделий свидетельствует их сильно выветрившаяся и глубоко патинированная поверхность. Среди них выделяются в устойчивую целостную группу относительно крупные нуклевидные изделия типа чопперов, аналогичные чопперу, найденному в отложениях галечников на р. Он-Арча. У них также имеется хорошо выраженное поперечное лезвие, оформленное рядом широких сколов, а на противоположном конце — своего рода рукоять или пятка. Вторая группа крупных каменных изделий из местонахождений Малого Каратау состоит из достаточно типичных дисковидных нуклеусов мустьерского облика. У этих нуклеусов бывает заметна и характерная подправка площадки рядом краевых сколов. Остальная часть инвентаря этих поселений состоит из многочисленных невыразительных отщепов. Ручные рубила аббевильских и ашельских форм здесь, судя по публикациям, целиком отсутствуют.

Возраст этих изделий остается невыясненным. Большинство исследователей относит их к нижнему палеолиту. Нам кажется,

что датировать эти предметы следует только лишь по типологическим признакам. Но в таком случае следует принять во внимание, что близкие или даже целиком аналогичные изделия встречены в слоях многослойной стоянки Катсу вместе с бесспорно верхнепалеолитическими предметами (Алпысбаев, 1961а, табл. III, 1 и IV, 1, 3). Такое же сочетание архаических чопперов, диско-видных нуклеусов и верхнепалеолитических форм каменных изделий отмечено для других местонахождений Каратау, например интереснейшего поселения Узынбулак II, а также Бурылтай, Алгабас и др. (Алпысбаев, 1962, табл. V, 1 и VIII, 1). Наиболее вероятен, с нашей точки зрения, мустьерский (может быть, раннемустьерский) возраст этого комплекса.

Значительно интереснее по условиям залегания отдельные каменные изделия, отщепы, обнаруженные в сцементированных конгломератах четвертой надпойменной террасы р. Арыстанды и в долине р. Ашисай (Алпысбаев, 1961а, табл. III, 3 и IV, 2, 4). Согласно описанию Х. А. Алпысбаева, отщепы из конгломератов р. Арыстанды характеризуются неправильностью формы, массивностью. Ударная площадка у них расположена под тупым углом к плоскости нижней поверхности, ударный бугорок массивен и занимает одну треть поверхности отщепа. Все эти черты типичны для нижнепалеолитической, клэктонской, техники расщепления камня. Интересно, однако, что на рисунке отщепа, изданном Х. А. Алпысбаевым, ясно видна подправленная ретушью площадка. Если эти вещи действительно связаны с толщей конгломератов, то в данном случае мы будем иметь первый и пока единственный в своем роде пример находки каменных изделий в «немых» до сих пор, четвертичных (?) конгломератовых толщах высоких древних террас рек Средней Азии. Но геологический возраст террас на рр. Арыстанды и Ашисай пока неизвестен.¹

Подводя итог всему вышесказанному, можно констатировать, что к нижнечетвертичной эпохе и, в частности, к первому оледенению (ко времени существования шельского человека), условно можно отнести изделия, обнаруженные у поселка Кызыл-Кала на Вахше. Второй древнейшей находкой, связанной с определенными четвертичными отложениями, являются вещи, обнаруженные в долине р. Он-Арча. Их геологический возраст — время первого межледникового периода на Тянь-Шане, хотя возможно, что они происходят из размытых отложений предшествующей ледниковой эпохи. В таком случае они должны быть датированы во всяком случае концом бакинского времени, т. е. последним этапом нижнечетвертичного периода. К началу среднечетвертичного времени может быть ориентировочно отнесена находка в ущелье Ходжа-Бокирган-Сай.

¹ Здесь и выше по вопросу о хронологии каратауских находок излагается мнение А. П. Окладникова, не соответствующее точке зрения редакции.

Вопрос о двух культурных традициях и связи с соседними странами

Рассматривая самые древние по их типологическому облику находки палеолитического времени, относящиеся к самому раннему этапу заселения Средней Азии человеком, с нашей точки зрения, можно сделать вывод о том, что уже в это время обнаруживается расхождение путей развития культуры на западе и на востоке Средней Азии. Обычные орудия типа ручного рубила обнаружены в Средней Азии только в двух экземплярах (и оба на западе) в прикаспийской части Туркмении, в районе, наиболее близком к Кавказу и Малой Азии, где, как известно, имеются шелльские и ашельские ручные рубила. Ни одного рубила классических шелльско-ашельских форм на востоке Средней Азии еще не найдено, если не считать двух поздних, мустьерских по возрасту и типичных по технике изделий из Тешик-Таша. Напротив, здесь уже с весьма раннего времени в начале среднего плейстоцена, а может быть, и в конце раннего плейстоцена, как показывают находки на р. Он-Арче и в Ходжа-Бокирган-Сае, появляются орудия иного рода — чопперы. Древние находки в Южном Казахстане тоже представлены чопперами. Наличие в весьма ранние времена таких орудий сближает Среднюю Азию с теми странами Юго-Восточной Азии, где в отличие от Африки, Европы и Южной Азии вместо ручных рубил шелльско-ашельских форм, а иногда и одновременно с ними употреблялись рубила с широким лезвием — чопперы (Movius, 1944).

Можно, как нам кажется, согласиться с тем, что пути развития культуры древнейшего человечества не были едиными, что уже в нижнем палеолите, более 300—500 тыс. лет тому назад, определились две основные области, в которых эволюция культуры шла различными путями: восточноазиатская и средиземноморско-африканская. Отсюда естественно сделать вывод не только о известном сходстве путей развития древнейшей культуры человечества в Средней и Восточной Азии, но и об определенных контактах, о конкретной культурно-исторической связи между первобытным населением этих стран в нижнем и среднем плейстоцене.

Влияние нижнепалеолитической культуры ручного рубила прослеживается, таким образом, лишь на крайнем юго-западе Средней Азии, в Туркмении. На востоке же и на севере Средней Азии как будто обнаруживается известное влияние культуры чопперов. Очень вероятно, что первобытные люди, впервые заселившие восточные области Средней Азии, в своем большинстве были скорее в родстве с синантропами — первобытным населением Юго-Восточной и Восточной Азии, чем с шелльскими и ашельскими людьми — жителями Европы, Африки и Передней Азии.

Глава 2.

Средний палеолит — мустьерское время в Средней Азии

Самые многочисленные и наиболее яркие палеолитические памятники Средней Азии в настоящее время — мустьерские (рис. 3). Это прежде всего поселения мустьерского человека, в том числе не только стоянки под открытым небом, но и пещеры. Пещеры Средней Азии дали в четких стратиграфических условиях как богатые вещевые комплексы, так и фаунистические остатки. В одной из пещер, в Тешик-Таше, обнаружены и останки самого мустьерского человека, неандертальца. Кроме поселений, в Средней Азии обнаружен также и ряд памятников особого рода, раскрывающих важные стороны производственной жизни древних людей, — мастерские-каменоломни.

Мустьерские памятники в виде поселений под открытым небом в настоящее время найдены на Красноводском полуострове и в районе Балханских гор — в Туркмении, в низовьях р. Вахша, в долине р. Исфары и в бассейне р. Сыр-Дарьи (Кайрак-Кумы), около Ленинабада — в Таджикистане. Среди мустьерских памятников Узбекистана широко известны пещеры Тешик-Таш и Амир-Темир в горах Байсунтау, пещеры Ходжикент и Обирахмат в районе Ташкента, Аман-Кутан и Токалин-Сай вблизи Самарканда. В самом г. Самарканде, а также в долине Угама и Пскента обнаружены и следы мустьерских поселений открытого типа. Серия таких поселений обнаружена в последние годы и на юге Казахстана, в горах Каратау.

Целое «гнездо» мустьерских находок зарегистрировано в Ферганской котловине, где сходятся границы Киргизии, Узбекистана и Таджикистана.

В Фергане открыты и два наиболее замечательных местонахождения типа мастерских-каменоломен: в местности Капчигай и в долине р. Охны. Два аналогичных местонахождения выявлены также в низовьях Зеравшана, в районе Маймене, у кишлаков Уч-Тут и Иджонт.

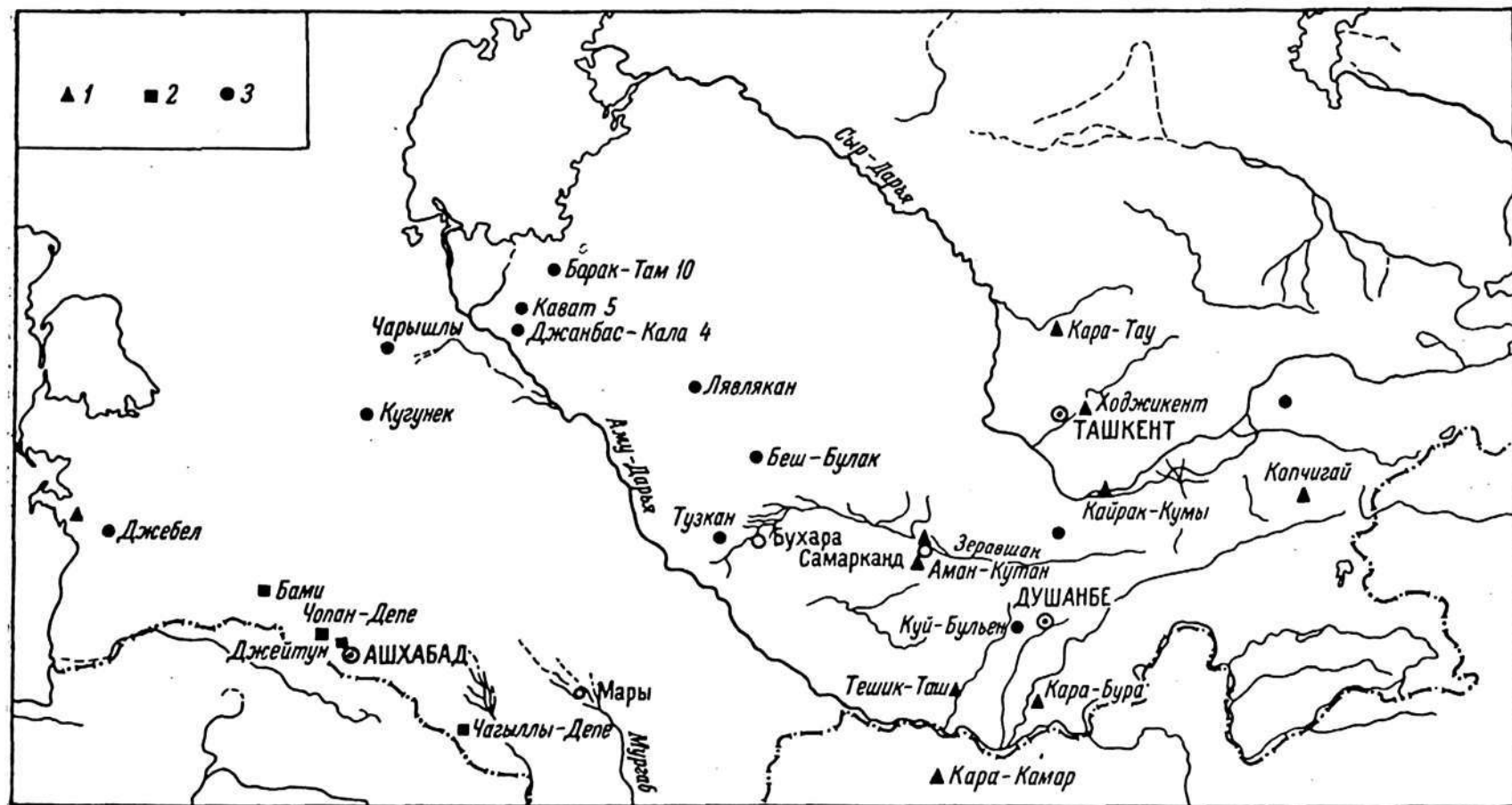

Рис. 3. Схема расположения памятников каменного века в Средней Азии.

1 — палеолитические местонахождения; 2 — поселения неолитической джейтунской культуры; 3 — прочие неолитические памятники.

Грот Тешик-Таш

Классическим пещерным памятником мустьерского времени является полностью раскопанный грот Тешик-Таш в долине р. Турган-Дарьи, в горах Байсунтау.

В нем прослежено пять хорошо выраженных культурных слоев, насыщенных щебнем и разделенных лишенными находок «стерильными» глинистыми прослойками без щебенки. Следы деятельности человека являются остатки его охотничьей добычи, кости животных, а также каменные изделия. Всего в гроте обнаружено 2859 каменных изделий, в том числе 2520 отходов производства — отщепов без ретуши — и 339 законченных орудий. Больше всего найдено нуклеусов (134 экз.) и пластин. Дальше идут в убывающем числе скребки (55), остроконечники (24), скребла (10). Фауна в отложениях грота представлена костями сибирского горного козла (761 кость — 38 особей), оленя (1 — 1 особь), лошади (2 — 1 особь), медведя (2 — 2 особи), гиены (1 — 1 особь), леопарда (2 — 2 особи), зайца (2 — 1 особь), пищухи (11 — 7 особей), серого хомячка (11 — 6 особей), полевки (6 — 4 особи), туркестанской крысы (1 — 1 особь), лесной совы (1 — 1 особь), сурка (16 — 1 особь), слепушонка (19 костей — 6 особей), мелких грызунов, а также птиц. Весь этот материал, а, кроме того, наблюдения, сделанные в процессе раскопок, дают достаточно выдержанное и законченное представление о культуре и жизни людей мустьерского времени.

Мы видим здесь картину жизни, характерную для неандертальцев — обитателей этого горного района Средней Азии. Тешик-Таш представляет собой типичный грот — как бы широко открытую в сторону русла ручья чашу с высоким, до 9 м, куполообразным потолком. Под защитой свода грота на дне его, заполненном древними галечными толщами, наносом из ручья, и поселились мустьерские люди. У стен грота, вероятно, горели костры из арчи и других древесных пород того времени. У очагов сосредоточена была вся домашняя жизнь и в первую очередь — изготовление орудий труда. Обитатели грота делали свои каменные орудия из местного кремнистого известняка. Для лучших изделий тем не менее изредка употреблялся иной материал — более высокого качества кремнистые породы, в том числе яшмовидная. Камень обрабатывался мустьерскими приемами. Весьма характерен в этом отношении мустьерский дисковидный нуклеус (рис. 4, 1, 2). Как правило, края нуклеусов не подправлялись перед работой, поэтому в инвентаре Тешик-Таша нет или почти нет пластин и отщепов со специально подправленной площадкой. Снятые с нуклеусов одна за другой широкие пластины и отщепы (рис. 4, 3, 4) служили заготовками для изготовления орудий. Пластины и без подправки ретушью были превосходными режущими инструментами. Остальные, специально изготовленные орудия, как и во всех других

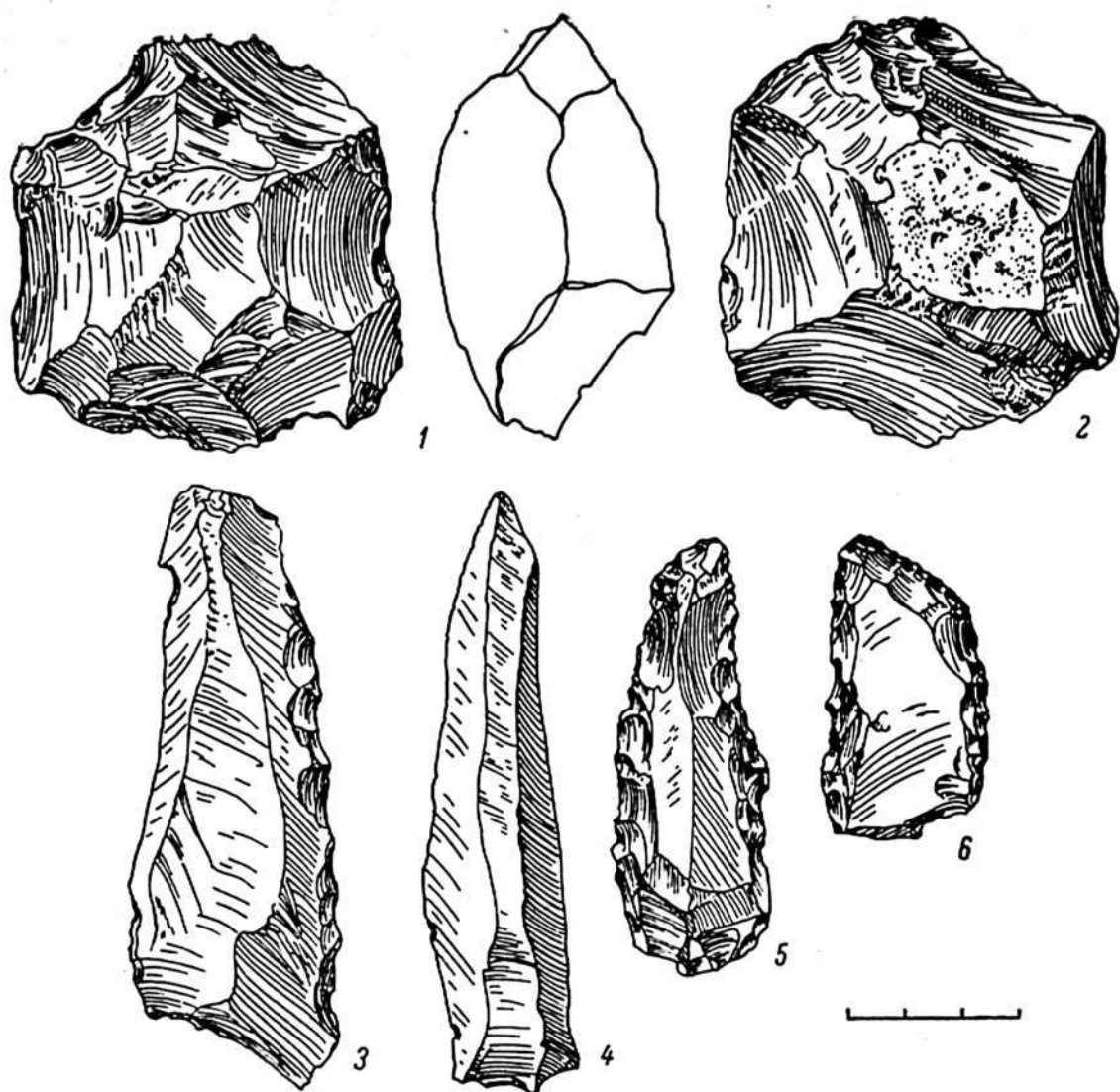

Рис. 4. Тешик-Таш. Мустьерские орудия (1—6).

мустьерских памятниках мира, делятся на две основные группы: скребки, или скребла, и остроконечники. Скребки в Тешик-Таше обычные, мустьерские, преимущественно в виде более или менее массивных отщепов, один край которых обработан крутой, иногда ступенчатой, с заломом ретушью и представляет собой выпуклое или прямое лезвие.

Остроконечники (рис. 4, 5, 6) представлены двумя видами: обычным — треугольным по очертаниям и своеобразным — с одним выпуклым и противоположным вогнутым краем. Остроконечники первой группы могли служить мужскими охотничьими ножами, а острия второй группы представляют собой орудие специального назначения — скобель, может быть употреблявшийся для изготовления древков копий и вообще для обработки дерева.

Остроконечники древних обитателей Тешик-Таша, несмотря на изобилие материала (из него сложены даже стены их собствен-

ного жилища — пещеры), отличаются небольшими размерами и односторонней обработкой. Невелики по своим размерам и скребла.

Самой замечательной находкой в Тешик-Таше явились останки мустьерского человека. Эти останки, принадлежавшие мальчику 8—9 лет, оказались под первым сверху культурным слоем. Скелет был неполным, так как труп нарушил хищник, скорее всего гиена. Однако череп с нижней челюстью, хотя и раздавленный землей, удалось полностью реставрировать. Это пока единственный в СССР и один из немногих в мире полный череп неандертальца.

Около костяка лежали рога горного козла, воткнутые «вилками» в землю вертикально и образующие круг. В Тешик-Таше, таким образом, было совершено намеренное захоронение ребенка в пещере и притом по определенному, неожиданно сложному обряду.

Поблизости от Тешик-Таша расположена вторая заселенная в свое время мустьерским человеком пещера — Амир-Темир. В отличие от Тешик-Таша она имеет вид глубокой, очень сырой щели с относительно низким сводом. Культурные остатки здесь в общем аналогичны найденным в Тешик-Таше. Среди них имеются нуклеусы дисковидного типа и одно гигантское скребловидное орудие типа чоппера. В общем Амир-Темир служил скорее всего местом, где временно останавливались небольшие бродячие группы мустьерских охотников.

Пещера Аман-Кутан

Следующая, детально и полностью исследованная в течение ряда лет мустьерская пещера в Средней Азии — Аман-Кутан. Она находится в западной части Зеравшанского хребта, в 43 км к югу от г. Самарканда, у кишлака Аман-Кутан. Это в отличие от Тешик-Таша типичная карстовая пещера в виде узкого и невысокого коридора. Ширина ее у входа всего 1.5 м, высота 0.9 м. Далее пещера расширяется до 2.5 м и достигает высоты 2.60 м. Натечные образования в виде мощной туфовой коры, которую пришлось разбивать кирками, перекрывают частично культурный слой пещеры, в котором залежали раздробленные кости животных и каменные изделия, в том числе остроконечник из кремня с одним двусторонне ретушированным лезвием (Лев, 1949а, 1949б, 1955, 1956). В пещере сыро и прохладно даже в самое жаркое время года. Тем не менее пещера служила убежищем мустьерскому человеку. Люди жили и в самой ее глубине, на расстоянии 25 м от входа. При раскопках Аман-Кутана обнаружены каменные изделия и кости животных, а также следы очага. Интересной бытовой деталью являются два черепа животных — оленя и козла, оказавшиеся около стен пещеры, как бы специально запрятанные.

В Аман-Кутане найдено сравнительно немного каменных изделий, в большинстве из плохого материала — из местного кварца, который придает этим предметам очень грубый, почти «аморфный» облик. Первоначально возникло даже предположение о чрезвычайно глубоком, домустьерском возрасте аман-кутанских находок.

Однако в каменном инвентаре из пещеры Аман-Кутан, особенно в числе предметов, изготовленных не из кварца, а из диорита, были обнаружены типично мустьерские вещи. Правда, готовые, вполне законченные орудия и даже хорошо оформленные пластины в Аман-Кутане встречаются очень редко. Но все же и здесь есть скребла и остроконечники достаточно хорошо выраженных форм, дисковидные нуклеусы, а также пластины мустьерского типа со следами подправки площадки ретушью на нуклеусе.

Как показали исследования В. И. Бибиковой, типично лесная фауна Аман-Кутана с успехом могла бы существовать здесь и в настоящее время, если бы она не была безжалостно истреблена человеком. В отличие от фауны Тешик-Таша, характеризующейся чертами, свойственными природе высокогорных областей, фауна Аман-Кутана целиком принадлежит среднему поясу гор и предгорьям. Если в Тешик-Таше основную массу костей составляют остатки горного козла, то для обитателей Аман-Кутана основным объектом охоты служил азиатский муфлон (найденны кости, принадлежавшие 112 особям). Затем идут бурый медведь (39 особей) и марал (10 особей). Единственное животное, которое может служить свидетельством глубокой древности этой фауны — полосатая гиена. Гиены обнаружены, как мы видели, и в Тешик-Таше. Это типично мустьерское животное найдено и на Кавказе, например в Ахштырской пещере. Из прочих животных поражают своим обилием остатки черепов — они принадлежат 105 особям. Возможно, что их мясо составляло существенную долю в рационе обитателей Аман-Кутана (Бибикова, 1958).

Аман-кутанский фаунистический комплекс подтверждает несколько неожиданные, сначала установленные на материале из Тешик-Таша выводы о сходстве этой наиболее древней для Средней Азии, точно датированной археологическими остатками четвертичной фауны с современной фауной тех же мест.

Вместе с тем становится ясным и другой, более общий вывод исключительного значения о большой стабильности фауны, а следовательно, и ландшафтных условий, и климата по крайней мере данного района Средней Азии на протяжении десятков и даже сотен тысячелетий.

Приташкентские памятники

Новый важный материал получен в последние годы по пещерным памятникам Средней Азии в районе Ташкента, в бассейне р. Чирчик, где, по литературным данным, давно уже известны

были Угамские пещеры. Одна из пещер, Ходжикентская, находится в самом селении Ходжикент, в 75 км к северо-востоку от Ташкента, при слиянии рек Угам и Пскем, образующих Чирчик, на левом берегу Пскема—Чирчика (Окладников, 1961в). Над селением вблизи ручья поднимаются живописные известняковые скалы с многочисленными расщелинами, нишами и глубокими гrotами. Два из них, соединенные скальным навесом, расположены на высоте 10—15 м над основной ходжикентской террасой верхнеплейстоценового времени.

Раскопки в гrotах Ходжикент 1 и Ходжикент 2 показали, что они оба служили убежищем мустьерскому человеку. Наиболее обширный гrot Ходжикент 2 имеет вид широко открытой на северо-запад к реке ниши. Высота его в средней части у входа достигает 2.5 м, ширина — до 6 м, глубина не более 4 м. В рыхлых отложениях, сильно нарушенных в средневековое время, на скалистом дне гrotа уцелели остатки очага, горевшего в древности перед самым входом в пещеру, фактически на ее площадке. Обнаружено также отдельное скопление обработанного камня и сырья для изготовления каменных орудий в виде хорошо окатанных речных галек, заполнявших углубление в скале.

Картина, выявленная раскопками в гrotе Ходжикент 1 (табл. I, 2), напоминает ту, которая наблюдалась в Тешик-Таше. Древние обитатели использовали и здесь для жилья широко открытый сухой гrot, свод которого надежно защищал от непогоды. Центром жизни здесь также был очаг. Он представлял собой простое кострище, разожженное прямо на полу гrotа. Жители гrotа охотились на диких животных, о чем свидетельствует находка обломка рога горного козла, такого же, как в Тешик-Таше.

Каменный инвентарь пещерного поселения Ходжикент 1 (рис. 5, 1—5) по раскопкам 1958 г. относительно невелик. Он состоит всего из 374 предметов. Основным сырьем для изготовления каменных орудий служил здесь, как и в Тешик-Таше, кремнистый темно-серый известняк, который добывался не из коренных выходов, а из галечно-валунных отложений.

На втором месте по обилию находок стоят изделия из плотной, хорошо поддающейся обработке, мелко кристаллической породы черного цвета, может быть из метаморфизованных сланцев (рис. 6, 1—4). Реже встречаются вещи, изготовленные из породы типа розового известняка или песчаника, а также из настоящего, но весьма грубого непрозрачного кремня белого цвета. Среди изделий на первом месте стоят отщепы (160 экз.), затем следуют относительно крупные (49) и более мелкие (13) пластины. Обращает на себя внимание значительное количество целых нуклеусов (36). Среди них имеются два типично мустьерских дисковидных нуклеуса характерной чечевицеобразной формы. Одна сторона их, более плоская, представляет площадку, по краю которой наносились удары, а противоположная, более выпуклая, является повер-

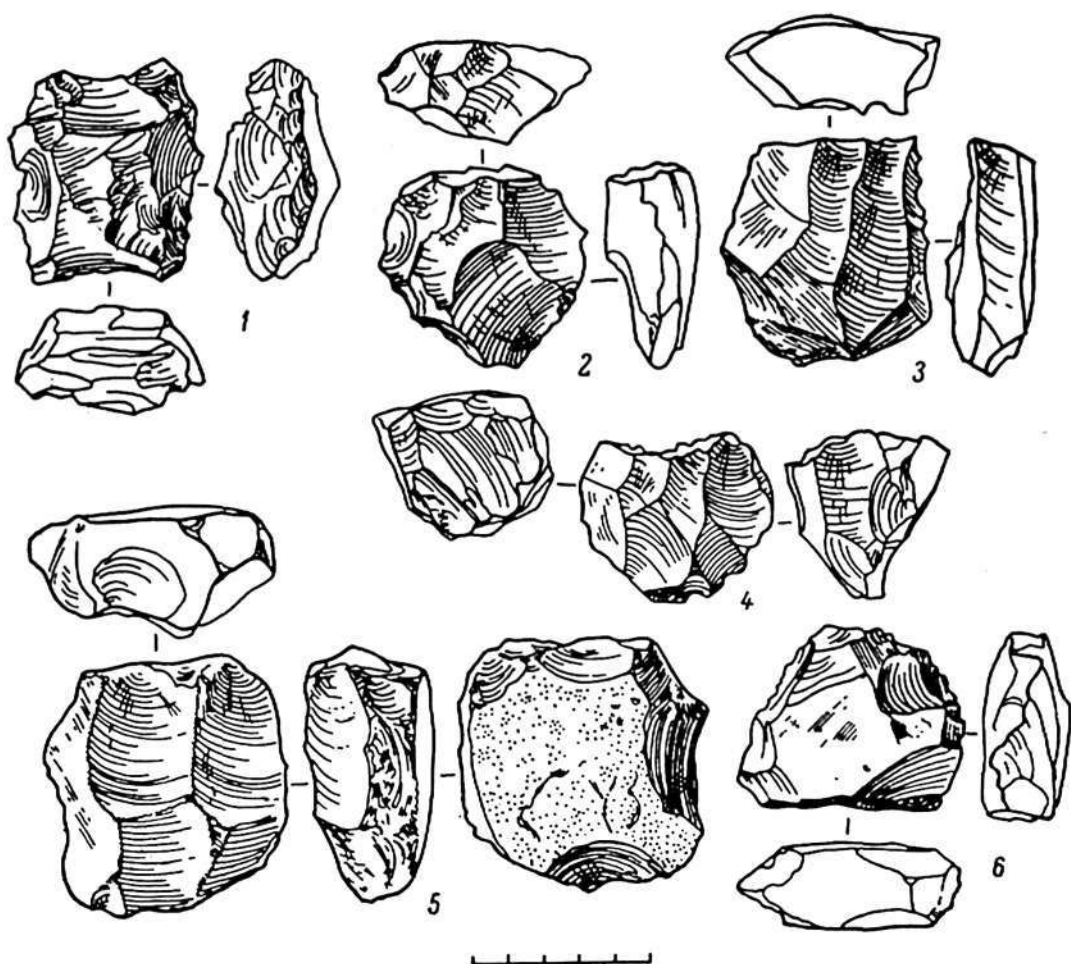

Рис. 5. Ходжикентская пещера. Мустьерские орудия (1—6).

ностью, от которой отделялись отщепы и пластины. Иначе выглядят другие нуклеусы, количественно господствующие в коллекции. Это одноплощадочные и двухплощадочные нуклеусы левалязских форм. Площадка их не скошена по отношению к плоскостям снятия пластин, а перпендикулярна им, т. е. расположена не под косым, а под прямым углом, приближаясь тем самым к нуклеусам позднейшего призматического типа. Сближает их с этими поздними нуклеусами также и характер фасеток, обычно параллельных друг другу, нередко очень правильных и длинных. Последняя группа нуклеусов отличается одной особенностью: они имеют своеобразную треугольную форму, плоское широкое основание и полулунную острую вершину с характерным волнистым краем, от которого, как от центра, в обе стороны снимались отщепы. Среди отщепов из Ходжикентского грота 1 имеются типичные треугольные мустьерские отщепы широких пропорций, снятые с обычного дисковидного нуклеуса.

Выдающееся место в инвентаре пещеры принадлежит пластинам иного рода — относительно широким, но длинным. Иногда эти пластины бывают и узкими. Все пластины могут быть разде-

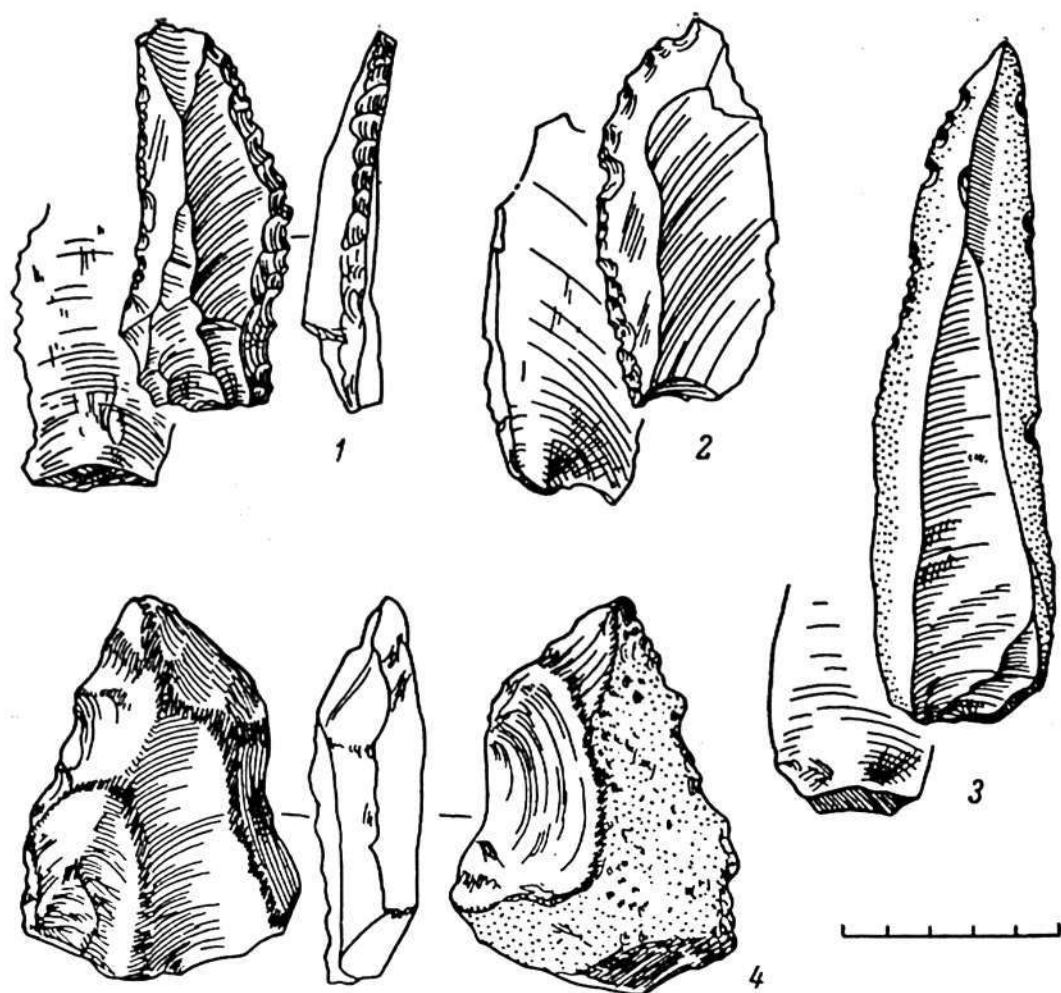

Рис. 6. Ходжикентская пещера. Мустьерские орудия (1—4).

лены на две группы. В первую входят самые крупные в коллекции изделия. Это «первичные» пластины, снятые с ребра гальки-нуклеуса в самом начале его утилизации. Они имеют вид удлиненных узких треугольников, массивных в сечении, с тремя гранями на спинке. Площадка их плоская, перпендикулярная длинной оси пластины, иногда изогнутая в виде лука. Другие пластины, снятые с середины нуклеуса, как правило, тоже крупные и длинные, имеют по две, по три и более граней на спинке. У некоторых из них площадка была подправлена на нуклеусе. У других площадка гладкая. Готовых законченных орудий найдено шесть. Первое из них — широкая крупная пластина с тремя параллельными гранями на спинке, обработанная вдоль обоих краев тонкой и тщательной ретушью, — служило, очевидно, режущим инструментом. Второе изделие — массивный остроконечник треугольных очертаний, изготовленный из отщепа, сколотого с гальки. Четыре других изделия однотипны. Они представляют собой широкие пластины обычного для этого памятника вида, у которых один длинный край (лезвие), обработанный ретушью, дугообразно вы-

пуклый, тогда как противоположные края прямые или даже слегка вогнутые. Отдельно должна быть отмечена большая плоская галька с неглубокими лунками-ямками, видимо представлявшая собой своего рода наковальню-подставку, на которой производилась обработка камня. Таким образом, в целом мустьерской облик комплекса из Ходжикентского грота несомненен.

Двусторонне обработанный остроконечник из Ходжикента дает право вспомнить и о двух грубых рубилах из Тешик-Таша; он тоже, возможно, представляет собой своего рода «пережиточную форму», унаследованную от более раннего времени. Есть в Тешик-Таше и пластины с одним дугообразно выпуклым ретушированным лезвием, напоминающие пластины типа шательперрон (Окладников, 1949в, рис. 31, 35, 5, 36, 8, 45). Однако в инвентаре Тешик-Таша среди нуклеусов господствуют обычные дисковидные нуклеусы чечевицеобразной формы, тогда как в Ходжикенте столь же определенно преобладают нуклеусы одноплощадочные и двухплощадочные с площадкой, перпендикулярной направлению ударов, т. е. приближающиеся к призматическим. Эта черта характерна для древней леваллуазской техники обработки камня, и появление ее в данном памятнике, материалы которого, как сказано, имеют характер целостного хронологического комплекса, очень важно. Таким образом, находками в Ходжикенте представлен новый для Средней Азии своеобразный комплекс мустьерско-леваллуазской культуры, существенно отличный от тешик-ташского.

В связи с этим следует отметить, что крупные длинные пластины, снятые, по-видимому, с нуклеусов одноплощадочного и двухплощадочного типов, аналогичные ходжикентским, встречены были и в Тешик-Таше, но не в нижних его слоях, а вверху, в первом слое. Поэтому возможно, что находки в Ходжикенте могут быть сопоставлены по времени именно с этим слоем Тешик-Таша.

В том же районе, что и Ходжикентский грот, находится пещера Обирахмат. Пещера эта расположена в 100 км на северо-восток от г. Ташкента, в Чаткальском хребте, между кишлаками Брич-Мулла и Обирахмат, у слияния горных рек Чаткала и Пальтов-Сай, на высоте около 1000—1300 м над ур. м. Высота грота 12 м, ширина 21 м, глубина 8.5 м. Ниша грота, как и в Тешик-Таше, широко открыта на юг. Раскопками, затронувшими верхнюю часть отложений грота, обнаружена превосходная коллекция каменных изделий. Камень (окременелый известняк, глинистый сланец, кварцит, кремнистый сланец) для обработки собирался здесь же, поблизости от грота, а изготовление орудий производилось в самом гроте. Характерна леваллуазская техника расщепления. В слоях грота обнаружены одноплощадочные, двухплощадочные и дисковидные нуклеусы. Выделяется серия нуклеусов, близких к призматическим. Пластины в большинстве крупные.

правильных удлиненно-треугольных очертаний, сходные с найденными в Ходжикенте и верхнем слое Тешик-Таша. На большинстве площадок пластин подправка отсутствует. Особый интерес представляет одна характерная черта обработки пластин — у некоторых пластин тщательной ретушью снят с брюшка ударный бугорок. Такая намеренная подтеска напоминает специфическую технику обработки камня ряда позднемустьерских памятников Палестины. Этим способом в Палестине выделялись острия, получившие по месту первой находки название острий типа Эмире. Среди готовых каменных изделий имеются скребла, сходные с тешик-ташскими, остроконечники, а также пластины с резцовыми сколами. На ряде пластин заметны выемки, оформленные ретушью. Среди остроконечников выделяются очень узкие и длинные, тщательно ретушированные вдоль края. Особую группу остроконечников составляют изделия, у которых имеется лишь один ретушированный край и притом выпуклый. Такие орудия приближаются к остриям типа шательперрон. Во втором и третьем мустьерских слоях пещеры обнаружены очаги, дно которых устлано каменными плитками. Интересной особенностью грота являются неглубокие ямки, которые, по предположению Х. Насретдинова, служили для закрепления жердей, возможно ограждавших внутреннюю часть грота. Найденные в гроте кости животных, по предварительному определению, принадлежат горному козлу, дикому барану, козуле, дикому ослу-джигетаю. Есть также кости какого-то крупного животного, может быть слона.

Нам известны сейчас в Средней Азии также и находки мустьерского облика, обнаруженные на памятниках открытого типа. К числу подобных находок можно отнести, например, каменные изделия, обнаруженные в обнажении пролювиальной толщи в г. Самарканде на Овражной улице (Григорьев, 1940). Известна также крупная кремневая пластина, найденная в третьей террасе р. Пскем, в районе Пскем-Сая (или начала Самыз-Сая), в Пскемском хребте Южного Казахстана (Лев, 1955).

Находки мустьерского типа зарегистрированы сейчас и вне горных районов Средней Азии, на ее аллювиальной равнине. Первая такая находка — два остроконечника и дисковидный нуклеус — была сделана в 1947 г. в местности Каскыр-Булак на Красноводском полуострове. Изделия мустьерского облика обнаружены были затем в сае Джанурпа, к востоку от Каскыр-Булака, а также на недавнем дне Каспийского моря, у 73-го километра Ашхабадской железной дороги.

Остроконечники мустьерского типа были собраны участниками Хорезмской археологической экспедиции в нижнем течении Узоя, неподалеку от Больших Балхан, напротив Джойгауна. Находки эти, по-видимому, связаны с древними террасами Узоя. Есть надежда, что они могут помочь точнее определить возраст этих террас и, следовательно, глубже разобраться в истории

Узбоя или его предшественницы — древней Пра-Аму-Дарьи. Во всяком случае, с нашей точки зрения, едва ли справедливо относить эти остроконечники к так называемой нижнеузбойской поро неолита.

Исключительно интересны далее новые находки мустьерских изделий на юге Таджикистана. Здесь они зарегистрированы в двух местах долины р. Вахша, неподалеку от мест первых нижнепалеолитических находок, на этот раз на противоположном берегу Вахша, северо-восточнее поселка Джиликуль.

Здесь расположена возвышенность Кара-Бура, представляющая собой серию останцов пятой террасы Вахша. Наиболее высокий из них достигает 51 м над уровнем третьей террасы. Останцы сложены песчаником и глинами кулябской свиты. Сверху их перекрывает слой галечника. Галечники Кара-Буры отличны по структуре от аллювия террас Вахша и имеют аллювиально-пролювиальное происхождение. Геологический возраст галечной толщи, в которой заключены каменные орудия, определяется тем, что она моложе лессовидных отложений третьей «ташкентской» террасы. Галечники эти, по мнению Ю. В. Крылкова и В. А. Ранова, отложились после того, как во время разработки речных долин «голодностепского» цикла здесь были уничтожены лессовые покровы третьей террасы. Оба эти автора полагают, что галечники Кара-Буры можно датировать рисс-вюрмом, но более вероятен еще более поздний, ранневюрмский их возраст (Ранов, 1959г). Галечник стекает вниз со склонов останцов шлейфами (Крылков и Ранов, 1959). С ними, как и в Кайрак-Кумах, связаны преимущественно каменные изделия, которых в 10 пунктах здесь собрано около 1500 экз. В их числе имеются хорошо выраженные изделия мустьерского облика, совершенно аналогичные найденным в Кайрак-Кумах. Сюда относятся отщепы, дисковидные нуклеусы классической формы, правильные удлиненно-треугольные пластины. Изредка встречаются остроконечники, изготовленные из длинных, относительно узких пластин, тождественные кайрак-кумским. Есть также одно хорошо оформленное скребло из довольно массивного отщепа с выпуклым лезвием. Особенностью комплекса Кара-Буры являются галечные орудия типа чопперов как двусторонне отесанные, топорovidные, так и односторонние, вроде скребел.

В том же районе, что и Кара-Бура, в 22 км юго-западнее Курган-Тюбе, на правом берегу р. Вахша, расположено второе мустьерское местонахождение — Ак-Джар. Здесь собрано более 200 каменных изделий. Мустьерские нуклеусы и пластины близки к леваллуазским, одноплощадочным и двухплощадочным. Есть два скребла с прямым рабочим краем, один остроконечник. Так же как в Кара-Буре, имеются галечные орудия и чопперовидные нуклеусы. Каменные изделия происходят из россыпей илякских галечников и, как полагают исследователи,

накопились на поверхности галечной косы в конце илякского времени, т. е. в конце хазарского времени, перед хвалынской трансгрессией Каспийского моря. Мустьерские орудия обнаружены и в 3 км к северу от Ак-Джара на возвышенности Каттатангузар, где они оказались в аналогичных условиях. Следы деятельности мустьерского человека прослежены теперь и далеко к северу от Аму-Дарьи. Так, целая серия мустьерских местонахождений открытого типа известна теперь также в бассейне р. Сыр-Дарьи, около Ленинабада и Науката в Фергане, а также вблизи г. Ташкента.

Кайрак-кумские находки

Наиболее обильные материалы получены исследователями в долине Сыр-Дарьи между Наукатом и Ленинабадом, в Кайрак-Кумах (табл. I, 1). Кайрак-Кумы, по словам И. С. Щукина, представляют собой «миниатюрные образцы больших песчаных пустынь Туранской низменности с их своеобразным комплексом экологических условий и их животным миром, приспособленным к жизни в сыпучих песках». Барханные гряды кайрак-кумских песков тянутся широкой полосой вдоль левого берега Сыр-Дарьи. Область распространения барханных песков в основном совпадает с территорией, занятой второй надпойменной террасой р. Сыр-Дарьи, сложенной слоистыми глинами и суглинками мощностью до 1.0—1.5 м, над которыми залегает речной песок и гравий с прослоями глины. К югу поверхность террасы перекрывается пролювиальными отложениями, образующими шлейфы конусов выноса рек, стекающих в Ферганскую котловину с Алайского хребта, и эоловыми песками Каракалпакской степи.

Как оказалось в результате работ 1954—1955 гг., в Кайрак-Кумах имеется обширный, новый для нас район распространения следов деятельности первобытных обитателей Средней Азии (Окладников, 1956б; Ранов, 1956а; Литвинский, Окладников и Ранов, 1962).

В результате систематических поисков между Наукатом и Ленинабадом было найдено более 15 местонахождений культуры мустьерского времени, а может быть, и более раннего. По обилию и яркости это сейчас самые богатые в Средней Азии находки столь отдаленного времени, если не считать тешик-ташских.

Все эти местонахождения связаны с останцами древних террас Сыр-Дарьи, уровень которых 15—20 и 40—60 м. В гальке, свесенной с этих террас, и частично на ровной поверхности останцов собрано большое количество весьма характерных каменных изделий. Здесь их имеются сотни (рис. 7, 1—8): многочисленные отщепы характерной формы, дисковидные нуклеусы, пластины, скребла, остроконечники, изготовленные из порфирита и других прочных изверженных пород, а также из черной кремни-

стой породы, по-видимому, из кремнистого известняка или кремнистых сланцев.

Вещи, сделанные из порфирита, имеют более архаический облик по сравнению с вещами из кремнистого сланца и известняка, поскольку они, несмотря на несравненно большую твердость этой породы, окатаны и выветрились значительно сильнее. Их формы и техника изготовления носят черты большей примитивности. Это видно прежде всего на отщепах и пластинах, массивных и широких, с характерным крупным и сильно выпуклым ударным бугорком. Площадки этих отщепов и пластин гладкие, без следов предварительной подправки нуклеуса. Грубее, массивнее также остроконечники и скребла. Среди нуклеусов имеются экземпляры, приближающиеся к леваллуазским; на одной стороне их, посредине, — широкий продольный желобок.

Сланцевый комплекс (рис. 7, 1—5) характеризуется наличием дисковидных нуклеусов типично мустьерских форм, в том числе миниатюрных отщепов и широких пластин треугольных очертаний с подправленной на нуклеусе площадкой. Отмечается также наличие пластин иных пропорций, значительно более правильных по форме, нередко крупных, но узких и длинных, таких же, как в верхнем слое Тешик-Таша. Характерной чертой некоторых пластин этой группы является хорошо выполненная ретушь, нанесенная не со спинки, как обычно бывает на западе в классическом мустье, а с брюшка.

Эта черта типична также для пластин и остроконечников мустьерского времени из верхних слоев пещеры Тешик-Таш. Сходство сланцевых пластин с пластинами из Тешик-Таша по внешнему виду и материалу настолько велико, что невольно появляется мысль, не из района ли Тешик-Таша они были сюда доставлены? С другой стороны, такие же изделия имеются и из леваллуа-мустьерских отложений гротов Эс-Скул и Эт-Табун на горе Кармел в Палестине (Garrod, Bate, 1937, табл. XXXV, 2, 4 и XXXVII, 1, 3). Совершенно такие же пластины и остроконечники найдены в мустьерских и особенно в атерийских комплексах оазиса Харга в Египте.

Узкие и длинные пластины снимались в Кайрак-Кумах с крупных нуклеусов удлиненной формы, очень близкой к призматической, ударом не от краев к центру, а параллельно длинной оси. Такие нуклеусы бывают не одноплощадочными, а двухплощадочными.

Хотя эти находки встречены преимущественно на второй надпойменной террасе р. Сыр-Дарьи, по своему происхождению они связаны с более высокими и более древними ее террасами, т. е. с такими, уровень которых 15—20 и 40—60 м. На второй надпойменной террасе р. Сыр-Дарьи они обнаруживаются уже во вторичном залегании переотложенными.

Следующий район распространения мустьерских остатков вне пещер — район г. Ташкента. В Ташкенте первые каменные изде-

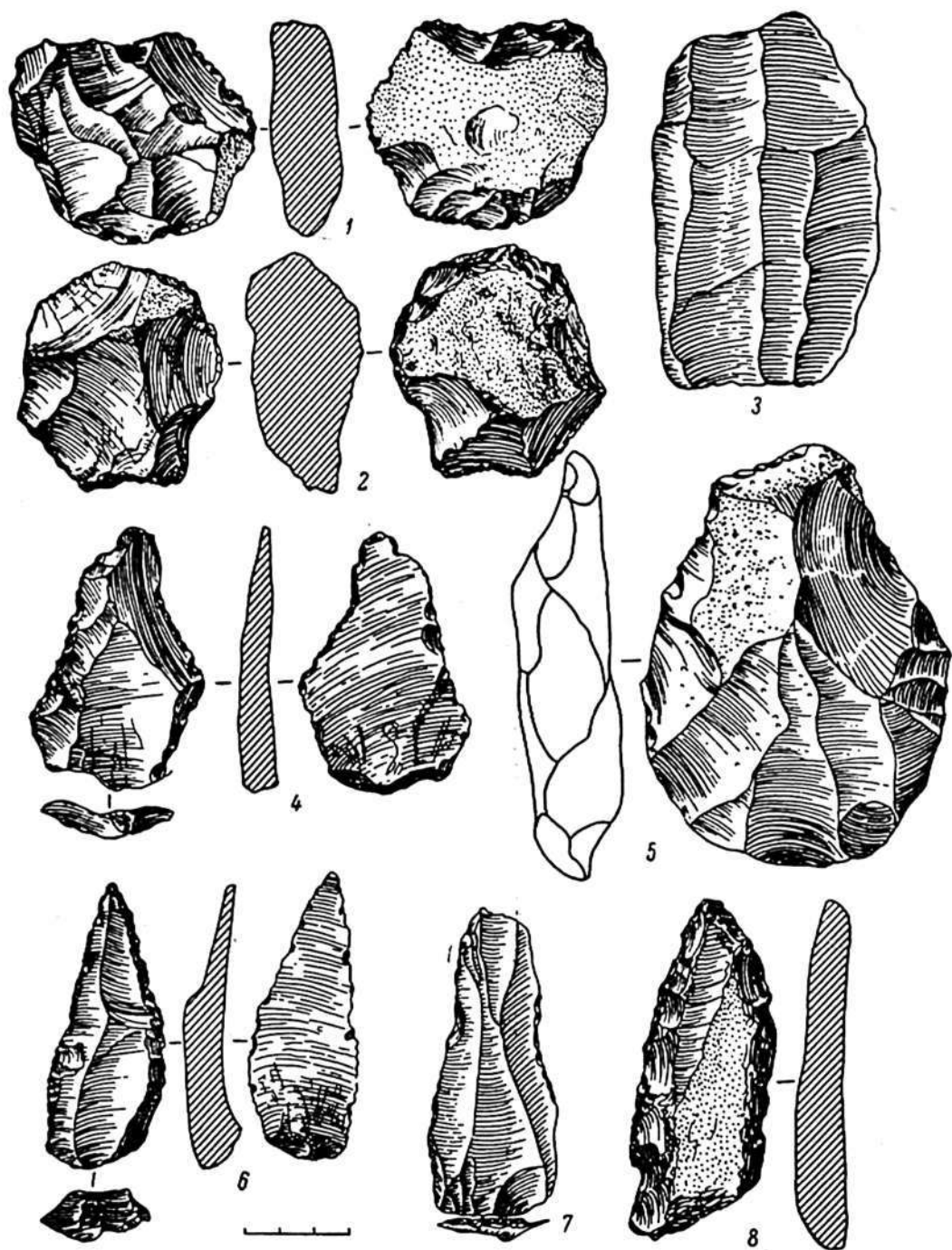

Рис. 7. Кайрак-Кумы. Кремневые изделия (1—8).

лия мустьерского облика были найдены около 2-й Нижнебозсуйской ГЭС инженером-ирригатором Н. И. Соколовым, который передал затем их геологу О. И. Исламову, а тот ознакомил с ними археолога Г. В. Парфенова (О. Исламов, 19556).

Среди находок Н. И. Соколова имеется 9 весьма типичных изделий мустьерского типа. Все эти сравнительно широкие и мас-

сивные пластинчатые отщепы сняты с такой же черной плотной породы, — с кремнистого известняка, из которого выделялись аналогичные пластины и мустьерскими обитателями долины Сыр-Дарьи между Наукатом и Ленинабадом. В большинстве по очертаниям они приближаются к треугольнику. У 6 экземпляров имеются хорошо выраженные ударные бугорки, причем у трех они расположены слегка сбоку по отношению к длинной оси пластин, а у трех остальных, имеющих более удлинненную форму и соответственно более узких, — посредине. У одной такой пластины отчетливо видна подправленная ретушью на нуклеусе отбивная площадка. На двух более узких пластинах имеются вдоль их длинных сторон следы ретуши. Это были, очевидно, орудия типа остроконечников. Описанные предметы по своему типологическому облику имеют такой же характер, как и вещи из мустьерских местонахождений в бассейне Сыр-Дарьи, и должны быть датированы мустьерским временем. Вместе с ними оказались, однако, явно более поздние предметы, сделанные из другого материала, в том числе небольшой скребок из кремня. Скребок этот концевого типа, рабочий и оба длинных края его обработаны мелкой ретушью; конец, противоположный рабочему краю, превращен в острие. Его трудно датировать более ранним временем, чем конец верхнего палеолита или мезолит.

В ходе раскопок аналогичные изделия были обнаружены в месте слияния Боз-Су и Кара-Камыша. Они связаны с толщей галечника, заполняющего русла древних протоков, промытых в плотном глинистом слое («шохе»). В галечнике, представляющем собой «культурную толщу», оказались обломки костей животных, каменные орудия, а также вещи средневекового времени, в том числе обломки стеклянных вещей (не позже XIII в. н. э.).

В 14 км ниже по течению Боз-Су в 1956 г. было открыто О. И. Исламовым еще одно, не менее интересное местонахождение древних каменных изделий. На этом местонахождении каменные изделия древнего человека тоже оказались вымытыми из своего первоначального залегания и переотложенными. Это были такие же, как на первом боз-суйском местонахождении, крупные отщепы и пластины мустьерского типа, а также вещи совершенно иного облика: превосходный призматический нуклеус, пластины и отщепы мезолитического или даже неолитического облика. Все вещи первой группы изготовлены из темно-серого или черного кремнистого сланца, второй же, наоборот, из превосходного полупрозрачного кремня. Отсюда видно, что все изделия в этих двух местонахождениях у Ташкента происходят из размытых в сравнительно недавнее время древних слоев и переотложены.

Наличие каменных изделий в районе Ташкента представляет большой научный интерес, так как значительно расширяет область

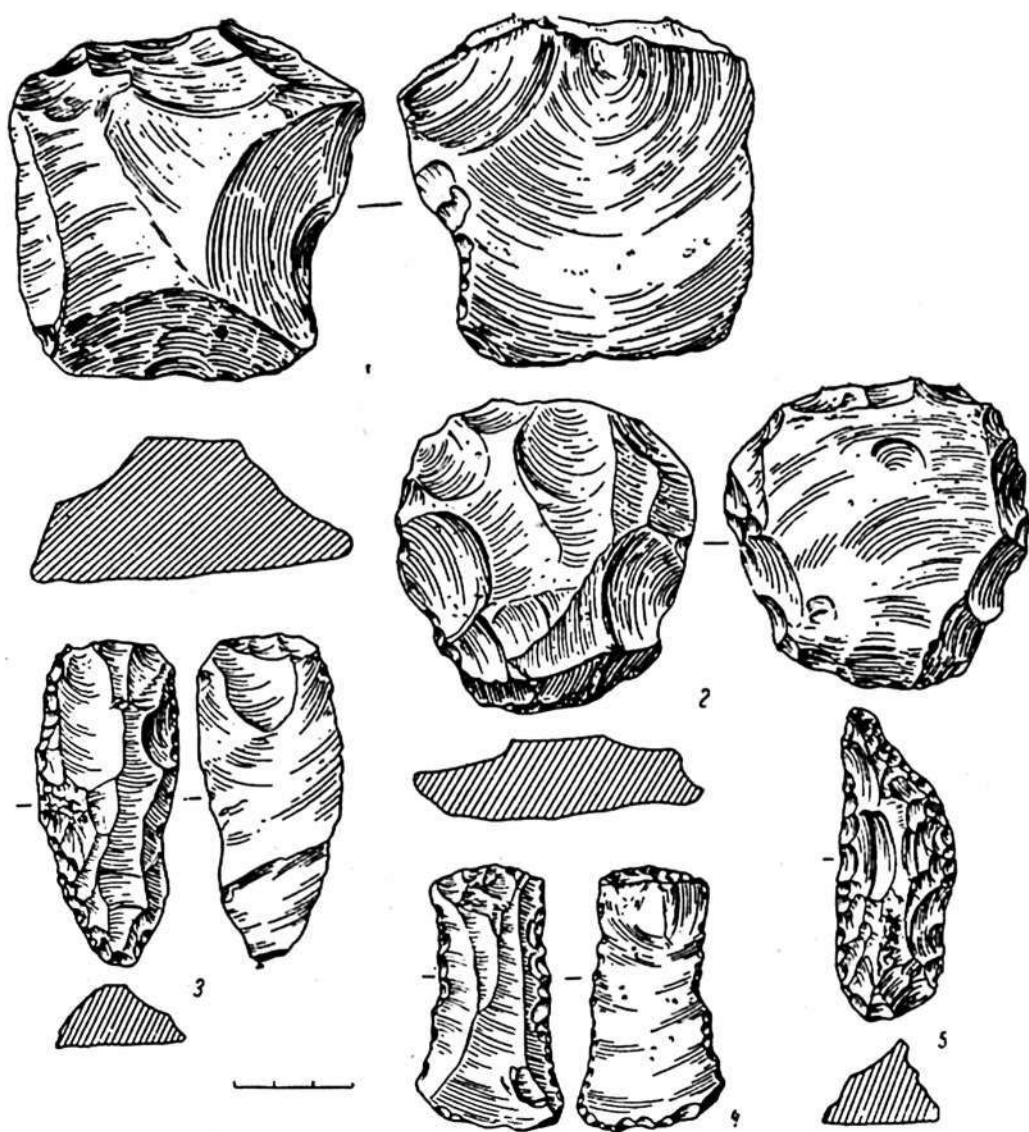

Рис. 8. Кайрак-Кумы. Кремневые изделия (1—5).

распространения известных нам памятников каменного века в Средней Азии. Как мы уже видели, можно ориентировочно выделить в этих находках мустьерский комплекс, к которому, вероятно, нужно отнести обнаруженный ранее в этом месте зуб сибирского носорога, а также зуб слона. Следует при этом иметь в виду, что этот комплекс, как и в Кайрак-Кумах, по-видимому, неоднороден. В нем имеются тоже две группы вещей, различных по материалу и общему облику: изделия порфиритового комплекса и предметы из кремнистого известняка и кремнистых сланцев. Вещи порфиритового комплекса, как и в Кайрак-Кумах, выглядят архаичнее вещей второго комплекса, типично мустьерского.

Серия мустьерских изделий найдена на древних высоких террасах и адырах в Ферганской котловине у г. Ферганы. Здесь обнаружены дисковидные нуклеусы, отщепы и пластины мустьерских форм.

Мустьерским же временем следует датировать несколько каменных изделий, найденных в 1954 г. около кишлака Чорку в местности Ходжи-Гор, в том числе массивный отщеп, сколотый с дисковидного нуклеуса, и превосходное скребло, изготовленное из крупного и массивного отщепа. Оно имеет широкий дугообразно выпуклый рабочий край, оформленный типично мустьерской, крутой и «ступенчатой» ретушью (Окладников, 1956б).

Местонахождения мустьерского времени в бассейне р. Сыр-Дарьи могут быть предположительно сближены с находками Восточно-Казахстанской археологической экспедиции около аула Канай. Среди подъемного материала, собранного здесь на месте карьера для разработки гальки в строительных целях, оказались архаические по облику и сильно окатанные изделия из зеленой и черной кремнистой породы. Сюда входят прежде всего одна крупная и широкая пластина, напоминающая классические пластины типа леваллуа. Здесь же найдено несколько очень близких к мустьерским по форме и технике изготовления остроконечников с односторонней обработкой лезвий ретушью. Процентное соотношение их с остальными находками резко отлично от обычного для верхнепалеолитических поселений Сибири.

Новый район распространения мустьерских остатков выявлен и в Южном Казахстане, в районе хребта Каратау. Сюда относятся находки превосходного кремневого остроконечника в местности Шалсай, архаических отщепов и остроконечников, близких к тешик-ташским, в районе Ушбулака, Беркутты и др. В горах Каратау мустьерские изделия встречаются нередко в сочетании с архаическими чопперовидными предметами «соанских» форм, которые обнаруживаются затем и в бесспорных верхнепалеолитических поселениях. Это характерная особенность палеолита в Южном Казахстане на всем его протяжении.

Мустьерские каменоломни

Последняя, третья, категория мустьерских памятников Средней Азии — камнеобрабатывающие мастерские-каменоломни. Самая замечательная из них находится в Ферганской котловине, в ущелье Денгирик-Дере (буквально «звнящее ущелье»), в местности Капчигаи, на территории Киргизской ССР.

Ущелье прорезает один из отрогов Алайского хребта. Оно выходит из гор широким, но постепенно сужается и, наконец, переходит в глубокий каньон, пропиленный рекой в твердых горных породах. Дно каньона покрыто мелкой галькой, в том числе изредка встречается и кремнь — это первое указание на источ-

ник, из которого брали сырье для своих орудий палеолитические мастера (табл. II, 1).

Узкий извилистый каньон приводит к широкой долине, окаймленной снежными цепями гор. Посреди долины вздымается одинокая скалистая вершина. Вдоль ее крутого гребня виднеются, как ребра, поперечные уступы скал. Вниз по склонам стекают целые потоки раздробленного временем и силами природы камня. Это и есть Капчигайское местонахождение остатков мустьерской культуры, столь непохожее на все другие, которые археологам приходилось раньше изучать в Средней Азии.

Здесь нет уютной пещеры вроде Тешик-Таша, не видно и широких галечных террас, похожих на террасы Сыр-Дарьи около Науката и Ленинабада, которые могли бы привлечь к себе древних людей своими охотничьими просторами. Но зато у подножия горы находится превосходный источник, о глубокой древности которого свидетельствуют мощные толщи известкового туфа, накопившегося в течение многих тысячелетий. В глыбах туфа имеются и кремневые отщепы, изготовленные рукой мустьерского человека. Еще важнее то, что наверху, у самой вершины холма, выступают сплошные пласты кремня мощностью до 2—3 м. В них преобладает темная, почти черная кремнистая порода, часто с красивым зеленоватым и даже голубоватым оттенком. Качество кремня превосходно. Он хорошо раскалывается, дает великолепные ровные и гладкие поверхности раковистого излома, острые и прочные режущие края. Из этой кремнистой породы и выделялись каменные орудия мустьерскими людьми, которых можно назвать первыми «рудокопами» Средней Азии. Местами кремнь добывался и непосредственно из скалы. Орудиями для обработки камня здесь служили те же массивные обломки кремня, которые в изобилии встречаются кругом, в том числе грубые заготовки, уже оббитые человеком. Концы и края таких камней сохраняют характерные выбоины; они нередко затуплены и даже «смяты» от ударов по твердому камню, как у обычных каменных отбойников. Это были, следовательно, кирки древних рудокопов, а вместе с тем и орудия для дальнейшей переработки каменного сырья в заготовки и в готовые орудия.

Нуклеусы на Капчигае представлены различными формами (рис. 9, 1—6), типичными для леваллуа-мустьерской техники обработки камня. Кроме множества грубых первичных заготовок, среди них есть одноплощадочные и двухплощадочные различных форм, в том числе овальные, четырехугольные и треугольные. Со всех этих леваллуазских нуклеусов пластины и отщепы скалывались вдоль — от одного конца к другому. Пластины получались длинными и правильными, чаще всего удлинненно-трапециевидными и удлинненно-треугольными. Они иногда обрабатывались ретушью вдоль краев и превращались, таким образом, в ножи. Ретушь нередко была пильчатой, с зубцами, что повышало их

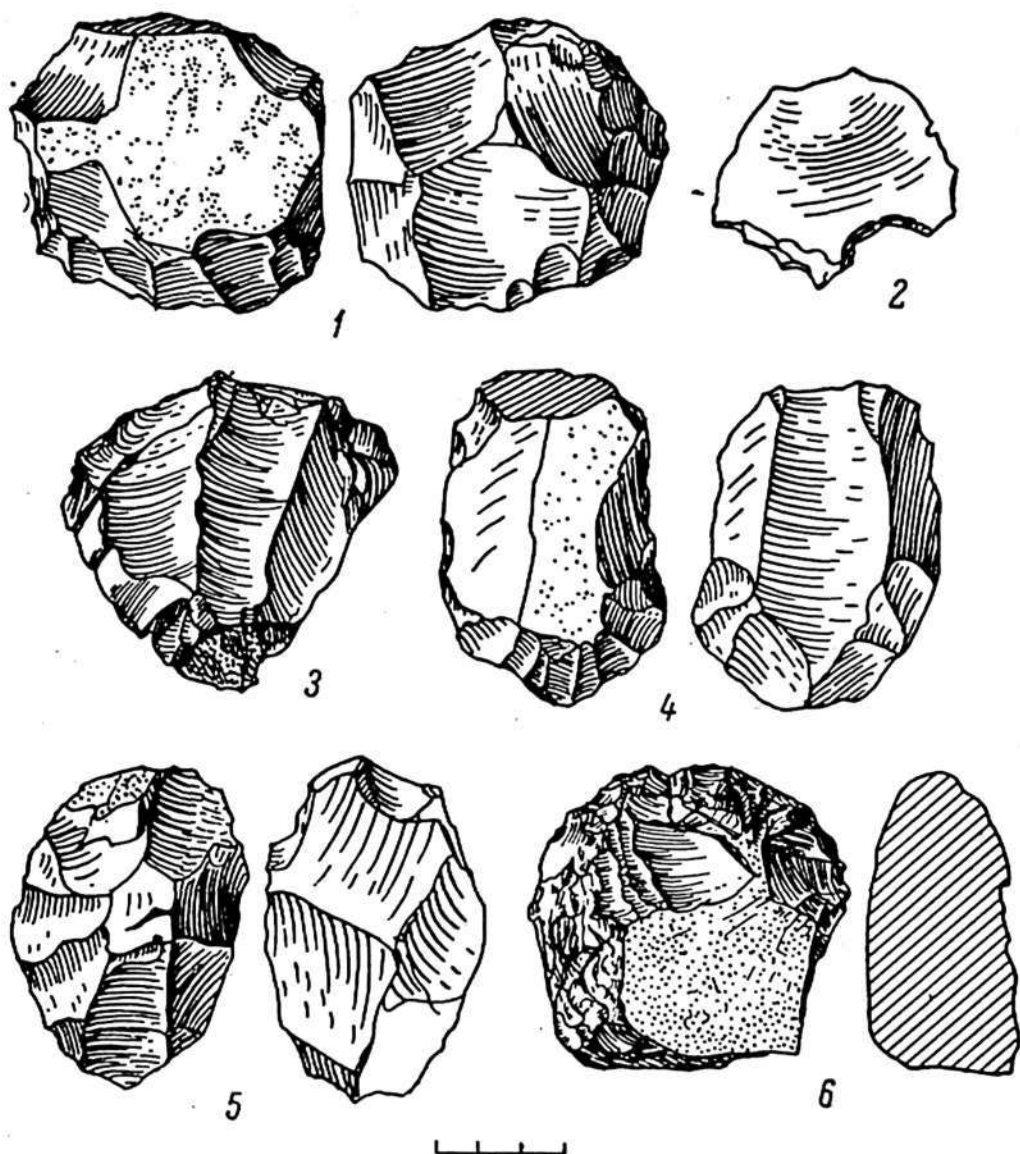

Рис. 9. Капчигай. Кремневые изделия (1—6).

режущую способность. На некоторых пластинах есть, кроме того, выемки.

Обработанные камни располагались при этом характерным образом. Уже с первого взгляда видно, что чем выше по склону, тем больше обработанного камня. Но вместе с тем он становится все грубее и все бесформеннее. Совершенно ясно, что вверху, у выходов кремня, человек ограничивался тем, что выламывал и извлекал куски кремня из осыпей. Внизу же, на небольших террасовидных уступах или площадках, производились заготовки: бесформенные куски кремня оббивались и превращались в нуклеусы.

Еще ниже, вдоль реки, на настоящих речных террасах шла уже в полном объеме работа мастеров каменного века. Именно здесь были обнаружены самые лучшие нуклеусы, пластины, а

также те немногочисленные готовые орудия — остроконечники и скребки, — которые, очевидно, были случайно оставлены или потеряны их владельцами.

Особая работа шла и на самом верху Капчигайской возвышенности, уже над обнажениями кремнистых толщ. Здесь, на голой площадке, с которой открывается широкий вид на р. Халкомайн и окрестные горы, оказалось больше всего заготовок нуклеусов. Они встречались целыми скоплениями и сопровождались массой отщепов. Очевидно, сюда поднимались плитки и куски кремня, здесь они оббивались и превращались в нуклеусы.

Аналогичные находки были сделаны в Ферганской долине в районе, где р. Охна сливается с р. Шахимардан-Саем. Здесь перед грядой Тамчи лежит тот слабо расчлененный террасовидный уступ — «прилавок», на котором ныне расположены усадьбы кишлака Охна, а в далекие времена были стоянки первобытных охотников. Для жизни древних людей эпохи палеолита в долине р. Охны сложились особо благоприятные условия.

Первое такое условие — относительно богатая растительность. Горные леса северных склонов, до сих пор еще уцелевшие к западу от Охны и Соха в Туркестанском хребте, состояли, как и ныне, из пяти различных видов арчи. Ниже зеленели кустарниковые заросли и участки горной злаково-ковыльно-полынной степи. Горные леса и кустарники населяли горные козлы и кабаны, различные хищники и птицы. Табуны травоядных паслись на сочных пастбищах в низине и на склонах холмов.

Второе условие — обилие чистой воды, в том числе родниковой. Укрывшись в густых зарослях кустарников, первобытный охотник подкарауливал у этих родников дичь, стремящуюся к водопою.

Но еще важнее для древних людей было то обстоятельство, что в предгорной гряде Катрантау, которая поднимается с севера над долиной Охны, среди палеозойских известняков, слагающих эту гряду, нередко выходы изверженных пород — эффузивов (кислых и основных). Среди них имеются альбитовые туфы, альбито-диабазовые порфириты, змеевики, а также кварцевые диориты. Все эти горные породы наряду с кремнистыми сланцами могли быть с успехом использованы первобытными людьми для изготовления примитивных орудий.

Так же как и в Капчигае, древние мастера собирали здесь, у подножия скалистых выходов и на склонах холмов, сырье для изготовления каменных орудий, оббивали и обкалывали куски привлекавших их изверженных пород, выделяли свои нуклеусы, пластины и отщепы — десятки и сотни этих изделий усеивают подножие Катрантау и пологие сильно размытые склоны соседних холмов.

Второй после Ферганы район Средней Азии, где обнаружены кремнеобрабатывающие мастерские мустьерской эпохи, — это

южные отроги гор Каратау вблизи г. Навои Бухарской области. Здесь обнаружено два местонахождения древних каменных изделий: у кишлаков Уч-Тут и Иджонт (Касымов, 1961б, 1962б). Оба местонахождения находятся в одинаковых условиях и дали сходный материал. Южные склоны гор Каратау возвышаются над поймой и более высокими древними террасами р. Зеравшана на 250—300 м. Они сложены плотными третичными известняками, в которых имеются желваки и целые прослойки светло-серого и темно-серого кремня. Наклонно падающие слои известняка глубоко прорезаны узкими каньонообразными сухими руслами-саями, в обнажениях которых выступают желваки и слои кремнистых пород, привлекавшие к себе древнего человека.

Площадь мастерской Уч-Тут достигает 60 га, площадь мастерской Иджонт равна примерно 1000 м². По общему характеру материал иджонтской мастерской аналогичен собранному в Уч-Туте.

Древнейший комплекс каменных изделий из мастерских Уч-Тут и Иджонт датируется, по-видимому, раннемустьерским временем, а может быть, даже и концом ашельского времени. Для него характерны массивность и неправильность очертаний отщепов, примитивная форма ударных площадок. Большинство изделий этой группы покрыто интенсивной беловато-серой или желтоватой патиной. В более позднюю группу по форме и технике изготовления, а также и по степени сохранности выделяются изделия, которые можно датировать позднемустьерским временем. Сюда относятся дисковидные нуклеусы правильной формы, скребла, пластины и отщепы. Патинированность этих изделий слабая, на площадках пластин и отщепов заметны следы предварительной подправки на нуклеусах.

Палеолитические каменоломни возникают в мустьерское время и на юге Казахстана. Следы их обнаружены в мелкосопочнике Бестюбе (Уштюбе) и в горах Каратау. По описанию Х. А. Алпысбаева, высота хребта равна здесь 500—600 м. На сопках, которые простираются на 2—3 км с юго-запада на северо-восток, выступают выходы беловато-молочного и розовато-серого халцедона. Местами на вершинах холмов видны отдельные его глыбы. На более крупных из них следы многократных скалываний. Рядом найдены мелкие обработанные куски халцедона, превращенные в дисковидные нуклеусы и различной формы ядрища, а также большое количество широких треугольных и удлиненных правильных пластин, снятых с нуклеусов или же сколотых с халцедоновых глыб. Одна из сопки вся усыпана ими, особенно же ее восточные и юго-восточные склоны. На мелкосопочнике, являющемся крупным месторождением халцедона, обнаружены древние разработки. Здесь лежат большие глыбы со следами многократных сколов, дающие удлиненные треугольные пластины и отщепы, а также большое количество двусторонних и односторонних дисковидных и призматических нуклеусов, иногда встречаются и ору-

дия (Алпысбаев, 1961а). Картина эта повторяет, таким образом, обстановку древних мастерских-каменоломен Бухары и Ферганской котловины. Такие разработки прослеживаются и дальше, на протяжении 150 км с востока на запад, до р. Беркутты.

Вопросы хронологии

В мустьерское время человек освоил практически всю территорию Средней Азии — следы его деятельности встречаются как в равнинной части страны, у берегов Каспийского моря, так и в горных ее районах, в отрогах Памира. Но само по себе обилие мустьерских остатков показывает, что люди этого времени жили здесь долго и памятники их культуры могут быть неодновременными.

Первая проблема, связанная с мустьерскими памятниками Средней Азии, — конечно, проблема их возраста. В 1949 г. была предложена датировка Тешик-Таша миндель-рисским временем. Эта датировка соответствовала господствовавшим в то время в нашей советской геологической и археологической науке представлениям, основанным на схеме периодизации палеолитических памятников Советского Союза, разработанной В. И. Громовым. За истекшие с тех пор годы схема В. И. Громова встретила серьезную критику как у нас, так и за рубежом.

В настоящее время нельзя не считаться с тем, что мустьерские памятники датируются в Западной и Восточной Европе, а также и в Африке более поздним временем. Бесспорно, в частности, что мустьерское время охватывает и начало вюрма альпийской схемы, т. е. начало верхнего плейстоцена. К миндель-риссу на Западе и в Средиземноморье относят ашельские и тейякские памятники, к риссу и рисс-вюрму — позднеашельские (леваллуазские) памятники. Леваллуа-мустье падает на последующее время, на вюрм I, вюрмский интерстадиал и даже на вюрм II. Выводы, основанные на геологических данных, подтверждаются также и результатами радиоуглеродного анализа (методом C^{14}). Например, самые ранние радиоуглеродные даты для леваллуа-мустьерских памятников Ливана — 52 тыс. лет для Рас-Эль-Кельба, 43 тыс. ± 1200 лет для Ксар-Акиля; Сирии — 43 тыс. ± 2000 лет для Джерф-Айла; Палестины — 39 500 ± 800 лет для Табун Б. 40 900 ± 1000 лет для Табун С, 42 тыс. ± 1000 лет для Кебара. Радиокарбоновая дата для верхнего слоя пещеры Шанидар в Ираке тоже равна 50 тыс. лет.

Учитывая эти факты, можно сделать вывод, что раннемустьерские поселения Средней Азии (нижние слои Тешик-Таша, порфиновый комплекс Кайрак-Кумов) могут быть отнесены к рисс-вюрму или вюрму I альпийской схемы в пределах до 50 тыс. лет до н. э.

Верхний слой Тешик-Таша и большинство кайрак-кумских находок в таком случае должны быть отнесены к более позднему времени — около 40—30 тыс. лет тому назад. О том, что эти даты являются для позднемустьерских памятников Средней Азии наиболее вероятными, свидетельствуют связь Ходжикентской пещеры с верхнеплейстоценовой террасой Чирчика—Пскема, а также приуроченность мустьерских орудий из Кара-Буры к галечникам, отложившимся, возможно, даже не к концу хазарского времени, а к ранней поре вюрма.

Мустьерское время было, как известно, важным этапом в истории палеолитического человека и его культуры. Значение этого этапа таково, что вполне оправдывает выделение в периодизации палеолита особого раздела — среднего палеолита. В мустьерское время происходит накопление элементов нового, верхнепалеолитического уклада жизни, намечаются иные, чем прежде, черты техники и быта, а вместе с тем и происходит становление человека нового типа — *Homo Sapiens*.

Все эти черты нового жизненного уклада характерны и для мустьерской культуры Средней Азии. Памятники ранней поры мустьерского времени типа нижних слоев Тешик-Таша дают представление о вполне сложившейся мустьерской культуре, такой же в принципе, как одновременная ей культура в Западной Европе, Передней Азии и Африке.

Хозяйство и общественная организация

Экономику мустьерских людей можно характеризовать по находкам в Тешик-Таше. Обитатели этого грота были прежде всего охотниками. Основным объектом охоты был горный козел; охота на него требовала не только большого напряжения, ловкости и искусства, но и отличного знания образа жизни этого животного, превосходно приспособленного к горным условиям. Вторым показателем уровня жизни мустьерских людей и их культуры являются пещерные поселения с очагами; пещеры служили им уже более или менее постоянными жилищами.

О крупных сдвигах в сознании и психической деятельности мустьерских людей очень выразительно свидетельствует замечательное погребение неандертальца в Тешик-Таше. Важен прежде всего сам по себе факт захоронения умершего в земле — так, конечно, с живыми людьми не поступали. В сознании мустьерского человека, следовательно, уже оформилось представление о смерти как об особом, качественно отличном от жизни состоянии человека; появились те первые представления, на основе которых впоследствии складываются сложная мифология и погребальная обрядность верхнего палеолита. Особенно интересно в этой связи явно преднамеренное ограждение могилы вертикально воткну-

тыми по кругу рогами горного козла. В таком обряде можно видеть отражение древнейших зачатков почитания солнца в виде круга, зачатков культа козла, а также, возможно, и магических обрядов, вызванных боязнью смерти и стремлением обезопасить сородичей от умершего. Мертвец, должно быть, уже в то время внушал страх, и его стремились удержать в темной глубине могилы магическим кругом. Вряд ли случайно и то, что могила оказалась в пещере-жилище. На всем доступном нашему взору протяжении истории первобытной религии в ней боролись два различных чувства, два диаметрально противоположных отношения к умершим: с одной стороны, любовь и тоска по ушедшим, с другой — страх перед смертью, ужас, который вызывали мертвецы. Отсюда следует важный вывод: как ни примитивен еще физический облик неандертальца, его сознание вовсе не было, как иногда писали у нас различные авторы, «инстинктивным». Оно уже достигло во многом чисто человеческого уровня. Это относится, разумеется, не только к тем фантастическим представлениям и ложным, иррациональным идеям, которые были истоком первобытной религии, но и в первую очередь — к здоровым, рациональным мыслям и реалистическим взглядам на мир, которые лежат в основе творческой работы мозга. Развитие сознания было неразрывно связано с борьбой человека за существование, с его трудовой деятельностью. Поэтому для нас особенно ценны признаки прогресса в развитии трудовой деятельности древнейшего человека.

Наиболее наглядными среди них являются изменения в технике изготовления орудий труда: например, нуклеусов новых, леваллуазских форм, принципиально отличающихся от диско-видных нуклеусов тем, что с них скалывание пластин производилось не от краев к центру, а вдоль длинной оси нуклеуса, иногда лишь с одного его конца (одноплощадочные нуклеусы), а иногда с двух противоположных концов (двухплощадочные нуклеусы). Вторая особенность таких нуклеусов — тщательная специальная обработка их рабочих площадок ретушью. Подобная обработка площадок обеспечивала лучшую технику снятия пластин: точность и нацеленность удара. Из этих новых, прогрессивных приемов техники обработки камня впоследствии, в верхнем палеолите, выросла сложная верхнепалеолитическая техника отделения правильных ножевидных пластин от призматического нуклеуса.

Перед нами как бы первые проблески будущего, отдаленная заря верхнепалеолитического искусства отделения длинных ножевидных пластин от призматического нуклеуса.

В связи с этим заслуживают внимания прогрессивные черты строения черепа тешик-ташского неандертальца, отмеченные рядом исследователей, в том числе В. В. Бунаком. «Ряд прогрессивных особенностей в строении эндокрана среднепалеолитического ребенка из Тешик-Таша дает основание предположить, что советская Средняя Азия, по крайней мере частично, могла входить

в зону формирования типа современного человека наряду с областями Южной Азии и Средиземноморья, с которыми обычно связывают первое появление непосредственных предков современных групп человечества» (Бунак, 1951, стр. 474).

Таким образом, в нашей Средней Азии, как на Ближнем Востоке, прогрессивное развитие техники обработки камня в мустьерское время сопровождается, по-видимому, появлением аналогичных признаков в эволюции физического типа древнейших формирующихся людей, свидетельствующих о рано начавшемся переходе к человеку современного типа и к более передовой верхнепалеолитической культуре. Эти черты физического строения тешик-ташского неандертальца вместе с признаками прогрессивного развития техники изготовления каменных орудий труда дают право полагать, что тешик-ташский неандерталец не вымер и не исчез бесследно, а продолжал развиваться далее сам и развивать свою культуру.

Анализ каменного инвентаря мустьерских памятников Средней Азии приводит к интересным выводам и относительно взаимоотношений ее древнейшего населения с его современниками в других странах. Мустьерское население здесь было, разумеется, очень редким и немногочисленным. Люди жили рассеянно, небольшими группами, своего рода «ордами». Небольшие группы охотников могли свободно передвигаться на значительные нередко расстояния, «просачиваясь» сквозь территории, занятые другими ордами. Вместе с тем в определенных больших районах должны были складываться местные особенности техники изготовления каменных орудий, свои черты быта и хозяйства, т. е. все то, что носит название «особенности культуры». Первые признаки таких различий в культуре древнейших обитателей Средней Азии и, следовательно, взаимодействия их с населением других стран мы видели уже в самом начале его истории, в нижнем палеолите. Это было существование чопперов на востоке и ручных рубил шелльско-ашельского типа на юге и западе Средней Азии. Два типичных чоппера найдены в Тешик-Таше, один — в Амир-Темире. Однако «чопперы» Тешик-Таша еще ближе к изделиям из нижнелеваллуазских находок в оазисе Харга в Египте, опубликованным Г. Кэтон-Томпсон в 1952 г. Туда же, на юг, в Средиземноморье, ведет такая особенность техники обработки каменных орудий в Тешик-Таше, как ретушь пластины со стороны брюшка. Эта черта характерна для изделий леваллуа-мустьерского типа Палестины. Подтверждает мысль о каком-то родстве позднейшей мустьерской культуры Средней Азии с ближневосточными культурами наличие в верхних слоях грота Обирахмат острый типа Эмире со стесанным ударным бугорком. На этом этапе с еще большей силой обнаруживается общее родство леваллуа-мустье Средней Азии с леваллуа-мустьерской культурой Ирана, Ирака и Палестины. Оно проявляется в расцвете леваллуа-мустьерской техники оформления нуклеусов

и в широком распространении связанных с ней необычно узких и длинных треугольных пластин. Именно такие пластины господствуют в конце мустьерского времени как в Кайрак-Кумах, Ходжикенте, Обирахмате, так и в мустьерских памятниках Ирана (Бехистун; см.: Сооп, 1951) и Палестины (пещера Абусоф). Допустимо, следовательно, сделать вывод, что в конце мустьерского времени среднеазиатские неандертальцы находились в контакте с обитателями Ближнего Востока и имели в основе общую с ними культуру.

На севере, в Казахстане, тем не менее, судя по находкам чопперов в горах Каратау, упорно держались традиции другого происхождения. Здесь существовал, по-видимому, другой культурно-этнический мир, иная культура, уходящая своими истоками в нижний палеолит Восточной Азии.

Глава 3.

Верхнепалеолитическое и мезолитическое время

Верхнепалеолитические местонахождения

Памятники верхнего палеолита в Средней Азии представлены значительно слабее, чем мустьерские. Однако и здесь за последние десятилетия накоплен важный материал.

Обзор этих памятников следует начать с мастерской, обнаруженной на Красноводском полуострове, в Туркмении, в районе 39-го километра железной дороги Красноводск—Ашхабад.

Остатки мастерской располагались у подножия одного из останцов рыхлых отложений. Находки были сконцентрированы на сравнительно небольшой площади (размером около 100 м²), хотя отдельные группы изделий были разбросаны и на более широком пространстве. Древние мастера собирали в ближайших окрестностях мастерской рассеянные в огромном количестве желваки и гальки кремня, а затем подвергали их обработке. Среди кусков кремня, использованных человеком, больше всего найдено нуклеусов. Многие из них имеют вид дисков, аналогичных мустьерским, но большинство резко отлично от дисковидных нуклеусов мустьерского времени. Однако они еще очень грубы и часто не имеют правильной формы. Вместе с тем на всех нуклеусах из мастерской видны прямые желобки, идущие не в радиальном направлении, не от краев к центру, а в одном и том же направлении, вдоль нуклеусов. Такие нуклеусы характерны для ранних этапов верхнепалеолитической техники.

На смену грубым, еще обычно широким и неправильным по форме пластинам мустьерского типа появляются новые, более правильные, тонкие и узкие, с более четкой огранкой их поверхностей. Именно такие, уже чисто верхнепалеолитические по облику пластины оказались вместе с нуклеусами нового типа в мастерской на 39-м километре. Из них изготавливались такие небольшие пластинчатые скребки и изящные тонкие острия-проколки,

которыми можно было резать дерево или кость, выполнять тонкую гравировальную работу и, что особенно важно, проделывать отверстия в коже с тем, чтобы изготавливать из нее примитивную обувь, одежду, а может быть, посуду или хранилища для запаса пищи в виде мешков, бурдюков, сумок (Окладников, 1956а).

Общая примитивность призматических нуклеусов и пластин, наличие нуклевидных орудий свидетельствуют о глубокой древности мастерской. Особенно важно, что среди нуклеусов определенно выделяется серия нуклевидных изделий, близких к тем, которые были обнаружены в наиболее ранних верхнепалеолитических слоях пещерных поселений Палестины (ateirian — по терминологии, принятой Д. Гаррод), соответствующих ориньякским памятникам Западной Европы (Garrod, Bate, 1937). Такие же нуклевидные изделия, служившие скорее всего для обработки дерева и других работ, где требовалось массивное прочное лезвие, появляются в четвертом срезе верхнего палеолита Палестины по схеме Р. Невилля. Они становятся особенно обильными в V и VI фазах верхнего палеолита Палестины (Neuville, 1951). Нуклевидные орудия типа скобелей столь же характерны и для ранней фазы верхнего палеолита Кавказа, где они сопровождаются изделиями мустьерских форм. Допустимо поэтому, учитывая весь комплекс находок из нашей мастерской, датировать его началом верхнего палеолита.

Следующим верхнепалеолитическим памятником Средней Азии является поселение у Комсомольского озера в г. Самарканде, обнаруженное Г. В. Харламовым в 1939 г. и затем исследованное М. В. Воеводским. Это была типичная открытая стоянка палеолитических охотников. На поселении обнаружены небольшие остатки древних очагов в виде простых скоплений золы на обожженном основании. Найдено много костей лошади. Каменный инвентарь характеризовался наличием грубых каменных орудий, напоминавших, по словам М. В. Воеводского, сибирские верхнепалеолитические орудия. Вместе с ними были обнаружены и мелкие изделия из кремня, в том числе пластины, скребки и, по-видимому, резцы. Материалы раскопок 1939 г. бесследно исчезли во время войны.

Раскопки поселения у Комсомольского озера были впоследствии продолжены Д. Н. Левом и дали новый, в высшей степени интересный материал по верхнему палеолиту Средней Азии (Лев, 1964). Поселение оказалось трехслойным. Культурные слои разделены стерильными прослойками и находятся в мощной толще лессовидного суглинка с прослойками глины и песка. Возраст суглинка, как полагают геологи, верхнеплейстоценовый, соответствующий в общей схеме смены четвертичных отложений Средней Азии голодностепскому ярусу. Верхний культурный слой поселения залегал на глубине 2.30 м от поверхности почвы, средний — 2.70 —

2.90 м, нижний — на глубине 3—3.60 м. Мощность верхнего слоя 5—45 см, среднего — 20 см, нижнего — до 60 см.

Общий облик Самаркандского поселения характерен для верхнепалеолитических поселений открытого типа. Это был лагерь охотников на диких лошадей, оленей, верблюдов, баранов. Из бытовых остатков отмечаются очаги-кострища, вокруг которых и концентрировались следы производственной деятельности древних людей, в первую очередь отбросы от производства каменных орудий — оббитые гальки, нуклеусы, отщепы, пластины, а также и готовые орудия. В качестве материала для орудий служили кремнь, халцедон, кварц, диорит и кварцит чаще всего в виде галек. Инвентарь всех трех слоев стоянки имеет единообразный характер (рис. 10, 1—13), и проследить в нем какую-либо определенную эволюцию не удастся. Камень обрабатывался гальками-отбойниками из плотных и тяжелых кристаллических пород. Применялись и плоские гальки-наковальни, на которых видны более или менее четкие впадины-выбоины. Вообще в инвентаре поселения видное место занимают относительно крупные галечные изделия, один конец которых затесан сколами как топовидное лезвие, выпуклое или прямое. Из небольшой целой гальки изготовлен и оригинальный массивный остроконечник, у которого на одном конце, на рукояти, сохранилась галечная корка, а на другом тщательной оббивкой оформлено широкое массивное острие. Это чрезвычайно архаичное по виду и технике изделие можно было бы сопоставить с нижнепалеолитическими остроконечниками. Но еще больше напоминает оно астурийские мезолитические рубильца.

Нуклеусы, как правило, сильно сношенные, относятся к категории дисковидных. Таков, например, один из нуклеусов, у которого с одной стороны имеется вдоль края тщательно подправленная крутой ретушью площадка, а с другой вся поверхность покрыта негативными фасетками сколов в радиальном направлении, от краев к центру. Пластины типичны широкие и длинные, с тремя гранями на спинке, напоминающие леваллуа-мустьерские пластинки из Кайрак-Кумов и Ходжикента. Но есть и узкие пластины, обычно с двумя гранями на спинке. Среди ретушированных пластин есть пластины с широкими, но отчетливыми боковыми выемками, служившие, должно быть, скобелями. Скребки представлены хорошими образцами концевых скребков на отщепах. Они часто имеют боковые выемки вдоль одного края. Особое место занимают нуклевидные изделия типа скребков «высокой формы» — скобелей. Из пластин и пластинчатых отщепов выделялись остроконечники треугольных очертаний, мустьерские по форме. Большой серией представлены орудия в виде скребков и ретушированных пластин с характерными острыми зубцами — шипами на лезвии. Иногда такие шипы имеют вид клюва. В ряде случаев они комбинируются с выемками — «бухтами». Господство дисковидных нуклеусов и наличие остроконечников мустьерского типа,

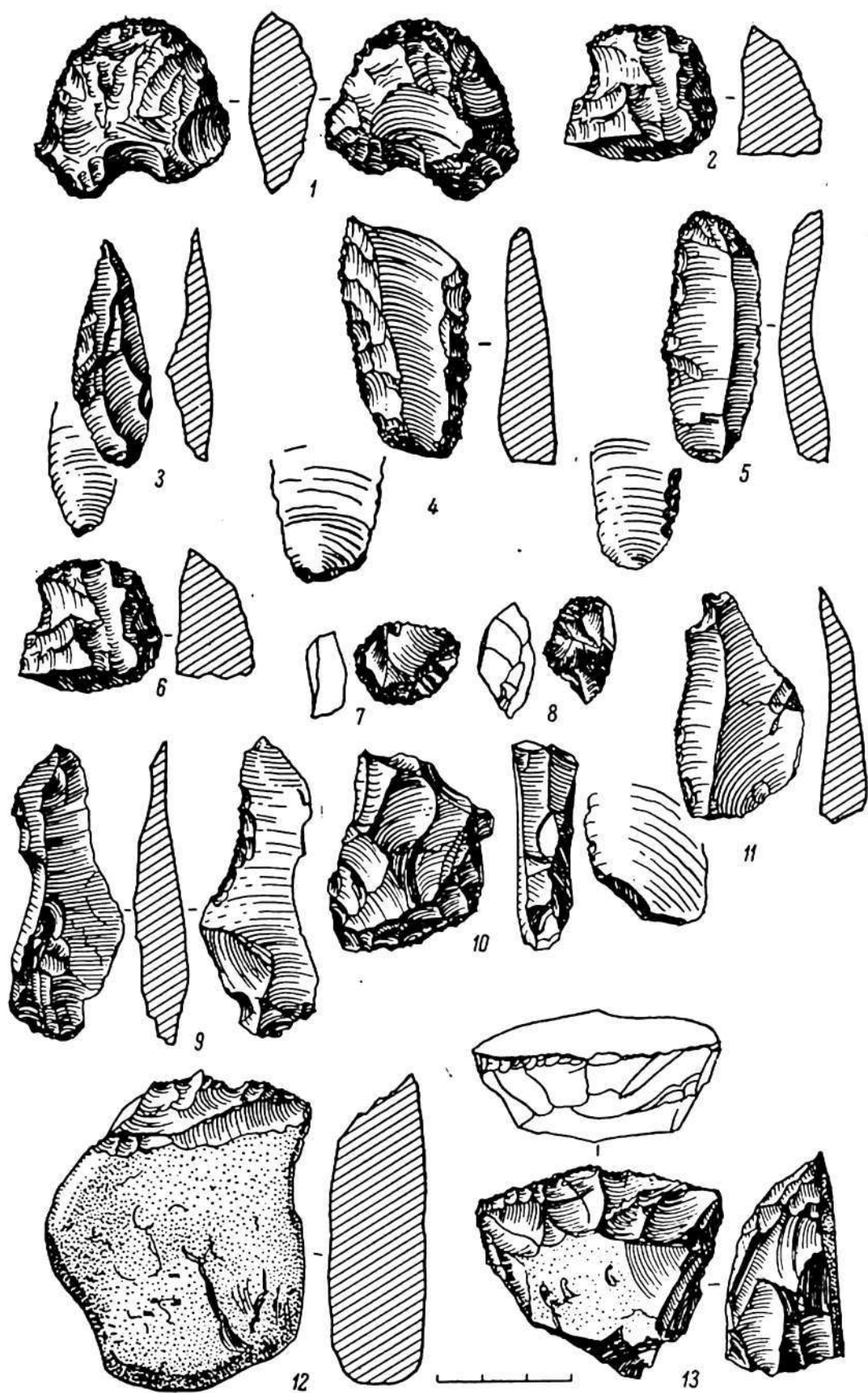

Рис. 10. Изделия из верхнепалеолитической стоянки в Самарканде (1—13).

а также нуклевидных скобелей дают основание датировать поселение у Комсомольского озера, как и находки на 39-м километре от Красноводска, началом верхнепалеолитического времени. Принципиально новыми орудиями являются прежде всего пластины с боковыми выемками, с которых начинается, по-видимому, эволюция этих изделий, охватывающая все мезолитическое и последующее неолитическое время в Средней Азии. Сюда же относятся верхнепалеолитические по форме скребки из пластин и отщепов. Следует особо подчеркнуть, что овальных или полулунных скребел, типичных для позднепалеолитических поселений Сибири, на Самаркандском поселении в раскопках не было обнаружено.

Вопрос о памятниках верхнего палеолита в Таджикистане оставался долгое время открытым. Большой интерес представляет обнаруженный в 1953 г. в уже упоминавшемся выше обнажении около поселка Кызыл-Кала на р. Вахше кремневый скребок высокой формы. По типу это изделие близко к найденным на 39-м километре у Красноводска.

К концу верхнего палеолита нужно отнести древнее поселение около кишлака Ходжи-Гор в долине р. Исфары, расположенное в том же месте, где были найдены и описанные выше мустьерские изделия. Кремневые изделия (рис. 11), собранные здесь в верхнем слое суглинка и на поверхности террасовидной площадки первого уступа, изготовлены преимущественно из белого полупрозрачного кремня высокого качества. Есть также изделия, изготовленные из черного и зеленого кремня. Среди каменных изделий, помимо ножевидных пластин и отщепов, найдены хорошо выраженные нуклеусы призматического типа (рис. 11, 11), концевые, округлые и дисковидные скребки небольшого размера (рис. 11, 2, 10), а также характерные острия с одним выпуклым лезвием, оформленным крутой затупливающей ретушью, и противоположным прямым, оставленным без обработки (рис. 11, 3, 4, 9). Это образцы изделий, приближающихся к остриям типа перочинного ножа, хорошо известны в позднем палеолите Западной Европы, а также Ближнего Востока.

Наличие таких острий с полной ясностью показывает, что люди, оставившие здесь свои каменные изделия, находились в определенной связи с культурой племен, заселявших южные районы Средней Азии, Кавказ, Крым, Иран, Переднюю Азию, Египет и Африку, потомков носителей так называемой капсийской культуры. Находки у Ходжи-Гор являются в Азии первыми, документирующими появление этой культуры так далеко на север от основной территории ее распространения. Среди нескольких сот каменных изделий, пластин и отщепов, обнаруженных у источника Ходжи-Гор, не оказалось, однако, мелких кремневых изделий геометрических очертаний в виде сегментов, симметричных или асимметричных треугольников, трапеций, прямоуголь-

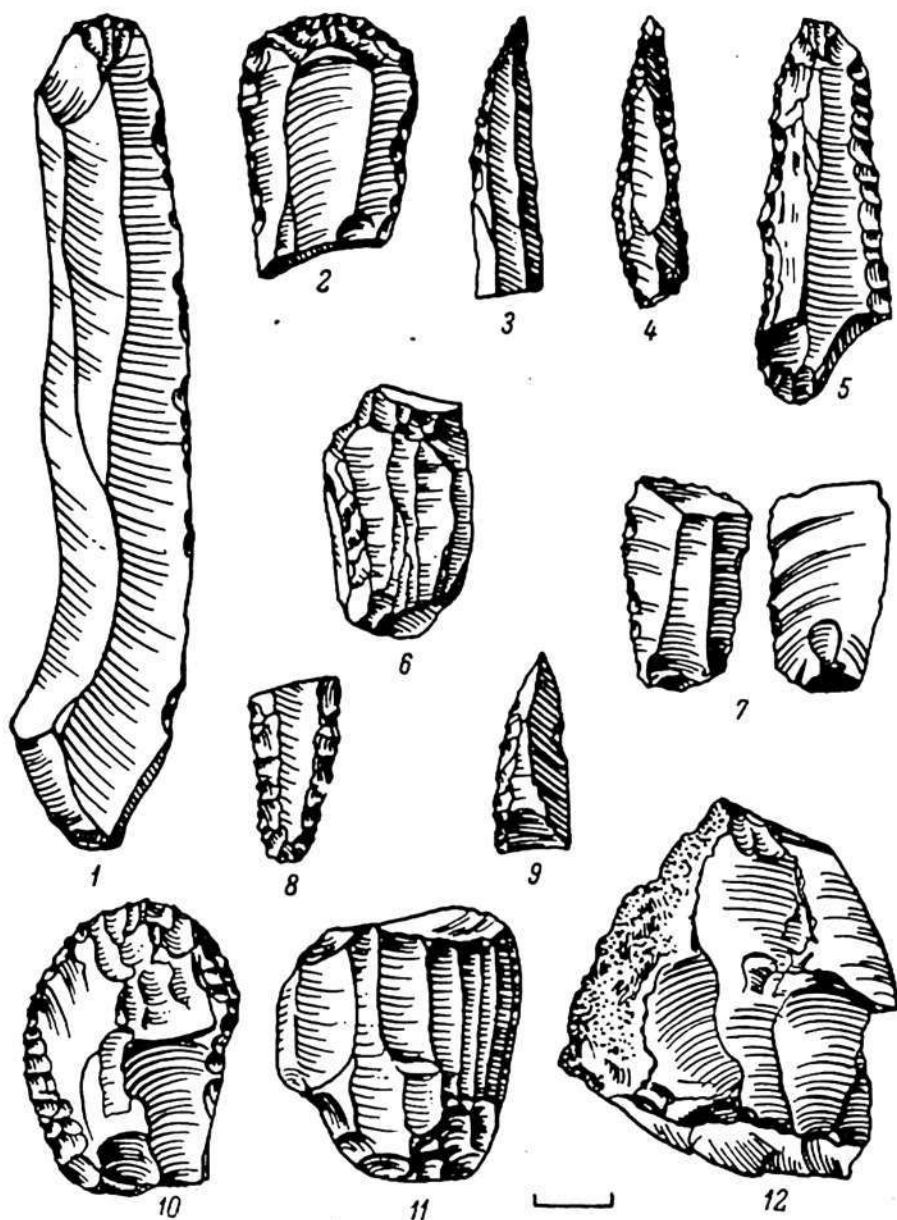

Рис. 11. Орудия со стоянки Ходжи-Гор (1—12).

ников. Это может служить указанием на достаточно ранний возраст поселения у Ходжи-Гор. Его следует, по-видимому, датировать концом верхнепалеолитического времени или, самое позднее, началом мезолита.

На юге Казахстана поселения с очень своеобразным каменным инвентарем найдены в горах Каратау.

Х. А. Алпысбаев относит к позднему палеолиту подъемные находки на поселениях открытого типа Соркуль и Ушбулак IV, V, на которых обнаружены призматические нуклеусы, листовидные наконечники, чопперовидные гальки-нуклеусы. Однако не исключена их принадлежность к более позднему времени. Большой интерес представляют находки в пещере Ушбас на правом берегу

р. Ушбас. Вместе с маловыразительными каменными изделиями в этой пещере обнаружен просверленный обломок кости и костяное шило. В состав фауны пещеры входят сайга, шерстистый носорог, бизон, лиса и корсак (Алпысбаев, 1962, стр. 28—29).

В долине р. Арыстанды обнаружено также трехслойное карасуйское позднепалеолитическое поселение. Среди каменных изделий, материалом для которых служил халцедон и кварцит, кроме отщепов и пластин, имеются дисковидные нуклеусы и чопперы древних форм. Вместе с ними найдены призматические нуклеусы и скребки верхнепалеолитического облика. Там же обнаружены угольки и кусочки красной охры. Вероятно, что поселение и по крайней мере его нижний слой относятся к началу верхнего палеолита. Об этом свидетельствует сильное влияние предшествующей мустьерской культуры (чопперы и диски-нуклеусы).

Ряд верхнепалеолитических памятников был обнаружен, как отмечалось уже выше, и в Восточном Казахстане, в бассейне р. Иртыша. В том числе могут быть отмечены как находки с поселений открытого типа, так и пещерные поселения. Поселения открытого типа зарегистрированы у аула Канай, у деревень Ново-Никольское, Свинчатка и по течению р. Нарыма. Пещерная стоянка была раскопана около деревни Пещеры. Находки в ней состоят из немногочисленных пластинчатых отщепов, дисковидного скребка с круговой ретушью по краю, призматического нуклеуса, костяной проколки, гальки-отбойника.

Материал с поселений открытого типа в верховьях Иртыша близок к каменным изделиям, характерным для Алтая, Енисея и Ангары, а также Забайкалья и Монголии. Так же, как в Сибири и Центральной Азии, для изготовления каменных орудий употреблялась речная галька черного или зеленого цвета. Из нее выделялись широкие пластины, служившие ножевидными режущими инструментами, скребки на отщепах, архаические по виду острокопечники, напоминающие мустьерские, и, наконец, массивные скребла.

Рассмотренные выше верхнепалеолитические памятники дают возможность составить, хотя и менее яркое, но все же достаточно определенное общее представление об этом периоде в истории Средней Азии.

Хронология верхнего палеолита, связи племен с соседними странами

Возраст наиболее ранних памятников верхнего палеолита Средней Азии устанавливается благодаря их связи с отложениями голодностепского цикла в районе Ташкента и Самарканда. Отложения эти верхнеплейстоценовые, соответствующие времени хвалынской трансгрессии, или даже более поздние. Основанием для такого вывода служит геологическая датировка Самарканд-

ской стоянки, а также фауна этой стоянки и особенно верхнепалеолитических поселений Казахстана, где обнаружены типичные представители «мамонтной фауны» конца ледникового времени: волосатый сибирский носорог, лошади и быки-бизоны.

Эти выводы подтверждаются и залеганием типичного для ранней поры верхнего палеолита на юге нуклевидного орудия в галечниках, перекрытых толщами лесса (у селения Кызыл-Кала на р. Вахше). Галечники эти отложились, видимо, в течение влажного и более холодного времени, соответствующего последнему оледенению в горах Памира и Тянь-Шаня и хвалынской трансгрессии Каспийского моря. Верхнепалеолитический человек, *Homo Sapiens*, появился, следовательно, в Средней Азии примерно в то же время, что и на Кавказе. И точно так же, как и на Кавказе, в наиболее ранних верхнепалеолитических памятниках Средней Азии, начиная с самого западного из них — мастерской на 39-м километре у Красноводска, могут быть отмечены определенные черты мустьерского культурного наследия, признаки пережиточной мустьерской техники расщепления камня. Встречаются отдельные орудия древних среднепалеолитических форм. Это нуклеусы дисковидного и левааллуазского типов, треугольные, чисто мустьерские остроконечники, а иногда и скребла. Особенно наглядно такие мустьерские черты техники обработки камня выражены в инвентаре наиболее богатой каменными орудиями Самаркандской стоянки.

В свою очередь в интервале наиболее поздних поселений, по-видимому мустьерского времени, таких как поселение Обирахмат у Ташкента, столь же определенно видны признаки прогрессивного развития техники от мустьерско-левааллуазской к верхнепалеолитической. К числу таких орудий, которые берут свое начало в финальном мустье Средней Азии, а затем широко распространяются в верхнем палеолите и становятся едва ли не самой характерной формой ранних комплексов верхнепалеолитического времени, относятся и скребки, и ножи с выемчато-зубчатым («рваным») или пильчатым лезвием. Их разнообразностью являются орудия с отчетливо выраженными «шипами» на лезвии. Эти изделия представлены целыми сериями в таком позднемустьерском памятнике, как Капчигайская мустьерская мастерская-каменоломня, а также типичны они и для Самаркандской стоянки. Отсюда становится ясным, что верхнепалеолитическая культура Средней Азии выросла на местной мустьерско-левааллуазской основе. Однако было бы неправильным суживать эту основу границами самой Средней Азии. Речь должна идти о явлениях значительно более широкого историко-культурного и географического диапазона, об обширной серии верхнепалеолитических культур южных областей Европы и Азии начиная с Кавказа.

Как уже отмечалось, особенностью культуры населения Средней Азии этого времени является ее совпадение с культурой верх-

него палеолита соседних южных областей, в первую очередь Кавказа. Это выражается не только в наличии общего мустьерского наследия, но и в ряде общих специфических признаков в технике обработки камня и в формах каменных изделий.

В технике расщепления камня важно широкое распространение нуклеусов со скошенной, как на нуклеусах типа леваллуа, площадкой и характерной крутой затупливающей ретушью. Это прежде всего нуклевидные орудия типа скребелей, найденные на 39-м километре, а также и на других памятниках. Сюда же относятся пластины с боковыми выемками, которые появляются в единичных экземплярах уже в самых поздних мустьерских комплексах, затем становятся более многочисленными, входят в число ведущих форм каменных изделий эпохи мезолита и неолита и доживают вплоть до появления первых бронзовых орудий в памятниках позднекельтеминарского типа. Эти черты техники обработки камня широкой волной распространяются в ориньякских культурах Западной Европы в послемустьерское время. Они столь же характерны для верхнепалеолитической Палестины, Ирака (особенно Южного Курдистана), для Малой Азии, в том числе для Сирии. Они прослеживаются в пещерах Гари-Камарбанд и Хоту в Иране и в пещере Кара-Камар в Афганистане. Определенные следы этой техники обработки камня были неожиданно обнаружены и раскопками в Костенках на Дону.

Все эти культуры можно было бы обозначить одним общим собирательным термином «ориньякоподобные», или «капсийские», учитывая при этом, конечно, что речь идет в данном случае не о полном тождестве и не о полном совпадении их во времени, а только об отмеченных выше конкретных общих чертах техники и специфических формах орудий, сближающих все эти широко рассеянные во времени и пространстве верхнепалеолитические и даже в значительной степени мезолитические культуры.

Рассматривая вопрос о происхождении такого сходства, нельзя не остановиться на его причинах. Первой причиной могли быть одинаковые условия существования древних племен этих южных стран. П. П. Ефименко уже писал, что сходство капсийских культур Старого Света зависит прежде всего от единства экономики и быта бродячих охотников и собирателей степей и пустынь засушливых областей Европы, Азии и Африки. Однако прямым влиянием климата, ландшафтов и экономики трудно объяснить общность указанных выше специфических черт в приемах обработки камня и формах каменных изделий. Остается предположить, что причина такого сходства зависит и от других условий — определенных культурных традиций, существовавших и зародившихся в определенной культурно-этнической среде, у части верхнепалеолитического населения земного шара. Зародившись в каком-то конкретном месте, такие традиции могли распространиться на соседние территории двумя способами: путем продви-

жения представителей данной группы древних племен в новые области или путем проникновения технических навыков и традиций в порядке культурного влияния одних племен на другие, путем передачи их от племени к племени в результате взаимных контактов.

Если верхнепалеолитические памятники Туркмении, Узбекистана и Таджикистана входят в группу южных «ориньякоподобных» в широком смысле этого слова культур, то верхний палеолит Казахстана, особенно Восточного, обнаруживает связи с северным и восточным кругом древнейших культур.

В отличие от своих южных соседей, которые уже с конца мустьерского времени, а может быть и раньше, находились в связи с населением Передней и Малой Азии, Кавказа и Южной Европы, обитатели Восточного и Северного Казахстана входили в центральноазиатскую группу верхнего палеолита, территория которой простиралась от Урала далеко на восток, по-видимому, по направлению к Бирме и Индокитаю.

Прикаспийский мезолит

Мезолитическое время в Средней Азии лучше всего представлено в настоящее время памятниками Туркмении. Здесь на Красноводском полуострове и в районе Балханских гор известны как открытые стоянки, так и пещеры, позволяющие проследить постепенную эволюцию культуры от более древних этапов к позднейшим, уже целиком лежащим в пределах развития неолита и даже бронзового века (Окладников, 1949б, 1953, 1956а). Там же известен первый в Туркмении и вообще в Средней Азии могильник ранненеолитического времени.

Наиболее ранние памятники обнаружены у колодцев Курт-Куи и вблизи станции Кара-Тенгир, а также у колодцев Огланли. На этих стоянках, в большинстве сильно размытых и развеянных, собран обширный подъемный материал. В его составе имеются хорошо оформленные призматические нуклеусы и широкие правильные пластины, из которых выделялись изящные концевые скребки. Этот материал в целом производит еще впечатление верхнепалеолитического, поскольку для него характерны относительно крупные пластины и изготовленные из них орудия.

Собственно мезолитическое время лучше всего представлено находками в культурных слоях пещер Дам-Дам-Чешме I и II, а также Кайлю и Джебел. На основании этих находок историю человека на данном этапе каменного века можно связать с историей изменения природных условий, в которых он жил, в первую очередь с историей Каспийского моря.

Особенно интересна в этом отношении пещера Кайлю, расположенная и сейчас у самого моря. Нижний мезолитический культурный слой пещеры залегал под четырехметровой толщей рыхлых

культурных отложений неолитического времени, непосредственно на слое морских валунов. Отсюда следует, что человек мезолитического времени пришел в пещеру сразу после того, как море, выдолбившее эту нишу в известняковой горе древнего берега, несколько понизилось и отступило. Сейчас дно моря находится в 20 м ниже основания культурного слоя и поверхности древнего морского галечника, на котором этот слой залегает.

Таким образом, люди сначала, во время наступления хвалынской трансгрессии, покинули прибалханские низменные места, затопленные водой, а затем вернулись сюда обратно, но только лишь в сравнительно позднее, уже мезолитическое время.

К наиболее раннему, чисто мезолитическому времени можно отнести предметы из очажной прослойки, прослеженной в восточной части грота Дам-Дам-Чешме I (рис. 12, 1—3, 5—7, 9—11). В этом очаге и в ближайшем соседстве с ним оказался хорошо выраженный набор нуклеусов и нуклевидных орудий, ножевидных пластин, проколов, скребков концевой типа, миниатюрных дисковидных скребочков, пластинок с затупленной спинкой и типичных сегментов, оформленных характерной затупливающей ретушью вдоль выпуклого края. Судя по отсутствию типично тарденуазских форм мелких каменных изделий (например, трапещий, пластинок со «струганной» спинкой), находки эти должны быть отнесены к сравнительно раннему времени — не позже среднекапсийских памятников Средиземноморья, а также азийских в Западной Европе и в Крыму. Интересно, что в этом слое вместе с отмеченными каменными изделиями найдены зуб человека и раковины денталиум, служившие, очевидно, украшением. В очажном слое и около него встречены следы красной охры.

В нижнем слое пещеры Кайлю оказался превосходно выраженный культурный слой, изобиловавший отщепами, пластинками и нуклеусами. В нем встречены также кремневые скребки, проколки и своеобразные острия с затупленной спинкой в виде удлиненных узких сегментов. Аналогичные острия встречены и при раскопках пещеры Гари-Камарбанд на территории Ирана в Прикаспии. Они найдены здесь в слоях 12—14, датируемых средним мезолитом. Радиоуглеродным анализом для этих слоев получена дата 6595 г. до н. э.

В пещере Дам-Дам-Чешме II, расположенной вблизи пещеры Дам-Дам-Чешме I, на глубине 1.5—2 м от поверхности в пещерной земле характерного желтого цвета были прослежены хорошо выраженные очажные прослойки, оставленные самыми древними обитателями грота. Вместе с нуклеусами призматического типа, отщепами и пластинами здесь были обнаружены такие же сегментовидные острия с затупленной спинкой, как и в нижнем слое Кайлю, а также трапещиевидные орудия, отличающиеся от более поздних своими асимметричными очертаниями и не прямыми, а слегка вогнутыми боковыми сторонами. По-видимому, к этому слою отно-

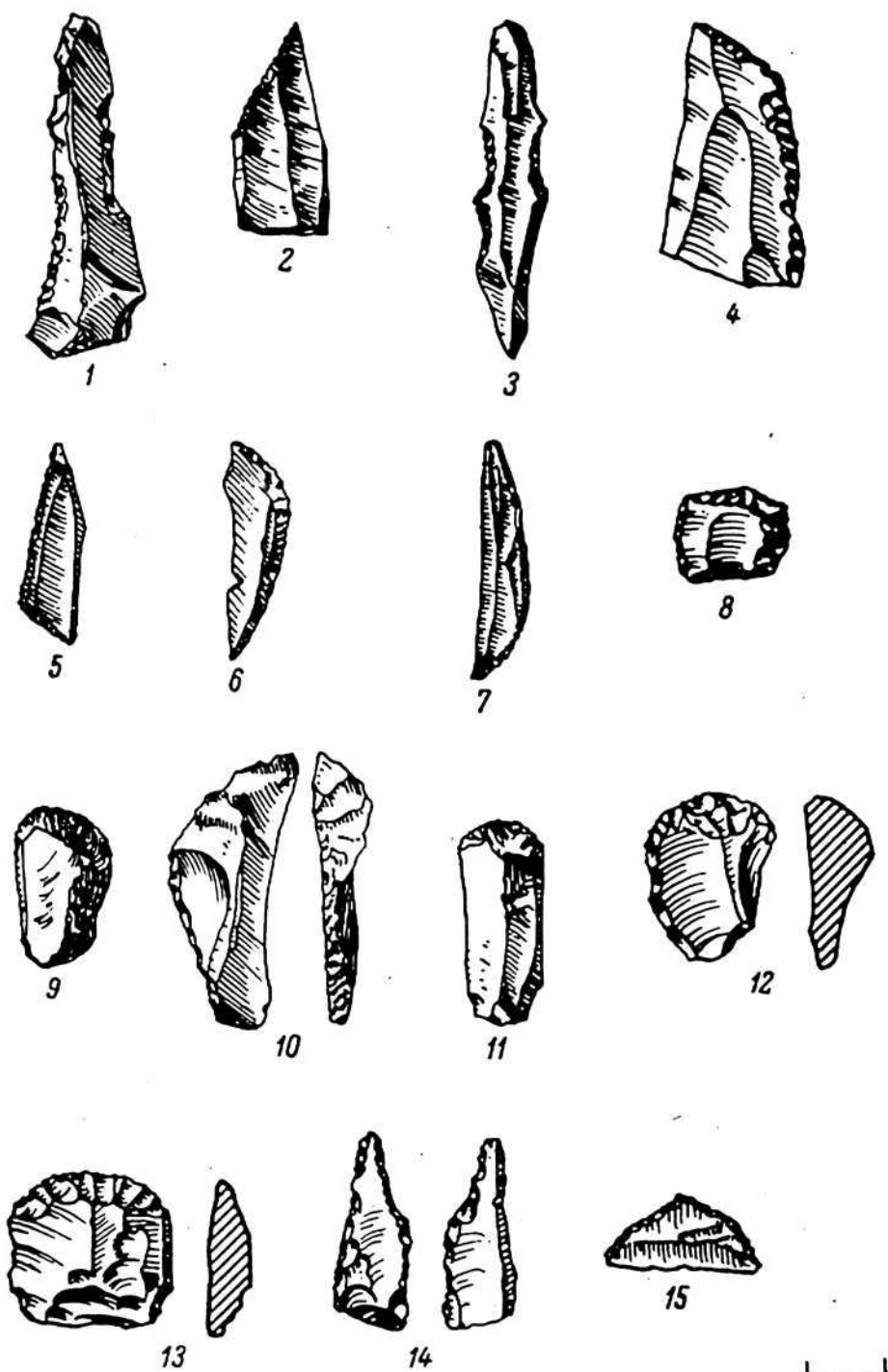

Рис. 12. Мезолитические орудия.

1—3, 5—7, 9—10 — Дам-Дам-Чешме; 4, 8, 12—15 — Чиль-Чор-Чашме.

сится и образец своеобразного искусства древней Туркмении в виде небольшой сланцевой плитки, на которой выгравированы полосы из соседних друг с другом ромбов, напоминающие стилизованные изображения змей.

Судя по наличию трапеций, находки в нижних слоях пещер Кайлю и Дам-Дам-Чешме II должны по времени следовать за более

архаическим комплексом с сегментами из пещеры Дам-Дам-Чешме I. Судя по многочисленным обломкам костей диких животных, мезолитические обитатели Прикаспия этого времени по-прежнему были охотниками. Об этом свидетельствуют следы их культуры, все найденные в пещерах каменные изделия. Сегменты, трапеции и кремневые острия различного вида использовались ими как наконечники стрел и дротиков. Разнообразные скребки, в особенности нуклевидные скобели и пластинки с выемками, использовались при изготовлении охотничьего оружия. Ими можно было выравнивать и заострять древки для копий и стрел, делать луки и, если потребуется, различные ловушки для зверей.

Обитатели таких пещер, как Дам-Дам-Чешме, в настоящее время отделенных от водоемов десятками и сотнями километров, кроме охоты, занимались еще и рыбной ловлей. Вместе с костями диких животных в этих пещерах встречаются кости таких рыб, как осетр или стерлядь. Так, например, в нижнем слое Кайлю оказалась одна массивная костяная игла с большим ушком. В слое собрано много рыбьих костей, в том числе, по-видимому, стерляди. Рыбьи кости нередко были очень крупными. Рыбная ловля служила, таким образом, если не основным, то во всяком случае важным занятием жителей пещеры Кайлю.

Дальнейшая эволюция культуры представлена находками в вышележащих слоях пещеры Дам-Дам-Чешме II и в особенности пещеры Джебел (Окладников, 1956в). Грот Джебел расположен на мысу Шахлу-Бурун (Шакул-Бурун), в 3 км к востоку от станции Джебел. Он далеко виден в отвесной скалистой стене, возвышающейся над древней террасой каспийской трансгрессии.

Всего в пещере Джебел 10 культурных слоев. Из них переломным в культуре является комплекс четвертого сверху культурного слоя, относящегося к раннему неолиту. Радиокарбоновая дата четвертого слоя 4070 ± 240 лет до н. э. В целом находки в Джебельской пещере отражают постепенную и непрерывную эволюцию культуры, постепенный переход от позднего мезолита к раннему неолиту и от раннего неолита к позднему. Основным материалом для изготовления орудий труда и вооружения здесь на всех этапах был разноцветный кремнь, который жители пещеры в изобилии могли добывать из древнекаспийских галечных отложений. На всех этапах устойчиво сохраняются и древние приемы расщепления кремня, крутая затупливающая ретушь. В целом же техника обработки кремня достигает наибольшего совершенства. В основе ее находится призматический нуклеус, огранка которого отличается уже предельной правильностью.

Искусно снятые с таких призматических нуклеусов длинные и правильные ножевидные пластины часто шли в употребление без всякой обработки как режущие инструменты, ножи. В ряде случаев, однако, лезвия кремневых пластин подправлялись специальной ретушью, иногда на них имеются глубокие правильные

выемки полукруглой формы, позволявшие использовать их в качестве скобелей. Кроме того, в распоряжении жителей пещеры по-прежнему был достаточно обильный ассортимент других мелких кремневых орудий вроде скребков и проколов, таких же, как и у их раннемезолитических предшественников.

Традиции раннего мезолита продолжают и такие микролитические изделия геометрических форм, как например выемчатые пластины, асимметричные удлиненные треугольники, трапеции. Но с течением времени трапеции становятся миниатюрными и строго симметричными, кроме того, появляются высокие и узкие их разновидности. Появление таких трапеций всюду, где встречаются микролитические изделия, определяет конец мезолитического времени и переход к неолиту. О наступлении позднего мезолита свидетельствуют прогрессирующее измельчение орудий геометрических форм и уменьшение их количества, что также характерно и для позднейших мезолитических памятников Европы, Южной Азии и Африки.

Сейчас у подножия грота и далеко перед ним простирается безводная пустыня. Однако при раскопке наслоений грота в них вместе с костями типично степных животных обнаружили кости рыб и притом таких, как стерлядь и сазан, которые живут в пресной проточной воде.

Для характеристики хозяйственной жизни прикаспийских племен в раннем неолите большое значение имеют, кроме находок костей диких животных и рыб, также находки примитивных терок. Можно полагать, что наряду с охотой и рыбной ловлей важное значение имело и собирательство. В пищу, видимо, шли съедобные растения. Развитию собирательской деятельности, должно быть, способствовали близость проточной воды и более мягкий и влажный климат того времени.

Древняя Пра-Аму-Дарья в раннем неолите, разумеется, уже не существовала, а нанесенные ею огромные массы песка под действием ветров превращались в барханные скопления. Они образовали тот пустынный ландшафт, который мы видим в Каракумах теперь. Но воды Аму-Дарьи в то время (около 6000—4000 лет тому назад) все еще свободно стекали в Каспийское море по Узбою. В то время, когда здесь жили люди раннего неолита, как показали исследования археологов, Узбой имел постоянно действующее русло, по которому текла пресная вода.

Близость мощного водного потока, несколько умерявшего зной и смягчавшего резкие колебания температуры, по крайней мере поблизости, несомненно должна была благотворно сказаться и на окружающей местности. Во всяком случае среди костей мелких животных, свойственных и современному пустынно-степному ландшафту этих мест (черепахи, агамы), оказались кости ящерицы, обитающей в настоящее время значительно севернее.

Ярким штрихом в общей картине хозяйственной жизни ранне-неолитических времен Прикаспия является один из наиболее замечательных памятников каменного века Туркмении. Это единственная в своем роде мастерская около мыса Куба-Сенгир. На изолированном скалистом выступе, останце древней террасы, имелось углубление, сплошь заполненное супесью с культурными остатками. Основную массу находок в углублении, начиная от поверхности и кончая его дном, составляли овальные бусины и заготовки для них из раковин, преимущественно дидакна, окатанных морскими водами, и из остроугольных обломков специально раздробленных раковин. Всего таких бусин и заготовок оказалось около 900. Просверленные бусины лежали местами, особенно на самом дне ямы, почти сплошным слоем. На многих бусинах и на дне ямы ясно видна более или менее интенсивная окраска минеральной краской — кровавиком. Вместе с большими овальными бусинами из раковин в яме оказались и миниатюрные белые бусины, имеющие вид правильных толстых кружочков или отрезков цилиндра. Бусы находили, как правило, вместе с каменными изделиями, необходимыми для их изготовления. Например, с асимметричными узкими треугольниками (лезвия их затуплены), которыми просверливали отверстия в раковинных бусинах.

Существование такой специализированной мастерской указывает на то, что бусы, сделанные в ней, возможно, пользовались широким по тому времени спросом не только в Прикаспии, но и вдали от морских берегов. Это предположение подтверждается находками совершенно одинаковых с найденными у мыса Куба-Сенгир раковинных бус на расстоянии нескольких сот километров отсюда, в глубине континентальных районов Туркмении, на древнем поселении у Джейтуна и на древних стоянках по Узбою, а также в районе между верхним отрезком русла Узоя и нижним течением Аму-Дарьи на стоянках Хатыб-Кую 1 и Гяур 1 (Виноградов, 1955). Таким образом, в это время уже зарождаются относительно далекие обменные межплеменные связи, вероятно уже выходившие за пределы какой-либо одной родовой общины.

Раковинные бусы из позднемезолитических слоев мастерской у мыса Куба-Сенгир интересны и как свидетельство эстетических вкусов древних людей. Особенно любопытны найденные в пещере Дам-Дам-Чешме I подвески из раковин денталий, имеющие вид суженных к одному концу трубочек. Точно такие же денталиевые бусы найдены в палеолитических погребениях в пещерах, расположенных по берегам Средиземного моря. Позднепалеолитические обитатели Средиземноморья имели обыкновение носить на одежде денталиевые бусы-пронизки, унизывать ими свой головной убор в виде диадемы или шапочки. Такие же шапочки и одежду, украшенную пронизками из денталий, носили, должно быть, и перво-

бытныи обитатели пещеры Дам-Дам-Чешме I в конце палеолитического времени.

В суровых условиях, особенно зимой, люди не ходили голыми или в небрежно наброшенных на плечи шкурах, а носили одежду, уже скроенную по определенному образцу и сшитую нитками, всего вероятнее — сухожильными. На это прямо указывает найденная в нижнем слое пещеры Кайлю первая и древнейшая пока в Средней Азии костяная игла, снабженная миниатюрным просверленным ушком для вдевания нити.

О верованиях и погребальных обрядах этих племен можно судить по погребениям конца мезолитического или начала неолитического времени, обнаруженным вблизи пещеры Кайлю, около станции того же названия. Исследованию были подвергнуты два захоронения, найденные почти непосредственно на поверхности мысовидного выступа, останца морской террасы, сложенной слоями глинистого песка, галечника и зеленой морской глины. Костяки, сильно разрушенные разъедающим действием соли и, вероятно, ветра еще в древности, лежали на спине. Руки их были согнуты в области таза. Покойники были местами обсыпаны красной краской, охрой, которая густо окрасила кости в малиново-красный цвет. Судя по захоронениям в Кайлю, люди этого времени хоронили своих покойников у самого берега моря. Они рыли здесь могильные ямы, в которые укладывали умерших, обращая их головой на северо-запад, ногами на юго-восток. Так же, как это делали их современники и предшественники в других странах, они посыпали тела растолченной в порошок охрой и клали с ними в могилу кремневые ножи в виде пластинок, иногда обработанных ретушью по краю. Больше всего в могилах у пещеры Кайлю найдено бусин из морских раковин. Они представлены тремя видами: крупные плоские, в виде кружков; меньшего размера, но более массивные; миниатюрные, в виде коротких цилиндров. Мелкие бусы располагались на черепе, они представляли, по-видимому, украшение головного убора. Крупные, сохранившие свое первоначальное расположение, охватывали в виде широкого кольца правую половину тела и правое бедро погребенных, располагались под бедрами и тазом сзади туловища и спереди его. Бусы украшали, таким образом, головной убор погребенных и целыми жгутами висели на их бедрах с правой стороны. Наиболее близкие по характеру украшения из жгутов раковинных бус известны в Мариупольском могильнике на Украине.

Погребения в Кайлю свидетельствуют о существовании родовых кладбищ-могильников и о вполне развитой уже вере в загробную жизнь. Красная охра в могилах, в частности, показывает, что, по мнению людей каменного века, красная краска была заменой крови и «жизненной силы», необходимой умершим для продолжения их существования в воображаемом потустороннем мире.

Следы временных поселений — стоябищ — мезолитических охотников-собирателей прослеживаются и на территории Южного Таджикистана: в бассейне Аму-Дарьи, в районе Куляба у Дангары, около Шартуза, у источника Чиль-Чор-Чашме, у Джиликульской переправы на Вахше и у кишлаков Дагана и Дагана-Киик.

В районе Дангары зарегистрировано два таких местонахождения. Среди собранных здесь орудий имеются пластины и отщепы из высококачественного белого и розоватого кремня. Есть также оббитые гальки и призматические нуклеусы. К датирующим предметам относятся массивные нуклевидные орудия типа скобелей-рабо, аналогичные найденным в мастерской у Красноводска и у Ходжи-Гор, острия с затупленным краем, острия со скошенным краем, пластины с боковыми выемками, скребки из отщепов с выпуклым массивным лезвием. Из собственно микrolитических изделий геометрической формы есть один асимметричный треугольник с крутой затупливающей ретушью по краям. Все это предметы, которые могут быть отнесены не позднее чем к развитому мезолиту (не позже 5—6 слоев Джебела), т. е. к VI—V тыс. до н. э.

Третье мезолитическое местонахождение в Южном Таджикистане оказалось вблизи неолитического поселения Куи-Бульён, около искусственного водохранилища — озера, куда впадает наполняющий его ручей. Здесь найдены два скребка, несколько пластин и отщепов из высококачественного кремня. При последующих разведках тоже были собраны оббитые гальки, отщепы, пластины, а также орудия. Среди последних имеются датирующие вещи: высокий асимметричный треугольник с круглой затупливающей ретушью по краям, острие с затупленными краями, широкое острие с характерно скошенным ретушью концом, пластинки с затупленными краями. Встречена пластинка с четко выраженной зубчатой выемкой. Имеется также ряд нуклевидных скребков-скобелей. Весь этот набор вещей и техника их изготовления не оставляют сомнения в том, что основная масса находок у водохранилища одновременна мезолитическим остаткам в Дангаре.

Но самые многочисленные остатки микrolитической культуры уцелели у источника Чиль-Чор-Чашме (рис. 12, 4, 8, 12—15). Среди выжженных солнцем голых склонов предгорий и развееванных песков пустыни издали бросается в глаза источник Чиль-Чор-Чашме с окружающей его яркой зеленью и высокими деревьями. Неудивительно, что именно здесь и было такое место, куда стекались на водопой и к зеленым лугам стада диких животных, а вслед за ними и группы древних охотников. На песках вокруг источника во многих пунктах рассеяны сотни изделий, оставленных этими бродячими людьми пустыни.

Материалом для орудий служил почти исключительно кремень, и притом кремень хорошего качества, имевшийся, должно быть, где-то поблизости в достаточном количестве. Найдены прежде всего нуклеусы, в основном призматические. Все они использованы в максимальной степени: даже использованные до конца ядрища утилизировались. Их расщепляли, с тем чтобы снова пустить в ход получившиеся куски кремня, но уже для других целей. Испорченные вследствие многократного снятия пластин площадки нуклеусов снова «оживлялись» поперечными сколами.

Относительный возраст находок у источника Чиль-Чор-Чашме определяется характером изделий геометрической формы. Обращает на себя внимание прежде всего отсутствие таких вещей, которые характерны для ранних, чисто палеолитических и ранне-мезолитических этапов в этих областях, например острий типа шательперрон, нуклеидных орудий — скобелей и скребков высокой формы, резцов.

О поздне-мезолитическом или ранне-неолитическом возрасте памятника свидетельствует наличие сегмента, который может быть отнесен к наиболее раннему комплексу находок или определен как пережиточный, архаический элемент в культуре местных племен. Для датировки большинства изделий здесь важное значение имеет форма трапеций, служивших, по-видимому, поперечно-лезвийными наконечниками стрел. Трапеции, найденные у источника Чиль-Чор-Чашме, отличаются от более древних своими суженными пропорциями, а также небольшими размерами и симметричными очертаниями. Такие же высокие узкие трапеции небольшого размера появляются на смену более широким и крупным трапециям также и в верхних, ранне-неолитических по их возрасту слоях Джебельской пещеры. Микролитические изделия из Чиль-Чор-Чашме относятся, таким образом, уже к тому времени, когда на смену древней микролитической культуре шла новая неолитическая.

Южнотаджикистанским памятникам близок материал верхних слоев Мачайской пещеры в Катта-Кургане (Юго-Западный Узбекистан), где оказались вместе с многочисленными костяными шильями или проколками простых мезолитических форм удлиненные пластинки, в том числе выемчатые. Этот материал может служить свидетельством того, что и здесь долго существовал неолит с микролитической традицией.

Памятники Памира

Остановимся теперь на том, как шло развитие культуры и техники обработки камня в соседних горных районах Средней Азии, на Памире и Тянь-Шане.

Чистый воздух гор, свежесть горного лета, прозрачные ручьи, струившиеся из вечных снегов и ледников, а в особенности изо-

билие диких животных на альпийских пастбищах издавна влекли охотников на высоты Памира и Тянь-Шаня и в их предгорья. Правда, раньше думали, что эти места, расположенные на самой «крыше мира», человек освоил лишь в эпоху металла, когда были одомашнены лошадь и другие животные. Теперь стало известно, что древние охотники освоили их уже в каменном веке.

Радиоуглеродный анализ угля из стоянки Ош-Хона дал неожиданно древнюю дату: 9530 ± 130 лет до н. э. Таким образом, обитатели Ош-Хона и других одновременных стоянок Восточного Памира жили в то же время, что и мезолитические племена Европы и Передней Азии. Новые находки свидетельствуют, однако, и о том, что здешняя культура по своему характеру и общему направлению развития отлична от культур более западных областей.

Отпечаток своеобразия лежит уже на самых ранних следах деятельности человека в местах, расположенных на высоте 4—5 тыс. м над ур. м. (например, стоянка Каратумшук в Алайской долине). Поселения здесь — это лагеря бродячих охотников-горцев. Первые люди, появившиеся на Восточном Памире, останавливались во время своих охотничьих перекочевок на мысах древних речных террас, где нередко и собирали материалы для своих изделий. Чаще, как это было у перевала Кызыларт, они селились прямо на морене последнего оледенения и здесь же из моренного материала выделяли свои вещи. Иногда такие остановки бывали более длительными; свидетельством этому является, например, стоянка Ош-Хона, где сохранились остатки многочисленных очагов. Весьма своеобразны каменные изделия, оставленные мезолитическими горцами Памира. Это главным образом отбросы от производства каменных орудий: отщепы, пластины и нуклеусы. Изредка встречаются также крупные скребла, напоминающие сибирские палеолитические нуклеусы-скребки, характерные для каменного века Сибири и Центральной Азии. Нуклеусы правильной призматической формы свидетельствуют о том, что техника отщепления пластин стояла на высоком уровне.

В общей массе находок есть и небольшие скребки, изготовленные из отщепов. Многие из них имеют характерную форму, которая сближает их с аналогичными орудиями из позднейших палеолитических поселений Забайкалья: рабочий край этих скребочков, выпуклый и резко расширенный по отношению к телу скребка, образует уступы или своего рода «плечики».

Существенно, что значительную часть каменного инвентаря памирских поселений составляют грубо оббитые гальки-нуклеусы и явные чопперы односторонне и двусторонне оббитые в виде клиньев. Как обычно, рукоять, или «пятка», этих орудий остается нетронутой, покрытой галечной коркой. Поразительно, что среди всех этих архаичных по общему облику каменных изделий ока-

зались настоящие наконечники стрел миниатюрных размеров. Следовательно, лук был основным охотничьим оружием и у горцев Памира в мезолитическое время (Ранов, 1959б, 1962в).

Наскальные изображения

Весьма важны для истории культуры племен каменного века в Средней Азии древнейшие наскальные изображения, известные в двух центрах: вблизи Аму-Дарьи (Бабатаг) и в горах Памира. Возможно, часть этих изображений относится к верхнему палеолиту, а остальные — к более позднему времени. Но уверенно расчленив их на хронологические группы и установить их последовательность пока еще невозможно. Единственно о них можно сказать, что они действительно выделяются в особую и несомненно весьма древнюю группу по сравнению со всеми остальными, широко распространенными в Средней Азии петроглифами. Это видно во всем — и в технике исполнения рисунков, и в их сюжетах, и в стиливых признаках, а также в идейном содержании.

В отличие от более поздних наскальных рисунков, относящихся к бронзовому и раннему железному веку, они не выбиты, а нарисованы красной или коричневатой-желтой минеральной краской — охрой. Их можно назвать поэтому наскальными росписями, резко отличными от поздних рисунков, где господствуют изображения горных козлов вместе со схематическими фигурками людей.

Первая группа этих росписей состоит из наскальных изображений знаменитого ущелья Зараут-Сай на юге Узбекистана, на правом берегу Аму-Дарьи. Это ущелье расположено примерно в 100 км от г. Термеза. Рисунки Зараут-Сая находятся на потолках и стенах узких скальных навесов, поднимающихся друг над другом в виде гигантских наклонных ступенек (Рогинская, 1950). Всего, по словам А. Рогинской, в Зараут-Сая насчитывается 26 ниш с рисунками. Рисунки можно встретить только в нишах, покрытых известковым натеком.

Таков «центральный» навес, в котором расположена основная масса изображений. Рисунки образуют группы, различные по величине и по содержанию. Изображены здесь преимущественно сцены охоты на диких быков (табл. II, 2).

Одна из групп рисунков центрального навеса воспроизводит сцену загона охотниками диких быков: «Слева, через то место скалы, где находится этот рисунок, проходит расщелина. Эту расщелину первобытный художник включил в свое изображение как пропасть, куда охотники хотят загнать быков. Один бык уже поставил ноги на край этой пропасти. Нижняя трещина в скале также входит как часть в рисунок. Художник, по-видимому,

считал ее горной тропой, по которой спасается бык. В направлении этого склона летят стрелы, но от самого быка сохранились лишь одни рога в самом низу. Охотники прицеливаются. Отдельно видны два лука» (Рогинская, 1950, стр. 25—26).

В Зараут-Сае бесспорно имеются своего рода зарисовки магической охоты. На одном таком рисунке (композиция первая) слева видны две фигуры быков с крутыми и длинными рогами, поднятыми высоко вверх. Это рога не бизонов, а скорее туров. Туловища быков очерчены довольно примитивно, но все же хорошо передают общую форму их тела. С особым вниманием были изображены рога и хвосты, на концах которых заметны расширения вроде кисточек. Сзади видна одна антропоморфная фигура с луком, по-видимому, в одной руке. Рядом с луком виднеются три короткие горизонтальные полоски, у двух из них заметны расширения с выемкой на одном конце. Полоски эти похожи на стрелы. Сзади, на некотором расстоянии от первой фигуры, показаны еще две антропоморфные фигурки; одна из них, как и первая, с луком в руке. Похоже, таким образом, что загонщики преследуют быков, вооруженные, возможно, луками, а может быть, и каким-то другим оружием.

Следующая, самая обширная, наиболее детально выполненная и самая эффектная из всех композиций отчетливо делится на две части. В правой половине ее центральное место занимает самое крупное из всех зараут-сайских изображений — изображение массивной фигуры быка. Она обрисована в реалистической, вполне зрелой манере. Такие же огромные прямые рога, далеко вытянутые вверх и вперед, как у обоих быков из первой композиции, маленькая «тупая» голова с треугольной мордой. Снизу и сзади быка плотно обступила толпа странных существ в больших колоколовидных плащах-юбочках. У всех этих существ юбка переходит в узкое длинное навершие, более всего напоминающее шею страуса или какой-то мифической птицы. У одной такой фигуры на вершине этого стержня выступает крючком загнутая миниатюрная головка. У всех из-под юбки торчит по паре ног. На концах ног тщательно обрисованы чисто человеческие ступни. Характерная черта каждой такой фигуры — странный крючкообразно изогнутый короткий выступ сбоку, обращенный вперед и похожий на топорик или бумеранг. Он как бы вырастает из середины их тела. Вокруг быка нарисованы обращенные к нему стерженьки с развилками — «стрелы». Похоже, что в быка летит туча таких стрел.

Левая половина композиции во многом повторяет правую. Примерно на уровне большой фигуры быка из правой половины видны остатки большой, плохо сохранившейся фигуры, похожей на бычью, в нее снизу впилась «стрела» с развилкой. Две других изображены поблизости. Снизу целой группой, своего рода цепью, располагаются пять фигур в юбочках.

Среди них есть две антропоморфные фигурки, трактованные иным образом. Одна в точности повторяет своей странной удлинённо-овальной формой туловища и ног-развилочек человечков композиции с двумя большими турами. Вторая — более реалистична. У нее длинное прямое туловище, пара ног, слегка расставленных в стороны. Одна рука вытянута, и в ней что-то вроде плохо сохранившегося лука. Другая изогнута дугой. Самая замечательная деталь этого изображения — длинный и узкий хвост.

И, наконец, в самом верхнем левом углу рисунка находится еще одна человеческая фигура с таким же туловищем и даже с еще более тщательно выписанным хвостом. Положение рук у нее точно такое же, как и у описанной выше хвостатой фигуры, ее близнеца.

Третья большая композиция Зараут-Сая (у Рогинской она описана как четвертая группа) отличается большой выразительностью форм и динамичностью.

Сверху сплошным массивом, как бы табуном, на желтоватом фоне скалы выступают превосходно очерченные красные быки — туры. Особенно хорош по передаче динамики и массы бычьего тела передний бык. Он изображен в порывистом движении: вся его тяжелая грузная фигура заряжена энергией и устремлена вперед. Задний бык изображен в более спокойной, статичной позе, но обрисован столь же реально. У обоих быков одинаковые по манере обрисовки «пламенеющие рога». Третья фигура быка, нарисованная выше первых двух, оформлена более скупой и лаконично.

Ниже изображены скачущие друг за другом три козла, поражающие таким же динамизмом, как и первый, «головной» бык наверху. Козлы скачут во весь опор, утомительно загнув кверху хвостики и широко разбросав задние и передние ноги.

Этим динамичным звериным фигурам разительно противостоят спокойные позы фигур в колоколовидных юбках. Они идентичны фигуркам первых двух больших композиций, только у них нет Г-образных выступов посередине, но зато еще отчетливее изображены маленькие птичьи головки.

Как и на других композициях, фигуры в юбках, как бы с флангов, охватывают цепью группу животных. Две из них помещены справа вверху, а одна — внизу, между козлами. И, кроме того, между быками и козлами виднеются еще две фигурки иного стиля, похожие на антропоморфные изображения, описанные выше, — на человечков с луками.

Антропоморфные фигуры, судя по технике и степени сохранности, в основном изображенные одновременно, четко делятся на три категории. В первую входят существа с колоколовидной юбкой; во вторую — люди с луками и длинным туловищем, которое опирается на короткие ноги; в третью — хвостатые человечки, тоже с луками.

Интересной особенностью композиций Зараут-Сая является наличие в них условных знаков в виде стержней с развилками, стрел и луков или подобных им орудий, изображенных в виде двух параллельных дуг с нарисованной посередине стрелой. Такие условные знаки не редкость в пещерных палеолитических изображениях Западной Европы, например в Ляско.

Краской служили охры разных оттенков — от красно-коричневых до лиловатых, которыми и сейчас завалено дно ущелья. Изучая технику выполнения красочных рисунков Зараут-Сая, можно наблюдать особенности и детали росписи. Рисунки, как правило, выполнены в строго профильной манере и сплошь закрашены красной охрой внутри. Нередко они обводились после заливки краской дополнительными, более или менее широкими полосами контура. А иногда «топорик», хвост или ноги и голова вычерчивались более темными и густыми штрихами поверх уже написанного основного изображения.

Самая крупная фигура быка из второй композиции (у Рогинской — третья группа изображений) раскрашена не полностью, а только лишь по краям, и, кроме того, контур дополнительно усилен более темной краской. Так же, с дополнительным контуром в более темной расцветке, выполнены на второй и на третьей композиции фигуры в юбках. В этом приеме можно видеть зачатки светотени, своего рода поворот от простого плоскостного решения к моделировке форм тела чисто живописными средствами.

Возраст наскальных рисунков Зараут-Сая определить нелегко. Ясно одно, что по своей красочной технике они выпадают из массы всех более поздних выбитых изображений, которые могут быть датированы эпохой бронзы или неолита. Наличие лука, однако, сдвигает их дату по крайней мере к мезолиту — ко времени, когда лук становится основным охотничьим оружием. Не менее интересно, что по характеру композиций, где рельефно выступает определенное единство творческого замысла и целеустремленное, строго продуманное размещение фигур, по их повествовательному жанровому содержанию эти большие групповые рисунки больше всего напоминают наскальные рисунки испанского Леванта. Последние выполнены в той же технике, на том же уровне и, кроме того, точно так же расположены на небольших навесах и в нишах скал, которые не могли служить убежищами для человека и использовались только для росписей.

Сходство зараут-сайских красочных рисунков с наскальными изображениями испанского Леванта, возможно, имеет случайный характер.

Мезолитические племена Средней Азии с их культурой, подвижным образом жизни и микролитической техникой изготовления каменных орудий, имевших характерные геометрические очертания в виде сегментов, трапеций, треугольников, входили в южную группу племен мезолитического времени — капсийцев. Неуди-

вительно, таким образом, что у среднеазиатских мезолитических племен сложилось такое же во многом искусство и художественное мировоззрение, как и у других южан, их современников.

Вторая группа древнейших наскальных рисунков — памирская, — как и рисунки в бассейне Аму-Дарьи, тоже пронизана отзвуками древнего, еще палеолитического мировоззрения, первобытной охотничьей магией.

Одна из пещер-святилищ горных охотников Киргизии Ак-Чункур находится на р. Сарыджаз и расположена на высоте 3500 м над ур. м. Длина ее 45 м, ширина от 1.5 до 7.5 м. На стенах пещеры сохранились наскальные рисунки, выполненные красной краской и изображающие козлов, быков, змей, а также человеческие фигуры.

Вторая такая пещера, еще более интересная с точки зрения истории первобытного искусства, — грот Шахты на Восточном Памире. На ее стенах тоже изображены красной краской фигуры животных и людей, близко напоминающие рисунки в ущелье Зараут-Сай.

Центральное место в этих сценах принадлежит трем неуклюжим фигурам животных, напоминающих одновременно кабана и медведя. На теле двух из них нарисованы стрелы с парой жалцев, означающие, что звери убиты или ранены охотниками. Сбоку от фигур животных видна фигура птицы, похожей на страуса или дрофу, а может быть, изображающей охотника, замаскированного под птицу (Ранов, 1961е). Общее сходство памирских рисунков с изображениями в пещере Зараут-Сай свидетельствует о том, что в мезолите и в раннем неолите у жителей Средней Азии развивалось сходное по тематике искусство (изображение охоты) и существовала одинаковая магическая обрядность.

Пути развития Средней Азии в пору мезолита

Из всего вышеизложенного можно сделать вывод, что уже в мезолите развитие культуры населения Средней Азии шло двумя различными путями. На равнинах юга и в предгорьях Копет-Дага развивалась микролитическая техника изготовления орудий труда. На севере и в горных областях сказывалось влияние тех технических традиций, которые господствовали в Сибири и Центральной Азии. Жители гор миновали, таким образом, микролитический этап в эволюции своей культуры. Эти два основных направления продолжали существовать и в неолитическое время — время, когда на смену первобытной культуре и потребляющему хозяйству приходит новое, производящее хозяйство, возникает древнейшее земледелие в предгорьях и в оазисах среди азиатских пустынь, а также появляются первые домашние животные. Но даже и в ходе этих грандиозных событий в жизни населения Сред-

ней Азии еще долго живут древние традиции мезолита. Влияние древних традиций микролитической южной культуры особенно наглядно видно на культуре охотников и рыболовов степных областей Приаралья и Казахстана — кельтеминарцах. Мезолитическая техника расщепления камня, а также мезолитические типы каменных изделий, характерные для микролитической культуры юга, не менее стойко держатся и у носителей древнейшей земледельческой культуры Средней Азии — джейтунской культуры. Несмотря на появление каменных орудий новых типов и керамики, на культуре этого времени в южных районах Средней Азии лежит явственный отпечаток древних позднемезолитических «тарденуазских» традиций.

В свою очередь традиции северного, горного мезолита столь же устойчиво сохраняются в горных областях Средней Азии, на Памире и на его отрогах. Здесь распространена гиссарская культура, в которой наиболее характерный компонент каменного инвентаря — крупные оббитые изделия из галек, поражающие своей архаичностью. В основе техники обработки камня гиссарцев находится столь же простой, как и древний, в Азии прием раскалывания целых речных галек, которые превращались в своеобразные галечные нуклеусы. Орудия для обработки камня в гиссарской культуре — это отбойники в виде массивных и тяжелых галек. Такими отбойниками несомненно дробили, обкалывали и отесывали галечные нуклеусы и чопперы.

Таким образом, в пору мезолита в Прикаспии и в бассейне Аму-Дарьи развивается микролитическая культура, составлявшая часть огромной области микролитических культур с орудиями геометрических форм, охватывавших в своем распространении юг Азии, Европы, Африку и даже далекую Австралию. Корни этой культуры уходят в южный «капсийский» палеолит.

С другой стороны, на востоке Средней Азии длительно существует культура горцев Тянь-Шаня и Памира, генетически связанная с культурой чопперов Центральной, Северной и Восточной Азии. Уже с самого начала, с нижнего и среднего палеолита, культуры эти не только соприкасались, но и смешивались, оказывали друг на друга влияние и переслаивались. Вероятно, возникали промежуточные или «гибридные» культуры.

Важнейшее событие в жизни первобытного населения Средней Азии в эпоху мезолита заключалось в том, что первобытный охотник в мезолитическое время перешел от копья, метательного дротика и пращи к луку и стрелам. Лук явился самым грозным, наиболее эффективным оружием каменного века. Изобретение лука означало крупный шаг вперед в области практического познания законов природы и резкий прогрессивный сдвиг во всей примитивной технике каменного века. С изобретением лука несомненно связано было и не знающее параллелей в истории первобытной культуры распространение микролитов геометрических

форм. Как показали находки микролитических острий, вонзившихся в одном случае в человеческий позвонок (могильник на о. Тевбек, Франция), а в другом — в кость ископаемого быка (Фиг, Скандинавия), эти загадочные изделия служили наконечниками стрел. Наконечниками стрел, как свидетельствуют находки в Египте и болотах Дании, служили также трапециевидные микролиты. Роль острых зубцов-жальцев для стрел могли выполнять, кроме того, и сегменты. Отсюда следует, что широкое распространение микролитических наконечников стрел связано было прежде всего с развитием специфических приемов оснащения стрел каменными наконечниками и шипами-вкладышами.

На почве достижений, сделанных мезолитическими племенами юга, стал возможным их переход от собирательства к возделыванию культурных растений — к земледелию и разведению домашних животных. Столь же естественно со временем жители степей и горных областей перешли, вероятно, при помощи своих оседлых соседей от охоты на диких животных к скотоводству. Всем этим первые земледельцы и скотоводы обязаны своим предшественникам, людям мезолитического времени, в котором наметились первые трещины в древнем потребляющем хозяйстве, господствовавшем около 500 тыс. лет, когда на огромных пространствах земного шара и в Старом и в Новом Свете начались поиски новых источников существования, новых форм жизни и культуры. Эти первые робкие шаги мезолитических людей подготовили великий перелом — переход к производящему хозяйству, а вместе с ним и множество других прогрессивных перемен во всех областях культуры и жизни человека.

Глава 1.

Земледельческий неолит юго-запада Средней Азии

В VI—V тыс. до н. э. на юго-западе Средней Азии складывается оседлоземледельческая культура, одна из древнейших культур такого типа на территории СССР. По названию основного памятника эта культура получила наименование джейтунской. Для нее характерны микролитическая кремневая индустрия с геометрическими орудиями, однокомнатные дома, возведенные из цилиндрических глиняных блоков, и плоскодонная глиняная посуда ограниченного числа форм с примитивной росписью.

Распространение памятников

Джейтунские памятники занимают узкую полосу подгорной равнины, как бы зажатой между отрогами Копет-Дага и песчаными грядами Каракумов. Эта область характеризуется сухим пустынным климатом с малым количеством осадков. Сезонные водотоки часто достигают значительных размеров, но количество постоянных водных протоков весьма невелико и они представлены лишь небольшими речками и ручьями (Кельты-Чинар, Фирюзинка, Алты-Яб, Сакиз-Яб, Арваз и др.). На границе с песками уклоны равнины, направленные от гор, по существу исчезают, и здесь в весенние месяцы скапливаются селевые воды, образуя местами обширные, но мелкие временные озера, отлагающие тонкий глинистый материал. Памятники джейтунской культуры расположены в конусах выноса подгорных речек и ручьев, а также в зонах контакта равнины и первых песчаных гряд. В этом отношении особенно показательна палеогеография самого поселения Джейтун (30-й километр к север-северо-западу от Ашхабада). Среди древесных пород, шедших на топливо, здесь оказались, с одной стороны, характерное пустынное растение — саксаул, с другой — тополь и клен — типичные древесные породы, произрастающие по берегам постоянных водотоков (Лисицына, 1964б). Другой джейтунский памятник — поселение Бами — вообще ока-

залось перекрыто галечными отложениями (селевыми наносами) более чем метровой толщины (Бердыев, 1963).

В настоящее время на западе джейтунская керамика обнаружена в 30 км северо-западнее Кизыл-Арвата и на Найза-Тепе (между станциями Бами и Кодж) (Бердыев, 1964а). К западному же району принадлежит и поселение Бами, занимающее площадь около 4000 м². Наиболее значительные памятники находятся в центральном прикопетдагском оазисе, носящем название Ахала. Это прежде всего сам Джейтун — древний поселок площадью около 0.5 га, в настоящее время находящийся в зоне первых песчаных гряд Каракумов. В ходе систематических работ верхний слой этого памятника вскрыт полностью (В. Массон, 1960а, 1962в, 1964в). Менее значительные раскопки проведены на Чопан-Депе (7.5 км к востоку от районного центра Геок-Тепе; площадь древнего поселения около 1 га), но зато здесь намечена стратиграфия культурных наслоений (Ершов, 1956б; Дурдыев, 1959). Кроме того, джейтунский материал происходит из нижних слоев Тоголок-Депе (Бердыев, 1964а), городища Новая Ниса (Бердыев, 1965а) и ряда других пунктов.

В последнее время были открыты джейтуны памятники и на востоке прикопетдагской равнины, на территории Этека. Это небольшой поселок Чагыллы-Депе (площадь на уровне верхних слоев около 500 м²) и Монджуклы-Депе (нижние слои), находящиеся между современными селениями Меана и Чаача (Бердыев, 1964б, 1965б). Таким образом, устанавливается сравнительно широкое распространение оседлоземледельческих памятников на юго-западе Средней Азии уже в пору неолита. Намечается и хронологическое членение джейтунской культуры. Если для более ранних этапов характерна керамика со струйчатой и скобчатой росписью (Джейтун, нижние слои Чопан-Депе и Тоголок-Депе), то позднее преобладает сетчатая орнаментация, все шире распространяются орнаменты из треугольников, появляется роспись крупными точками (Бами, Чагыллы-Депе, верхние слои Чопан-Депе и Тоголок-Депе). На поздней фазе культуры заметно сокращается количество микроскребков. На основании аналогий с другими культурами и в первую очередь с памятниками прикаспийского круга, где Джейтун находит наиболее близкие параллели в 10—11-м слоях Гари-Камарбанда и в 5-м слое Джебела, дата джейтунской культуры определялась как V тыс. до н. э. с возможным углублением в VI тыс. до н. э. (В. Массон, 1964в, стр. 19). В настоящее время радиоуглеродным анализом определена дата позднейджейтуновских слоев Чагыллы-Депе (5036 ± 110 лет до н. э.), что позволяет говорить с большей уверенностью о VI тыс. до н. э.

Накопленный материал достаточно ярко характеризует джейтунскую культуру, сочетающую в себе архаические элементы, восходящие еще к поре мезолита, и черты новой экономики,

связанные со становлением производящего хозяйства. Вполне отчетливо и определенно эти особенности выступают уже при рассмотрении орудий из кости и камня.

Орудия труда

Кремневый инвентарь джейтунской культуры представляет собой высокоразвитую микролитическую индустрию с рядом мезолитических черт. Пластины для изготовления орудий скалывались с призматических и реже конических нуклеусов. Характерно значительное число вкладышей для серпов: на Джейтуне их количество достигает 533, что составляет около 36.5% всех исследованных орудий. Этими вкладышами обычно были пластины, лишенные ретуши и имеющие острые режущие края. Костяная основа прямого серпа или, как его вернее именовать, жатвенного ножа была найдена при раскопках Чопан-Депе (рис. 13). В поздне-джейтунских слоях Чагыллы-Депе на вкладышах серпов имеется мелкая ретушь, нанесенная при их подправке после использования (Бердыев и Коробкова, 1964). Здесь же найден один вкладыш серпа с зубчатым краем, характерный для более поздних энеолитических комплексов.

Второе место по численности после серпов занимают различные скребковые орудия (около 20% от общего количества орудий), связанные, как показало специальное исследование (Коробкова, 1960), с обработкой кож на разной стадии их выделки. Таковы скребки, названные Г. Ф. Коробковой боковыми, представляющие собой пластины, обычно лишенные ретуши и державшиеся при работе горизонтально. Они служили для очистки шкур от мездры и мышечных волокон. При последующей обработке шкуры использовались концевые и разнообразные микролитические скребки, в том числе концевые скребки (рис. 14, 5), скребки с лезвием на продольном крае пластины, скребки с круговой ретушью (рис. 14, 6) и скребки в виде острия (рис. 14, 7). Последние, являясь весьма характерным орудием кремневой индустрии Джейтуна, употреблялись для очистки мелких извилин и бороздок на выделываемой коже.

Пластины с выемками, подправленные ретушью, являлись скобелями для обработки деревянных объектов, например древков стрел (рис. 14, 11). Сверлами пользовались для проделывания отверстий в украшениях из раковин и камня и при просверливании стенок разбитых глиняных сосудов во время их починки (рис. 14, 9). Судя по отверстиям, оставленным сверлами, было распространено как двуручное, так и одноручное сверление. Микролиты геометрических форм (на Джейтуне найдено свыше 13% всех орудий) в виде трапеций и реже треугольников и сегментов (рис. 14, 1—4) служили скорее всего вкладышами для метательных орудий. Вместе с тем геометрические микролиты иногда ис-

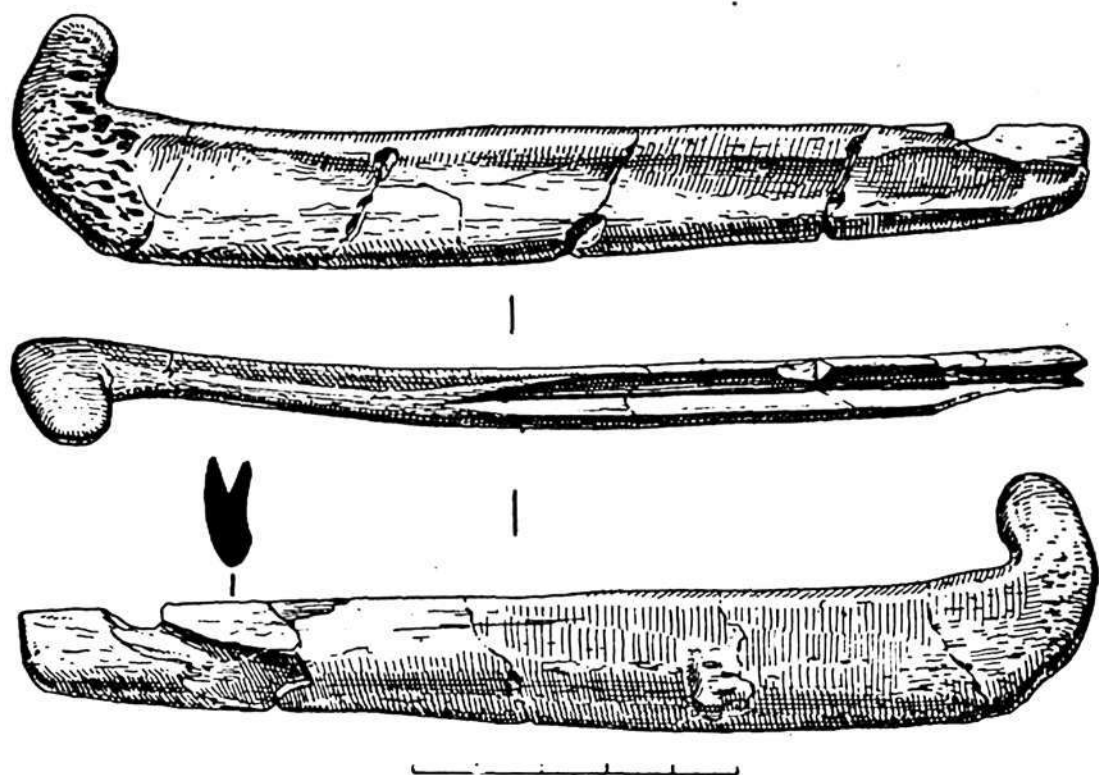

Рис. 13. Чопан-Депе. Костяная основа жатвенного ножа.

пользовались и как вкладыши для серпов. В позднелаштунское время распространение получила также праща (глиняные биконические ядра для пращи обнаружены на Чагылы-Депе).

Изделия из кости, так же как и значительная часть кремневых орудий, связаны с обработкой шкур. Таковы весьма своеобразные орудия, сделанные из лопаточных костей животных (рис. 14, 23). Исследование этих изделий показало, что они использовались при очистке шкуры от мездры, вероятно, на черновой стадии ее обработки (Коробкова, 1960). При изготовлении из выделанных кож различных вещей употреблялись разнообразные костяные проколки и иглы (рис. 14, 14—19). Среди костяных орудий Джейтуна имеются ложила, использовавшиеся при изготовлении керамики.

Значительно реже встречаются каменные орудия. Среди них выделяются заполированные до блеска комбинированные орудия в виде плоских камней-плиток. Они одновременно использовались для растирания красной краски и в качестве ретушеров при обработке кремневых орудий. А одно из каменных орудий имело даже тройное употребление — пест, краскотер и ретушер. Из песчаника изготовлялись ступки, песты и зернотерки. Следует отметить также группу шлифованных орудий, в основном изготовленных из темно-зеленого мыльного камня. Это прежде всего топорики-тесла весьма миниатюрных размеров; обухи некоторых

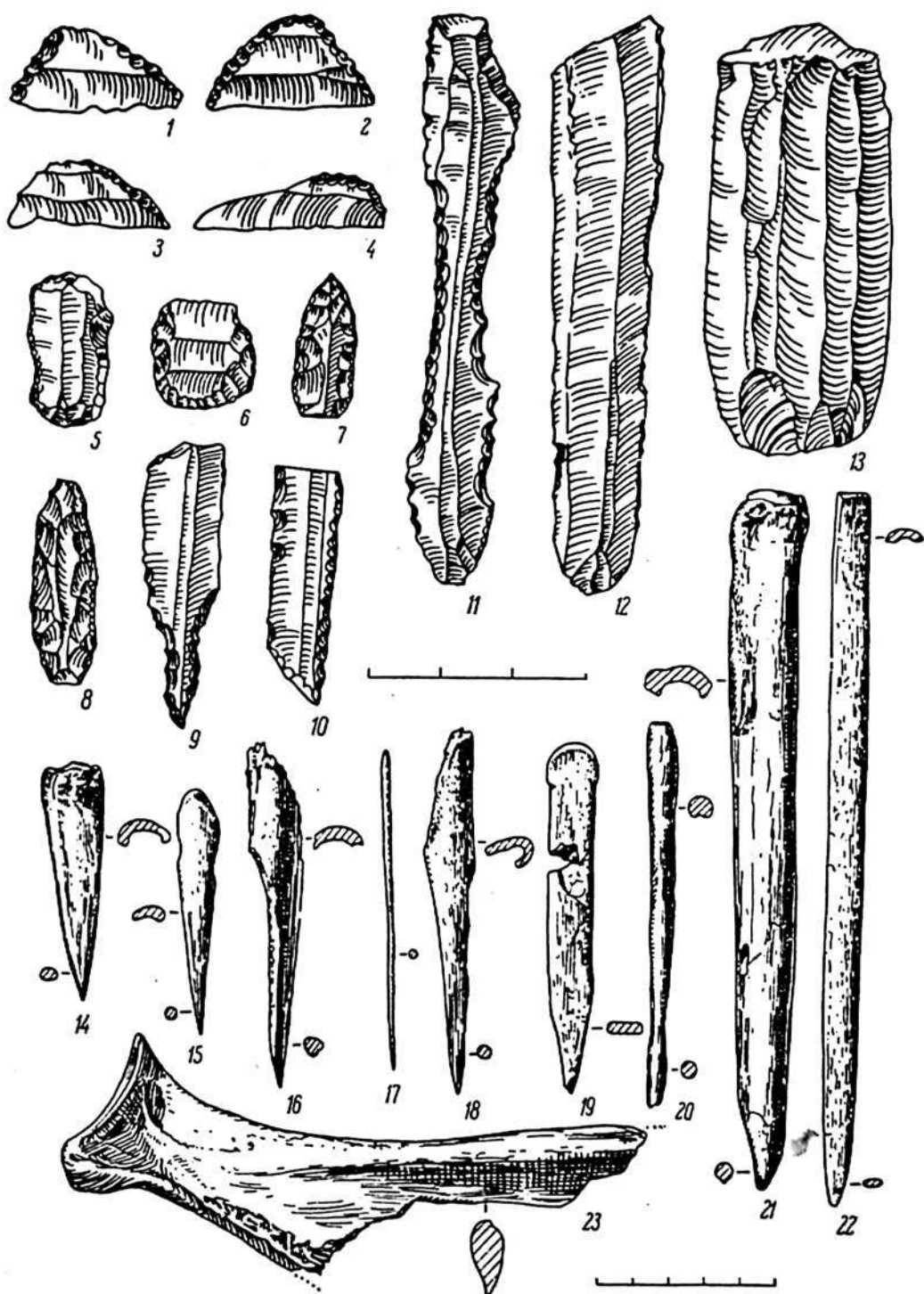

Рис. 14. Джейтун. Кремневые и костяные орудия.

1—4 — геометрические микролиты; 5—7 — скребки; 8—10 — сверла; 11 — скобель; 12 — пластины; 13 — нуклеус; 14—16, 17 — игла; 18—20 — проколки; 21 — неясное орудие; 22 — ложило; 23 — скребло,

тесел использовался как ретушер (табл. IV, 1). К числу шлифованных каменных изделий принадлежит и так называемый выпрямитель древков стрел.

Глиняная посуда

Посуда Джейтуна (табл. IV, 2) представляет собой один из древнейших керамических комплексов Средней Азии. Видимо, она сравнительно недавно (может быть, именно в пору существования джейтунской культуры) вошла в быт древних обитателей Южного Туркменистана. Количество форм сосудов довольно ограничено, а число фрагментов керамики, находимых при раскопках, относительно невелико. Так, в Джейтуне на площади около 1100 м² было найдено 1075 черепков, т. е. почти столько же, сколько изделий и необработанных пластин из кремня.

Вся джейтунская посуда вылеплена от руки ленточным способом, что особенно хорошо видно на толстостенных сосудах. В глину подмешивалась рубленая солома. Обжиг невысокого качества: часто в середине черепка встречается черная полоса, а поверхность сосудов имеет более светлые и более темные пятна. Сосуды тщательно заглаживались; в отдельных случаях можно даже говорить о лощении. Всю керамику можно разделить на две группы: расписную и нерасписную.

Расписная керамика раннеджейтунского времени составляет около 11 % всей найденной посуды. Позднее ее процент несколько сокращается. Роспись производилась красной краской, приобретавшей после обжига различные оттенки, чаще всего темно-коричневый или каштановый. Фон — светло-терракотовый или желтовато-рыжий (цвет неангобированной поверхности черепка). Расписывались главным образом цилиндро-конические корчаги различной величины, являвшиеся скорее всего сосудами для хранения. Роспись эта в основном двух видов: волнистая, или струйчатая (рис. 15, 1, 5), и скобчатая, состоящая из вертикальных рядов скобочек, образующих несколько горизонтальных фризовых поясов (рис. 15, 2, 3). В позднеджейтунских комплексах волнистая роспись на корчагах отсутствует, а скобчатая, как правило, эволюционирует в сетчатый рисунок, сплошь покрывающий стенки сосуда. Единичная на самом Джейтуне роспись силуэтными треугольниками в позднее время встречается уже более часто.

Сосуды других форм расписывались сравнительно редко. Узоры на небольших чашах с подкосом стенок в придонной части или небольших четырехугольных сосудах также просты и примитивны: это прямые или волнистые линии (рис. 15, 9, 10). В позднеджейтунских слоях появляются конические тарелки с волнистой росписью изнутри и с рядами удлиненных контурных треугольников снаружи.

Нерасписная керамика обычно буровато-коричневого цвета. В основном она представлена тремя формами: кубковидными сосудами различной величины с небольшим уступом у дна (рис. 15, 14), чашами полусферической формы или с подкошенной придонной частью и оригинальными четырехугольными сосудами, условно названными салатницами (рис. 15, 13), которые в плане имеют форму квадрата или прямоугольника с закругленными углами. Возможно, «салатницы» подражают каким-либо изделиям докерамического периода, скорее всего корзинам. Очень редко встречаются небольшие подставки на ножке. В целом джейтунская керамика вполне совершенна, хотя ограниченное число форм и примитивизм орнаментики свидетельствуют об ее архаичности.

Становление производящей экономики

Сочетание новых, прогрессивных черт, связанных с развитием земледелия и скотоводства, и архаических, отживающих элементов, восходящих еще к поре мезолита, отчетливо выявляется при рассмотрении хозяйства джейтунской культуры. Кроме того, на протяжении ее развития выступает тенденция к преобладанию элементов производящего хозяйства.

Оседлоземледельческий характер этой культуры несомненен. Именно с ним связано развитие и глинобитной архитектуры, и керамического производства. В глиняной обмазке полов на Джейтуне и Чопан-Депе обнаружены отпечатки зерен ячменя и, видимо, пшеницы. Обугленные зерна пшеницы и ячменя происходят из поселения у Баи, а на позднеджейтунском памятнике Чагыллы-Депе найдены наряду с двухрядным ячменем два вида пшеницы — мягкая и карликовая (Бердыев, 1964б).

Именно земледелие обусловило длительное существование на одном месте поселков типа Джейтуна или Чопан-Депе (общая мощность культурных слоев Чопан-Депе 6 м, а Чагыллы-Депе даже 6.5 м). Не случайно более трети обнаруженных на Джейтуне кремневых орудий составляют вкладыши для серпов. Судя по местоположению Джейтуна, находящегося в зоне контакта древней дельты одного из подгорных ручьев и песчаных гряд Каракумов, паводковые разливы этого ручья, по берегам которого росли клены и тополя, использовались для примитивного орошения полей (так называемое лиманное орошение). Около Джейтуна под такырной коркой были обнаружены погребенные почвы со следами искусственной обработки в древности.

Наряду с этим скотоводство, зародившееся, видимо, еще в мезолите, лишь постепенно утверждается как вторая ведущая отрасль производящего хозяйства. На Джейтуне уже отмечено наличие домашней козы, но основную часть мясной пищи его обитателям все еще доставляла охота на безоарового козла, дикого

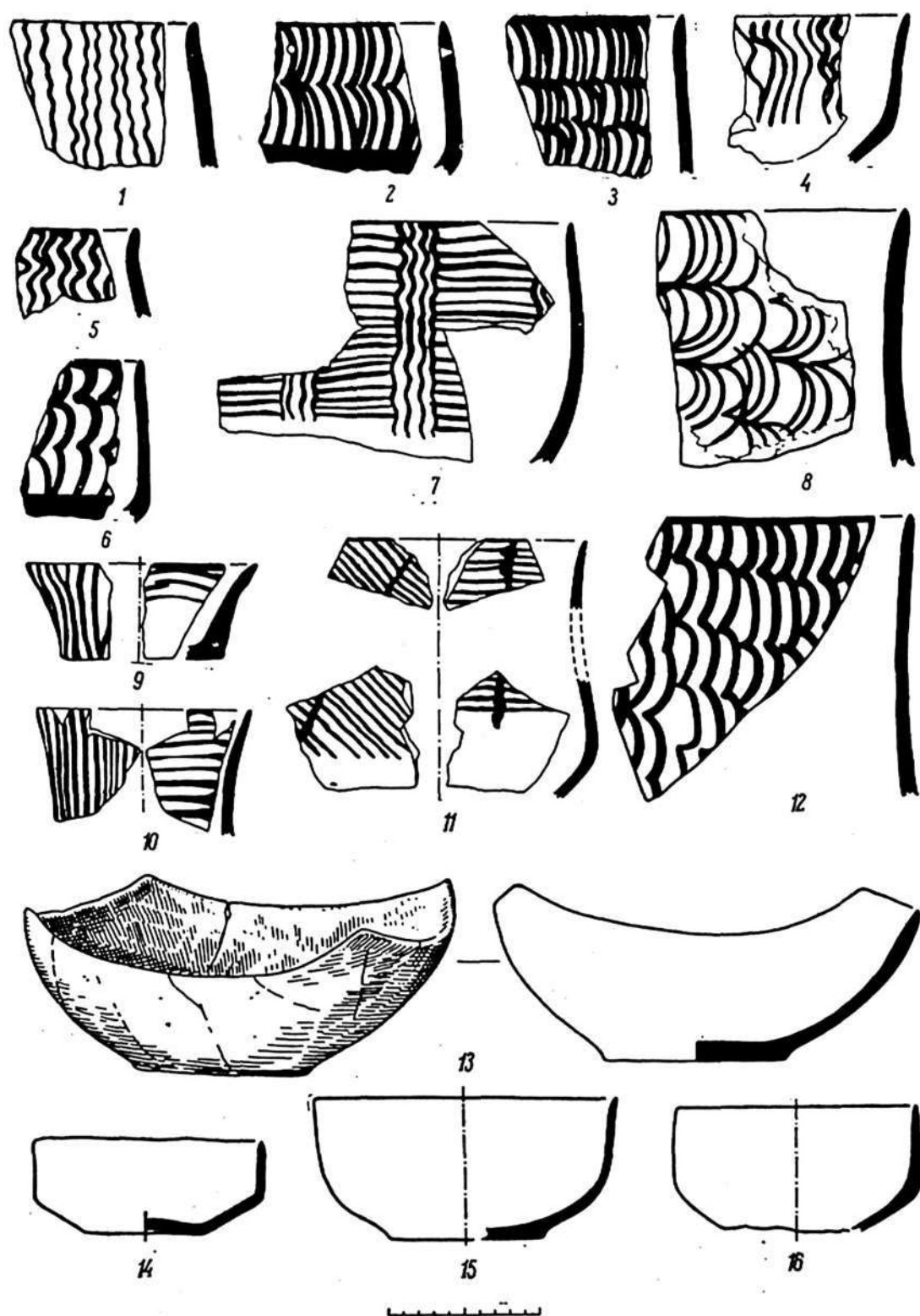

Рис. 15. Дзейтун. Керамика (1—16).

барана, джейрана и кабана. Были также найдены кости домашней собаки и в незначительном количестве диких зверей (волк, лиса), разделка туш которых, видимо, производилась на месте охоты. Как мы видели, значительная часть кремневых орудий и почти все костяные связаны с обработкой шкур, поступавших в результате охотничьей деятельности джейтунцев. Геометрические микролиты также весьма характерны именно для охотничьего хозяйства. Вместе с тем показательно, что, например, при раскопках Джейтуна не было найдено ни одного керамического пряслица. Видимо, ткачество еще находилось в зачаточном состоянии и кожи, выделанные из шкур животных, удовлетворяли ряд насущных потребностей джейтунцев, в том числе и потребность в одежде. Позднее, когда в пору энеолита скотоводство вытесняет охоту, в хозяйстве земледельческих общин исчезают геометрические микролиты, кремневые скребки и костяные скобели, зато появляются многочисленные пряслица, свидетельствующие о широком развитии ткачества.

Процесс вытеснения охоты скотоводством происходил уже в джейтунской культуре. На позднеджейтунском поселении Чагыллы-Депе количество особей домашних животных решительно преобладает над джейранами и куланами. Изменяется и сам состав стада: в число домашних животных входит уже и крупный рогатый скот, тогда как кости быка из самого нижнего слоя Чагыллы-Депе, по определению В. И. Цалкина, принадлежат еще диким особям (Бердыев, 1964б, стр. 95). Не случайно, что среди глиняных фигурок, обнаруженных в верхнем слое этого памятника, имеется превосходное скульптурное изображение быка.

Родовые поселки

Памятники оседлых земледельцев и скотоводов, оставивших джейтунскую культуру, сравнительно невелики по своим размерам. Сплошное вскрытие одного из них — поселения Джейтун — открывает возможности для изучения общественной структуры неолитических племен юга Средней Азии. При этом особое значение имеют тип домов и планировка всего поселения в целом (В. Массон, 1960а, 1964в).

Джейтунские дома возводились из глиняных блоков длиной 60—70 см с овальным сечением в 10—25 см. В глину в большом количестве подмешивалась рубленая солома. Толщина стен в среднем составляла 30 см. Глиняной обмазкой покрывались стены помещений, иногда окрашенные поверх штукатурки в красный или черный цвет. Пол жилых домов, как правило, имел известковую обмазку толщиной в 1—1,5 см, окрашенную в те же цвета. Иногда пол представлял собой просто утоптанную поверхность со следами зольной подсыпки.

Все жилые дома поселения Джейтун построены с соблюдением одних и тех же канонических приемов и норм, и их с полным основанием можно именовать стандартными (табл. III, 1). Эти дома имели в плане форму прямоугольника, близкого к квадрату. Узкая дверь прикрывалась циновками или занавешивалась шкурами; подпечные камни, указывающие на наличие вращающихся деревянных дверей, пока не обнаружены. Внутри дома, по правую руку от входящего, находился большой прямоугольный очаг (табл. III, 2), сложенный из тех же глиняных блоков, что и стены, напоминающий камин. Он представлял собой весьма массивное сооружение, занимал значительную площадь внутри помещения и был перекрыт глиняными блоками. В ряде случаев перед ним располагалась площадка, огражденная невысоким глиняным бортиком, куда выгребали угли. Часть дома, находившаяся между очагом и дверью, была отгорожена невысокой стенкой и, видимо, играла роль хозяйственного отсека. На стене дома, противоположной очагу, имелся прямоугольный выступ, в котором при хорошей сохранности можно проследить небольшую нишу, располагавшуюся сравнительно невысоко над полом. Возможно, эта ниша предназначалась для глиняных и каменных фигурок и других амулетов. Выступы во многих домах окрашивались в черный или красный цвет. В углу одного из домов была обнаружена хозяйственная яма, стенки которой, покрытые глиняной обмазкой, тщательно залощены и обожжены.

Подобная стандартная планировка, когда справа от двери располагался массивный очаг-камин, а слева — выступ с нишей, сохраняется во всех джейтунских домах (рис. 16). Различаются эти дома лишь ориентацией очага относительно стран света. Часть из них имела очаги у стены, обращенной на север, тогда как в других строениях очаги находились у восточной стены. Соответственно менялась ориентация дверей и других элементов внутри дома. Было высказано мнение, что наличие на Джейтуне двух видов ориентации домов связано с фратриальным делением (Хлопин, 1964а), но беспорядочное расположение этих домов не дает в этом полной уверенности. Площадь жилых домов колеблется от 13 до 39 м², но наиболее типичны дома площадью в 20—30 м². Средняя площадь джейтунского дома 23.5 м².

Рядом с жилыми домами располагались различные подсобные строения, возведенные в той же технике, но с меньшей тщательностью. Обычно это небольшие клетушки, пол которых никогда не покрывался известковой обмазкой. Выделяются странные на первый взгляд сооружения, состоящие из отрезков параллельных стен. Скорее всего это основания для помостов, на которых располагались зернохранилища, требующие постоянной циркуляции воздуха под полом. Позднее подобные постройки были широко распространены на неолитических поселениях юга Средней Азии. Край поселения на Джейтуне образовывали строения с не-

сколько утолщенными против обычного стенами. Специальная обводная стена на исследованных участках отсутствовала. Следует, правда, иметь в виду, что древний край поселка, как правило, сильно разрушен дефляцией.

Однокомнатные дома описанного выше типа располагались таким образом, что около входа каждого из домов имелся небольшой незастроенный участок-дворик с примыкающими подсобными строениями. Размеры этих двориков варьируют, и иногда они, видимо, были общими для двух домов. В северной части поселения находилась глинобитная платформа, представляющая собой забутованный жилой дом обычного типа. На этой платформе, судя по находкам шлаков и обгоревшим кускам глиняных блоков, производился обжиг керамики.

Остатки аналогичных домов в виде тех или иных их элементов (известковый пол, очаг) отмечены на ряде других памятников джейтунской культуры. Однако лишь на Чагыллы-Депе объем работ и тщательность раскопок позволили установить характер планировки (Бердыев, 1964б). Этот небольшой поселок, затерявшийся на крайнем юго-востоке тогдашней земледельческой зоны, состоял, вероятно, из 10—14 домов. Но сами дома были возведены по типично джейтунским стандартам.

Судя по размерам, каждый джейтунский дом был местом обитания одной парной семьи, состоявшей из 5—6 человек. Если исходить из числа одновременно существовавших домов, которых на Джейтуне было 35—40, то количество населения поселка составляло 200—240 человек. При этом следует подчеркнуть, что все поселение в целом объединяло именно жилища парных семей и нет данных, свидетельствующих о соединении нескольких таких семей в хозяйственно-территориальные группы. На первый взгляд перед нами планировка, отражающая сравнительно поздний этап развития общества, когда каждая индивидуальная семья ведет свое хозяйство независимо друг от друга. Однако это далеко не так. Небольшие «дворики» настолько малы, что иногда уступают по величине жилым домам. Хозяйственные клетушки, примыкающие к ним, имеют площадь в несколько квадратных метров и скорее всего являются кладовыми, куда помещалось личное имущество, находившееся во владении парных семей (одежда, хозяйственная утварь, орудия труда, личные украшения). Вместе с тем сооружения, в которых можно признать места хранения пищевых запасов, например зерна, не находились на участке каждой семьи, а были общими для всего поселения. Так, на вскрытом участке поселка лишь в двух местах сосредоточены находки корчаг, предназначавшихся для хранения припасов. На 26 домов имеется лишь 4 зернохранилища с основанием из отрезков параллельных стен. Наконец, как отмечалось выше, место обжига керамики — одно на все поселение. Эта картина является весьма показательной, особенно если учесть, что поселе-

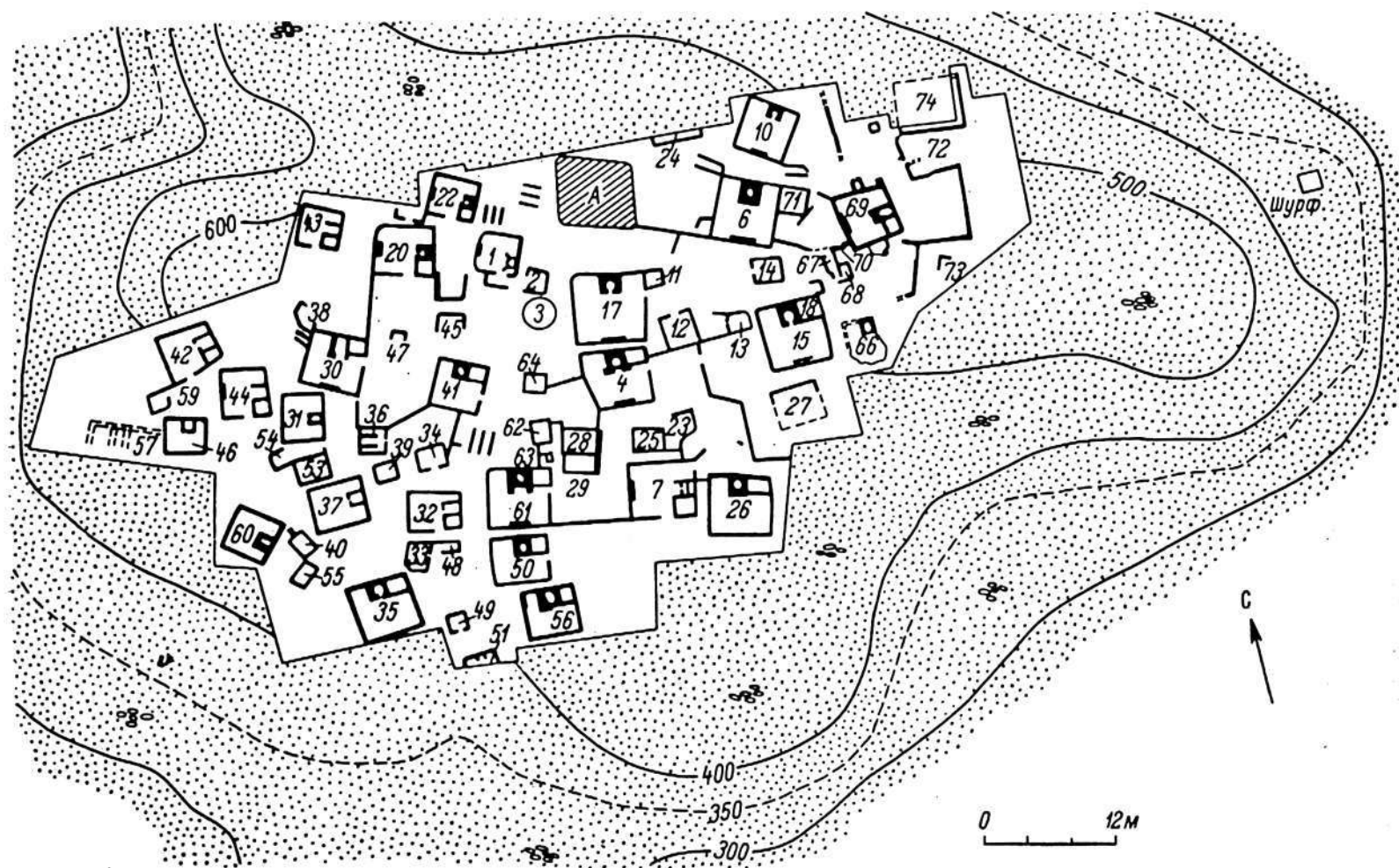

Рис. 16. Джейтун. План поселения второго слоя.

ние Джейтун в сохранившейся части раскопано полностью. Таким образом, можно заключить, что неолитический Джейтун представлял собой поселок, занятый коллективом людей, ведущих общее хозяйство.

Судя по величине поселка, это был род, объединявший парные семьи, обитавшие в однокомнатных домах. Скорее всего перед нами материнский род, характерный для раннеземледельческого общества, еще тесно связанного с хозяйством присваивающего типа.

Элементы духовной культуры

Как правило, археологические материалы, достаточно ярко характеризующие хозяйство и материальную культуру, доставляют лишь ограниченные данные для характеристики культуры духовной. Джейтунские памятники пока не составляют в этом отношении счастливого исключения. На самом Джейтуне, хотя поселение было открыто полностью, не обнаружено строений, могущих быть признанными в качестве остатков родового святилища или другого какого-либо здания общественного назначения. Возможно, родовые фетиши хранились просто в доме той семьи, которая считалась ближе стоящей к общеродовому предку, как это было, например, у племен пуэбло. К числу фетишей отдельных семей, вероятно, принадлежат небольшие фигурки животных и реже людей, находимые на джейтунских поселениях. Среди них выделяется терракотовый торс миниатюрной женской фигурки с коническими грудями, одна из которых отбита (рис. 17, 3). Значительно более крупным статуэткам принадлежали головки, выполненные в условно-плоскостной манере со схематическим изображением носа, бровей и нависающего подбородка (рис. 17, 21). Фигурки животных в равной мере представлены экземплярами как из обожженной, так и из необожженной глины. Их исполнение также носит черты небрежности и схематизма (рис. 17, 13—20). Некоторые из фигурок явно воспроизводят козлов. Многие из необожженных статуэток имеют отверстия, сделанные острыми палочками, возможно, следы каких-то магических обрядов. На Чагыллы-Депе обнаружена даже фигурка, в которой так и осталось воткнутое в нее костяное острие.

В качестве подвесок, по-видимому игравших роль амулетов-оберегов, употреблялись также фигурки животных, выточенные из камня (рис. 17, 22, 23). Довольно реалистически выполнена подвеска в виде головы барана (рис. 17, 2). Одна подвеска была из шлифованного камня, напоминающего сидящую человеческую фигуру (рис. 17, 1).

Кроме амулетов, носились бусы из кости, камня, в том числе из бирюзы и из раковин. Последние в силу отдаленности джейтунских памятников от моря встречаются крайне редко, но тем более

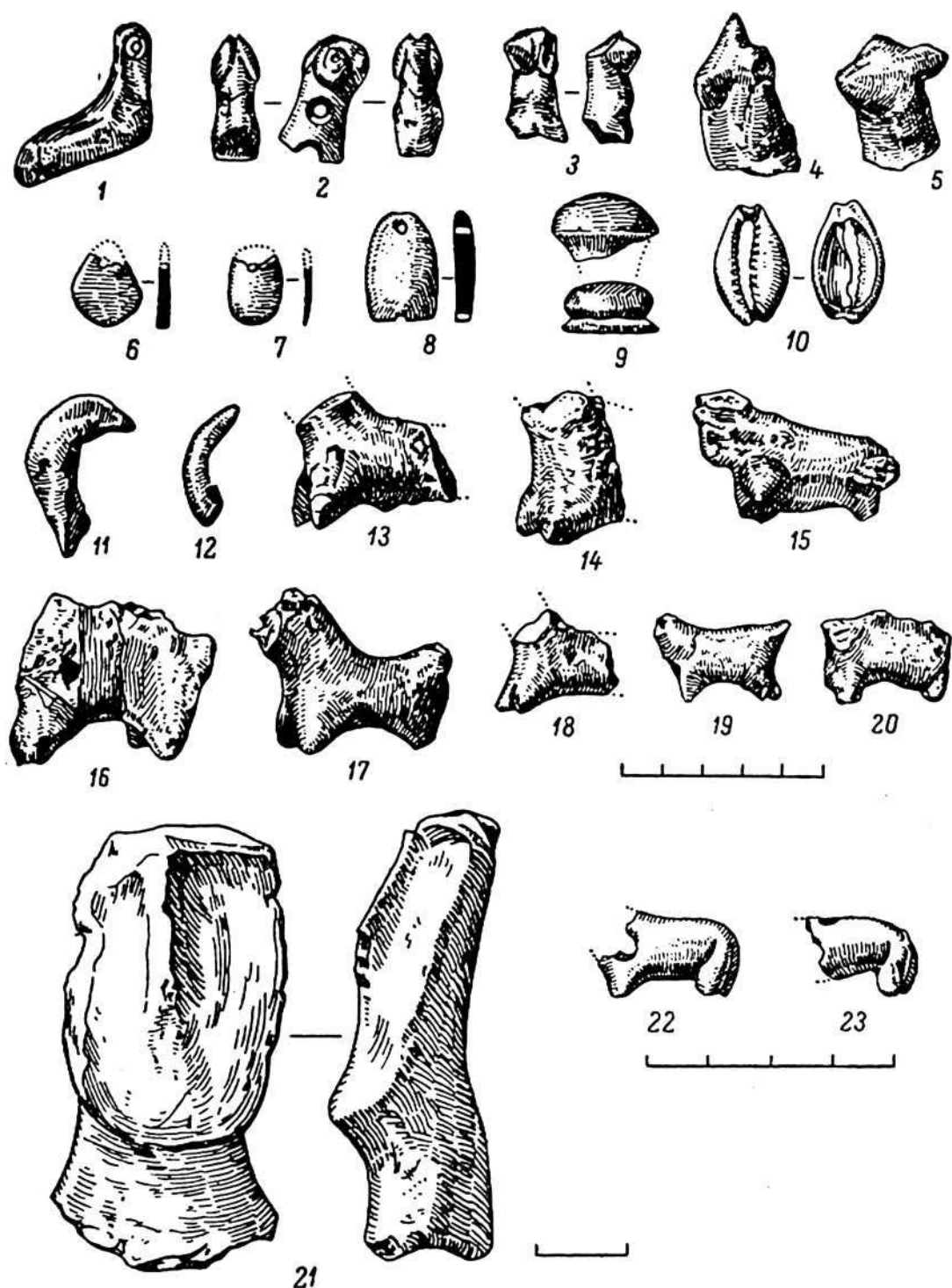

Рис. 17. Джейтун. Поделки из камня (1, 2, 6—9, 22, 23), глины (3—5, 11—21) и раковин (10).

показательна находка раковин каури, происходящих скорее всего из Индийского океана (рис. 17, 10).

Не вполне ясным остается характер джейтунских кладбищ. На территории поселков найдены лишь одиночные погребения. Таковы скорченные захоронения, обсыпанные красной краской, на Чопан-Депе (Дурдыев, 1959) и единственное захоронение ребенка на Джейтуне. Вероятно, небольшие размеры поселков побуждали отдавать предпочтение погребениям вне их пределов.

Древним джейтунцам не были чужды и развлечения. Во всяком случае скорее всего именно как фишки какой-то игры следует рассматривать терракотовые поделки в виде конуса, усеченного конуса и других форм (В. Массон, 1960а; Коробкова, 1960). Возможно, некоторые каменные поделки были также фишками аналогичного назначения (рис. 17, 9).

Происхождение и расселение джейтунских племен

Несмотря на всю свою архаичность, культура обитателей джейтунских родовых поселков отнюдь не производит впечатления неустойчивого примитива. Наоборот, это вполне сложившийся культурный комплекс с устойчивыми элементами, что особенно заметно, например, по архитектурным стандартам. В целом можно говорить о сложении джейтунской культуры на основе мезолитического пласта южных областей Средней Азии. Об этом в первую очередь свидетельствует целый ряд аналогий между Джейтуном и прикаспийским мезолитом. Так, например, кремневая индустрия Джейтуна и пещеры Джебел производят впечатление двух групп, развившихся на общей основе. Весьма близки в обоих памятниках и геометрические орудия, и скобели, и скребки, и сверла. Правда, в Джебеле, где земледелие не было развито, совершенно нет вкладышей серпов. Конусы из необожженной глины, аналогичные терракотовым фишкам Джейтуна, обнаружены в мазандеранской пещере Гари-Камарбанд. Оттуда же происходит каменная подвеска, напоминающая сидящую фигуру, весьма близкая по добной поделке с Джейтуна. Все это позволяет говорить о генетической связи джейтунской культуры с памятниками поры мезолита. При этом следует иметь в виду, что в прикаспийском мезолите в силу природных условий не получил сколько-нибудь широкого распространения сбор дикорастущих злаков, в то время как в районе Туркмено-Хорасанских гор и в настоящее время насчитывается до 40 видов дикорастущей пшеницы. Вполне вероятно, что племена, населявшие этот район в пору мезолита, и являлись непосредственными предшественниками джейтунской культуры. Но сами джейтуны уже были не горными жителями, а обитателями равнины, где дикорастущие злаки отсутствовали. Семена пшеницы

и ячменя должны были быть принесены сюда из горных областей. Возможно, оттуда же с гор пришла и традиция охоты на баранов и безоаровых козлов, а не на степных животных, более характерных для пустынно-степных ландшафтов джейтунской культуры. Поиски в Туркмено-Хорасанских горах памятников мезолитических племен, возможно напоминавших натуфийских собирателей Палестины, являются одной из важнейших задач археологии Средней Азии. Вместе с тем переход к производящему хозяйству племен, обитавших на юге Средней Азии, являлся лишь частным проявлением аналогичных процессов, охвативших обширные области Ближнего Востока. Недаром джейтунские памятники находят ряд близких аналогий в таких раннеземледельческих комплексах, как палестинский Иерихон и североиракское Джармо (В. Массон, 1964в). Эти аналогии, в частности, позволяют предполагать, что непосредственным предшественником Джейтуна должна быть оседлоземледельческая культура, в которой еще отсутствует глиняная посуда.

С большей отчетливостью вырисовывается картина дальнейшей истории джейтунских племен. Видимо, именно центральный район, или Ахал, был тем местом, где основали свои первые поселки родовые общины, спустившиеся с гор. Во всяком случае только здесь расположены известные памятники со слоями, относящимися к ранней поре джейтунской культуры (Джейтун, Чопан-Депе, Тоголок-Депе). Вероятно, из этой области вскоре началось расселение джейтунских племен, возрастающая численность которых неизбежно приводила к освоению новых пространств. Так, оба памятника, обследованные в восточном районе, содержат слои лишь позднеджейтунского времени (Чагыллы-Депе, Монджуклы-Депе). В равной мере к позднеджейтунскому времени относится и вся двухметровая толща культурных отложений поселения Бами в западной части прикопетдагской равнины. Создается впечатление, что джейтунские родовые коллективы расселялись одновременно в западном и восточном направлениях (Бердыев, 1964а). Вполне естественно, что при распространении одной культуры на достаточно обширной территории (расстояние от самого западного джейтунского памятника до наиболее восточного около 450 км) начали проявляться локальные варианты и различия. Действительно, расписная керамика Чагыллы-Депе рядом особенностей существенно отличается от бамийской посуды. Особенно показательно широкое распространение на поселке Бами росписи лесенкой, совершенно не известной на памятниках центрального и восточного районов. Вполне вероятно, что эти три района — западный, центральный и восточный — соответствуют территориям обитания трех племенных групп или скорее даже трех племен, объединявших в каждом случае несколько мелких родовых поселков. Правда, для более убедительного решения этого вопроса требуется существенное увеличение имеющихся материалов. От-

дельные родовые коллективы, разбросанные на значительной территории, вели замкнутое натуральное хозяйство, потенциальные возможности которого еще не проявились в должной мере. Но именно на этой неолитической основе складываются блестящие оседлые культуры энеолита и бронзы, которые ставят племена южной Средней Азии в один ряд с высокоразвитыми культурами Белуджистана, Афганистана и Ирана. Тот грандиозный экономический скачок, который, может быть, не столь явственно ощутим за внешним архаизмом джейтунской культуры, проявил себя в это время в полной мере и во всем великолепии.

Глава 2.

Энеолит юго-запада Средней Азии

Энеолит на юге Средней Азии, точнее в Южной Туркмении, является особой эпохой в историческом развитии населения указанной территории длительностью около полутора тысячелетий. От предшествующего джейтунского периода эпоха энеолита отличается многими чертами. Важнейшими из них следует считать следующие: 1) прочную оседлость на базе сложившегося земледельческо-скотоводческого хозяйства с применением искусственного орошения; 2) интенсивное освоение значительной территории и увеличение плотности населения, приводящее к выделению и усилению локальных вариантов культуры; 3) освоение и внедрение в практику ряда новых навыков и целых отраслей домашнего производства (металлургия, прядение, формовка кирпича, усовершенствование гончарства и мн. др.); 4) усложнение общественных отношений, приведшее, по-видимому, в итоге к сложению патриархального рода со всеми вытекающими отсюда изменениями в идеологических представлениях; 5) на данном этапе южнотуркменские общины оказываются теснее втянутыми в сферу культур расписной керамики Переднего Востока и как следствие в орбиту древневосточных цивилизаций.

Памятники ранних земледельцев представлены остатками своеобразных поселений, которые в специальной литературе получили наименование «тепе» (депе) или «теллей». Это холмы, довольно крупные по площади, которые образовались в результате деятельности многих поколений людей, веками живших на одних и тех же местах; толщина их культурных слоев иногда достигает нескольких десятков метров. Такие холмы стали в настоящее время предметом пристального изучения археологов.

После раскопок, осуществленных экспедицией Р. Пампелли в 1904 г., Г. Шмидтом была предложена периодизация культуры оседлых земледельцев Южной Туркмении по поселению Анау (Анау I—IV) (Pumpelly, 1908), которой пользовались все исследователи в течение 50 лет. Грандиозные шурфы на крупнейшем поселении края Намазга-Депе позволили детализировать эту периодизацию и выделить шесть последовательных культурно-

хронологических комплексов, получивших соответственно наименования Намазга I—VI (Куфтин, 1956; В. Массон, 1956д).

Энеолит Южной Туркмении охватывает три нижних хронологических периода стратиграфической схемы — Намазга I (Анау IB), Намазга II (Анау II) и Намазга III, которые соответственно в общих чертах можно считать ранним, развитым и поздним энеолитом. Эти периоды в основном при помощи археологических методов датировки радиоуглеродного анализа можно целиком помещать в IV тыс. до н. э., причем ранний энеолит еще уходит в конец V тыс. до н. э., а поздний захватывает первую четверть или треть III тыс. до н. э.

Комплекс Намазга I характеризуется относительно простой керамической орнаментацией преимущественно геометрического характера, выполненной при помощи одной краски. Изменение всего стиля росписи посуды и главным образом появление второй, красной краски характеризует комплекс Намазга II. В керамическом комплексе Намазга III снова отсутствует полихромная роспись посуды, но геометрические мотивы становятся более дробными и вычурными. Основным же признаком этого комплекса служит массовая зооморфная орнаментация и ее сочетание с определенными символами, неизвестными ранее.

Разнообразные органические остатки, найденные в археологических раскопках, и специальные геоморфологические исследования позволили с известной полнотой представить те природные условия, в которых жили древние земледельцы. В IV—III тыс. до н. э. подгорная равнина Копет-Дага была более влажной. Это объяснялось тем, что все подгорные ручьи и реки несли свои воды на север дальше, чем теперь, поскольку в настоящее время их воды интенсивно разбираются для орошения полей. Остатки углей и дерева в сочетании с данными пыльцево-спорового анализа позволяют восстановить черты растительного покрова местности тех времен. По берегам ручьев и в оазисах произрастали тополь двух разновидностей, клен, ива, берест и тамарикс-юлган — типичные представители тугайной флоры; кроме того, тростник, осока, злаки, полынь, водные растения и сложноцветные. По сути дела этот же растительный комплекс сохранился до нашего времени (Лисицына, 1963б, 1964б).

В тугаях водились кабаны, бухарские олени и зайцы. Пустынная степь, которая начиналась по мере удаления от воды, изобиловала стадами быстроногих животных: куланов, джейранов и сайгаков. Ближе к горам и в горах были распространены безоаровые козлы и дикие бараны, вероятно водились и хищники: барс, волк, шакал и лиса.

Поселения эпохи энеолита (начиная с Намазга I) были расположены на среднем течении текущих с гор ручьев. В конце периода Намазга I осваиваются также дельтовые протоки единственной крупной реки в этих местах — р. Теджен. Весенние разливы, которые позднее сочетались с примитивными подпрудками, выносили паводковую воду на поля. Там она высыхала, оставляя слой плодородного ила; влаги было достаточно для произрастания и вызревания урожая ячменя и пшеницы — древнейших и основных культур ранних земледельцев.

Культура человеческого общества на любой стадии его развития складывается из нескольких основных компонентов: материальная культура (жилища и поселения, орудия производства, способ ведения хозяйства и его отрасли), общественные и семейные отношения и духовная культура (культы, верования, обряды). Исходя из этой посылки, характеристика земледельцев Южной Туркмении поры энеолита и построена на рассмотрении трех названных компонентов.

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

Поселения и жилища раннего энеолита

Раскопки поселений на значительной площади дали возможность судить о типе жилых строений, увидеть тенденцию их развития, а также составить представление об общем облике поселений на разных этапах развития культур древних земледельцев Южной Туркмении.

Несмотря на то что поселения подгорной полосы Копет-Дага времени раннего энеолита (Намазга I) изучены слабо, можно утверждать, что население этих мест обитало в поселках, значительных по площади и количеству домов. Каждый поселок состоял из ряда жилых однокомнатных домов (Яссы-Депе), причем становится заметной тенденция к их слиянию в один многокомнатный дом. Не будет ошибкой считать, что ко времени Намазга II в подгорной полосе переход от однокомнатных домов к многокомнатным уже завершился.

Значительно больше данных в этом плане дали раскопки поселений Геоксюрского оазиса, на материалах которого и строится предлагаемая ниже эволюция жилищ. Наиболее ранним здесь является Дашлыджи-Депе, относимое ко времени позднего Намазга I (Хлопин, 1960а). Оно во всех трех слоях содержит остатки однокомнатных домов, в которых тенденция к слиянию еще не наблюдается. Более того, они, так же как и в неолите, не дифференцированы, хотя в сторону этого можно отметить кое-какие

сдвиги. Здесь мы уже не наблюдаем той характерной «стандартности», которая так типична для Джейтуна: дома имеют различную ориентацию входа и отличаются незначительным своеобразием в оформлении интерьеров. Пока остается открытым вопрос о наличии оборонительных сооружений в этом периоде, однако все же можно склониться к тому, что специальных обводных стен еще не строили. Можно полагать, что первые поколения обитателей Геоксюрского оазиса, еще не порвавшие непосредственных связей с населением подгорной равнины, жили так же, как их предки. Поселение не было укреплено и состояло из маленьких однокомнатных домов.

Жилые дома Дышлыджи-Депе имеют ряд общих черт. Так, например, все они небольших размеров (около 10 м²); в левом от входа углу находится квадратный в плане очаг, сделанный из поставленных на ребро кирпичей. Один из углов комнаты отгорожен выступающей поперечной стенкой. Одно помещение выделяется из числа остальных значительно большими размерами, длительным существованием и тщательной отделкой интерьера; однако в целом оно такое же, как и остальные.

Поселения и постройки развитого энеолита

Иную картину мы наблюдаем в Геоксюрском оазисе на следующем, ялангачском этапе (период Намазга II). Здесь поселения по-прежнему состоят из небольших однокомнатных домов (Ялангач-Депе, Муллали-Депе и др.), но теперь они окружены оборонительными стенами, которыми охвачена значительная площадь, от 300 до 800 м². В плане это многоугольник, стороны которого имеют 8.5—10 м в длину. Между отрезками стен, на их изгибах, расположены круглые постройки. Их входные проемы направлены внутрь огражденного участка. Тот участок стен круглой постройки, который обращен наружу, по своей толщине одинаков с обводной стеной, т. е. достигает 50 см (обращенные внутрь стены вдвое тоньше). Заполнение круглых помещений ничем не отличается от заполнения жилых домов. В круглых «башнях» отсутствуют крупные бытовые очаги, но в ряде случаев имеются небольшие открытые жаровни, сооруженные непосредственно на полу. По-видимому, круглые постройки, включенные в периметр ограды, в ряде случаев использовались для жилья, хотя в настоящее время трудно утверждать, что они предназначались именно для этого.

Внутри огражденного участка верхнего строительного горизонта Ялангач-Депе сохранилось несколько сооружений. Это крупное центральное помещение площадью около 37 м² со стенами из двух рядов кирпича, внутри которого расположена прямоугольная двухчастная жаровня-подиум. Такая же жаровня-подиум,

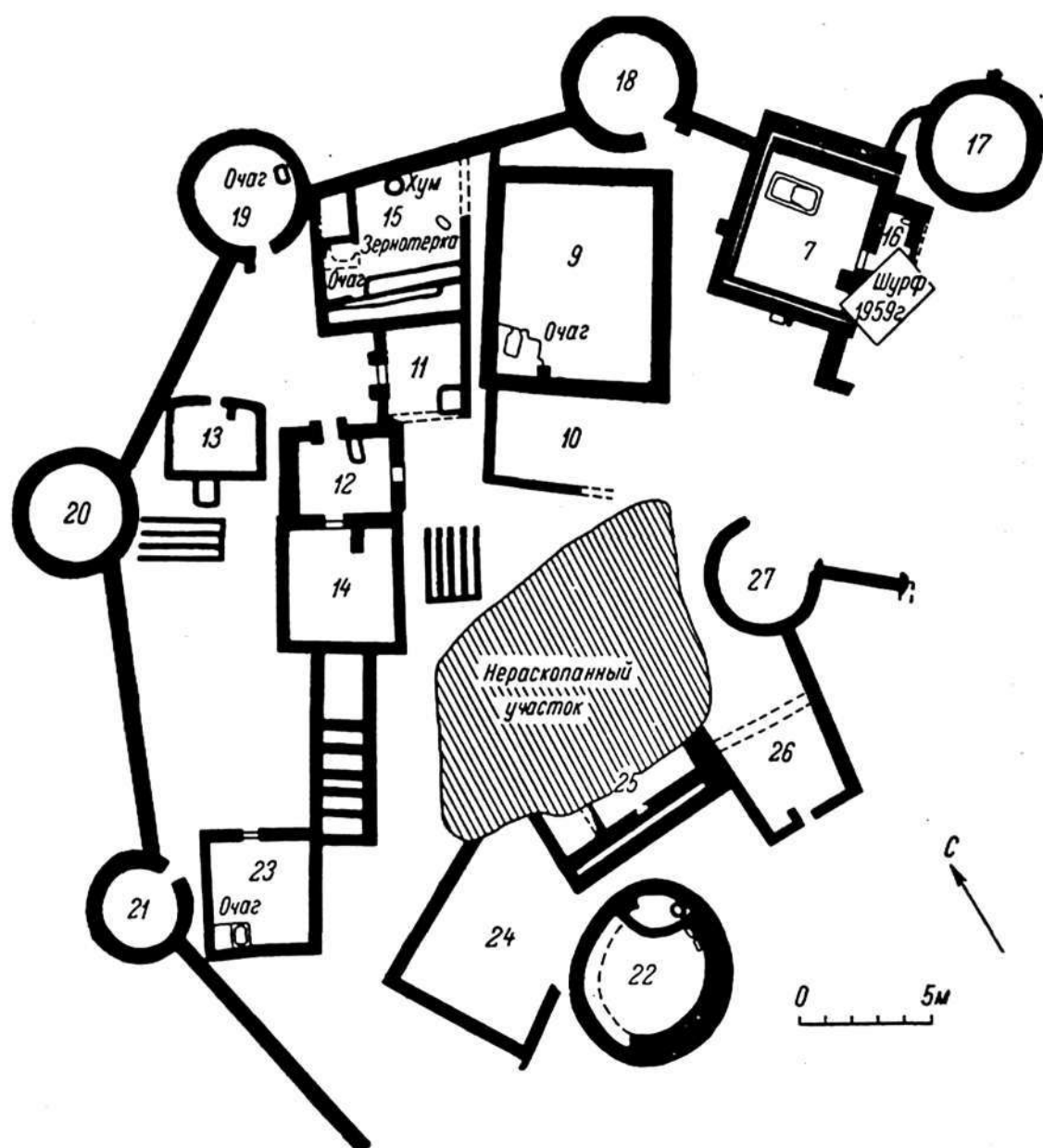

Рис. 18. Муллали-Депе. План поселения верхнего слоя.

только меньшего размера, имеется и в другом помещении. Третьим сооружением является круглое (6.1 м в диаметре) здание.

Сооружения второго строительного горизонта вскрыты на северо-западной половине холма. Так же как и в первом горизонте, продолжает существовать центральное помещение. На его юго-западной стене был расчищен уникальный антропоморфный налп из слегка обожженной глины.

Остальная часть поселения состоит из ряда помещений, сосредоточенных в западной части холма. Это типично жилая часть поселка. Тут мы видим по меньшей мере пять жилых домов и несколько комнат хозяйственного назначения. Все жилые дома сравнительно небольшие по площади; неизменно слева от входа находится очаг, приподнятый над полом.

Во многом близка к описанной и планировка поселения Мул-лали-Депе (Хлопин, 1964а). Оно состояло из окруженных обводной стеной однокомнатных домов (рис. 18), хотя уже заметна тенденция к их слиянию. Жилое помещение представляло собой почти квадратную комнату площадью около 10 м². Почти во всех жилых домах сохранились остатки угловых прямоугольных очагов, которые по своей конструкции почти не отличались от ялангачских.

Особняком на поселении стоят два здания. Первое, прямоугольное, ориентированное углами по сторонам горизонта, имеет утолщенные стены и в одном из углов тщательно сделанную двухчастную жаровню-подиум, окруженную бортиком и разделенную ступенькой на две разновысокие части; в пониженной отмечены следы слабого огня.

Другое здание представляет собой круглый дом около 6 м в поперечнике со стенами толщиной до одного метра. Там были найдены зернотерки и каменные напярсла, а в северо-восточной части находился овальный отсек с небольшой обмазанной глиной круглой ямой.

Раскопки пяти других поселений Геоксюрского оазиса свидетельствуют о типичности перечисленных элементов. Так, на Акча-Депе (Сарианиди, 1962б), помимо жилищ, открыто здание с прямоугольной глиняной жаровней-подиумом и часть круглого дома. На Айна-Депе, в его третьем строительном горизонте, вскрыт жилой комплекс из нескольких помещений, где наряду с бытовым очагом найдена такая же жаровня-подиум и в смежной комнате — круглый жертвенник. На поселениях Геоксюр 1, Геоксюр 7 и Геоксюр 9 вскрыты жилища и части обводных стен.

Все жилые постройки ялангачского этапа объединяются в три группы. К первой относятся прямоугольные дома без очагов. Ко второй — те, у которых в один из углов (обычно или слева от входа, или дальний правый) помещен крупный бытовой очаг. Третья группа домов, незначительная количественно, наиболее интересна — именно в ней наблюдается тенденция к многокомнатности, поскольку почти каждый из домов имеет пристройку, вход в которую возможен только через дом. Кроме обычного углового очага для хозяйственных нужд, в этих домах имеется жаровня-подиум; такая жаровня является характерным атрибутом общественных домов — зародышей родовых святилищ.

Таким образом, для времени Намазга II в Геоксюрском оазисе характерны укрепленные поселения, состоящие из однокомнатных домов трех разновидностей с отчетливой тенденцией к образованию многокомнатных домов. Этот период — последний, в котором можно проследить переживание джейтунских домостроительных традиций.

Другой характерной особенностью поселения ялангачского этапа следует считать появление особой группы сооружений, из-

менившей существо поселка по сравнению с дашлыджинским этапом. Это крупные здания явно общественных функций.

Появление различных сооружений нежилого назначения в Геоксюрском оазисе с достоверностью фиксируется лишь с ялангачского этапа, т. е. со времени Намазга II, хотя некоторые такие сооружения отмечаются и ранее. Наиболее существенными среди них следует считать прямоугольные общественные дома и круглые, отдельно стоящие здания.

Общественные дома начинают строить в подгорной полосе Копет-Дага, по-видимому, в период Намазга I. Об этом свидетельствуют двухкомнатный дом с полихромной стенной росписью на Яссы-Депе (табл. V, 3) и обрывки настенных полихромных панно из шурфа на северном холме Анау.

В Геоксюрском оазисе, по мнению некоторых исследователей, появление общественных домов отмечается с начала освоения этой территории. В нижнем и втором строительных горизонтах Дашлыджи-Депе раскопано помещение, которое, как уже отмечалось, по площади было почти втрое больше любого другого жилого дома. Оно могло использоваться для каких-либо собраний, но это не было его основной функцией.

С ялангачского этапа появление общественных домов уже не вызывает сомнений. Они открыты на большинстве поселений и показывают прочную традицию сооружения подобных построек по каким-то выработанным канонам: 1) возводятся такие здания в течение ряда строительных периодов на одном и том же месте поселения; 2) размер общественного здания значительно (подчас более чем вдвое) крупнее жилого дома, и выстроено оно с большей прочностью и тщательностью; 3) ориентация углов дается по сторонам горизонта; 4) отсутствуют бытовые сооружения (очаги) и предметы домашнего обихода; 5) в каждом здании на полу зафиксирована низкая прямоугольная двухчастная жаровня, окруженная бортиком, причем следы огня отмечены лишь на одной части.

Круглые отдельно стоящие дома являются также особенностью поселений ялангачского времени. Они значительны по размерам (более 6 м в поперечнике), и их стены сложены прочнее, чем стены других построек; сама толщина стен, достигающая одного метра, и незначительный наклон внутрь позволяют выдвинуть предположение, что подобные сооружения могли иметь ложносводчатое (купольное) перекрытие.

Поселения и постройки позднего энеолита

Поселения позднего энеолита были раскопаны лишь на трех памятниках, однако значительная вскрытая площадь позволяет представить облик поселения этого времени в целом. Два из этих

поселений (Геоксюр 1 и Чонг-Депе) расположены в Геоксюрском оазисе, а третье, Кара-Депе, находится в подгорной полосе близ станции Артык.

На Кара-Депе в центральной части холма вскрыто около 130 различных помещений, относящихся к многокомнатным жилым массивам. Помещения можно подразделить на две категории: большие жилые комнаты с обогревательными очагами типа сандалов в полу и маленькие узкие комнатки, служащие кладовыми и хранилищами. Кроме того, крупные, огражденные стенами участки можно по ряду признаков считать хозяйственными дворами. Комплексы помещений отделены друг от друга толстыми глухими стенами, узкими проулками и более широкими улицами. В центре поселка обнаружен незастроенный участок — своеобразная площадь.

В северной части поселения расположены два смежных комплекса. В центре их находились дворы, окруженные мелкими помещениями. Южнее площади массив состоял преимущественно из крупных комнат скорее производственного характера. В него были включены участки из параллельных стенок, на которых, вероятно, были либо настилы, либо зернохранилища. Такие же группы стенок-фундаментов отмечаются и во дворах.

Поселение Геоксюр 1 (рис. 19), как и Кара-Депе, состояло из многокомнатных домов, объединенных в крупные кварталы, ограниченные улицами. К сожалению, ни один квартал не расчищен полностью, однако раскопанных частей уже достаточно для выяснения общей картины и принципа планировки поселения.

Жилые дома состояли из нескольких комнат и зачастую объединялись общим двором с очагом для приготовления пищи. В каждом жилом комплексе было 1—2 крупных помещения с обогревательными круглыми очагами в полу; к ним примыкало несколько подсобных помещений — закромов и кладовых.

Одно из помещений почти квадратное, площадь его равна 15.5 м². Слева от двери имеется прямоугольный выступ, а в северном углу — керамическая вымостка. В центре помещения находится ограниченный валиком глинобитный, сильно обожженный круг с гладкой горизонтальной поверхностью и круглым отверстием в центре (табл. VI, 2). Можно полагать, что раскопки вскрыли одно из наиболее ранних святилищ с округлым алтарем в центре, предназначенным для священного огня. Примыкающее к святилищу более крупное помещение играло роль двора.

Производственный комплекс в юго-восточной части раскопа связан с изготовлением керамики. Там была вскрыта небольшая обжигательная печь с остатками ложносводчатого перекрытия.

Самым поздним из всех поселений Геоксюрского оазиса является Чонг-Депе; отмеченные традиции планировки здесь полностью сохраняются. На раскопанной части поселения вскрыто

около 50 различных помещений, которые по ряду признаков можно отнести к пяти комплексам. Основным критерием для такого разделения служат прямоугольные, средних размеров комнаты (от 7.5 до 17 м²), в центре которых на полу находились круглые глинобитные алтари, тождественные тому, который происходит из святилища поселения Геоксюр 1. К этим помещениям примыкали другие комнаты, причем группы комнат отделены друг от друга довольно широкими проходами или незастроенными участками (Сарианиди, 1965).

Из всех архитектурных деталей Чонг-Депе особенно примечательны круглые алтари, выполненные как бы по одному образцу. Их диаметр колеблется от 60 до 95 см; диаметр срединного отверстия равен примерно $\frac{1}{3}$ диаметра круга; глубина цилиндрического канала равна его диаметру. Четыре алтаря имеют только внешний бортик, а один — два бортика: внешний и внутренний, окружающий центральное отверстие.

Таким образом, поселения позднего энеолита (конец Намазга II и Намазга III) состоят из ряда многокомнатных домов. Эти дома объединяются в кварталы, причем последние отделены друг от друга

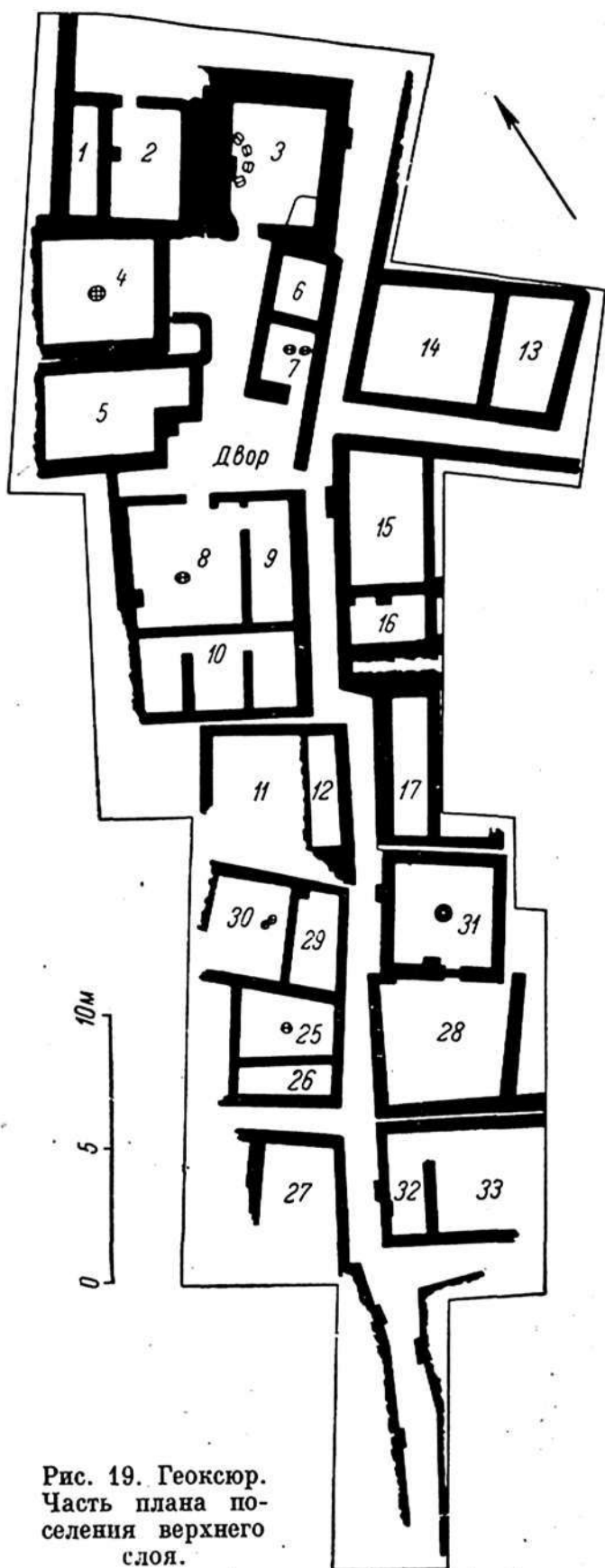

Рис. 19. Геоксюр. Часть плана поселения верхнего слоя.

улицами или просто незастроенными участками. В отличие от периода однокомнатных домов такой принцип застройки поселения можно назвать «протогородским», тем более что его общая площадь возрастает во много раз: Кара-Депе и Геоксюр приближаются к 6—8 га, а Намазга-Депе — почти к 70 га. Жилые помещения сравнительно большие, в среднем 20 м². Внутри такого помещения ничего нет, кроме небольшого круглого обогревательного очага типа сандала, вделанного в пол. Обращает на себя внимание отсутствие в жилых комнатах этого времени крупных очагов для приготовления пищи. Одновременно у дверных проемов часто обнаруживаются подпечные камни, почти совершенно отсутствующие на более ранних поселениях. Хозяйственные помещения (кладовые и т. п.) были составной частью каждого дома, причем иногда их насчитывается несколько. В одних хранилось зерно (Геоксюр), в других — посуда и прочие изделия (Кара-Депе).

Если мы сравним общественные здания предыдущего периода со святилищами геоксюрского времени, то заметим довольно отчетливое уменьшение площади последних. Так, если общественные дома ялангачского периода колеблются в размерах от 37 до 22 м², то площадь наиболее крупного святилища геоксюрского этапа 17 м², а наименьшего — 7.5 м². Одновременно заметно постепенное увеличение площади предвходного тамбура.

До сих пор в поселениях позднего энеолита не обнаружено следов оборонительных стен. Вопрос о наличии их в это время пока остается открытым. Однако не исключена возможность, что при более регулярной планировке поселения роль обводных стен могли играть глухие внешние стены домов-массивов.

В начале периода Намазга III все рассмотренные нами поселения позднего энеолита оказались заброшенными. Если причину этого для Кара-Депе пока установить затруднительно, то с поселениями Геоксюрского оазиса картина как будто проясняется. При освоении этих мест поселки были основаны лишь на местах холмов Дашлыджи-Депе, Акча-Депе и Геоксюр 1. Затем возникают еще три поселения — Айна-Депе, Ялангач-Депе и Геоксюр 7, но не в результате притока нового населения, а за счет внутренних ресурсов, по мнению автора этих строк, за счет сегментации родового коллектива, населявшего Геоксюр 1. Через ряд столетий протоки дельты, на которых базировались названные поселения, либо высыхают, либо меняют свое русло (Лисицына, 1963а, 1963б). Последнее послужило причиной переноса поселений на новые места: возникают соответственно Геоксюр 9, Муллали-Депе и Чонг-Депе.

К позднему энеолиту по тем же причинам жизнь сохраняется в оазисе только в двух местах, на холмах Геоксюр 1 и Чонг-Депе, где концентрируются остатки населения. К этому же времени, надо полагать, можно относить начало ухода каких-то групп лю-

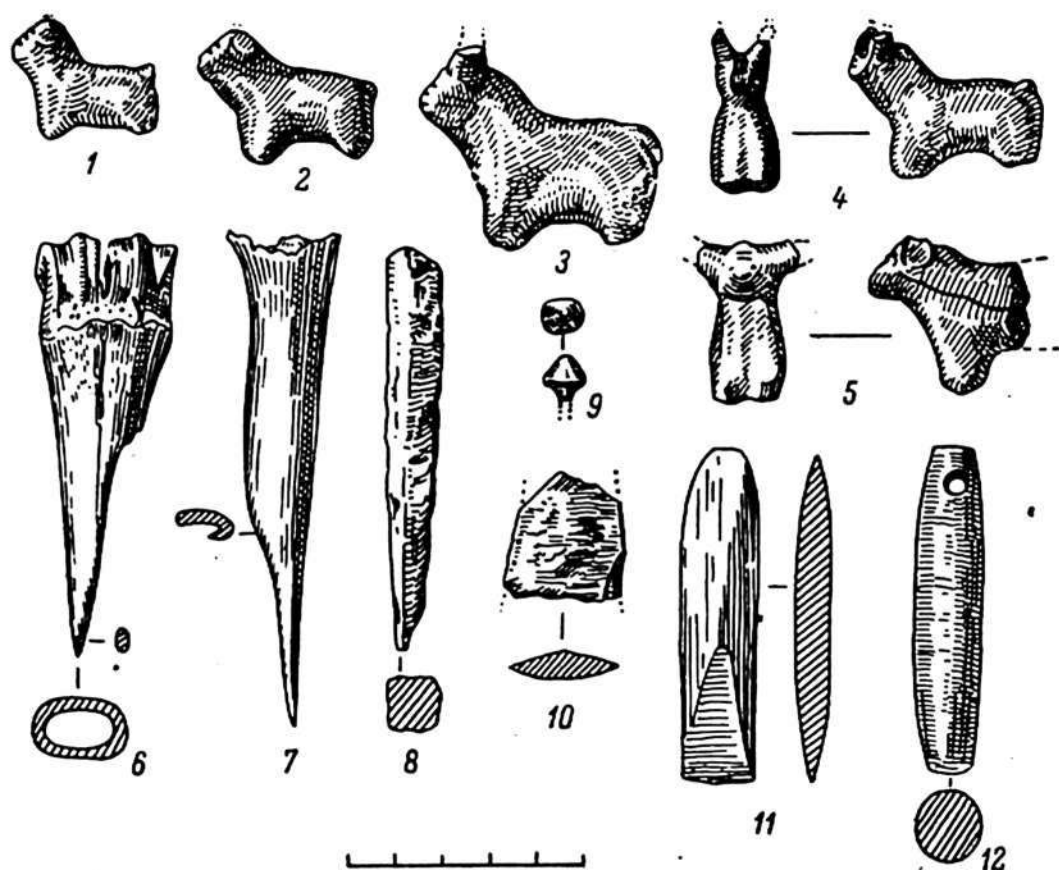

Рис. 20. Глиняные (1—5), костяные (6, 7), медные (8—10) и каменные (11, 12) изделия поры раннего энеолита.

дей из некогда процветавшего края. Одни из них ушли вверх по Теджену, в одной из излучин которого возникает новое поселение Хапуз-Депе, другие вернулись в подгорную зону, а какая-то часть вообще покинула пределы Южного Туркменистана и смешалась с сельскохозяйственным населением Афганистана.

Производственный инвентарь

Орудия производства и инструменты древних земледельцев дошли до нас в довольно ограниченном количестве. Изготавливались они из всех известных в то время материалов: камня, кости, глины и металла (рис. 20, 21).

Из различных пород камня были сделаны орудия, связанные главным образом с земледелием. К ним относятся кремневые вкладыши для жатвенных ножей, обработанные, как правило, «пильчатой» ретушью, булавовидные грузила для палок-копалок, зерно-терки, ступки и песты. Кроме того, ряд каменных инструментов предназначался для иных нужд, например, веретенные напрасла, специальные отжимники из мыльного камня употреблялись для обработки кремня, а шпатели — для выравнивания керамики.

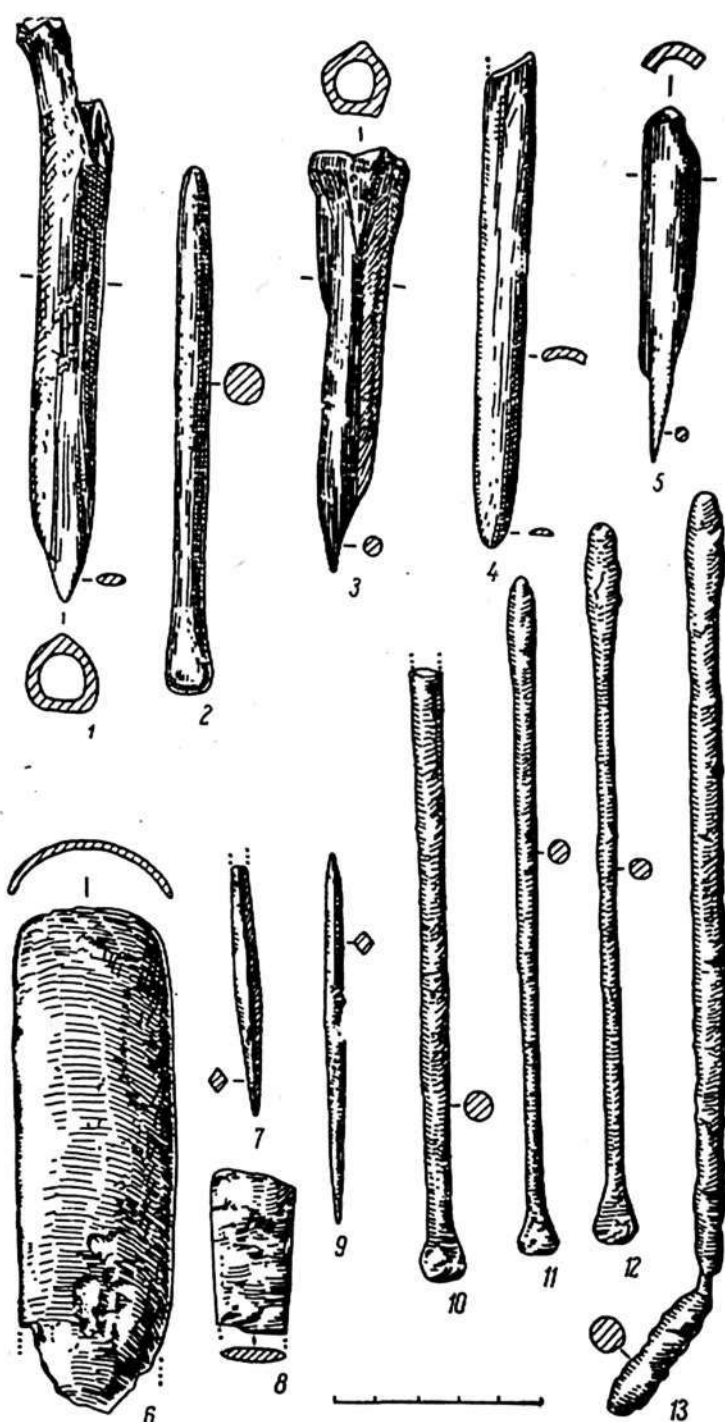

Рис. 21. Костяные (1—5) и медные (6—13) орудия поры позднего энеолита.

К концу периода к перечисленным орудиям добавлялось значительное количество точильных камней и оселков; тогда же впервые появляются так называемые гири и тяжелые сферические предметы с желобом.

Костяные инструменты несколько разнообразнее. Почти все они предназначались для обработки кож и шерсти (Коробкова,

1964). Для обработки кожи существовал целый набор: проколки с полого заточенным острием, развертки с круто заточенным острием, иглы без ушка для протодергивания в проделанные отверстия сухожилия или нити, гладилки для разглаживания швов. Кроме того, употреблялись ножи из ребер крупных животных; шпатели подтреугольной формы для обработки керамики и вязальные крючки. Вероятно, из кости же изготавливались рукояти для вкладышевых жатвенных ножей. К концу периода количество костяных орудий резко сокращается. Кроме нескольких шильев, следует отметить кочедык для плетения, рукояти для кистей, употреблявшихся в керамическом производстве, и какое-то странное орудие, напоминающее челнок от ткацкого станка.

Изделия из глины производственного характера однообразны. Это различной величины и орнаментации веретенные напрасла усеченноконической или грушевидной формы, а также яйцевидные ядра для пращи. Первые всегда обожжены, вторые нет.

Единственным освоенным металлом в периоды Намазга I—III, употреблявшимся для производства различных инструментов, была медь с незначительными природными примесями. Период Намазга I оставил почти исключительно медные, круглые и четырехгранные шилья Намазга II — более крупные инструменты. Так, на Ялангач-Депе были найдены топор, нож, наконечник дротика и шилья. В позднем энеолите ассортимент медных орудий еще более расширяется. Кроме перечисленных предметов, изготавливаются туалетные палочки, булавки, кольца, серьги; особо надо отметить орудие, напоминающее стамеску с полукруглым лезвием.

Керамика

Основным видом археологических находок является керамика. В рассматриваемое время вся посуда изготавливалась из двух видов глиняного теста в зависимости от назначения сосуда. Тесто сосудов для приготовления пищи содержало сильную примесь песка, т. е. было жароупорным. Посуда для хранения или приема пищи имела в глине примесь мелко резанной растительности, которая в позднем энеолите, во всяком случае при изготовлении мелкой посуды, была заменена гипсом.

Форма сосудов постепенно изменяется. Если в раннем и развитом энеолите посуда первой группы была представлена одной формой — круглодонным сферическим горшком с невысоким толстым венчиком, то к позднему энеолиту сосуды становятся более приземистыми и у них появляются три высоких (до 20—25 см) ножки, что позволяло ими пользоваться для приготовления пищи не только на очаге, но и просто на костре. Что касается второй группы посуды, которая отличается от посуды первой группы, помимо состава теста, еще и украшенностью наружной или внутренней поверхности, то в раннем энеолите ассортимент ее форм

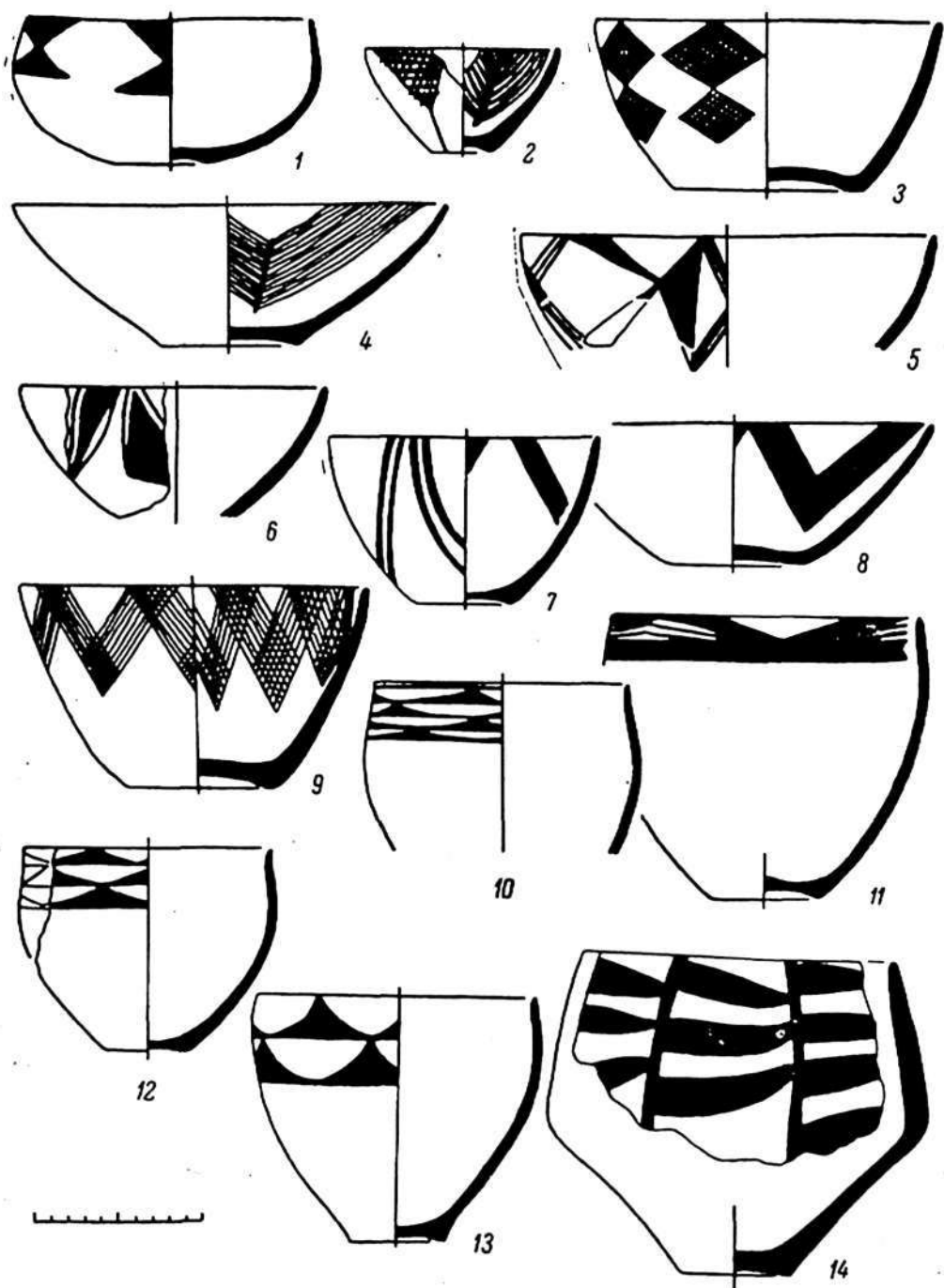

Рис. 22. Дашлыджи-Депе. Расписная керамика (1—14).

беден — кубковидные горшки, чаши, корчаги. В позднем энеолите этот ассортимент значительно обогащается, появляются сосуды с округлым туловом и венчиком, сферические сосуды без венчика, биконические и цилиндроконические сосуды, кубки с отогнутыми наружу стенками и др.

В орнаментации керамики периода Намазга I (рис. 22) преобладают монохромные геометрические мотивы, нанесенные черной краской; ведущими следует считать силуэтные и реже кон-

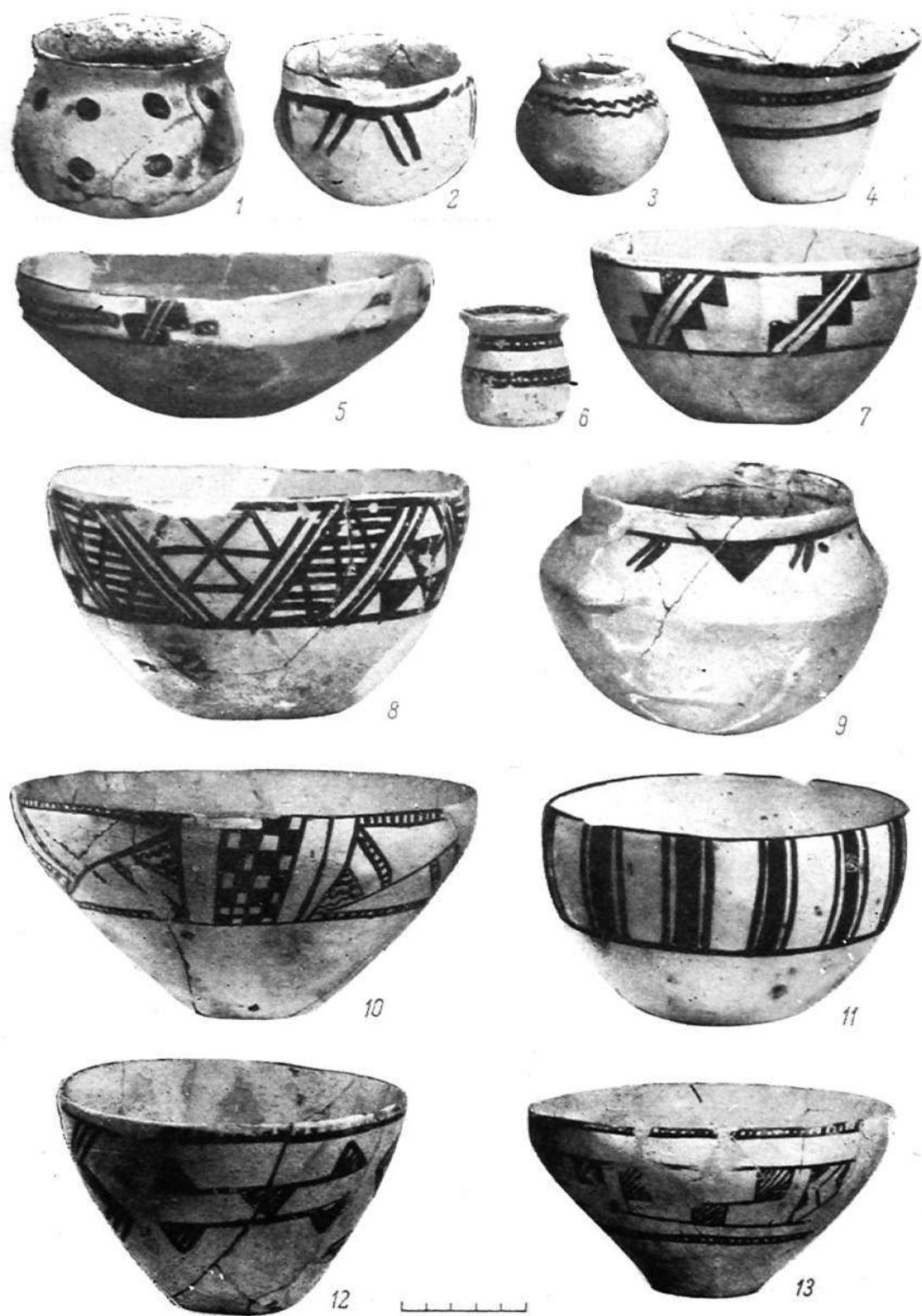

Рис. 23. Кара-Дене. Расписная керамика развитого (1, 3, 4, 6, 10, 12, 13) и позднего (2, 5, 7—9, 11) энеолита.

турные треугольники, нанесенные несколькими горизонтальными полосами в верхней части сосуда. Кроме того, на сосудах наносились полосы, зигзаги, шевроны, шахматные узоры. В единичных случаях отмечено появление зооморфных мотивов: козлы (Намазга-Депе), лошадь (?) (Кара-Депе) и какое-то животное с трехпалыми лапами (Дашлыджи-Депе).

Посуда периода Намазга II, распространенная в основном в западном районе, отличается от посуды предыдущего периода фактурой и обжигом, что наводит на мысль об изменениях в технологии обжига (появление обжигательных печей). Орнамент по композиции можно разбить на ряд групп. К первой группе относятся пучки черных и красных линий, которые идут вертикально от дна к венчику, иногда усложненные включенными среди них треугольниками. Ко второй группе относятся фризы, состоящие преимущественно из треугольных фигур, различно выполненных двумя красками. В третью группу можно включить также фризы, но заполненные комбинациями прямоугольных фигур и линий. К четвертой группе надо отнести дуги, свисающие от венчика. Особо следует отметить такую важную деталь орнамента, как впервые появившиеся изображения людей (стоящих или сидящих на корточках); продолжается и дальнейшее развитие зооморфных изображений (козлы).

В период позднего Намазга II наблюдается постепенное исключение красной краски, а также ухудшение ритма и четкости изображения (рис. 23). Оно мельчает и утрачивает прежнюю сочность. На большинстве сосудов орнамент выполнен в виде горизонтального фриза, хотя существовала и другая манера нанесения узора. Первой разновидностью фризовой росписи являются мето́пы, отделенные друг от друга незанятым пространством поверхности или вертикальными линиями. В каждой мето́пе помещены два треугольника, иногда с дополнениями, обращенные друг к другу вершинами, причем последние, как правило, находятся на разных уровнях. Часто эти треугольники, заполненные отрезками прямых или волнистых линий, соединяет наклонная прямая, которая рассекает поле надвое. Треугольный орнамент встречен также в совершенно другом сочетании — вдоль фриза размещены треугольники, причем вершины нижних расположены между верхними, по фоновому просвету обычно пропущен зигзаг. Помимо перечисленных мотивов, появляются сочетания из прямоугольных фигур, поверхность которых покрыта также прямыми или волнистыми линиями.

На многих фрагментах встречено очень условное изображение козла. Его туловище нарисовано длинной, плавно изогнутой линией. Очень схематично отрезками прямых показаны четыре ноги, пара рогов и хвост.

В целом росписи позднего Намазга II свойственны в основных чертах те же узоры, что и росписи раннего Намазга II, но выпол-

нены они одной черной краской. Наряду с этим отмечается появление новых геометрических композиций, которые впоследствии послужат основой для геометрической орнаментации времени раннего Намазга III.

В период Намазга II в восточном районе была распространена посуда ялангачского стиля. По фактуре, формам и технике изготовления она не отличается от керамики времени Намазга I. Узоры бедны, но своеобразны и стабильны. Корчаги украшены шевронами и бегущим зигзагом. Вдоль венчика горшков нанесены четыре полосы, соединенные попарно геометрическими фигурами или (позднее) отрезками прямых линий. Чаши украшены также полосами, но в отличие от горшков их всего две; они также соединены в нескольких местах. Иногда на их внутренней стороне встречается изображение трезубца.

Прототипом ялангачских мотивов орнаментации послужила исключительно роспись Намазга I. В Геоксюрском оазисе она развивалась по линии вырождения и деградации. Часть мотивов исчезла совершенно, а ведущие (ряды силуэтных треугольников) постепенно трансформировались в параллельные полосы за счет вытягивания треугольников по горизонтали. Названную орнаментацию на всех поселениях ялангачского времени с определенным постоянством сопровождает небольшая, но характерная группа геометрических узоров на чашах, банках и корчагах. Это композиции из различно расположенных треугольников и ромбов, внутреннее поле которых заполнено сеткой, штриховкой, вписанными углами и т. д.

Орнаментальные узоры времени Намазга III представлены главным образом в материалах с поселений центрального района подгорной полосы (табл. VII); там появляется в массовом количестве зооморфная тематика наряду с дальнейшим развитием в сторону дробности и измельчения сюжетов геометрического орнамента, часть мотивов которого безусловно восходит к более ранним орнаментальным композициям.

Другим характерным признаком стиля этого времени было включение в украшающий сосуд фриз ряда символов, часть из которых ясна, а семантика других еще не может считаться разгаданной. И, наконец, продолжается традиция нанесения на сосуд изображений людей и, что примечательно, антропоморфных статуэток.

На востоке в это время существует орнаментация керамики геоксюрского стиля, выделяющаяся как гаммой красок, так и узорами. Обычно роспись многоцветная; употреблялись преимущественно черная краска и красная, причем последняя сильно варьирует своей интенсивностью и оттенками, даже доходящими до лилового. Третьей краской служил фон, который, видимо, в зависимости от режима обжига имел довольно широкий диапазон оттенков: желтый, оранжевый, кремовый, красный.

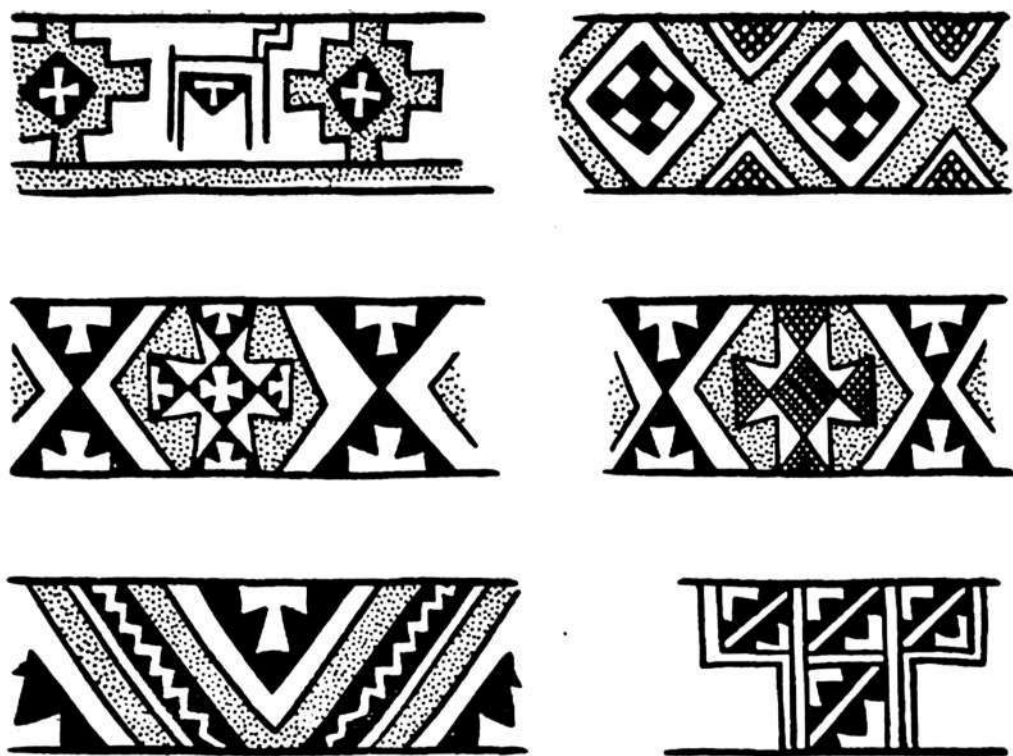

Рис. 24. Мотивы росписи керамики геоксюрского стиля.

Узоры делятся на две основные подгруппы: геометрические и зооморфные, с явным преобладанием первых (рис. 24).

Геометрическая орнаментация геоксюрского стиля (Сарианиди, 1965) состоит из широкого (на чашках) или узкого (на мисках и горшках) фриза вдоль венчика. В этот фриз помещено довольно регулярно повторяющееся изображение, состоящее, как правило, из сочетания простых геометрических фигур, причем немаловажную роль выполняют не залитые краской места — фоновые просветы. Определяющей фигурой этого стиля является равноконечный крест, помещенный в характерную шестиугольную рамку, а вся композиция в целом отделяется от следующей чаще всего фигурой, составленной из двух треугольников, обращенных друг к другу вершинами. Внутреннее поле каждого треугольника имеет фоновый просвет в форме полукреста. Эта основная композиция имеет большое число вариантов.

Кроме этого сюжета, значительная часть сосудов имеет метопное членение фриза. В метопах помещены сочетания треугольников и ромбов, причем существует разнообразное внутреннее оформление этих фигур, а также их взаиморасположение. У ряда сосудов тот же фриз сильно меняется: линии направлены наклонно к венчику, вместо обычного расположения фигур изображены помещенные в шахматном порядке треугольники, разделенные зигзагом; есть и другие варианты.

Сравнительно редкие изображения животных в ряде случаев настолько своеобразны, что им нельзя найти реальных прототи-

пов. Что касается рисунка козла, то он встречается в подгорной полосе в более ранние периоды (Намазга I и II); не исключена возможность, что традиционное изображение этого животного трансформировалось под действием своеобразной геометрической орнаментации.

Земледелие и скотоводство

В подгорной полосе Копет-Дага поселения времени Намазга I располагались обыкновенно на среднем течении ручьев и рек, стекающих с гор. Поля находились поблизости от поселений. Для орошения полей, видимо, использовались естественные разливы, однако не исключается возможность сооружения небольших подпруд. Несколько по-иному обстояло дело в Геоксюрском оазисе, где поселения располагались вдоль крупных дельтовых протоков р. Теджена. В связи с заболоченностью берегов и обилием произраставших на них тугаев применение особых ирригационных устройств маловероятно. Действительно, данные многих геоморфологических разрезов указывают на то, что для орошения и удобрения полей использовались паводковые разливы рек (Лисицына, 1964а).

Обработка земли под посев первоначально не производилась. Семена высевались непосредственно в сырой ил. Начиная с периода Намазга I в подгорной полосе, а в Геоксюрском оазисе с ялангачского времени (период Намазга II) появляется примитивное орудие обработки почвы — палка-копалка с утяжелителем. Последние в форме массивных булавовидных колец неизменно встречаются среди находок на поселениях указанного времени, причем ко времени позднего энеолита их численность возрастает во много раз.

Поскольку в подгорной полосе Копет-Дага почвенный слой вокруг поселений поднялся за счет делювиальных отложений на многие метры, сейчас нет никакой возможности найти там следы каких-либо ирригационных сооружений в этих местах. Геоксюрский оазис оказался наиболее благоприятным в этом отношении из-за равнинного характера местности. Там при помощи сочетания аэрофотосъемки и наземного поиска были обнаружены древнейшие ирригационные сооружения не только Средней Азии, но и всего Переднего Востока. У поселения Муллали-Депе (время позднего Намазга II) находился искусственный водоем вместимостью до 3500 м³ воды. Он был соединен небольшим протоком с проходящим поблизости руслом; через этот проток вода заполняла водоем во время паводков (Лисицына, 1963а). К более позднему времени (Намазга III) относится сеть каналов у поселения Геоксюр 1 (Лисицына, 1964а), которые были выведены из дельтового протока в 1.5 км от поселения. Отходя от русла почти под

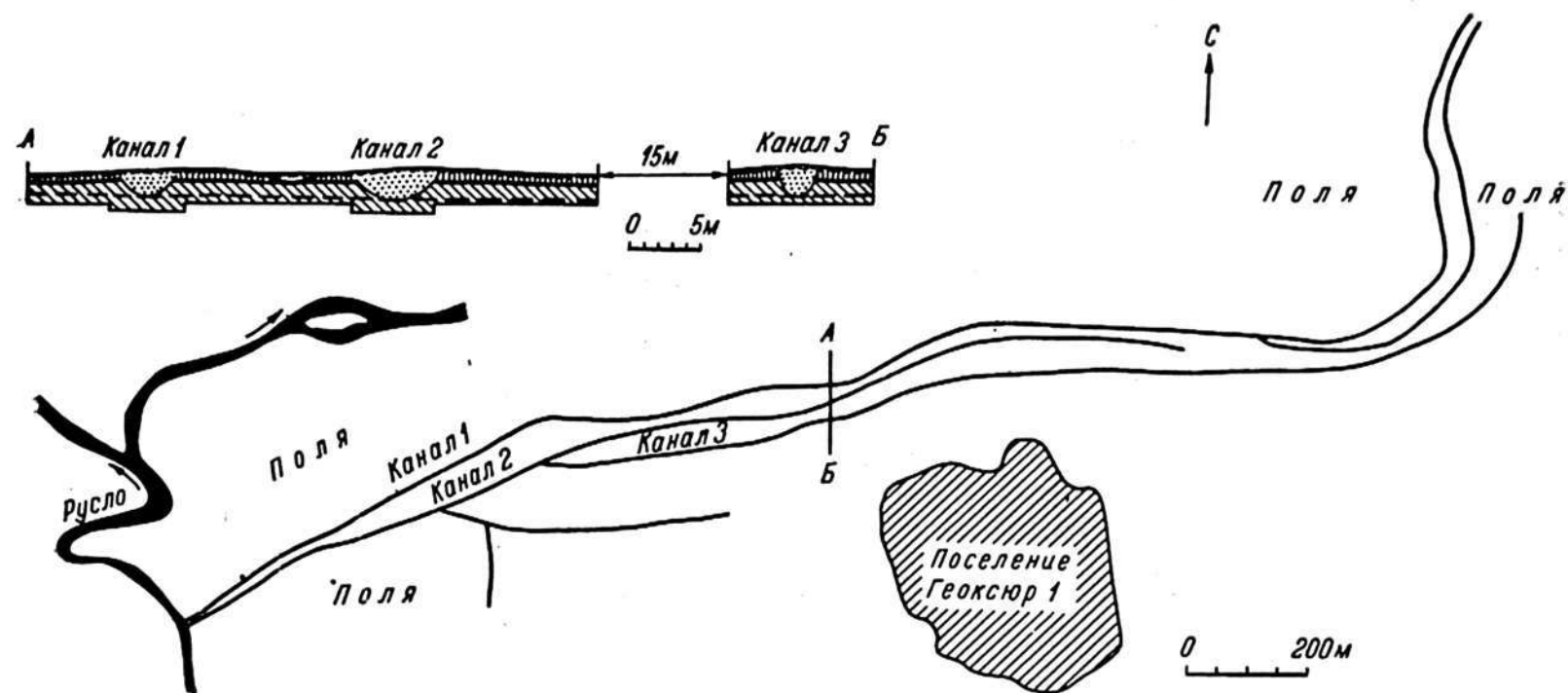

Рис. 25. Энеолитические оросительные каналы у Геоксюра.

прямым углом, каналы были проведены в сторону поселения и оканчивались примерно в 1.5 км за ним (рис. 25). Их падение было достаточно велико (40—50 см на 1 км) для постоянного тока воды. Древние поля, как указывают почвенные шурфы, находились в головной и хвостовой частях канала и орошались самотеком или небольшими отводными арыками. Примерная площадь обрабатываемой земли исчисляется Г. Н. Лисицыной в 50 га.

Основными культурами были двухрядный ячмень и мягкая пшеница. При этом ячмень преобладал над пшеницей в количественном отношении примерно в 30 раз. Кроме того, следует полагать, что были известны и другие садовые и огородные культуры.

Созревшие злаки собирались при помощи специальных жатвенных вкладышевых ножей трех разновидностей: ножи с невыступающим лезвием, ножи с выступающим лезвием и ножи, состоящие из одной крупной пластины (до 8 см в длину), вставленной в косой паз под углом к рукояти. Вкладыши делались из кремневых пластин, сколотых с призматического нуклеуса. В отличие от неолитических энеолитические вкладыши обрабатывались специальной «пильчатой» ретушью.

В развитом и особенно в позднем энеолите кремневые вкладыши почти не встречены. Это позволяет предполагать, что место сложных кремневых жатвенных ножей занимают медные серпы, хотя они пока не найдены в раскопках.

Собранное зерно хранилось либо в крупных корчагах, либо в специальных закромах, сложенных из сырцового кирпича. Перед употреблением в пищу его растирали на зернотерках или дробили в ступках. Побочные продукты (солома, полова) также находили применение. Они употреблялись при изготовлении кирпичей (саман), для укрепления крыши, примешивались в керамическую глиняную массу. Из соломы плелись циновки.

Скотоводство (мясное и молочное) играло в экономике древнего поселения Южной Туркмении существенную роль. Стадо состояло из крупного и мелкого рогатого скота (коровы, козы, овцы) и свиней. Состав стада древних земледельцев был обычным для всего Переднего Востока эпохи энеолита. Скотоводство было, по-видимому, пастушеским.

Весьма показательным является соотношение крупного и мелкого рогатого скота, прослеженное на материалах Геоксюрского оазиса. В период освоения его территории (Намазга I) и в период расцвета крупных поселений (Намазга II) соотношение это колеблется от 1 : 3 до 1 : 5. Позднее, к геоксюрскому этапу, оно достигает 1 : 11. По-видимому, это соотношение в какой-то степени отражает реальный состав древнего стада. Численное преобладание мелкого рогатого скота объясняется большей скороспелостью последнего. Возрастание разрыва может быть поставлено в связь с усыханием тедженской дельты; при создавшихся усло-

виях мелкий рогатый скот численно увеличивался в связи с его неприхотливостью к корму.

Охота продолжала существовать, но ею занимались лишь с целью добычи мясной пищи. Объектами охоты были как представители тугайной фауны (олень, кабан), так и обитатели равнины (джейран, кулан). Общее количество особей диких животных доходит до 10% от общего числа особей, определяемых по костным остаткам.

Домашние промыслы

Археологические материалы позволяют с достаточной полнотой дать характеристику некоторых домашних производств, и прежде всего керамического в его эволюции. Для раннего энеолита в подгорной полосе и на начальных этапах освоения Геоксюрского оазиса характерно изготовление лепной посуды. Все сосуды, в особенности крупные, как и в пору неолита, изготовлены наращиванием стенок из широких глиняных лент. Места соединения таких лент тщательно заглаживались специальными костяными или каменными шпателями. Этот прием не прослеживается на «столовой» посуде; возможно, она изготовлялась вытягиванием из куска глины методом «наковальни и лопаточки» (Сарианиди, 1963а). Затем сосуды покрывались ангобом. Благодаря ему поверхность сосуда после обжига оставалась гладкой, что препятствовало застреванию на ней остатков пищи; кроме того, ангоб служил хорошим грунтом для нанесения росписи.

В эпоху раннего и развитого энеолита обжиг посуды производился как будто без специальных горнов (Хлопин, 1964а), хотя существует и иная точка зрения (Сарианиди, 1963б). Заметное изменение технологии обжига керамики фиксируется со времени Намазга II. Продукция гончаров подгорной полосы значительно улучшается, что, вероятно, можно связывать с началом применения специальных горнов. Что касается Геоксюрского оазиса, то там о применении обжигательных печей можно говорить лишь с раннегеоксюрского этапа, соответствующего в хронологическом отношении последним фазам времени Намазга II.

Конструкция горнов для обжига керамики на поселениях энеолита подгорной полосы неизвестна, но о ней можно судить по раскопкам в Геоксюрском оазисе (Сарианиди, 1963б). На холме Геоксюр 1 в слоях времени раннего Намазга III была вскрыта в одном из дворов специальная печь, которая по ряду конструктивных особенностей восходит к более ранним бытовым очагам ялангачского периода (Намазга II). Горн состоит из двух частей: меньшей, пониженной, — топочная камера — и большей, возвышенной, — обжигательная камера. Камеры расположены не друг над другом, как в эпоху бронзы, а рядом, что свидетельствует о непол-

ном овладении технологией обжига посуды. Надо отметить, что площадь обжигательной камеры такой печи была сравнительно мала и в ней могли помещаться только мелкие сосуды; крупные же корчаги и кувшины еще в течение долгого времени обжигались, очевидно, в кучах топлива.

Металлургия меди, с появлением которой начинается эпоха энеолита, развивается сравнительно быстрыми темпами. Если в раннем энеолите изготавливались (до нас дошли) только шилья, ножи и бусы, то к развитому энеолиту ассортимент орудий резко возрастает. В позднем же энеолите, помимо различных инструментов, мы находим большое количество металлических украшений, последние имеют в своем составе значительный процент серебра. Древние металлурги освоили не только выплавку меди из руд, но открыли и более скрытые и сложные ее качества. Для устранения неминуемой хрупкости предмета, вызванной ковкой, он подвергался термической обработке, снимающей возникшие структурные изменения. Последняя заключалась в длительном (в течение нескольких часов) отжиге готового изделия при температуре до 328° С (точка плавления свинца) с последующим охлаждением, что возвращало металлу его пластичность (Черных, 1962). Количество характерных микропримесей (мышьяк, сурьма) может указывать, кроме всего прочего, на то, что источники меди времени Намазга II и Намазга III были разными.

Если медная индустрия идет по неизменно возрастающей линии, то в отношении производства орудий из камня и кости мы наблюдаем обратное явление. К развитому энеолиту сходят практически на нет многие инструменты, в частности кремневые жатвенные ножи, костяные шилья, развертки, иглы, а также орудия, связанные с их изготовлением. Зато сохраняется весь комплекс каменных орудий для обработки продуктов земледелия и появляются орудия для возделывания земли — универсальные палки-копалки. Орудия, которые раньше изготавливались из камня и кости, не исчезают из обихода, а заменяются более практичными и долговечными — медными.

Если на ранних этапах энеолитического хозяйства население каждого поселка обеспечивало себя всем необходимым, то к развитому энеолиту появляются некоторые факты, которые, как кажется, могут свидетельствовать о зарождении специализации в некоторых коллективах. Об этом говорят находки значительного числа инструментов для обработки кожи (Ялангач-Депе); более 50 веретенных напярсел (Муллали-Депе); можно предположить, что население первого поселения специализировалось в изготовлении кожаных вещей, а второго — в изготовлении шерстяных ниток и, может быть, тканей. К позднему энеолиту этот процесс, надо полагать, развивается дальше, получая какое-то завершение в эпоху бронзы, когда можно говорить о зарождении ремесла.

Отношения между людьми общества не могут быть исследованы непосредственно. Их изучению помогают некоторые группы археологических находок. К ним относятся в первую очередь сами поселения, а также орудия производства.

Раскопки разновременных поселений времени Намазга I и Намазга II в Геоксюрском оазисе показывают отчетливое переживание некоторых неолитических традиций, установленных по материалам Джейтунского поселения. Это относится главным образом к жилым постройкам, охарактеризованным выше.

Небольшой по площади однокомнатный дом с примыкающими к нему в ряде случаев хозяйственными пристройками был жилищем общественной молекулы того времени — парной семьи, характерной также и для неолита. Парные семьи в пределах одного поселка были объединены не только родственными узами, но и производственными и образовывали монолитный хозяйственный коллектив — скорее всего род. Основываясь на комплексном изучении материала, мы вправе полагать, что у земледельцев поры раннего энеолита продолжали существовать матриархально-родовые отношения, господствовавшие в неолите.

Для времени Намазга II в Геоксюрском оазисе общий облик поселения уже указывает на дифференциацию жилищ, хотя принцип их планировки остается прежним. В хозяйственном отношении также заметны существенные перемены: применяется обработка земли под посевы, развивается металлургия, усложняется технология производства посуды, возрастает роль мелкого домашнего скота. Все это, надо полагать, способствует увеличению объема мужского труда и роли мужчин в экономической, а значит, и общественной жизни коллектива. Мужская часть коллектива для закрепления своей значимости в глазах общества создает специальные общественные дома, в связи с чем меняется архитектурный облик поселения в целом. Коллектив поселка уже стоит на грани многокомнатных жилых домов.

На следующем этапе общественного развития еще больше меняется облик поселения. Последнее состоит уже из многокомнатных домов (вскрыты на Кара-Депе и Геоксуре). В одном хозяйстве объединено много жилых комнат с обогревательными очагами, дворы, кладовые и другие сооружения. Эти массивы отделены друг от друга глухими стенами или длинными и узкими проходами. Кроме упомянутых черт, отличающих этот тип поселения от предыдущих поселков, следует отметить вынесение очагов для приготовления пищи из каждой жилой комнаты в специальное место — кухню. Все это в совокупности с появлением коллективных захоронений в неизвестных ранее погребальных камерах подводит нас к необходимости признания изменения структуры общества. Если учесть значительный прогресс в области произ-

водства, связанный с выдвижением мужского труда на первый план, то скорее всего перед нами — патриархальный род на первых этапах своей истории, состоящий из какого-то числа больших семей, объединяющих по несколько поколений ближайших родственников.

Возможно, большинство энеолитических памятников являлось поселками родовых коллективов или большесемейных общин. Общественной организацией более высокого порядка были племена и, надо полагать, племенные союзы. Было высказано мнение, что восточная культурная область (восточные предгорья Копет-Дага и древняя дельта Теджена) соответствует месту обитания такого племенного союза (Лисицына, Массон, Сарияниди и Хлопин, 1962). Вероятно, аналогичные объединения имели место и в западных районах. Поселения же Геоксюрского оазиса, населенные, по-видимому, генетически родственными родами, можно рассматривать как принадлежавшие одному племени (Хлопин, 1964а).

ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА

Духовная культура того или иного человеческого общества может быть раскрыта с известной полнотой через определенную категорию вещей и явлений, обнаруженных при раскопках. К ним относятся в первую очередь предметы, не связанные непосредственно с производством (украшения и амулеты), орнаментация керамики, скульптурные и графические изображения людей, животных и различных символов. Большое значение имеет также изучение погребальных обрядов и остатков культовых строений.

Обряд погребения

Погребения времени раннего энеолита (Намазга I) были обнаружены в небольшом количестве только на некоторых поселениях в подгорной полосе Копет-Дага: на северном холме Анау и в шурфе № 1 на Кара-Депе у Артыка. На северном холме Анау в слоях Намазга I найдено 7 детских скорченных погребений (Rimpelly, 1908; Хлопин, 1963а). На Кара-Депе в единственном погребении времени позднего Намазга I костяк также скорчен и ориентирован головой на юг-юго-запад. На шее найдено 38 известняковых бусин розового цвета.

Значительно богаче наши сведения о погребениях развитого и позднего энеолита. В разных местах поселения Кара-Депе было обнаружено свыше 120 погребений. Одни из них относятся к поздним этапам периода Намазга II (стратиграфический раскоп), а другие — к началу периода Намазга III (раскопы 3—5).

На протяжении трех последних строительных горизонтов, относимых к развитому энеолиту (Кара 3, Кара 2 и Кара 1Б), сохраняется устойчивая юг-юго-западная ориентация погребенных.

Они, как правило, положены на правый бок с согнутыми или поджатыми ногами; руки находятся чаще всего перед грудью или перед лицом. Отмечаемые отдельные нарушения ориентации почти всегда совпадают с каким-либо изменением в положении покойника (например, положение на левом боку или спине), что лишь подчеркивает устойчивость погребального обряда. Сопровождающий инвентарь не богат: в слоях Кара 3 и Кара 2 это почти одни бусы, но в слое Кара 1Б к ним прибавляются сосуды (их имеет $\frac{1}{3}$ погребенных), костяные орудия и специфические медные «лопаточки».

Меньше всего погребений относится к верхнему слою Кара 1А: их всего 12. Они все уложены на правый бок, но ориентация погребенных весьма примечательна: 6 покойников ориентированы традиционно на юг-юго-запад, а 5 — в северном направлении. Сопровождающий инвентарь становится значительно богаче. Так, в одном из погребений найдена богато украшенная женская статуэтка; у другого погребенного в руках находился высокий, по-видимому, культовый каменный сосуд с полусферическим резервуаром и сливом.

Кроме одиночных погребений, столь обычных для эпохи энеолита, на Кара-Депе найдена коллективная усыпальница — прямоугольное сооружение размером 2.2×2.6 м из сырцового кирпича. Внутри находились в беспорядке 23 погребения. Их сопровождал богатый инвентарь, состоящий из расписных и алебастровых сосудов (В. Массон, 1964г). Эти погребения также относятся к периоду Кара 1А и перекликаются с погребальными камерами Геоксюра.

На холме Геоксюр 1 также найдено большое число погребенных. Часть находилась в индивидуальных могильных ямах без стабильной ориентации и позы. Погребенные лежат как на левом, так и на правом боку, а ориентированы они то на север, то на юг. Только 2 из 9 имели в сопровождающем инвентаре глиняные сосуды с росписью.

Основное же количество погребенных было помещено в специальные погребальные камеры (Сарианиди, 1960б), представляющие собой иногда прямоугольное (1.6×1.25 м), а как правило, округлое в плане (1.5—1.8 м в поперечнике) сооружение из сырцового кирпича. В хорошо сохранившихся камерах видно, что кирпичи образуют ложносводчатое перекрытие (табл. VI, 1). Положение скелетов в камерах свидетельствует о том, что усыпальницы использовались в течение длительного времени и захоронения в них производились последовательно: каждый предыдущий покойник отодвигался к стенке. Последние, ненарушенные погребения ориентированы в каждой камере в одну сторону: камера А — на юг-юго-восток, камера Б — на юг-юго-запад, камера В — на запад—запад-северо-запад. Интересно, что в первых четырех камерах были похоронены почти одни женщины.

В настоящее время в результате раскопок 1963—1964 гг. (Сарианиди, 1965) вскрыто около 30 погребальных камер, расположенных своеобразными гнездами по несколько штук (4—6) на окраине поселения. В них насчитывается от двух до десяти скелетов, а коллекция черепов превышает сотню.

Из большого числа погребенных на поселениях позднего энеолита антропологическому исследованию был подвергнут ряд черепов (Трофимова и Гинзбург, 1960; Трофимова, 1961а, 1964б).

Исследованные черепа морфологически более близки к некоторым сериям Переднего Востока, в составе которых преобладали черепа древних средиземноморских типов (Сиалк, Гисар, Ур). По строению лицевого скелета и другим признакам большинство черепов исследованной серии можно отнести к евро-африканскому типу Серджи средиземноморской расы. Отличие ее от серий черепов культур степной бронзы, Алтая и Минусинского края, а также древнейшей культуры Нижнего Поволжья показывает, что в эпоху энеолита и, вероятно, бронзы наиболее восточным районом распространения средиземноморской расы в Средней Азии была Южная Туркмения.

При сравнении средних данных краниологических материалов Кара-Депе по слоям выявляется интересная картина. Черепа из слоев Кара 3 и Кара 2 выделяются в евро-африканский тип с грациальным строением лица, близким к населению Гисара II и III. Черепа из верхнего слоя Кара 1 выделяются в тот же евро-африканский тип, но с массивным строением лицевого скелета, напоминающим погребенных Сиалка.

Женские черепа из Геоксюра выделяются в своеобразный восточносредиземноморский подтип и отличаются от черепов карадепинской серии. Интересно отметить и разницу в росте между населением Кара-Депе и Геоксюра. Если мужчины с Кара-Депе имели средний рост 170.8 см, а женщины — 154.7 см, то геоксюрцы — соответственно 163.6 и 150.5 см.

Антропоморфная скульптура

Коллекция антропоморфной глиняной, терракотовой и каменной скульптуры, собранная на энеолитических поселениях Южной Туркмении, насчитывает не одну сотню экземпляров. Статуэтки времен раннего и развитого энеолита изображают только женщин и распределяются неравномерно: подавляющее количество происходит из поселений Геоксюрского оазиса ялангачского этапа (время Намазга II). На Дашлыджи-Депе (время Намазга I) найдено три статуэтки: две стоящих (табл. V, 1) и обломок ноги от сидящей; в подгорной полосе ко времени Намазга I относится всего 6 статуэток (Хлопин, 1963а), три из которых можно также полагать стоящими (табл. V, 2).

Значительное количество антропоморфной скульптуры развитого энеолита позволяет провести ее элементарную классификацию. Необходимо отметить, что вся она изготовлена из разных материалов: камня (3 экз.), необожженной глины (5 экз.) и терракоты (подавляющее большинство).

Каменная скульптура (песчаник) представлена одним торсом со слабо моделированной головой и двумя отколотыми головами лучшей моделировки. Одна из них (Геоксюр 9) интересна еще и тем, что имеет вытянутый затылок, напоминающий цилиндрический головной убор.

Статуэтки из необожженной глины представлены двумя разновидностями: весьма схематическими фигурками (по сути дела это только ноги) и более реалистичными торсами с головой, выполненной в условной манере (вдавливании показаны глаза).

Терракотовая скульптура, как и более ранняя (из поселений подгорной полосы), представлена женскими статуэтками. Все они четко делятся на четыре типа.

К первому типу (более 25 фрагментов) относятся сидящие статуэтки с подчеркнуто женскими признаками. Они имеют небольшую голову со схематическими чертами лица, посаженную на длинную шею. Плечи статуэток переходят в пышную грудь. Руки полностью отсутствуют. Целые экземпляры (табл. VIII, 2), достигающие 28 см, и крупные фрагменты обильно украшены росписью трех разновидностей: дополняющей пластику глины (брови, соски, лобок); передающей украшения (ожерелья, браслеты на лодыжках); магического характера (солярные круги, геометрические фигуры). Роспись встречается и на более мелких фигурках, где она передает главным образом украшения.

Второй тип статуэток встречается реже; к нему можно с уверенностью отнести не более десяти экземпляров. Это, по всей вероятности, также сидящие фигурки, но сделанные в несколько иной манере. Они все имеют прилепные руки, опущенные вниз, но доведенные лишь до локтя, а также иную форму груди; последнее, однако, может быть связано именно с наличием рук.

К третьему типу относится всего одна статуэтка. Это сидящая фигура женщины, руки которой снизу поддерживают грудь.

К четвертому типу относятся стоящие фигурки. Они происходят с Ялангач-Депе. Это несколько обломков ног с плоской и широкой ступней. Сюда же следует отнести уникальный торс без ног и головы, украшенный росписью: на левом бедре нарисован козел, на правом — «елочка», спереди как бы одет бахромчатый передник.

Не подлежит сомнению, что описанная категория находок сталкивает исследователя с идеологией древних земледельцев. Женские статуэтки имеют ярко выраженный магический характер и олицетворяют, по всей вероятности, плодоносящую мать-землю. Кроме того, изображение солярных символов на бедрах статуэток

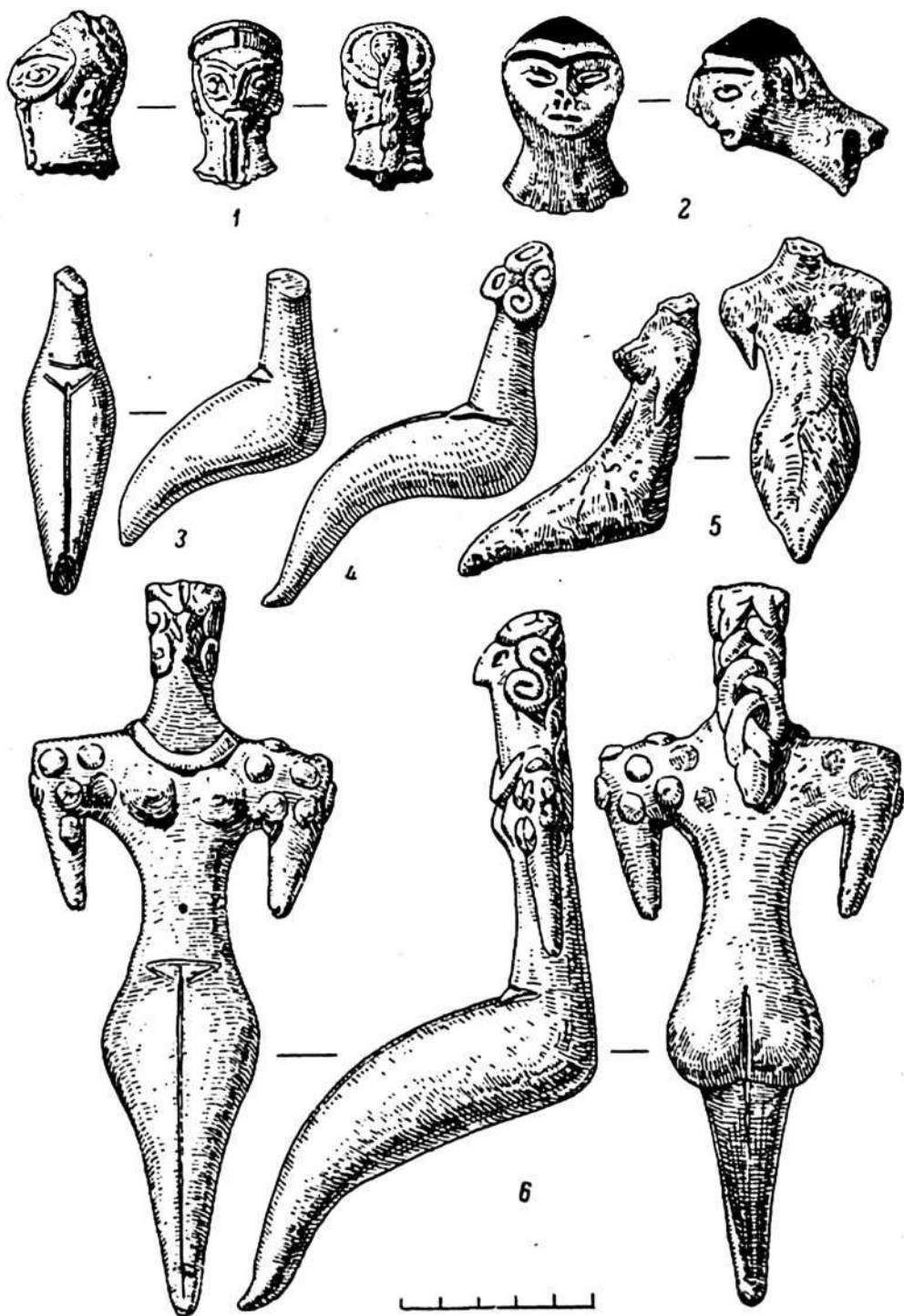

Рис. 26. Кара-Дене. Терракотовая скульптура (1—6).

свидетельствует о том, что древние земледельцы уже твердо знали зависимость вызревания плодов земли от солнечного цикла: только при участии солнца земледелец был обеспечен пищей и зерном для будущих посевов. Остальные изображения пока не поддаются убедительной расшифровке. Лишь о рисунке козла можно сказать, что он, возможно, является отражением тотемических пред-

ставлений и как бы указывает, какой тотемной группе покровительствует данное божество.

В развитии антропоморфной скульптуры позднего энеолита отмечаются некоторые изменения, сводящиеся к двум основным моментам. Во-первых, изображения женщин, по преимуществу сидящих, становятся более изящными. Например, статуэтка с Кара-Депе выполнена уже весьма реалистично и в отличие от предшествующих предметов подобного рода имеет тщательно обработанную голову, причем, кроме черт лица, особое внимание уделено сложной прическе (рис. 26, 6). Одни статуэтки обильно украшены налечами, которые, надо полагать, заменили расписной орнамент; другие, напротив, сильно схематизируются — по существу это только нижняя половина торса и согнутые ноги (рис. 26, 3). Во-вторых, появляются мужские статуэтки, совершенно неизвестные ранее (табл. VIII, 1). Некоторые из них повторяют общий облик сидящих схематических фигурок, зато другие выполнены в весьма реалистической манере: они имеют четко моделированное лицо, бороду. Голову покрывает либо цилиндрическая шапочка, либо шлем с султаном (рис. 26, 1). Эти изменения, особенно последнее, отражают, надо полагать, определенную эволюцию в общественных отношениях поры позднего энеолита.

Зооморфная скульптура и поделки из глины

Кроме антропоморфной скульптуры, раскопки позволили собрать значительное количество статуэток зверей различного облика (рис. 20, 1—5). С достоверностью можно назвать три вида животных, причем, по-видимому, только домашних. Это козлы с прямыми или чуть отогнутыми назад рогами и поперечными насечками на морде; бараны с закрученными рогами, выполненными при помощи свернутого спиралью жгута глины, и с отверстиями на голове, которые, вероятно, должны имитировать курчавость шерсти; быки с хвостом, характерным крупом и направленными вперед массивными рогами.

Все зооморфные фигурки раннего и развитого энеолита, как правило, не обожжены. Лишь немногие имеют слабый обжиг, но не специальный, а вследствие случайного (а может быть, умышленного!) попадания в огонь. Если женские обожженные статуэтки предназначались для сравнительно длительного использования, то фигурки животных употреблялись одноактно: они изготовлялись непосредственно перед совершением какого-то обряда или культовой церемонии, по прошествии которой надобность в них пропадала и они выбрасывались. Какова их семантика — сказать трудно. По всей вероятности, это либо символическая благодарственная жертва какому-то божеству, либо предметное выражение просьбы об увеличении или сохранении стада.

При переходе от развитого энеолита к позднему и в позднем энеолите мы находим также значительное количество зооморфных фигурок. Большинство их в отличие от предыдущего времени уже специально обожжено и, более того, покрыто орнаментом. Последний представляет собой либо крупные точки, либо различные полосы на морде и туловище. Видовой состав животных тот же, но они становятся значительно крупнее и скульптурнее. Кроме того, изображения животных изготавливаются из более долговечных материалов — мраморовидного белого камня, примером чему может служить прекрасная фигурка быка с Кара-Депе. По всей вероятности, обряды, при выполнении которых употреблялись изображения животных, как-то изменились и для их отправления стали необходимы предметы из более долговечных материалов.

Наряду с зооморфной скульптурой найдено значительное количество своеобразных поделок из необожженной глины. Это невысокие конусики, причем некоторые из них имеют в верхней части отростки в виде рогов. Вероятнее всего, что перед нами фишки какой-то популярной древней игры, истоки которой следует искать в джейтунской культуре. Интересно отметить, что в позднем энеолите почти не встречается «рогатых» поделок, а конусики делаются также из обожженной глины или камня.

Украшения и амулеты

Различные украшения и амулеты происходят главным образом из погребений, хотя некоторое их количество найдено как в культурном слое, так и среди подъемного материала.

Бусы, в особенности из могильника Кара-Депе, насчитываются многими сотнями. Большинство их изготовлено из белого гипсовидного камня и отличается разнообразием форм. Наряду с ними часто встречаются бусы из бирюзы, лазурита, халцедона, сердолика, мрамора и других пород камня. Они изготавливались вручную и просверливались с двух сторон. Кроме каменных бус, встречены одна золотая и несколько костяных, обтянутых серебряной фольгой. Золотая бусина, но изготовленная иной техникой, найдена также на Геоксюре.

Пронизки в целом значительно крупнее. Часть найдена у запястий погребенных, что указывает на их ношение в качестве браслета. Некоторые из них могли одновременно служить и амулетами. В этом отношении показательна крупная пронизка с Геоксюра овальных очертаний, для изготовления которой был использован камень с прожилками; он был обработан так, что на одной из его плоскостей получился рисунок глаза (вполне допустимо, что эта пронизка служила амулетом, предохраняющим от «дурного глаза»).

Примечательны несколько явных амулетов с изображением креста, игравшие, видимо, роль оберега (рис. 27). Также интере-

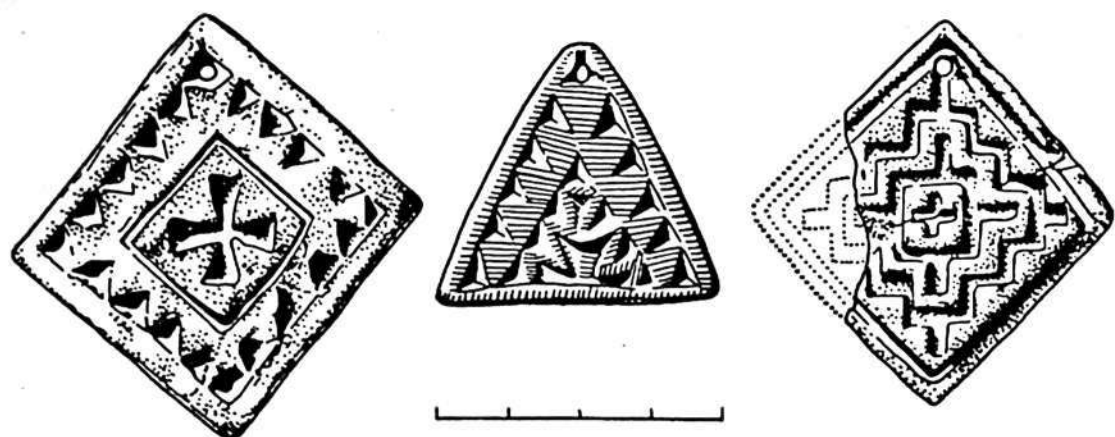

Рис. 27. Кара-Деге. Амулеты-подвески.

сен набор гипсовых, очевидно магических, предметов в одном из погребений Кара-Деге. В него входили шарики, конусы и схематическая фигурка (по-видимому, женская статуэтка).

Ряд украшений сделан из меди. К ним относятся серьга из проволоки, закрученной в 1.5 оборота, булавки, зеркало с петелькой на левой стороне и так называемые лопаточки. Последние представляют собой стержень, иногда витой, длиной до 15 см. Один из его концов имеет сигарообразное утолщение, а другой раскован в лопаточку. Интересно, что только в этих предметах зафиксирован сплав меди с серебром.

К особой группе изделий, связанных, видимо, с какими-то обрядами, следует отнести сравнительно редкие и хорошо выделанные сосуды из розового и белого мраморовидного известняка. Это в основном изящные тонкостенные сосуды с канеллированной поверхностью. Они либо слегка конические, либо почти полусферические, с узким горлом. Из того же материала изготавливались крупные сосуды, дошедшие до нас во фрагментах. Несколько целых сосудов, по-видимому ритуальных, имеют цилиндрическое основание и небольшой сферический резервуар со сливом; высота их достигает 30 см (один из них найден в погребении). Безусловно труден в изготовлении был сосуд своеобразной формы, происходящий из геоксюрского святилища; — прямоугольный в плане резервуар, помещенный на тонкой усеченноконической ножке.

Проблема семантики керамической росписи

Богатая и разнообразная коллекция энеолитической расписной керамики с неизбежностью поднимает вопрос о семантике орнамента. Орнаментацию эпохи энеолита в данном случае следует рассматривать в совокупности независимо от места находки и в меньшей степени от комплексной принадлежности, поскольку

вся Южная Туркмения была занята в принципе однокультурным населением.

Основным видом узоров следует считать геометрические, для раскрытия внутреннего смысла которых, если таковой был, у нас пока нет достаточных данных. Эти узоры господствовали в раннем энеолите (Намазга I), а на его последних фазах среди них появляются рисунки животных (достоверно определимы только козлы), деревьев и крестовидных фигур. В развитом энеолите к названным рисункам добавляются солярные круги и изображения людей; последние иногда имеют вид очеловеченного дерева. Значительно богаче становится ассортимент изображений такого характера в период позднего энеолита: животные представлены целым зверинцем, а к символам типа солнца добавляется несколько других: одно- и двухступчатый крест, «пирамидка» и рисунок, напоминающий бабочку, из углов крыльев которой выходят спирали, закрученные попарно навстречу друг другу. Перечисление изображений, которые наверняка обладали семантической определенностью, отнюдь не означает, что они все поддаются расшифровке. Однако о некоторых все же можно уже сейчас иметь определенное суждение.

В развитом энеолите знак солнца рисовался либо в виде окружности с лучами (керамика), либо просто окружности (иногда двойной) с точкой в центре (статуэтки). В период Намазга III лучи солнца приобретают треугольные очертания, а все изображение в целом напоминает шестерню. Внутри помещается либо точка, либо крест в круге. Варианты солярного знака могут означать солнце разных времен года или суток. Наличие у древних земледельцев солнечного культа подтверждают не только изображения солнечного диска на керамике и особенно на бедрах женских статуэток, но и солнечные жертвенники в родовых святилищах, предназначенные для возжигания священного огня в центре их; кроме того, употреблялись и переносные жертвенники, в точности копировавшие стационарные (Хлопин, 1964а, 1964б). В поклонении солнцу, которое вряд ли имело персонифицированный облик, кроется реальное знание движения светила по небосводу (его цикличности). Это позволяет предположить наличие рационального зерна в солнечных культах; подтверждением этой мысли является первобытный земледельческий календарь, регулировавший циклы полевых работ, от которых зависело благополучие земледельца (Хлопин, 1964а).

Изображения правильных крестовидных фигур с одним или двумя уступами, а также силуэтной ступенчатой пирамиды появляются только в позднем энеолите. Если простой рисунок креста, выполненный иногда довольно небрежно в виде двух перекрещенных линий, можно рассматривать в значении оберега (Хлопин, 1962а), то символика правильного креста с выступами представляется более сложной и труднообъяснимой. То же можно

сказать и о пирамиде, хотя ясно уже сейчас, что в это изображение вкладывалось какое-то сложное понятие, поскольку оно встречается как самостоятельно, так и в различных сочетаниях — заменяет солнечный диск, является определителем ряда животных и т. п.

Антропоморфные рисунки настолько редки в развитом энеолите (всего 4 изображения), что сейчас затруднительно решить их смысловое значение. Столь же сложным представляется и сюжет очеловеченного дерева, которое несколько напоминает изображение дерева жизни на передневносточных цилиндрических печатях. На Ближнем Востоке культ дерева жизни был широко распространен, он уходит своими корнями в глубокую древность, имея первоисточником реальное дерево — финиковую пальму. В ландшафтной зоне Южной Туркмении такой культ вряд ли мог зародиться самостоятельно, что позволяет предположить вероятность заимствования названного изображения извне. В позднем энеолите, хотя и отмечаются изображения людей на керамике (В. Массон, 1959г), но большинство рисунков такого рода резко своеобразны. Это изображения не столько людей, сколько антропоморфных статуэток (табл. VII, 4). Преобладают на керамике изображения диких животных, принадлежащих к трем основным стихиям. К первой — земле — относятся козел, барс и бык, причем первое животное встречается среди орнаментики более ранних периодов. Ко второй стихии — небу — относятся птицы, и к третьей — подземной, хтонической — змеи. Следует отметить, что изображения отдельных животных локализуются в разных многокомнатных домах верхнего поселения Кара-Депе, и этот интересный факт позволил выдвинуть мысль о том, что в зооморфной орнаментации следует усматривать реминисценцию тотемических верований, характерных для пройденных этапов общественного развития древнего населения Южной Туркмении (В. Массон, 1960в, 1964в).

СВЯЗИ С СОСЕДНИМИ КУЛЬТУРАМИ

Связи той или иной культуры с соседними имеют существенное значение в ее эволюции. Однако при рассмотрении этой проблемы необходимо учитывать ряд ее аспектов, для того чтобы более объективно подходить в каждом конкретном случае к ее решению. Связи могут носить самый различный характер. Исследуемая культура может оказывать определенное воздействие на соседние при условии более высокого ее уровня; наоборот, если ее уровень ниже, то соседи могут осуществлять такое воздействие. При примерно равных экономических и общественных характеристиках смежные культуры могут развиваться самостоятельно, обмениваясь достигнутыми успехами. Никакая культура, как правило, не в состоянии овладеть тем или иным новшеством со

стороны, даже в случае принесения его в готовом виде, если она сама далека до его изобретения.

О проникновении в культуру чуждых влияний свидетельствуют предметы или явления, корни которых прослеживаются не в области ее распространения, а вне ее. Кроме того, следует учитывать, что влияния могут исходить обычно от синхронных культур; в частности это относится к керамической орнаментации, которая, как мы видели, весьма быстро изменяется. Однако, поскольку каждая культура является непрерывно развивающимся организмом, всегда необходимо прежде всего учитывать возможность появления тех или иных изменений в результате ее внутреннего развития.

Все это относится и к ранним земледельцам южных районов Средней Азии, к которым с юга примыкала обширная зона земледельческих племен Переднего Востока, а на севере от них были рассеяны многочисленные племена с охотничье-собираательской формой хозяйства. Южная Туркмения, как видно из предыдущего изложения, входила неотъемлемой частью в первую зону. Поэтому здесь будут рассмотрены данные, связывающие ее с более южными соседями, причем основной упор делается на анализ керамической орнаментации — наиболее чувствительного и в то же время определяющего компонента этой культуры. Эти данные велики по объему, но еще не могут считаться полностью изученными, что и приводит в настоящее время к различным, иногда противоположным точкам зрения.

Орнаменты времени раннего энеолита (Намазга I) уходят, по всей вероятности, своими корнями в эпоху неолита (джейтунскую культуру), на поздних фазах которого возникает наиболее характерный элемент росписи — силуэтный треугольник. Значительную часть других мотивов следует, по-видимому, считать продуктом эпохи. Однако незначительное количество узоров имеет соответствия в синхронных памятниках центральноиранской группы (Сиалк). Это может указывать либо на весьма ранние контакты населения двух смежных областей, либо скорее на общие генетические корни населения.

Полихромная орнаментация развитого энеолита (комплекс Намазга II) появляется довольно неожиданно. Еще Б. А. Куфтин (Куфтин, 1954, 1956) выдвинул тезис о том, что в связи с обнаружением полихромных настенных панно конца развитого энеолита (Яссы-Депе) эту орнаментацию следует увязывать с халафской культурой Северной Месопотамии, а не с периодом Джемдет-Наср. Дальнейшие работы позволили детализировать и развить взгляд на происхождение орнаментации этого типа. Было высказано суждение, что она возникла в целом на месте, хотя в ней и отмечаются параллели с определенной группой эламской керамики (тип Джови), что свидетельствует о направлении древних культурных связей (В. Массон, 1962a). Как представляется в на-

стоящее время, полихромные узоры типа Намазга II возникли благодаря трем моментам. Во-первых, орнаментации раннего энеолита в отношении композиционного решения фриза. Во-вторых, вероятно, воздействию со стороны более развитых областей Переднего Востока (Халафа) через настенные росписи Намазга I в отношении двцветности рисунка. Наконец, в-третьих, полихромная керамика, с точки зрения автора этих строк, не могла быть изготовлена без обжигательных горнов, которые появились в развитии энеолита и дали возможность употребить для росписи посуды две краски.

Одновременно с изготовлением в подгорной полосе полихромно украшенной посуды гончары Геоксюрского оазиса и, вероятно, восточных предгорий Копет-Дага орнаментировали свои изделия узорами ялангачского стиля, восходящего в целом к росписи Намазга I. Наряду с ним некоторые сосуды украшались и геометрической орнаментацией, которая одно время рассматривалась как свидетельство влияния убейдской культуры (В. Массон, 1962а, 1964в). Однако сравнение этих композиций с полихромной орнаментацией типа Намазга II позволило предположить, что они возникли на месте и их прототипом следует считать узоры Намазга II. Только местные гончары воспроизводили их не двумя красками, а одной (Хлопин, 1964в).

Проблема происхождения геоксюрского стиля также еще не может считаться окончательно решенной. Прежде все исследователи единодушно полагали, что в его сложении большую роль сыграли влияния из Центрального и Юго-Западного Ирана и, возможно, Фарса (В. Массон, 1962б, 1963; Сариниди, 1963а; Хлопин, 1962а). В настоящее время мнения разделились: наряду с сохранением прежних взглядов (В. Массон, 1964в; Сариниди, 1965) возникли новые. Последние заключаются в том, что все узоры, включая и рисунок креста, имеют, по мнению автора этих строк, автохтонное происхождение и сложились на основе узоров типа Намазга II, частично переработанных на месте в ялангачское время (период Намазга II).

Более определенно можно судить об орнаментации позднего энеолита (Намазга III). В ее основе (геометрические узоры) прослеживается местная линия развития. Что же касается зооморфной орнаментации, то все рисунки зверей, кроме, пожалуй, козла, не имеют видимых местных корней. Зато в синхронных памятниках Центрального (Сияк) и Северного Ирана (Гисар) мы находим аналогичные изображения. По всей вероятности, они были принесены в предгорья Копет-Дага выходцами из названных областей, которые пришли в движение благодаря тому, что в Месопотамии этого времени складываются первые государства, давшие своеобразный толчок на периферию (В. Массон, 1957г).

Кроме керамической орнаментации, свидетельством инокультурных связей могут, по мнению некоторых исследователей, слу-

жить изменения в архитектуре последней поры развитого энеолита (появление круглых зданий) и антропоморфная скульптура времени позднего энеолита, которые сопоставляются с Эламом и Южным Двуречьем (В. Массон, 1964в; Сарияниди, 1965). Однако к этим категориям памятников следует подходить с сугубой осторожностью, так как они могли возникнуть самостоятельно в результате внутренней эволюции культуры.

Таким образом, проникновение инокультурных влияний в среду земледельческих племен юга Средней Азии отмечается бесспорно только в позднем энеолите. Однако и эти племена оказывали влияние в обратном направлении. Свидетельством этому могут быть узоры на керамике, статуэтки и печати в древнеземледельческих поселениях Афганистана и Пакистана (В. Массон, 1960д). В период позднего энеолита в целом, как свидетельствует археологический материал, южнотуркменистанские земледельческие общины оказываются втянутыми в орбиту аналогичных культур Переднего Востока; эти контакты становятся более осязаемыми уже в эпоху бронзы.

Глава 3.

Неолитические охотники и собиратели

Высокий уровень развития оседлоземледельческих культур юго-западной Средней Азии особенно заметен в сравнении с более северными памятниками. Если обратиться к археологической карте Средней Азии IV—III тыс. до н. э., то можно видеть, как узкую полосу земли, занятую оседлоземледельческими оазисами, охватывают памятники, оставленные неолитическими охотниками и рыболовами. Сосуществование и взаимоотношения этих двух культурно-хозяйственных зон составляют характерную черту истории Средней Азии рассматриваемого времени.

Первым ярким памятником этого северного неолита в Средней Азии была стоянка Джанбас-Кала 4, считающаяся до сих пор классическим объектом, характеризующим зону охотников и рыболовов. На основе раскопок Джанбас-Калы 4 с привлечением ряда других материалов С. П. Толстовым было сформулировано понятие кельтеминарской культуры (Толстов, 1946б), и естественно, что при появлении новых материалов исследователи прежде всего сравнивали их с этим уже известным комплексом. Но по мере накопления данных стало совершенно ясно, что неолитическая Средняя Азия IV—III тыс. до н. э. представляла собой довольно сложную картину сосуществования целого ряда близких по уровню развития, но тем не менее различных культур и их локальных вариантов.

В дальнейшем для удобства изложения прикаспийские памятники объединены в одну территориальную группу, что ни в коей мере не подразумевает их единства в плане культурной общности. Более того, есть основания полагать, что мы имеем здесь дело с весьма пестрой картиной, но имеющийся материал и степень его изученности еще недостаточны для выделения особых культур. Вполне вероятно, что это будет сделано в ходе последующих работ.

ПРИКАСПИЙСКИЕ СТОЯНКИ И ГРОТЫ

Выделяемая территориально группа прикаспийских памятников в ряде отношений существенно отличается от стоянок кельтеминарского круга, но в целом культурная принадлежность их не вполне ясна. Возможно, на территории Восточного Прикаспия мы имеем дело с сосуществованием комплексов различного культурного происхождения, отражающих сложную картину взаимодействия разных племенных групп. Развешанные стоянки с кремневым инвентарем распространены в Восточном Прикаспии на широкой территории от Больших Балхан до Мангышлака¹ и как бы смыкаются с нижневолжскими неолитическими памятниками. Неолитические слои, тесно связанные с прикаспийским мезолитом, выделены в ряде гротов и пещер.

Здесь прежде всего следует назвать пещеру Джебел, освоенную прикаспийскими племенами еще в пору мезолита. Первые фрагменты керамики в ней появляются в пятом слое, а широкое употребление глиняной посуды в четвертом слое уже не вызывает никаких сомнений. Четвертый слой Джебела радиоуглеродным анализом датирован 4070 ± 140 лет до н. э., что в основном подтверждает мнение А. П. Окладникова, относившего этот слой к IV тыс. до н. э. (Окладников, 1956в, стр. 208), хотя эта дата и подверглась критике (Виноградов и Итина, 1959, стр. 159). В пещерах Южного Прикаспия глиняная посуда появляется еще во второй половине VI тыс. до н. э. (Сооп, 1951). Хрупкие черепки джебельской керамики значительно уступали по качеству посуде их западных соседей — оседлых земледельцев Южной Туркмении. Существенно отличается и форма джебельской керамики — это небольшие сосуды с прямыми стенками и приостренным дном. Наружная поверхность сосудов иногда слегка залощена и украшена несложным тисненым орнаментом. Кремневая индустрия неолитического Джебела генетически восходит к прикаспийскому мезолиту (рис. 28, 1—9, 11). Здесь мы видим и пластины с выемками, игравшие роль скреблей, и скребки, изготовленные на пластинах или отщепах, и, наконец, даже единичные орудия трапецевидной формы. Как и прежде, украшениями служили бусы, сделанные из раковин. Появляются и некоторые новые виды изделий, из которых прежде всего следует отметить наконечники стрел двух видов. Одни имеют листовидную форму и с двух сторон обработаны ретушью (рис. 28, 1, 2), другие сделаны из пластины с боковой выемкой и близко напоминают аналогичные наконечники кельтеминарской культуры (рис. 28, 8).

Костные остатки четвертого слоя Джебела свидетельствуют о развитии охоты на джейранов и ловле рыбы в близлежащем,

¹ Сборы А. М. Мандельштама в 1962—1963 гг. Материалы не опубликованы.

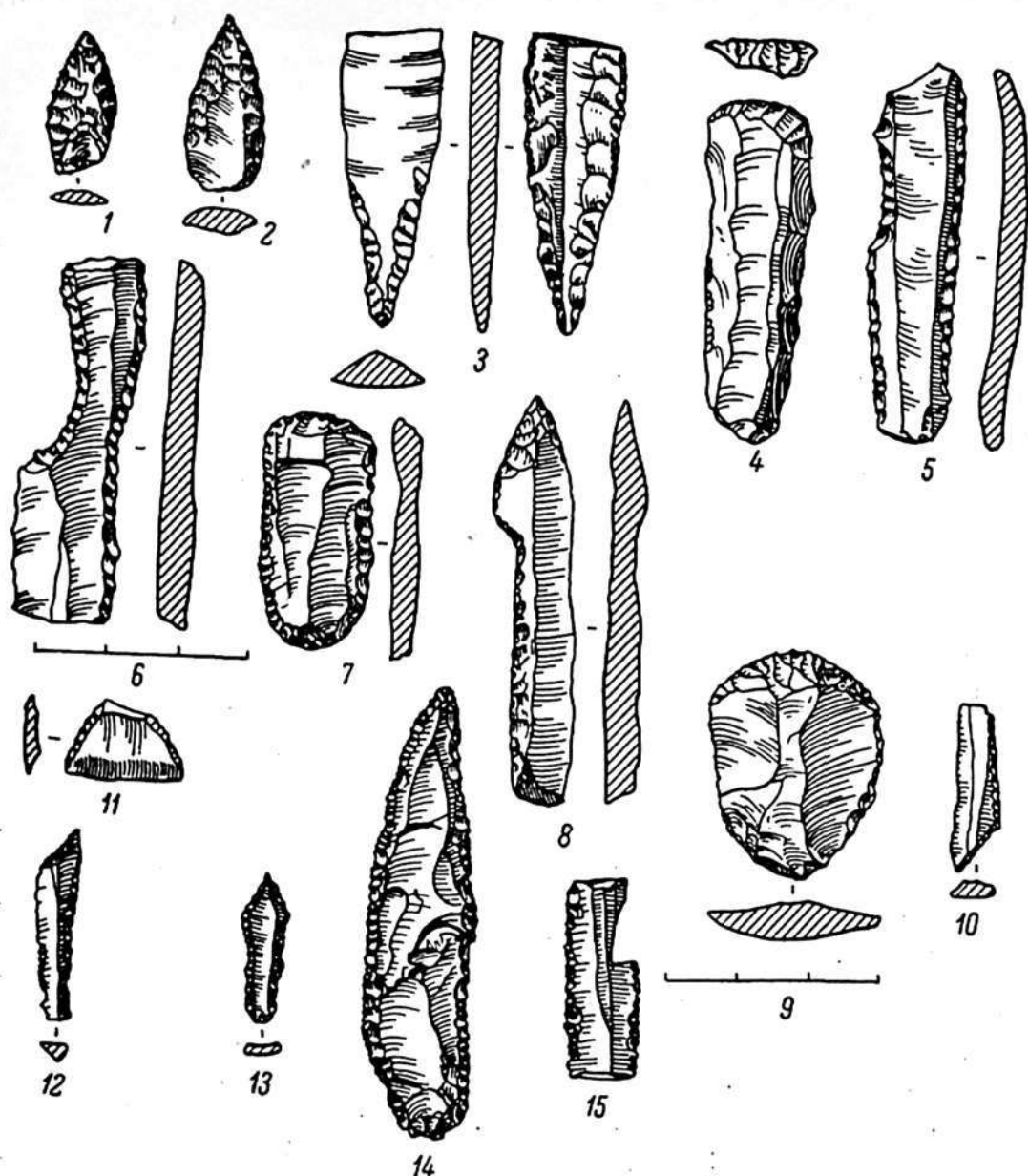

Рис. 28. Кремневые орудия из прикаспийских памятников

1—4 — Джебел, слой 3; 5—9, 11 — Джебел, слой 4; 10, 12—15 — Оуклы.

тогда еще полноводном Узбое. Вместе с тем здесь найден терочный камень, возможно служивший для обработки каких-либо злаков, а зоологи допускают наличие среди остатков мелкого рогатого скота и костей одомашненных особей (Цалкин, 1956а). Однако земледелие и скотоводство, видимо, играли незначительную роль в жизни прикаспийских племен, культура которых и позднее сохраняет весьма архаический облик.

Об этом достаточно определенно свидетельствует материал из верхних слоев Джебельской пещеры. Здесь по-прежнему сохраняются скребки, сделанные на отщепах и пластинах. Распро-

странены, хотя и в меньшем количестве, пластины с выемками — скобели. Довольно много листовидных наконечников стрел, обработанных отжимной ретушью. Наряду с грубой лепной посудой в этих слоях найдено несколько черепков от тщательно выделанных сосудов, в том числе типичных для североиранского оседло-земледельческого поселения Шах-Тепе. Северные „варвары“ получали отдельные виды ремесленных изделий у своих высокоразвитых соседей, а в ряде случаев изготовляли по их образцу свои. С этой особенностью неолитических культур Средней Азии IV—III тыс. до н. э. мы встретимся в дальнейшем.

Неолитические слои отмечены, помимо Джебела, в ряде других пещер, в частности в Кайлю и Дам-Дам-Чешме II (Окладников, 1953). Довольно значительные коллекции кремневого инвентаря, относящегося во всяком случае частично к неолиту, дали и сборы подъемного материала на развешенных стоянках Восточного Прикаспия. Здесь нет наконечников стрел, а геометрические орудия, представленные трапециями, крайне малочисленны. Преобладают пластины (главным образом с выемками), скребки, проколки. На одной из таких стоянок в северобалханской степи — Оюклы — были даже произведены раскопки (Бахта и Марков, 1959; Марков, 1961). Культурный слой здесь практически почти не сохранился, так что материал мало отличается по существу от поверхностных сборов. Для кремневого инвентаря Оюклы характерно значительное число концевых скребков — они составляют около 30% всех найденных орудий. Распространены также микропластинки с затупленной спинкой, пластины с ретушью, пластины с выемками. Выделяется крупная ретушированная пластина, возможно использовавшаяся в качестве ножа (рис. 28, 14). Широко распространены резцы (рис. 28, 15). Несколько своеобразна оюклинская керамика, довольно богато орнаментированная в отличие от джебелской. Большинство сосудов, видимо, имело круглое дно, а их стенки покрывал орнамент ямками или зигзагами. Весьма характерна для Оюклы орнаментация вертикальными насечками вдоль венчика. Напоминая богатством орнаментации керамические комплексы раннего Кельтеминара, оюклинская посуда вместе с тем отличается своеобразием ряда мотивов. Расположение Оюклы в пограничном районе степи и песков, куда весной доходит вода горных потоков, позволяет видеть в этой стоянке временное, сезонное стойбище, судя по производственному инвентарю, охотников и рыболовов, хотя возможно, что костные материалы, если бы они имелись, свидетельствовали бы и о какой-то степени развития скотоводства.

Уже из приведенного описания разрозненных и необобщенных материалов ясно, что изучение прикаспийского неолита находится в начальной стадии, на которой общие выводы по истории хозяйства и общества крайне затруднены.

Очень большим контрастом прикаспийским памятникам выступают памятники кельтеминарской культуры, изучение которых значительно продвинулось в первую очередь благодаря систематическим работам Хорезмской археологической экспедиции. В ходе этих работ были открыты и исследованы многочисленные кельтеминарские стоянки по Узбою (Итина, 19586), Сарыкамышу (Толстов, Кесь и др., 1960), а также на территории Хорезма (Виноградов, 1958, 1960, 1963). Аналогичные материалы были отмечены также в Кызылкумах (Терепожкин, 1947; Вактурская, 1959) и в низовьях Зеравшана (Гулямов, 1956). В последнем районе систематические работы привели к открытию целой группы неолитических памятников, в том числе стоянки Дарбаза-Кыр с сохранившимся культурным слоем (У. Исламов, 1961а, 1961б, 1963б). Таким образом, кельтеминарская культурная общность охватывает значительную территорию Средней Азии и Казахстана. Характеризуется кельтеминарская культура грубой лепной керамикой, на ранних этапах остродонной и богато орнаментированной, большими жилищами типа землянок и микролитонидным кремневым инвентарем с типичной формой наконечника стрелы на пластине с боковой выемкой. В литературе было высказано мнение, что кельтеминарская культура отражает какую-то этническую и языковую общность, тогда как намечающиеся локальные варианты Кельтеминара соответствуют территориям расселения племен или племенных групп (Виноградов, 19576, стр. 11). Первое из этих положений едва ли может быть убедительно аргументировано при данном уровне знаний, второе — вполне вероятно. Уже А. В. Виноградов считал возможным выделить три территориальных варианта Кельтеминара (акча-дарьинский, узбойский, западноказахстанский) и ставил вопрос о возможности выделения кызылкумской группы памятников (Виноградов, 19576, стр. 9). В настоящее время четко выделяется также нижнезеравшанская группа стоянок, которую есть основание именовать тузканской.

Правда, выделение локальных вариантов Кельтеминара затрудняется необходимостью их хронологического расчленения. Между тем в этом вопросе далеко не все ясно, и, возможно, хронологические критерии для разных областей окажутся различными. В 1957 г. схема членения кельтеминарских комплексов на ранние и поздние была разработана А. В. Виноградовым (Виноградов, 1957а, 1957б). Согласно этой схеме, для раннего Кельтеминара характерна круглодонная и остродонная керамика, почти вся орнаментированная. Встречаются довольно сложные системы орнаментации. В составе микролитонидного кремневого инвентаря широко распространены наконечники стрел на пла-

стинах с боковой выемкой, известны также листовидные стрелы двусторонней обработки, изредка попадаются трапеции. Датировка этого раннего этапа — конец IV—первая половина III тыс. до н. э. В пору позднего Кельтеминара появляются горшковидные сосуды с плоским дном; значительная часть сосудов вообще лишена орнамента, сложные композиционные схемы исчезают. В кремневом инвентаре большое развитие получают двусторонне обработанные наконечники стрел, появляется значительное число наконечников копий или дротиков и больших ножей, сделанных на отщепах или на крупных пластинах. Дата этого позднего этапа, согласно А. В. Виноградову, — вторая половина III—начало II тыс. до н. э.

Этой схемой, разработанной, правда, не на основании стратиграфических данных, а путем сопоставления материалов, преимущественно подъемных, происходящих с разных стоянок, археологи практически пользуются и в настоящее время. Вместе с тем отмечается, что, например, на памятниках акча-дарьинской дельты, т. е. собственно Хорезма, в позднекельтеминарское время меняются лишь керамические материалы, тогда как кремневая индустрия не претерпевает особых изменений (Толстов, Кесь и др., 1960, стр. 80). Аналогичное явление отмечено и для низовий Зеравшана, где на стоянке Дарбаза-Кыр прослежена последовательность трех культурных слоев, характеризующихся общностью кремневого инвентаря, правда, целиком относящегося, по схеме А. В. Виноградова, к раннему этапу. Зато в дарбаза-кырских слоях намечается известная эволюция керамических материалов: посуда нижнего и среднего слоев богато орнаментирована в основной своей массе, тогда как в верхнем слое преобладают сосуды, орнаментированные лишь по венчику или в верхней половине (У. Исламов, 1963б, стр. 8, 9).

Как мы видели выше, наиболее ранние кельтеминарские материалы по существующей схеме датируются концом IV тыс. до н. э., причем была сделана попытка омолодить и эту дату. Между тем, вероятно, более верной явится тенденция к ее удревнению в связи с общим удревнением переднеазиатской хронологии и возможным удревнением хронологической схемы, принятой для оседлоземледельческих культур юго-запада Средней Азии. Так, было отмечено влияние расписной посуды позднего Намазга II на ряд орнаментальных композиций раннекельтеминарской керамики, что позволяет отодвинуть начальную дату Кельтеминара до последней трети или даже до второй половины IV тыс. до н. э. (В. Массон, 1960г, стр. 30). Напомним, что наконечник стрелы на пластине с выемкой кельтеминарского типа найден в четвертом слое Джебела (4070 ± 240 лет до н. э.). Правда, он крупнее и архаичнее, чем у собственно кельтеминарских стрел. Кроме того, следует иметь в виду, что при обилии неолитических материалов в Средней Азии и при сохранении ставшей традиционной даты

«не ранее конца IV тыс. до н. э.» складывается несколько странная картина отсутствия комплексов более раннего времени. Несомненно, что тщательная систематизация нового материала и проведение, если это окажется возможным, серийных определений дат методом радиоуглеродного анализа позволит успешно разрешить эту проблему.

Поселения и жилища

Кельтеминарские памятники, представляющие собой в большинстве случаев временные стойбища и стоянки, не отличаются в противоположность поселкам оседлых земледельцев юга мощностью культурных отложений. Именно эта небольшая толщина культурного слоя способствовала его быстрому уничтожению под действием природных факторов. В целом невелики и размеры стоянок, не превышающие мелкие поселки земледельческого неолита и энеолита. Иногда, правда, находки кремневых изделий и обломков глиняной посуды, характеризующие бывшие размеры развешенных стойбищ, встречаются на площади 1.5—3 га, как например на стоянках Гяур 1 и Хатыб 1 в районе Сарыкамыша. Возможно, здесь находился целый ряд стойбищ, в которые их обитатели неоднократно возвращались, так как они находились в районе, удобном для охоты и рыбной ловли. Во всяком случае, например на Узбое, отмечены районы, где кельтеминарские памятники располагаются рядом друг с другом, на расстоянии всего 300—400 м. Крупнейшая на Узбое стоянка Кугунек 22 вытянута почти на 20 м по берегу древнего озера. Одна из нижнезеравшанских стоянок достигает площади около 6 га (У. Исламов, 1961а). По-видимому, это был район, особенно привлекавший неолитического человека, хотя и мало вероятно, чтобы все это обширное пространство обживалось одновременно.

Лишь на единичных памятниках сохранился культурный слой, достаточный для того, чтобы попытаться проследить остатки жилища. По существу чуть ли не единственным исключением является Джанбас-Кала 4, где остатки подобного жилища могли быть сравнительно хорошо изучены благодаря пожару, в древности охватившему джанбас-калинский дом. Ямы от столбов и обгорелые остатки перекрытия позволяют в известной мере судить о размерах и облике уничтоженного огнем строения. Общая площадь его достигала почти 300 м². В центре располагался большой очаг, который С. П. Толстов склонен считать культовым, а по сторонам от него находилось около ста бытовых очагов. На основании этнографических параллелей, главным образом с домами племен экваториального пояса, С. П. Толстов предложил реконструкцию джанбас-калинского дома в виде огромной каркасной хижины высотой в 8—10 м (Толстов, 1948а, стр. 60—62). Эта реконструкция (рис. 29, 1) получила широкое распростра-

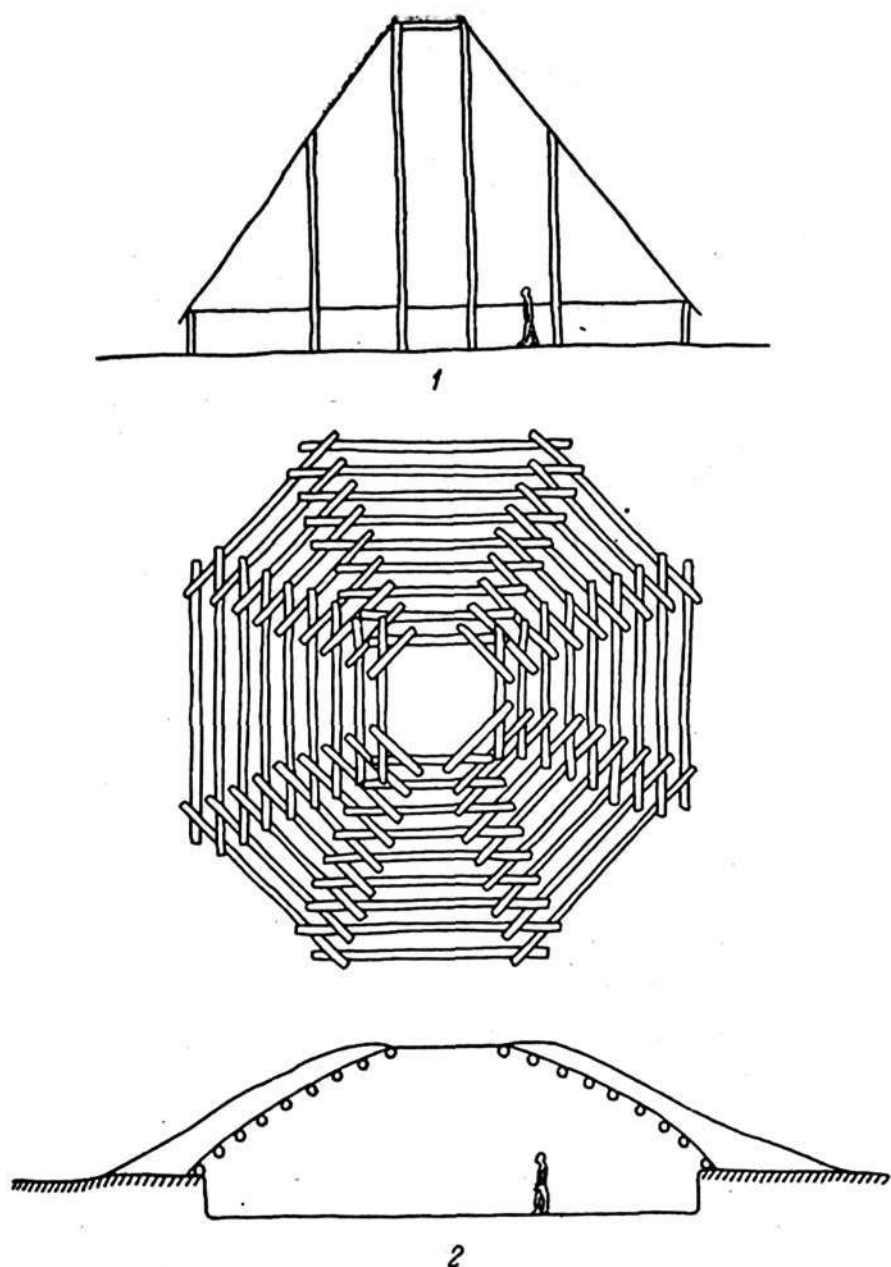

Рис. 29. Жилище стоянки Джанбас-Кала 4.

1 — реконструкция С. П. Толстова; 2 — реконструкция М. П. Грязнова.

нение как в специальной, так и в общей литературе. Однако пересмотр фактического материала и объемное моделирование позволили предложить М. П. Грязнову отличный вариант воссоздания внешнего вида этого раннекельтеминарского жилища. Согласно этой реконструкции (рис. 29, 2), джанбас-калинский дом представлял собой восьмиугольную в плане землянку с перекрытием в виде куполообразного сруба типа дарбаза (вид перекрытия, широко распространенного в Средней Азии). С целью утепления землянки ее крыша была покрыта толстым слоем золы и песка или земли. Остатки этого слоя обнаружены в ходе раскопок

поверх обуглившихся балок дарбазного перекрытия. Высота землянки, по расчетам М. П. Грязнова, достигала 4 м. Следует отметить, что эта реконструкция не только полностью соответствует наблюдениям, сделанным в ходе раскопок, но и более подходит умеренному континентальному климату Хорезма с его суровыми зимами, чем легкая высокая хижина, необходимая для жарких субтропиков.

Такие крупные по площади жилища были, видимо, характерны для хорезмийских стоянок. Недавно на стоянке Кават 7 были отмечены остатки жилища еще более значительной площади — 580 м² (Толстов, Жданко и Итина, 1963, стр. 4, 5). Правда, сохранность культурного слоя здесь значительно хуже, чем в Джанбас-Кале 4, и границы дома не могли быть прослежены повсюду с одинаковой четкостью. Не исключено, как это предполагает М. П. Грязнов, что перед нами две землянки, расположенные рядом.

На третьем кельтеминарском памятнике с сохранившимся культурным слоем — нижнезеравшанской стоянке Дарбаза-Кыр — также были отмечены следы столбовой конструкции. По сообщению У. Исламова, ямки от столбов ограничивали прямоугольник площадью 81 м². По его предположению, здесь располагалась прямоугольная хижина (У. Исламов, 1963б, стр. 15—16). Возможно, что это было не жилище, а какое-либо подсобное строение, поскольку в его пределах не обнаружено остатков очагов.

Орудия из камня и кости

Как на стоянках с сохранившимся культурным слоем, так и на развеянных стойбищах собрано значительное число древних орудий, среди которых первое место занимают изделия из кремня. Кремень добывался в каменоломнях, и остатки такой каменоломни, разрабатывавшейся в пору энеолита, найдены у одного из отрогов Султан-Унздага (Толстов, Жданко и Итина, 1963, стр. 6—8). Большинство орудий изготовлялось на кремневых пластинах, среди которых особенно характерными являются микропластины как с ретушью, так и без нее. Широко распространены пластины с притупленной спинкой. В целом кельтеминарская кремневая индустрия носит ярко выраженный микролитовидный характер (рис. 30), перекликаясь в некоторых отношениях с кремневыми изделиями земледельческого неолита юга. Как и на Джейтуне, широко распространены различного вида скребки, служившие для обработки шкур животных. Это и концевые скребки, и миниатюрные овальные или круглые скребки, и более массивные скребки на отщепах (рис. 30, 8, 10, 11, 17). Так же как и на Джейтуне, в Кельтеминаре довольно много пластин с выемками, игравших роль скобелей. Аналогичны и проколки, в действительности в большинстве своем являвшиеся

не проколками, а сверлами. Вместе с тем в отличие от джейтунского неолита в кельтеминарских комплексах широко распространены наконечники стрел. Это прежде всего специфические для Кельтеминара наконечники стрел на пластинах с асимметричной боковой выемкой и скошенным ретушью основанием (рис. 30, 1, 2). Наряду с ними встречаются и наконечники стрел, обработанные двусторонней ретушью (рис. 30, 15, 16). Их формы (листовидные, подтреугольные с выемкой в основании, ромбовидные) находят аналогии в земледельческой культуре юга, относящейся уже к поре энеолита и ранней бронзы. Как отмечалось выше, в поздnekельтеминарских комплексах появляются крупные наконечники дротиков или копий (рис. 30, 21). Во всяком случае несомненно, что метательное оружие составляло важную часть бытового инвентаря кельтеминарских племен. Другое существенное отличие ассортимента орудий труда и оружия у кельтеминарцев по сравнению с джейтунцами состоит в практическом отсутствии в Кельтеминаре вкладышей серпов, процент которых столь высок для неолитических культур юга. Лишь на некоторых позднезеравшанских стоянках обнаружено несколько пластин, использовавшихся для этой цели, но их количество ничтожно по сравнению с массой других орудий.

Изделия из других материалов представлены значительно меньшим числом образцов. Из плотного песчаникового камня изготавливались терки и грузила для рыболовных сетей. Последние были двух видов: с желобком по окружности и со сверленным отверстием у одного из краев. Известны также топоры-тесла из шлифованного камня. Из сохранившихся костяных изделий имеются лишь найденные на Джанбас-Кале 4 наконечники стрел в виде заостренных стержней, иногда с выделенной цилиндрической головкой.

Кремневые орудия господствуют как на раннекельтеминарских памятниках, так и на более поздних стоянках. Между тем для позднего Кельтеминара уже имеются свидетельства о знакомстве с начатками металлургии: на одной из кызылкумских стоянок обнаружены медные шлаки, а из Западного Казахстана происходит относящееся к этой эпохе медное шило. Однако появление медных изделий на этом этапе ни в какой мере еще не сказалось на кремневом инвентаре: мы не наблюдаем в нем ни сокращения числа форм, ни количественного уменьшения. Здесь еще не произошел качественный скачок, характерный для южно-туркменистанского энеолита, когда большинство кремневых орудий исчезает сразу и навсегда.

Глиняная посуда

Керамика раннего Кельтеминара хорошо изучена благодаря обширной коллекции, обнаруженной при раскопках стоянки Джанбас-Кала 4 (эта коллекция до сих пор полностью не опубли-

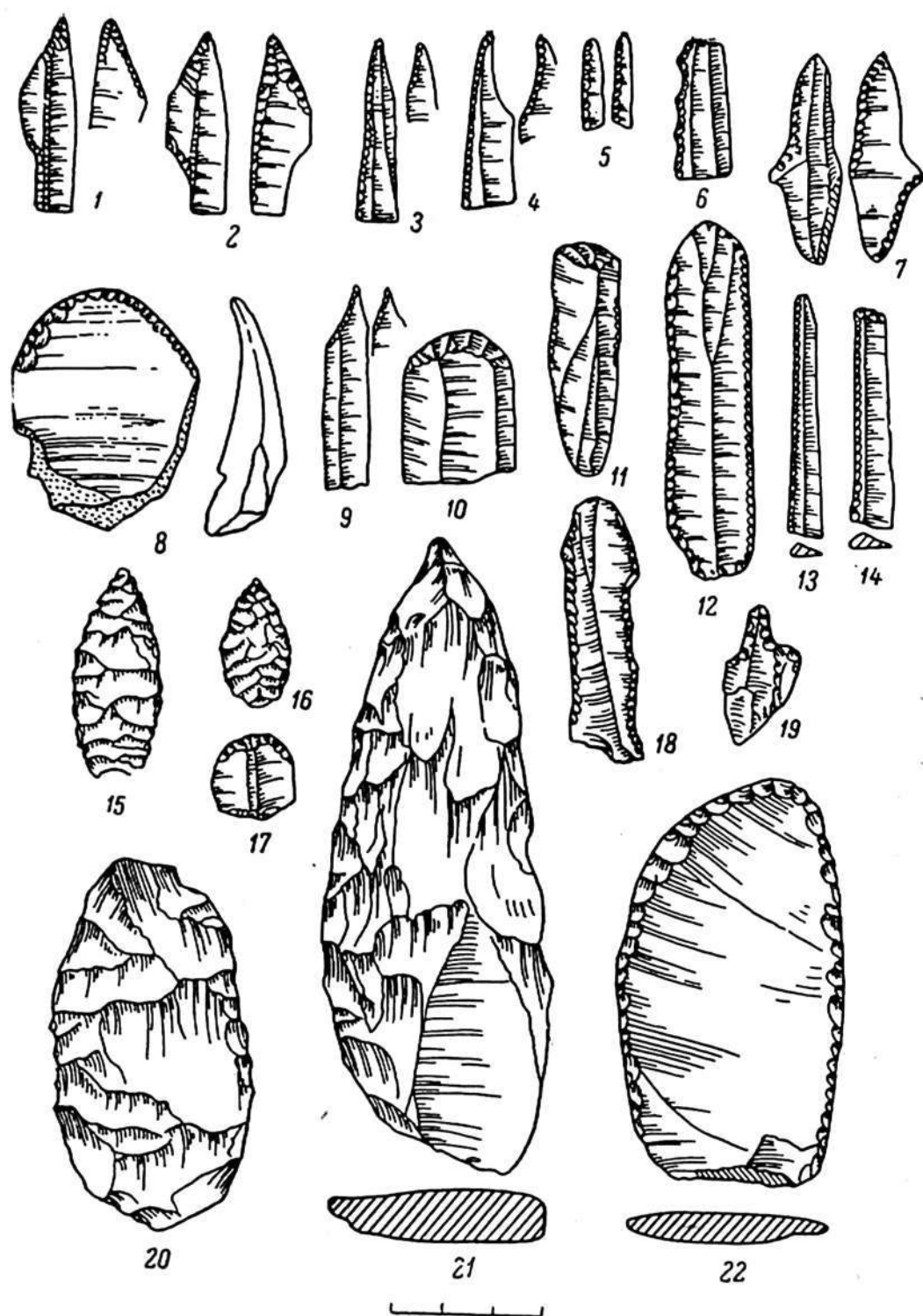

Рис. 30. Кремневые орудия Кельтеминара (1—22).

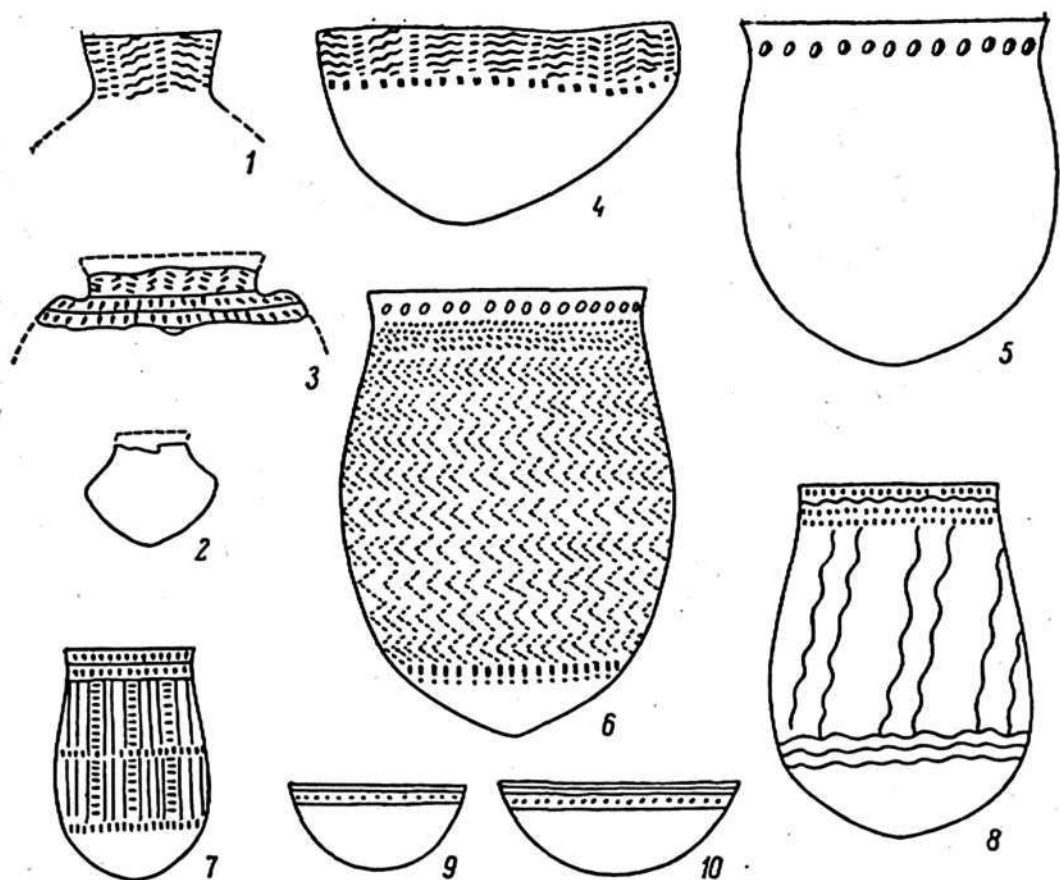

Рис. 31. Керамика раннего Кельтеминара (1—10). По А. В. Виноградову.

кована). Вся эта посуда изготовлена от руки с примесью к глине шамота, дресвы, толченых раковин и песка. Сосуды имеют округлое или приостренное дно. Распространены большие сосуды, высокие сосуды со слегка раздутым туловом (рис. 31, 5—8), полусферические чаши (рис. 31, 9—10), а также сосуды со сферическим туловом и высоким горлом (рис. 31, 3). Обычно выделяются в качестве особой формы ладьевидные сосуды (рис. 31, 4), но возможно, перед нами просто чаши, несколько изменившие свою форму в процессе обжига. Во всяком случае количественно преобладают чаши и высокие сосуды. Характерной чертой раннекельтеминарской керамики является богатая орнаментация, почти сплошь покрывающая стенки большинства высоких сосудов. Орнамент наносился путем вдавливания, прочерчивания, насечек, с применением трубчатого штампа и ногтевых вдавлений. Распространены следующие композиционные приемы: сплошное покрытие стенок повторяющимися элементами, чаще всего елочкой или зигзагом; деление поверхности на геометрические фигуры (ромбы, треугольники, прямоугольники), заполненные прямыми и волнистыми линиями. Иногда это членение на фигуры производилось не простой линией, а двойной полосой с поперечными

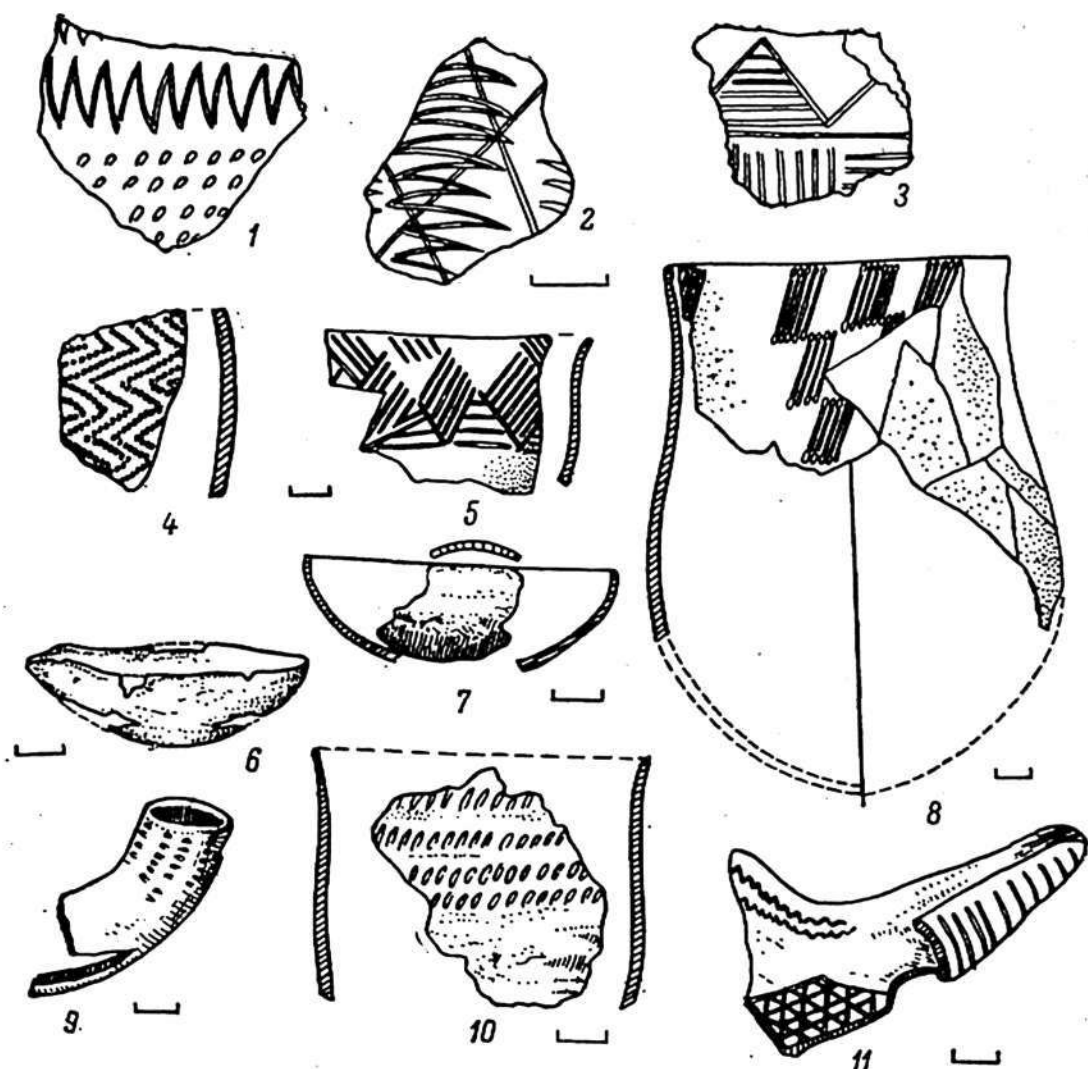

Рис. 32. Керамика позднего Кельтеминара (1—11).

черточками внутри (так называемая лесенка). Эти сложные узоры и приемы находят известные параллели в расписной керамике земледельцев юга. В Джанбас-Кале 4 отмечено также окрашивание стенок сосудов красной или желтой охрой, а в одном случае краской проведена полоса под венчиком.

Выше уже отмечались некоторые характерные черты позднекельтеминарской керамики (рис. 32, 1—11). По-прежнему это была довольно грубая, вылепленная от руки хрупкая посуда, видимо кострового обжига. Появляются горшковидные сосуды с плоским дном; высокие сосуды сохраняются, но уменьшаются в размерах. В орнаментации широкое распространение получает зубчатая и гладкая качалка, а также зубчатый штамп. Сложные композиции раннего времени исчезают; характерны орнаменты из повторяющихся элементов, нанесенные в верхней части сосудов. Количество неорнаментированной керамики резко увеличивается, и на ряде стоянок она явно преобладает.

Недавно интересный керамический комплекс был получен на хорезмийской стоянке Кават 7, видимо относящейся к переходному периоду от раннего Кельтеминара к позднему (Виноградов, 1960; Толстов, Жданко и Итина, 1963, стр. 4—6). Здесь имеется целый ряд сосудов со сливами (рис. 32, 11), а также с трубчатыми носиками (рис. 32, 9).

Этот специфический комплекс явно носит следы каких-то южных воздействий.

Хозяйство и общество

Архаический облик кельтеминарской культуры находится в полном соответствии с характером ее экономической базы. Все имеющиеся данные свидетельствуют о том, что кельтеминарская экономика в основном еще оставалась в рамках присваивающего хозяйства. Его главными отраслями были охота и рыболовство, видимо дополняемые в ряде мест собирательством.

Об этом уже свидетельствуют сам облик кельтеминарских памятников и их размещение. Это были временные стоянки, теснящиеся по берегам рек и озер, разбросанных по степным и пустынным районам. В Хорезме кельтеминарские стоябища располагались на территории затухающей акча-дарьинской дельты, по ее окраинам, на границе дельтовых тугайных зарослей и окружающих песков. Иногда стоянки помещались и на островах и в пределах дельты. Такова, в частности, знаменитая Джанбас-Кала 4. По берегам озер теснились стоянки и в присарыкамышской дельте. На Узбое кельтеминарцы селились по берегам тихих заводей, заливчиков и небольших озер. Два озера — Большой и Малый Тузкан — были местом сосредоточения неолитических стоянок и в низовьях Зеравшана.

Охотничий инвентарь довольно широко представлен среди кельтеминарских орудий. Это и наконечники метательных орудий, и скребки для обтачивания древков стрел, и разнообразный набор скребков для обработки шкур. К сожалению, состав животных, добывавшихся кельтеминарцами, нам плохо известен. В акча-дарьинской дельте это в основном животные, характерные для тугаев — кабан, олень и косуля. Вероятно, в пустынных районах добывались и традиционные еще для мезолита животные — джейран, кулан и, возможно, сайга. Так, на тузканских стоянках Н. К. Верещагиным обнаружены остатки костей джейрана и дикой лошади.

Бесспорно и широкое развитие рыболовства. Кости щуки, сазана и сома найдены как на акча-дарьинских памятниках, так и на стоянках в низовьях Зеравшана. Остатки названных рыб на Джанбас-Кале 4 составляют 86% всей добычи древних рыбо-

ловов (Никольский, Радаков и Лебедев, 1952). Лов этих рыб производился или колющими орудиями типа гарпунов, или крючками. Однако, как уже отмечалось, на кельтеминарских памятниках пока обнаружены лишь каменные грузила сетей. Крючки и гарпуны изготовлялись скорее всего из кости, почти не сохранившейся на развеечных стойбищах. Вероятно, употреблялись также вкладышевые гарпуны.

Ряд данных свидетельствует о наличии собирательства. Так, на Джанбас-Кале 4 были найдены остатки наземных и пресноводных моллюсков и скорлупа птичьих яиц. Терочные камни, изредка встречающиеся на кельтеминарских памятниках, могли служить для обработки растительной пищи. Вероятно, для сбора каких-то растений предназначались и жатвенные ножи, единичные вкладыши которых обнаружены на стоянках Тузкана.

Преобладающее значение охоты и рыболовства характерно скорее всего как для ранней, так и для поздней стадии развития кельтеминарской культуры. Вероятно, этой особенностью хозяйственной базы объясняется и большая роль кремневого инвентаря, мало изменившегося в позднем Кельтеминаре по сравнению с более ранним периодом. Вместе с тем на этой поздней фазе развития уже появляются отдельные новые элементы, не изменяющие еще общего облика культуры, но являющиеся предвестниками разительных перемен. О зачатках металлургии уже упоминалось выше. Имеются сведения о наличии на позднекельтеминарских стоянках Западного Казахстана костей домашних животных: крупного и мелкого рогатого скота. Возможно, в это время появились первые домашние животные и в Хорезме, хотя не исключено, что здесь заболоченность дельты не благоприятствовала развитию скотоводства. К сожалению, этот переходный этап утверждения производящего хозяйства в северных районах Средней Азии пока ускользает от археологов и мы застали эту новую экономику уже в сложившемся виде в пору распространения здесь культур степной бронзы.

Изучаемые исследователями кельтеминарские памятники являются, вероятно, стоянками родовых общин. Обнаруженные остатки жилищ говорят о том, что все стойбище состояло из одной или двух полуземлянок. По расчетам С. П. Толстова, в джанбаскалинском жилище обитало 100—125 человек. Значение этих расчетов при изменении представлений об общем облике жилища в основном сохраняется, хотя скорее всего должны быть приняты минимальные цифры. А. В. Виноградов предполагает, что на многих стоянках жилища были еще меньшей величины. Это и неудивительно. В отличие от налаженной земледельческо-скотоводческой экономики юга охота и рыболовство не могли обеспечить совместного проживания в одном месте значительных коллективов.

Происхождение и связь с южными областями

В настоящее время полностью сохраняет свою силу сформулированное А. В. Виноградовым положение о том, что кельтеминарская культура сформировалась на основе того пласта охотничье-рыболовческих племен с кремневой индустрией, к которому восходит и земледельческий неолит юга (Виноградов, 1957а, стр. 44). На юге в условиях прогрессивной экономики имело место быстрое развитие культуры и быта, на севере архаическое хозяйство привело к замедленным темпам эволюции. Однако вопрос о происхождении Кельтеминара имеет и другой аспект — выделение тех конкретных мезолитических комплексов, на базе которых складывалась эта культура. В силу слабой изученности среднеазиатского мезолита этот вопрос пока не может быть решен полностью. Лишь в прикаспийских районах мы имеем картину последовательного развития мезолитической культуры, перерастающей в неолитический комплекс типа четвертого слоя Джебела. Возможно, что расселение прикаспийских племен по Узбою на север и освоение ими низовьев Аму-Дарьи и района Сарыкамыша привело к сложению кельтеминарской культуры. Неслучайно кремневый инвентарь третьего и четвертого слоев Джебела очень близок кельтеминарскому. Однако было бы неверным предполагать, что все кельтеминарские комплексы, распространенные на столь обширной территории, полностью обязаны своим возникновением обитателям Прикаспия. Скорее всего движение по Узбою было лишь своеобразным стимулом к сложению кельтеминарской общности, происшедшему на базе более древних местных культур, еще не обнаруженных археологами.

Известные связи обнаруживаются у кельтеминарских племен и со своими южными соседями, прочно перешедшими к земледельческому хозяйству. В свое время высказывалось мнение о связях Кельтеминара с неолитом Центральной Индии (Толстов, 1948а, стр. 65; ср.: Толстов, 1962а, стр. 41, 46), однако в действительности особых аналогий здесь не наблюдается (Виноградов, 1957а, стр. 34), и речь скорее может идти лишь об общности культурно-хозяйственных зон (В. Массон, 1964в, стр. 268). Связи же с земледельческими общинами, непосредственными соседями кельтеминарцев, на керамическом материале прослеживаются довольно определенно.

Так, некоторые из раннекельтеминарских сосудов имеют следы красной окраски, свидетельствующие о воздействиях со стороны культур с иными традициями украшения посуды, чем прочерченный и нарезной орнамент Кельтеминара. Проведенный А. В. Виноградовым анализ показал, что форма шаровидного сосуда и ряд орнаментальных композиций также являются отражением южных влияний и воздействий (Виноградов, 1957а). Рассматри-

вая орнаментику расписной керамики юга, можно заключить, что это влияние оказано скорее всего керамикой типа позднего Намазга II (В. Массон, 1960г, стр. 30—33). Эти южные влияния прослеживаются и в более позднее время, чем раннекельтеминарский комплекс Джанбас-Кала 4. Найденные на стоянке Дингильдже 6 чаш с различными видами сливов, в том числе в виде длинных желобков, находят себе прямые параллели в керамике североиранского поселения Шах-Тепе. Как уже отмечалось выше, при раскопках Джебела были обнаружены обломки сосудов, привезенных из этого или другого близкого ему по культуре поселения. Так сохраняют свое значение культурные связи, идущие из Хорезма через Узбой в Южное Прикаспие.

ГИССАРСКАЯ КУЛЬТУРА В ЗАПАДНОМ ТАДЖИКИСТАНЕ

В настоящей книге в разделах, посвященных палеолитическим комплексам, уже отмечалось сосуществование на территории Средней Азии по крайней мере двух различных традиций техники обработки камня, двух культурно-исторических зон. Как показали исследования, угасающие традиции подобного сосуществования доживают до неолитического времени. Действительно, в то время, когда на большей части Средней Азии распространены неолитические комплексы кельтеминарского типа, в горных областях на востоке страны существует неолит совершенно иного облика. Это гиссарская культура, характерным признаком которой является употребление речных галек в качестве основы для производства грубых изделий (нуклеусов, скребловидных орудий), весьма архаичных, как бы палеолитических по своему облику.

Памятники гиссарской культуры широко распространены в горных долинах Западного Таджикистана: в настоящее время насчитывается около 100 пунктов, в которых сделаны соответствующие находки (Ранов, 1963, стр. 23). Исследователи различают два вида памятников по месту их расположения — временные стоябища на склонах возвышенностей вблизи речек и ручьев и более долговременные стоянки, расположенные на террасах по берегам относительно крупных рек — Кафирнигана, Вахша и их притоков. На двух памятниках гиссарской культуры были произведены систематические раскопки. Это поселение Куй-Бульен около Дангары (Окладников, 1959в, 1961а, 1961б) и навес Актанги к югу от Шахристана на северо-западе Таджикистана (Литвинский и Ранов, 1961, 1964).

Куй-Бульен представляет собой остатки довольно обширного поселения, располагавшегося на краю террасовидного уступа. В слое толщиной около 1.5 м отмечено три культурных горизонта, однако, несмотря на значительные масштабы раскопок, ха-

рактен жилищ остался неясным. В ряде мест отмечено наличие обмазки толщиной в 3—5 см, состоящей из гипса с золой и являющейся, по мнению А. П. Окладникова, обмазкой пола. Обнаружены в ряде мест также обожженная глиняная обмазка и скопление камней. Видимо, одно заключение на основании этих раскопок можно сделать с достаточной определенностью: прочной глинобитной архитектуры на Куй-Бульене не существовало.

Ак-Тангинский навес раскрывает перед нами другой тип памятника этого времени. Здесь слой, условно именуемый исследователями «бронза III», а возможно, и более нижние напластования относятся к гиссарской культуре. Обнаружены очаги, выложенные из мелких обломков известняка; в ряде случаев исследователи допускают также наличие каменных выкладок.

А. П. Окладников, открывший гиссарскую культуру, осторожно датировал ее III—II (Окладников, 1958а, стр. 71) или IV—II тыс. до н. э. (Ранов, 1963, стр. 25). Как показали раскопки Ак-Тангинского навеса, слои гиссарской культуры перекрывают наложения, содержащие материал степной бронзы второй половины II тыс. до н. э. В этом навесе для гиссарских слоев получена радиоуглеродная дата 2210 ± 110 лет до н. э., что в целом подтверждает ранее принятую датировку.

Орудия гиссарской культуры не дают пока достаточных возможностей для четкой классификации, подобной той, которая сделана для кремневой индустрии Кельтеминара. Более того, само количество известных орудий этой горной культуры крайне невелико (рис. 33, 1, 2, 5—10). Как уже отмечалось выше, здесь преобладает техника обработки речных галек, раскалывавшихся древним человеком. Получавшиеся при этом своеобразные галечные нуклеусы могут быть разделены на две группы. В первую входят гальки-нуклеусы удлиненной формы, у которых скалывание производилось, как правило, только с одного конца. Другой конец оставался нетронутым и служил своего рода рукоятью. Эти нуклеусы напоминают огромные скребловидные инструменты типа так называемых чопперов или скребла, обычные для позднего неолита Сибири. Вероятно, многие из них употреблялись и как чопперы-рубила. Нуклеусы другого типа в ряде случаев близки по форме дисковидным нуклеусам мустьерского времени. У них тоже сохраняется нетронутая галечная корка на стороне, служившей отбивной площадкой. Но форма их округлая, дисковидная, и соответственно этому отделение отщепов шло со всех сторон от краев к центру. На памятниках гиссарской культуры в огромном количестве встречаются отщепы и реже грубые пластины. Вместе с тем имеется группа кремневых изделий, выделанных в той же классической традиции обработки призматического нуклеуса. Это и сами нуклеусы, и сколотые с них ножевидные пластины правильной формы, в том числе и столь характерные для Кельтеминара и Прикаспия пластины с боковыми выемками.

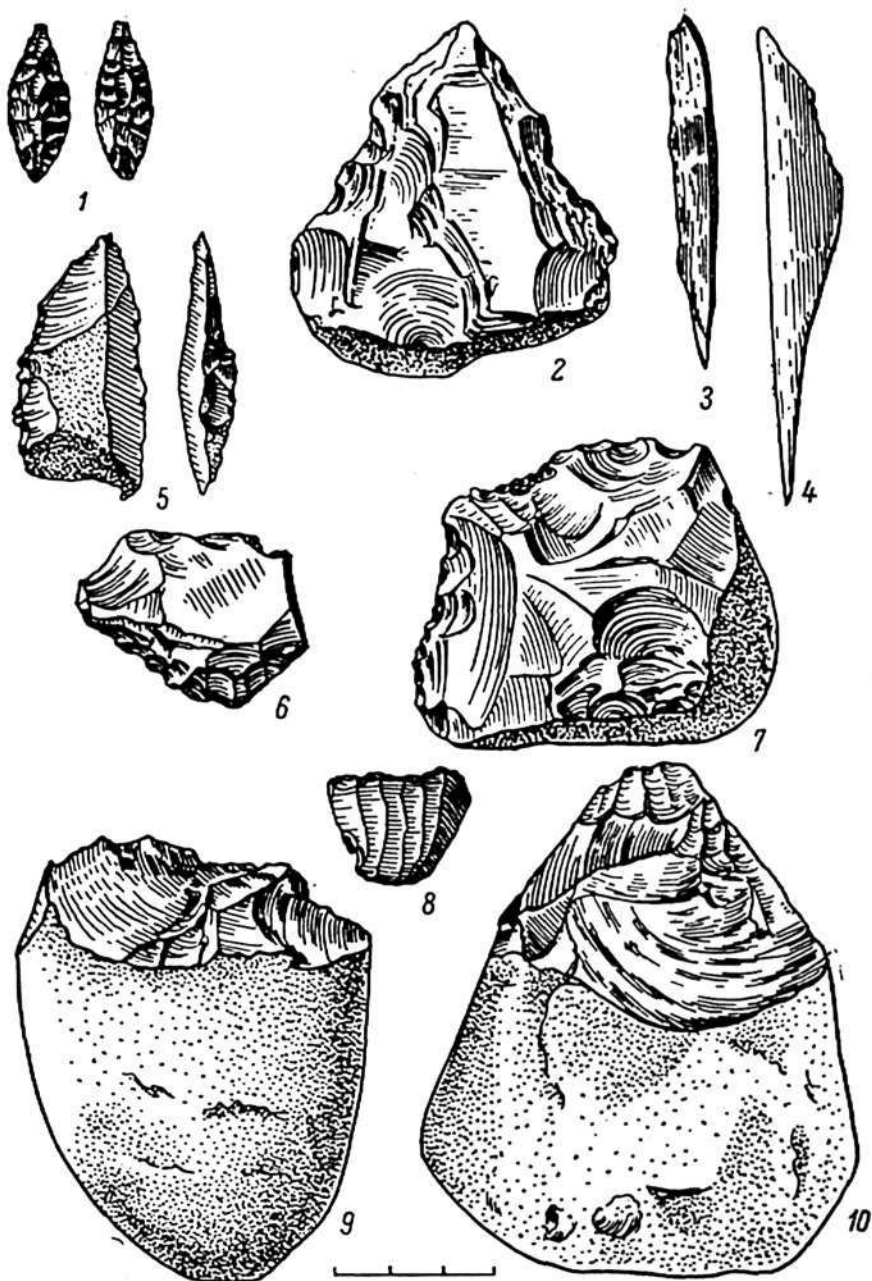

Рис. 33. Каменные (1, 2, 5—10) и костяные (3, 4) орудия гиссарской культуры.

В гиссарских слоях Ак-Танги найден даже двусторонне обработанный наконечник стрелы (рис. 33, 1). На гиссарских памятниках обнаружены также шлифованные каменные топоры, грубые песты, ступки и обломки гранитных терок или наковаленок, а в Ак-Танге обнаружен ряд проколов, сделанных из трубчатых костей животных и близко напоминающих аналогичные изделия Джейтуна (рис. 33, 3, 4).

Западнотаджикистанским горцам была известна и керамика. Сосуды вылеплены от руки, в ряде случаев на них есть отпечатки

ткани с внутренней стороны. Найденные обломки дают основание говорить о наличии крупных остродонных сосудов, стенки которых нередко тщательно залощены.

Уже из этого краткого описания (а изучение этой нелегкой для исследователя культуры только начинается) выявляется специфическое положение западотаджикистанского неолита. Как образно отметил А. П. Окладников, культура горцев иная, чем у большинства неолитических племен Средней Азии (История таджикского народа, 1963, стр. 88). Вместе с тем в материалах гиссарской культуры прослеживаются связи и контакты с западными племенами.

Значительно менее ясен хозяйственный облик этой культуры. А. П. Окладниковым развивается мнение о том, что перед нами культура земледельцев и скотоводов (Окладников, 1959в, стр. 19; История таджикского народа, 1963, стр. 88—91). К сожалению, для исследования этого вопроса имеющихся материалов явно недостаточно. Сказывается отсутствие серий орудий с четко выраженными функциями. Топография гиссарских памятников и незначительная мощность культурного слоя наводят скорее на мысль о том, что мы имеем дело, видимо, со стоянками бродячих охотников или в лучшем случае скотоводов. Достоверные находки орудий земледельческого труда пока отсутствуют. Так, нет ни одного серпа, каменного или наборного из кремневых вкладышей; определение зернотерок именно как зернотерок, а не просто терок или даже наковаленок также вызывает сомнение (ср.: Литвинский и Ранов, 1964, стр. 17). Даже относительно костей животных, найденных в Куй-Бульне, лишь предполагается, что перед нами уже одомашненные особи (История таджикского народа, 1963, стр. 91). В этой связи представляется малообоснованным сопоставление гиссарской культуры с североиранским комплексом Джармо VII—VI тыс. до н. э. (Окладников, 1959в, стр. 20; История таджикского народа, 1963, стр. 91). Для последнего характерны прочная оседлость, глинобитные дома, богатый набор земледельческих орудий и прежде всего серпов. Этого мы пока не наблюдаем в Западном Таджикистане в IV—II тыс. до н. э., когда там существует культура, едва ли не самая архаическая из числа прочих неолитических комплексов всей Средней Азии.

К ПРОБЛЕМЕ ФЕРГАНСКОГО НЕОЛИТА

В литературе уже ставился вопрос о том, что области распространения гиссарской культуры охватывают не только Западный Таджикистан, что сходного типа материалы начинают поступать и из других мест, в частности из Алайской долины (Ранов, 1958б) и Тянь-Шаня (Окладников, 1954б). Во всяком случае несомненно, что подобные материалы происходят также и с территории Фер-

ганы (Конопля, 1959). Вместе с тем в пределах той же Ферганской долины обнаружен кремневый материал совершенно иного облика. Он происходит из Центральной Ферганы, где в солончаковой пустыне, носящей название Каракалпакской степи, обследовано несколько развееанных стоянок.² В древности эта область, видимо, сохраняла пустынный ландшафт, а многие из стоянок располагались вблизи небольших озер. Кремневая индустрия центральноферганских стоянок отличается резко выраженной микролитонидностью, превосходя в этом отношении все другие неолитические комплексы Средней Азии. Даже нуклеусы конической и карандашевидной формы отличаются исключительной миниатюрностью. Среди различных изделий преобладают микропластины, один край которых нередко обработан односторонней ретушью с брюшка, однако сильная окатанность материала не позволила определить их назначение по следам работы. Изредка встречается и такая характерная для среднеазиатского неолита форма, как пластины с выемками. Довольно значительную группу составляют скребки (миниатюрные круглые скребочки и концевые скребки), известны проколки и два наконечника стрел листовидной формы двусторонней обработки. Ни на одном из обследованных пунктов пока не было обнаружено керамики, но мы знаем, что она крайне редка, например, и в кельтеминарских стоянках Узоя, расположенных в сходной ландшафтной зоне.

Хронология этих ферганских материалов может быть определена лишь приблизительно. Бесспорным является лишь тот факт, что в пору существования в Фергане чустской культуры, т. е. в конце II—первой трети I тыс. до н. э., кремневые орудия уже не изготовлялись. Известное своеобразие и прежде всего исключительная миниатюрность центральноферганских изделий затрудняют их сопоставление с другими неолитическими комплексами. Правда, некоторые материалы, например микропластины, наиболее близкие параллели находят в кельтеминарских памятниках. Возможно, Кельтеминару в какой-то мере близки центральноферганские стоянки и по времени. Их топография позволяет предполагать, что они оставлены охотниками, промышлявшими степных животных, и рыболовами, к услугам которых были озера более многочисленные и полноводные, чем в настоящее время.

Рассмотренные выше культуры и комплексы, объединяемые в несколько условное понятие северного неолита Средней Азии,

² Разведки Б. З. Гамбурга и Н. Г. Горбуновой в 1958 г. и Ю. А. Заднепровского в 1963 г. Материалы не опубликованы.

входят в обширный ареал культур азиатского неолита. Эта общность хорошо прослеживается на примере Кельтеминара, культурно-исторические связи которого уходят далеко на север в области Приуралья и Приобья. Среднеазиатские племена образовывали южную границу этого огромного мира рыболовов, охотников и собирателей. Такое положение на границе с зоной оседлого земледелия и скотоводства не могло не сказаться на характере их культуры и экономики. Выше уже отмечались влияния расписной керамики юга на продукцию кельтеминарских гончаров. Вполне естественно считать, что именно эти южные связи и влияния в значительной мере благоприятствовали переходу северных племен к новым формам хозяйства. Однако конкретный материал для более подробного рассмотрения этого важнейшего исторического процесса еще крайне скуден и ограничен.

Глава 1.

Расцвет и упадок культуры земледельцев юго-запада

В пору бронзового века оседлые общины Южного Туркменистана, как и в предшествующий период, были центром наиболее высокоразвитой культуры всей Средней Азии (рис. 34). В их истории в эту эпоху четко прослеживаются два периода. Первый из них — это время значительного развития и расцвета местной оседлоземледельческой культуры, которая по своему уровню заметно приближается к культуре раннеклассовых обществ Древнего Востока. Однако прогрессивное развитие несколько неожиданно сменяется упадком и кризисом. Этот упадок и его постепенное преодоление составляют характерную черту второго периода.

К первому периоду относятся комплексы типа Намазга IV и V. Оба они были выделены в 1952 г. при раскопках Намазга-Депе (Куфтин, 1956; В. Массон, 1956д). Комплекс типа Намазга IV соответствует ранним фазам Анау III. Типичной для него является керамика с монохромной геометрической росписью или с изображениями козлов и реже птиц, но уже без пятнистых животных. Следует отметить, что по сравнению с комплексом Намазга III рисунки козлов и птиц становятся относительно редкими. Время существования комплекса Намазга IV можно ориентировочно относить к середине—второй половине III тыс. до н. э. Слои этого времени имеют мощность 4—9 м.

Комплекс типа Намазга V характеризуется нерасписной посудой, сделанной на гончарном круге, с черепком зеленовато-белого, желтого или реже розоватого цвета. Его начало определяется исчезновением расписной посуды типа Намазга IV, конец — появлением серой и красноангобированной керамики, относящейся уже к комплексу Намазга VI. Слои рассматриваемого времени сравнительно невелики, и мощность их колеблется от 2 до 2,5 м. Комплекс Намазга V можно относить к самому концу III тыс. до н. э. или лишь к первой трети II тыс. до н. э.

Памятники типа Намазга IV—V распространены от района Кизыл-Арвата на западе до правобережья Теджена на востоке. Лишь в юго-западном Копет-Даге отмечается присутствие инкультурных комплексов, как будто связанных с памятниками Северо-Восточного Ирана типа Шах-Тепе (Ганялин, 1953).

Типы поселений

Поселения рассматриваемого времени совершенно четко делятся на два типа: небольшие, площадью около 0.5—1 га, а иногда и меньше, и крупные, площадью около 10 га. Несколько особняком стоят огромные поселения эпохи бронзы — Алтын-Депе и Намазга-Депе, занимающие площадь в несколько десятков гектаров. Возможно, к их числу относилось и малоизученное Улуг-Депе у Душака (иногда оно именуется также Яссы-Депе; см.: М. Массон, 1951, стр. 13—15).

Ко времени Намазга IV относится и небольшой поселок Ак-Депе под Ашхабадом (Грязнов и Пиотровский, 1939; Дурдыев, 1959), расположенный на высоком холме, образованном остатками построек более раннего времени. В самом верхнем слое расчищено 12 комнат, имевших, судя по находкам, разное назначение. Можно выделить жилые комнаты, кухню, помещения для хранения припасов и, видимо, небольшое святилище. Пол и стены части помещений были оштукатурены алебастром. Ниже этого верхнего дома располагались последовательно остатки четырех других зданий, относящихся к слоям времени Намазга IV, общая мощность которых на Ак-Депе достигает 7 м. Небольшим поселком времени Намазга V было Шор-Депе, расположенное к северо-востоку от Баба-Дурмаза. Здесь небольшие комнаты теснятся около внутренних двориков. В помещениях, служивших хранилищами, стояли наполовину вкопанные в пол хумы. Небольшие сосуды для хранения ставились прямо на пол.¹ К числу небольших поселений принадлежит и южный холм Анау (Pumpelly, 1908). Известны такие поселки и в Копет-Даге (у селений Караул и Дешт).

Крупными поселениями времени Намазга IV можно считать Гара-Депе у Каушута и Хапуз-Депе в Теджен-Мургабском междуречье. Оба они, однако, по своим размерам уступают упомянутым выше главным центрам бронзового века Южного Туркменистана. Хапуз-Депе было тем поселением, куда переместилась часть жителей Геоксюрского оазиса после окончательного обмеления орошавших его протоков древнетедженской дельты (Адыков и Массон, 1960; Сариниди, 1964). Новый поселок (площадь около 10 га) возник к югу от оазиса, на берегу сравнительно крупного русла. Выбор места оказался удачным, и население жило здесь

¹ Работы А. Ф. Ганялина в 1958—1959 гг. Материалы не опубликованы.

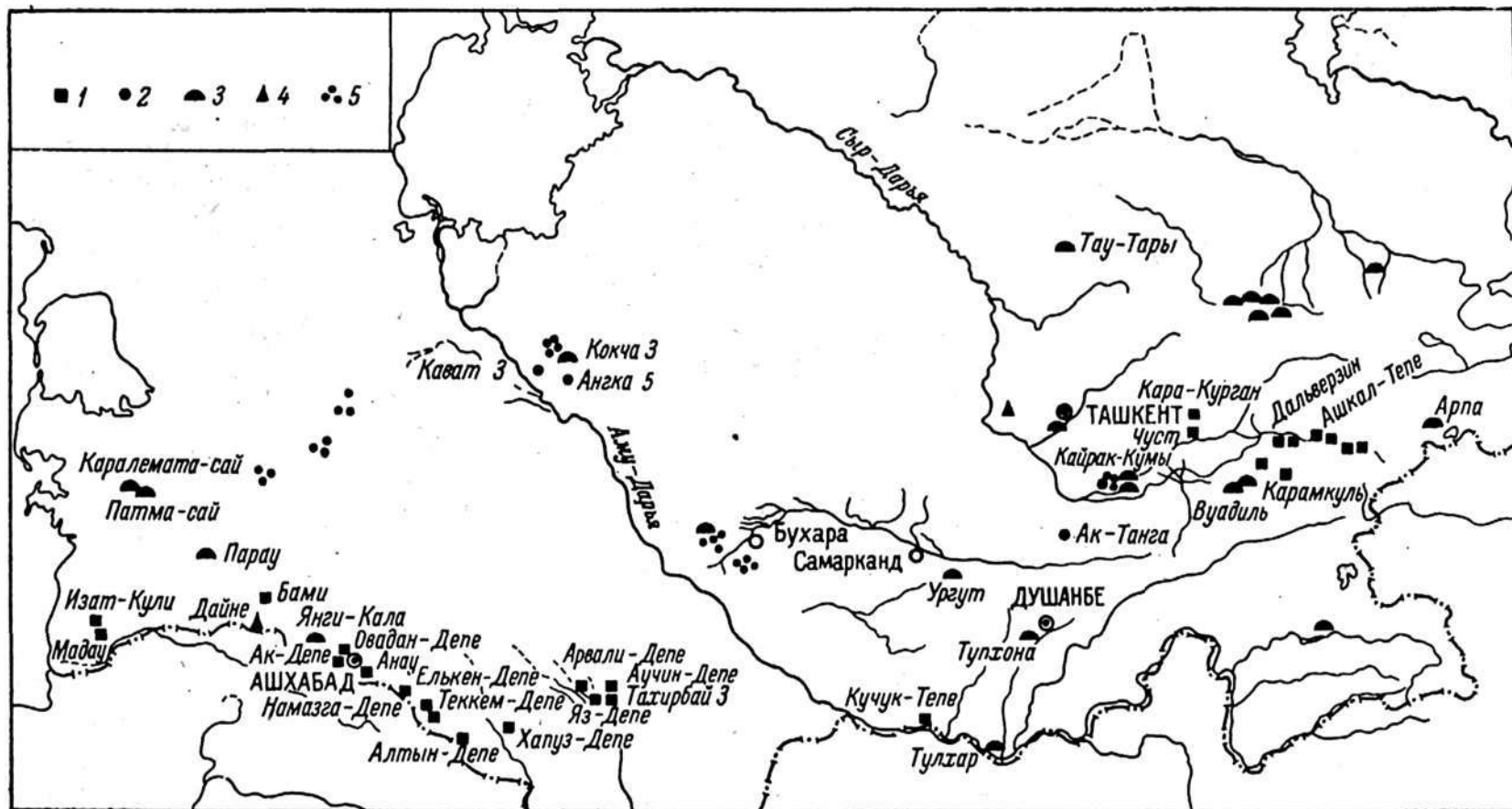

Рис. 34. Схема расположения памятников Средней Азии эпохи неолита и бронзы.

1 — оседлоземледельческие поселения; 2 — стоянки степных племен; 3 — могильники; 4 — отдельные находки эпохи бронзы; 5 — группа стоянок степных племен.

в течение довольно значительного времени (слои времени Намазга IV на Хапуз-Депе достигают почти 6 м). В пору Намазга V размеры поселения сокращаются в несколько раз, что скорее всего было связано с прогрессирующим обмелением протока, орошавшего его окрестности.

Одним из двух крупнейших центров оседлоземледельческих племен юго-западной Средней Азии было поселение Алтын-Депе близ Меана. Верхние слои его относятся ко времени Намазга V, но в ходе раскопок удалось получить значительный материал, характеризующий поселение времени Намазга IV (Ганялин, 1959а).² Оказалось, что по краю поселения проходила построенная из сырцового кирпича массивная стена толщиной до 2 м. Плоскость стены расчленена вертикальными тягами, напоминающими приемы древневосточной архитектуры. На протяжении этапа Намазга IV эта обводная стена неоднократно перестраивалась и надстраивалась по мере роста культурных наслоений внутри поселения. Наиболее ранняя стена может быть прослежена в длину на 60 м.

Скорее всего поселение Алтын-Депе оставалось укрепленным и в пору Намазга V, но обводные стены его не сохранились, так как край холма сильно разрушен. В различных местах поселения раскопаны части многокомнатных домов, ни один из которых пока не вскрыт полностью. По окраине Алтын-Депе отмечены места сосредоточения гончарных печей разных типов. В отдельных случаях рядом расположено несколько десятков печей, что свидетельствует о значительном развитии гончарного производства.

Намазга-Депе — столица древних земледельцев

Наиболее значительным центром земледельческих общин этого времени было бесспорно Намазга-Депе. Это крупнейшее поселение Средней Азии III—II тыс. до н. э. и одно из крупнейших на Ближнем Востоке. Его оплывшие руины площадью до 70 га содержат свиту культурных слоев мощностью до 34 м. Но Намазга-Депе выделяется не только размерами. Археологический материал эпохи бронзы, особенно времени Намазга V, происходящий с этого памятника, характеризуется особым изяществом и совершенством. Стройные, а иногда и вычурные намазгинские сосуды с тонким, почти фарфоровым черепком являются наивысшим достижением керамистов раннеземледельческих общин. Керамика других памятников, варьирующая в тех же формах и пропорциях, в целом более груба и тяжеловесна.

² Широкие раскопки Алтын-Депе, открывшие, в частности, оборонительную стену, проведены в 1959—1962 гг. А. Ф. Ганялиным, Д. Д. Дурдыевым и А. А. Марущенко. Материалы не опубликованы.

Сложившееся как крупное поселение в пору позднего энеолита Намазга-Депе полностью сохраняло свое ведущее значение и в пору Намазга IV и V. Мощность слоев времени Намазга IV здесь 4—7 м. Судя по имеющимся находкам, была обжита вся территория памятника. Несколько помещений этого времени были вскрыты у западной окраины поселения. На северной окраине разведочными раскопками был открыт небольшой участок массивной стены из сырцового кирпича.

К сожалению, как и на Алтын-Депе, мы пока ничего не можем сказать относительно обводных стен Намазга-Депе времени Намазга V — размыв крутых склонов холма почти повсеместно уничтожил древний край поселения. Трудно пока судить и об общей планировке поселения в этот период. На вскрытых участках (Литвинский, 1952; Куфтин, 1956)³ располагались многокомнатные дома, в которых жилые комнаты перемежались с хозяйственными помещениями, а сами дома отделялись друг от друга узкими улочками, недоступными по ширине для колесного транспорта. Рядом с домами располагались незастроенные участки и площади или дворы. Возможно, к ним подводили более широкие магистрали, но ни одна такая «главная» улица пока не открыта. О стремлении жителей поселения к его благоустройству свидетельствует находка керамического желоба, вероятно оставшегося от водопровода.

Вскрытые дома состояли из 9—12 комнат. В некоторых случаях это число было, видимо, более значительным. Перекрытия были преимущественно плоскими, но иногда, по-видимому, возводились и ложные своды, известные в Южном Туркменистане еще в пору позднего энеолита. В стенах комнат делались ниши для посуды. Иногда в нишах располагались и печи.

Рельеф оплывших руин Намазга-Депе и разведочные раскопки, произведенные в ряде мест памятника, свидетельствуют об отсутствии на поселении мощной цитадели или монументальных храмов на платформах, столь характерных для городов Месопотамии и Элама. Вместе с тем уровень развития культуры и экономики южнотуркменистанских общин этого времени не оставляет сомнений в возможности существования монументальной архитектуры. Как мы знаем из истории развития древневосточных обществ, часть прибавочного продукта земледельческих общин реализуется в первую очередь в строительстве культовых сооружений, являющихся символом единства этих общин. Монументальный храм, хотя и не расположенный на платформе, открыт на юге Афганистана на поселении Мундигак в слоях, синхронных комплексу Намазга V и, судя по всему, близких ему по уровню развития. Возможно, при систематических работах на Намазга-

³ Широкие раскопки верхнего слоя Намазга-Депе, т. е. комплекса Намазга V, были проведены в 1953—1957 гг. А. Ф. Ганялиным. Материалы не опубликованы.

Депе здесь тоже удастся обнаружить подобное главное святилище. Уже сейчас на этом памятнике раскопано строение, обособленное расположение которого и специфическая планировка заставляют видеть в нем здание особого типа. Это строение занимает отдельный холм на юго-востоке поселения. Его стены, возведенные из глинобитных блоков (пахсы), достигают почти 1 м толщины. В большой квадратный в плане двор выходят однотипные узкие помещения. Возможно, перед нами остатки небольшого храма или святилища.⁴

Намазга-Депе было не только местом сосредоточения большого числа жилых домов, но и оживленным центром производственной деятельности. Обломки глиняных ложек (лячек) и куски медных шлаков, встречающиеся в разных местах, свидетельствуют о развитии металлургии. Однако лишь в одном из домов была обнаружена небольшая печь, где как будто осуществлялась плавка меди, а собственно меднолитейных мастерских пока обнаружено не было. В ином положении находится гончарное производство, следы которого более заметны по сравнению с деятельностью металлургов. В ряде мест на Намазга-Депе обнаружены остатки керамических горнов, обычно сосредоточенных в группы, подобно тому как это наблюдалось на Алтын-Депе. В доме около одной из печей обнаружен хум, заполненный готовыми сосудами. Сами горны представлены двумя основными типами (Сарианиди, 1958). Оба типа развивают различные варианты двухъярусной керамической печи. Наиболее распространены горны с прямоугольной или вытянутоовальной в плане топкой, разделенной на две части продольной стенкой, поддерживающей под обжигательной камеры. Ко второму, более редкому типу принадлежат круглые в плане печи со столбом в центре топки, на который опирался под верхней камеры.

Погребения и некрополи

В эпоху бронзы, как и в период энеолита, умерших сородичей обычно хоронили на территории поселения. Раскопки, произведенные на Алтын-Депе, Намазга-Депе и Хапуз-Депе, свидетельствуют о параллельном сосуществовании двух типов захоронений времени Намазга IV: одиночных ямных и коллективных в специальных камерах. На Намазга-Депе под полами домов расчищено 7 погребений (Куфтин, 1956). Скелеты располагались в скорченном положении и имели различную ориентацию. У троих

⁴ Первоначально автор склонялся к мысли, что дома подобного типа являются жилищами богатых семей (В. Массон, 1959б, стр. 31). Однако раскопки Мундигака, где было открыто святилище, расположенное на обособленном от основного массива поселения холме, заставили изменить точку зрения.

погребенных обнаружено по одному расписному сосуду, а у одного около колен находился кремневый наконечник стрелы.

На Алтын-Депе расчищены погребения трех типов. Одиночные ямные захоронения в культурном слое были лишены, как правило, сопровождающего инвентаря, а погребальные камеры с коллективными захоронениями (в одной 3, в другой 7 костяков) близко напоминали геоксюрские толосы поры энеолита. Алтын-Деповский некрополь, заключающий могилы обоих видов, располагался за внешним фасом обводной стены поселения. К особому типу погребальных сооружений принадлежит специальный архитектурный комплекс, состоящий из небольших помещений, использовавшихся в качестве коллективных усыпальниц. Возможно, такой комплекс представлял собой особое кладбище.

Одиночные погребения и остатки двух погребальных камер, заключавших костяки (в одном случае по крайней мере 10, в другом — 8 человек), а также незначительный погребальный инвентарь открыты на самом восточном памятнике рассматриваемого времени — Хапуз-Депе (Сарианиди, 1964).

Одиночные захоронения взрослых людей известны и для времени Намазга V. Примечательно наличие особого погребального обряда для детей. На Намазга-Депе младенцы хоронились под стенами и порогами жилых домов, а на Хапуз-Депе отмечены детские захоронения в хумах. Обычно сопровождающие эти захоронения сосуды с носиками условно называют поильниками. Инвентарь взрослых погребений этого времени сравнительно небогат. Лишь в одном случае в могиле найдено свыше 10 глиняных сосудов. Видимо, в небольшое число вскрытых погребений еще не попали могилы родовой знати с богатыми приношениями наподобие тех, которые были обнаружены в североиранском Гисаре.

Орудия и оружие

Среди предметов, служивших орудиями труда или средствами нападения и защиты, все большее место занимают изделия из металла. Если ко времени Намазга IV относятся лишь сравнительно маловыразительные проколки, пробойники, булавки и обломки медной пилы, происходящей с Гара-Депе, то комплекс Намазга V дает сравнительно разнообразный набор соответствующих изделий, что уже само по себе указывает на рост значения металлургии и продуктов ее производства. Для этого времени известны не только медные, но и бронзовые изделия, причем в качестве приплова к меди служили свинец и олово. В одном случае установлено применение латуни, т. е. сплава меди и цинка (Литвинский, 1954б). Однако большинство предметов по-прежнему изготовлялось из меди, видимо, в связи с отдаленностью разработок олова.

Как уже отмечалось, металлические орудия комплекса Намазга V сравнительно многочисленны и разнообразны. Так, на самом Намазга-Депе был найден клад, состоящий из ножей, тесел и некоторых других изделий. Характерны для этого времени широколезвийные, плоские кинжалы. Небольшие изделия подобного типа, возможно, служили наконечниками копий или дротиков. Широко были распространены пирамидальные наконечники с небольшим черешком, являвшиеся пробойниками или наконечниками стрел. Правда, все еще сохраняется производство кремневых наконечников стрел лавролистной формы с двусторонней ретушью или треугольной формы с черешком. Возможно, как и в пору энеолита, часть из них представляет собой сверла, употреблявшиеся при изготовлении каменных сосудов.

Медный или бронзовый топор-тесло ближневосточного типа был найден в погребении, открытом в юго-западном Копет-Даге у селения Дайне. Среди многочисленных шильев, колец и булавок следует отметить булавки с двуспиральной головкой. Изготавливалась также и металлическая посуда. Наконец, совершенно особую группа находок, ранее не известную, составляют медные и бронзовые печати, имевшие круглую или чаще крестообразную форму (рис. 35, 1—3). Эти изделия с небольшим выступом-ручкой на тыльной стороне и петелькой для подвешивания сравнительно широко распространены на рассматриваемых памятниках. Известна также печать в виде фигуры быка, происходящая с Алтын-Депе.

Высокая техника металлургии, демонстрируемая найденными изделиями, в особенности печатями, заставляет считать, что металл употреблялся в быту весьма широко, в том числе, видимо, и для сельскохозяйственных орудий.

Как показали раскопки Хапуз-Депе, в эпоху бронзы во всяком случае на восточных поселениях почти исчезают обычные керамические пряслица конической формы. Зато широко распространены шариковидные изделия с несквозным отверстием, условно именуемые в специальной литературе «навершиями», но, возможно, в рассматриваемое время использовавшиеся именно как пряслица.

Каменные зернотерки, ступки и пестики остаются, как и в пору энеолита, неизменными спутниками земледельца.

Керамика типа Намазга IV и ее локальные варианты

Глиняная посуда рассматриваемого периода, так же как и другие элементы материальной культуры, ярко отражает повсеместный подъем, характерный для эпохи бронзы. Есть основания полагать, что на протяжении времени бытования комплекса типа

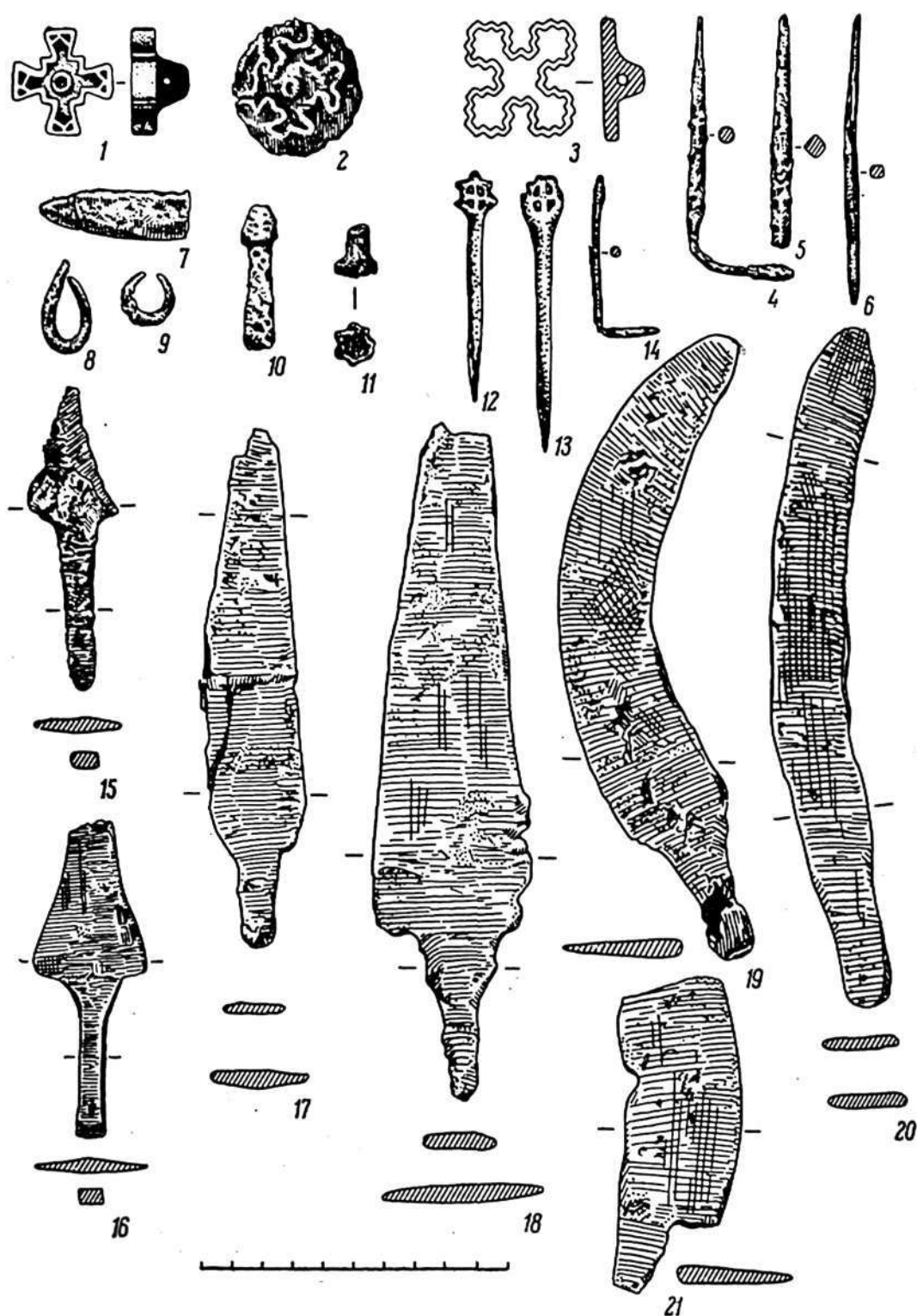

Рис. 35. Металлические изделия времени Намазга V (1—3) и Намазга VI (4—21).

Намазга IV глиняная посуда не оставалась неизменной, но достаточно надежные основания для выделения более раннего и более позднего этапов пока отсутствуют. Вместе с тем показательно, что на Намазга-Депе в верхних слоях Намазга IV широко распространяется керамика, изготовленная с помощью гончарного круга, а расписные сосуды становятся редкими и единичными (В. Массон, 1956д). Напротив, на Ак-Депе под Ашхабадом неизвестна посуда времени Намазга IV, изготовленная на круге. Возможно, со временем удастся четко выделить ранний этап Намазга IV, когда расписная посуда переживала пору расцвета, а гончарный круг или не был известен вовсе или его употребление было ограничено. В этой связи необходимо упомянуть, что на Хапуз-Депе сосуды, изготовленные на круге, встречаются уже в самых нижних напластованиях комплекса Намазга IV (Сарианиди, 1964).

Керамику рассматриваемого периода можно разделить на три группы. К первой относится посуда, украшенная росписью характерных ребристых форм. Появляются остросереберные сосуды на высокой полый ножке, крупные кувшины с высоким прямым горлом (рис. 36, 3) и вазообразные сосуды.

Роспись посуды Намазга IV производилась темно-коричневой краской различных оттенков по зеленовато-белому и более редко по красному фону. Для орнамента характерны большая пестрота и насыщенность, drobный рисунок приобретает как бы ковровый характер. Возможно, что эта роспись в ряде случаев действительно подражает рисункам на тканях. Существует также изображение дерева иногда рядом со ступенчатыми пирамидами, что можно трактовать как изображение гор и леса (рис. 36, 2). По сравнению с посудой типа Намазга III более условными становятся изображения птиц, а рисунки козлов, наоборот, более реалистичными. Иногда козлы изображаются стоящими между деревьями (рис. 36, 1).

Другой группой керамики времени Намазга IV является светлая нерасписная посуда, повторяющая формы расписной керамики. Характерны также кухонные котлы шаровидной формы с небольшим сливом.

В качестве третьей группы можно выделить серую керамику, возможно подражающую формам и фактуре металлических сосудов. На Намазга-Депе ведущей формой серой керамики является бокал на высокой гофрированной ножке. Были распространены и остросереберные сосуды также на высокой ножке.

Значительно большим числом форм представлена серая керамика на Ак-Депе (рис. 36, 8—10). Здесь широко распространены процарапанный орнамент, обычно имевший вид мелкой сетки, и налепы. Так, налепом изображались вертикально поднявшиеся змеи с небольшой головкой. Среди процарапанных рисунков следует отметить изображение козла. Возможно, к этому же

Рис. 36. Расписная (1—7) и серая (8—10) керамика времени Намазга IV.

кругу серой керамики принадлежит сосуд из погребения, найденного в селе Ванновском около Ашхабада. Здесь в верхней части сосуда помещен фриз с идущими птицами.

Уже эта краткая характеристика намечает локальные варианты керамики рассматриваемого периода. На западе прикопетдагской равнины, как это хорошо показывают материалы ашхабадского Ак-Депе, большую роль играет серая керамика,

которая на Намазга-Депе менее обильна и разнообразна. Еще меньше ее на более восточных памятниках — Алтын-Депе и Хапуз-Депе. Зато здесь широко распространены композиции с крестовидными фигурами, роспись по красному фону, частично сохраняется полихромная роспись. Так, крупные корчаги Хапуза украшены орнаментом из крестов и пиловидных линий, нанесенным темно-коричневой и буро-красной краской. Следует, правда, отметить, что один фрагмент такой корчаги найден на Намазга-Депе (Щетенко, 1964), но он является исключением для местной керамики, и возможно, что данный сосуд принадлежал к числу привозных изделий.

Наличие таких вариантов для сравнительно обширной территории не является удивительным, и их особенности легко находят объяснение. Большая роль серой посуды в западных памятниках скорее всего связана с иранскими влияниями. Именно в это время в Северном Иране (Гисар, Шах-Тепе) прекращается изготовление расписной керамики и ее полностью заменяют черно- и сероошпеченные сосуды. Вместе с тем нельзя не отметить, что на иранских памятниках этого времени изображения животных на керамике в отличие от Южного Туркменистана неизвестны. На памятниках восточной группы (Хапуз, Алтын), наоборот, сильно сказываются местные традиции, восходящие к полихромной керамике геоксюрского типа. Однако все эти различия не выходят за рамки местной специфики и в рассматриваемое время нет столь резкого деления южнотуркменистанских оазисов на две культурные области, как это мы наблюдаем в пору энеолита.

Керамика типа Намазга V

Исключительно высоким качеством отличается глиняная посуда типа Намазга V. Почти вся, за исключением кухонных котлов, изготовленная на гончарном круге быстрого вращения и превосходно обожженная в двухъярусных горнах намазгинская керамика оставляет далеко за собой произведения гончаров предшествующих периодов. Классификация керамики типа Намазга V пока мало разработана (Литвинский, 1952; В. Массон, 1956д). Расписная посуда в это время полностью отсутствует, а иные виды украшения сравнительно редки. С Намазга-Депе происходит носик сосуда, оформленный в виде головки козла. Там же найден фрагмент сосуда с процарапанным изображением птицы. Неорнаментированные сосуды комплекса Намазга V отличаются изяществом пропорций и стройностью линий (рис. 37). Наиболее характерными формами являются кубки с изгибом у венчика, горшковидные сосуды удлиненных пропорций, вазы на высоких, часто гофрированных ножках и сосуды с носиками («чайники»). Особенно изящны сосудики с остросереберным или шаровидным

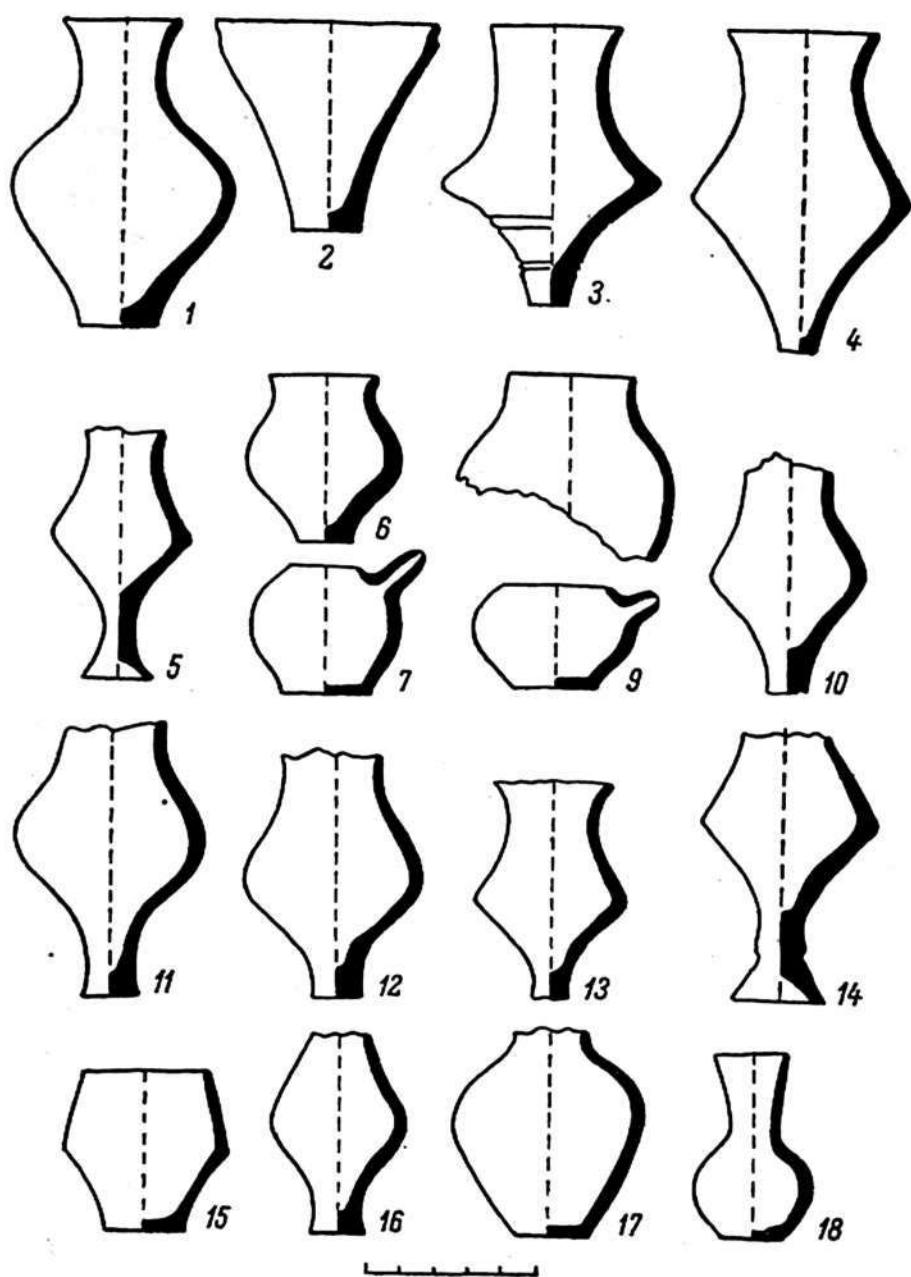

Рис. 37. Керамика времени Намазга V
(1—18).

туловом на высокой стройной ножке. Во избежание неустойчивости подобных сосудов эта ножка делалась не полый, а сплошной. Крупные хумы с подкосом в придонной части имели форму, близкую к цилиндрической. Интересно отметить, что керамика рассматриваемого времени почти полностью лишена ручек. Эта особенность существенно отличает южнотуркменистанские комплексы от керамических коллекций, происходящих с северо-иранских памятников.

Даже при той сравнительно ограниченной характеристике хозяйства, которая возможна на основании известных археологических материалов, явственно выступает значительный прогресс экономики эпохи бронзы. Сосредоточение в одном месте больших массивов населения, приведшее к сложению таких крупных центров, как Намазга-Депе и Алтын-Депе, было возможно лишь при налаженной системе землепользования, обеспечившей эти коллективы продуктами питания. В земледелии подгорной полосы, как и в пору энеолита, применялось орошение селевыми водами, а также водами небольших речек и ручьев, но система этого орошения, вероятно, стала более совершенной, так как позволяла получать на полях и в садах гарантированные урожаи. При раскопках Намазга-Депе были найдены зерна пшеницы, ячменя, ржи, нута и мелкого винограда. К сожалению, орудия производства древних земледельцев не дошли до нас, за исключением зернотерок и ступок. Отсутствие кремневых вкладышей позволяет считать, что серпы были медными и бронзовыми.

На широкое применение в быту тягловой силы животных указывают многочисленные модели повозок. Судя по находкам, это были повозки двух типов — тяжелые четырехколесные и легкие двухколесные вроде колесницы или среднеазиатской арбы. Возможно, в эти модельки были впряжены фигурки животных, находимые в этих же слоях. В одном случае у нас нет сомнений в том, кто именно использовался в качестве тягловой силы: к модели четырехколесной повозки (рис. 38, 1), найденной в Алтын-Депе, приделана голова верблюда. Фрагмент аналогичной повозки найден на Хапузе (Сарианиди, 1964). Еще более частой находкой, чем модели повозок, являются колесики от этих моделей, часто достигающие 15 см в диаметре и обычно имеющие выступающую двустороннюю втулку. Можно заключить, что тягловая сила животных применялась и при обработке полей. Скорее всего это была примитивная соха.

Значительно меньше можно сказать относительно скотоводства, хотя, возможно, именно процессы, происходившие в этой отрасли хозяйства, предопределили ряд изменений в дальнейшей эволюции общества. В основном состав стада остался прежним. Появление выселков на окраине песков (например, у Овадан-Депе, к северу от Ашхабада) может указывать на развитие отгонного скотоводства.

Больших успехов достигли в эпоху бронзы различные производства, на основе которых в это время начинают складываться специализированные ремесла. Лепленая от руки керамика полностью сменяется посудой, изготовленной с помощью гончарного круга. Двухъярусные керамические горны, дающие более высо-

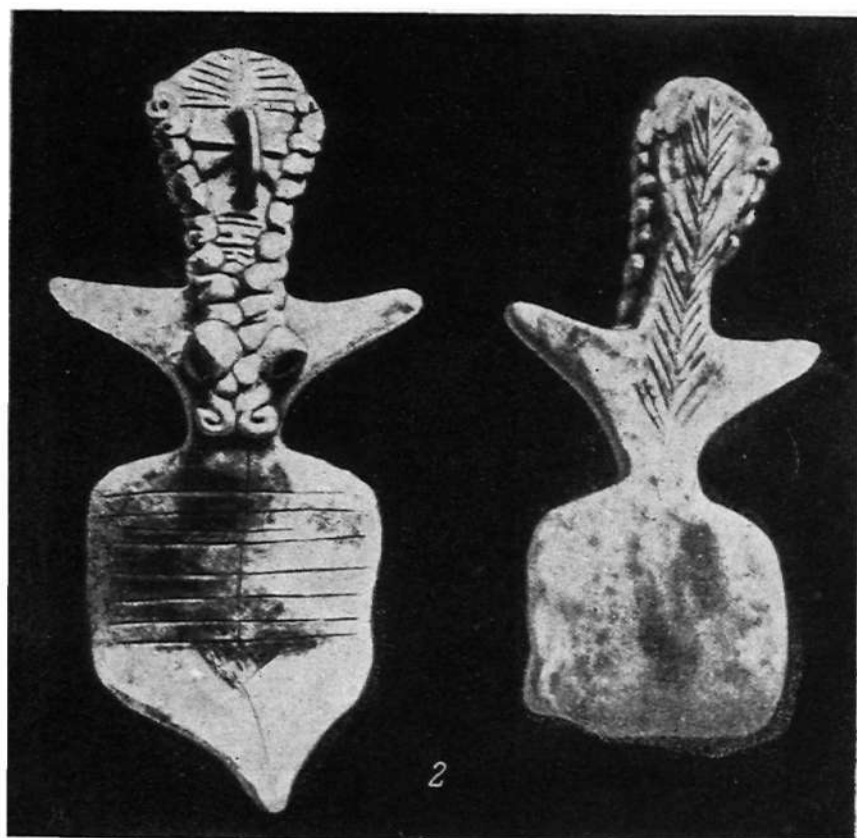
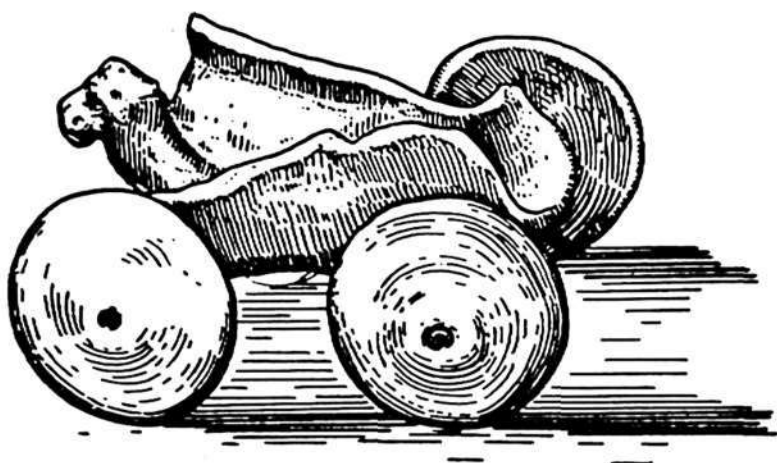

Рис. 38. Модель повозки с Алтын-Дене (1) и женская статуэтка с Намазга-Дене (2).

кий коэффициент полезного действия, приходят на смену примитивным одноярусным печам поры позднего энеолита. Важнейшим шагом вперед в развитии орудий труда было открытие бронзы. Многочисленные металлические изделия широко распространяются в быту и хозяйстве. Специализированным производством становится обработка камня. Из мраморовидных пород с помощью сверлильного станка изготавливались разнообразные сосуды, в которых мастерски использована беловатая фактура камня с желтыми и коричневыми прожилками. Крупные населенные центры эпохи бронзы становятся центрами интенсивной ремесленной деятельности. С новым этапом в развитии общества связан, надо полагать, и процесс известной унификации культуры, прослеживаемый по керамическим материалам. Вместо двух культурных областей поры энеолита мы видим одну область, локальные различия в пределах которой не выходят за границы вариантов в рамках общего единства. Нечто подобное происходило в долине Инда в пору становления городской цивилизации, когда в культурном единстве Хараппы растворялись различия раннеземледельческих общин Синда и Пенджаба.

Проблема общественного строя

Уровень развития хозяйства и культуры южнотуркменистанских общин эпохи бронзы бесспорно свидетельствует о высоком уровне их общественных отношений. Некоторые исследователи даже высказывали мнение о том, что в этот период здесь уже сложилось раннеклассовое общество (Арциховский, 1947; Марущенко, 1956; Виноградов и Итина, 1959). Другие же утверждали, что развитие протекало еще в рамках первобытнообщинного строя, хотя и на последних его этапах (Куфтин, 1954; В. Массон, 1956в, 1959а; И. Дьяконов, 1960). Рассмотрим имеющиеся по этому вопросу материалы.

Выше уже отмечались новые явления в развитии производительных сил: прежде всего широкое использование тягловой силы животных и выделение специализированных ремесел. Естественно, что подобные изменения повлекли за собой изменения в общественном устройстве. Такие крупные поселения, как Алтын-Депе или Намазга-Депе, обнесенные оборонительными стенами, могли нормально функционировать лишь при наличии каких-то органов общественной власти, объединявших устремления большесемейных общин, населявших многокомнатные дома-квартиры. Следует полагать, что именно этим общинам принадлежали коллективные гробницы, открытые на Алтын-Депе и Хапуз-Депе. Вместе с тем единство этих общин уже было нарушено процессами имущественной дифференциации. Распространение печатей указывает на выделение собственности отдельных семей, и, возможно, лиц. Происходит накопление имущества, что про-

является в появлении кладов вроде клада медных предметов с Намазга-Депе или небольших кладиков с Алтын-Депе, в которых, в частности, были привозные сосуды и поделки из слоновой кости. Имущественная дифференциация ярко прослеживается на материалах из Северо-Восточного Ирана, где развитие общества протекало в сходных условиях. На Гисаре около Дамгана выделяются богатые захоронения с большим количеством изделий из меди, драгоценных камней и металлов. Здесь же раскопан богатый дом, видимо принадлежавший богатой патриархальной семье (Schmidt, 1937). О накоплении сокровищ свидетельствует и находка астрабадского клада, состоящего из золотых, бронзовых и каменных изделий. Развитие имущественной дифференциации общества обуславливало процесс дифференциации социальной. Происходит выделение родовой знати, все более обособляющейся от массы рядовых общинников. Налицо несомненное разложение первобытнообщинного строя.

Естественно возникает вопрос, насколько далеко зашло это разложение. Имеющиеся данные предостерегают от излишней модернизации исторического процесса. Нигде в Южном Туркменистане в это время нет цитаделей, этих ярких свидетельств непримиримости социальных противоречий, нет данных и о развитии письменности — все известные печати в отличие от глиптики раннеклассовых обществ лишены надписей. Изменения, происходившие в эпоху бронзы в сфере производства, являлись лишь материальными предпосылками к решающим изменениям в области общественных отношений, для реализации которых был необходим определенный отрезок времени. Например, в Южном Двуречье гончарный круг появляется в середине IV тыс. до н.э., а сложение классового общества происходит лишь около 3000 г. до н.э. По уровню развития Южный Туркменистан начала II тыс. до н.э. ближе всего стоит к Месопотамии урукского периода, когда в Южном Двуречье интенсивно шли процессы, завершившиеся позднее образованием раннеклассового общества. Поэтому можно считать, что во главе Алтын-Депе и Намазга-Депе стояли племенные вожди, постепенно превращавшиеся во владетельных князьков. Аналогичным было положение повсюду на северной периферии древневосточных государств — от Южного Афганистана (Мундигак) до Северного Ирана (Гисар).

Терракотовая скульптура и вопросы идеологии

Изменения, происходящие в общественном строе, получили яркое отражение в мелкой терракотовой скульптуре, столь же широко распространенной на памятниках эпохи бронзы, как и на энеолитических поселениях.

Наиболее типичным видом скульптуры были терракотовые фигурки женщин. На Ак-Депе обнаружены фигурки сидящих женщин, сделанные из серой глины. Плавная линия бедер и ног близко напоминает энеолитическую скульптуру Кара-Депе. Статуэтки сидящих женщин обнаружены и на Хапуз-Депе в слое Намазга IV. Правда, здесь они сделаны из красноватой глины, а гипертрофированная полнота бедер делает их менее изящными, чем ак-депинские фигурки.

Вместе с тем из верхних слоев Намазга IV и слоев Намазга V происходят статуэтки совершенно другого типа. Они весьма условны и схематичны. Налицо полный разрыв с реалистическими традициями энеолита. Уплощенная фигурка с расставленными в стороны руками является абстрактным символом, имеющим мало общего с реальной фигурой женщин. Распространение подобных изображений бесспорно свидетельствует о дальнейшем усложнении религиозного мышления, все большем отрыве религиозных представлений от реальной действительности. Подобное изменение домашних идольчиков является и одним из характерных признаков, отличающих эпоху бронзы от энеолитического периода. Условно-плоскостной стиль не исключал стремления к нанесению отдельных, зачастую весьма многочисленных деталей. Иногда туловище статуэток украшалось серией насечек. На голове делался высокий убор, основание которого иногда охвачено лентами. Ленты или перевязь отмечаются и на шее. Наиболее характерным признаком статуэток времени Намазга V являются толстые косы, выющиеся по бокам головы и ниспадающие на грудь (рис. 38, 2).

Появление нового типа женских статуэток свидетельствует об усложнении формы общественного сознания в эпоху бронзы.

Из вышесказанного относительно женских фигурок было бы неправильным сделать вывод о каком-то упадке искусства в эпоху бронзы. Речь идет лишь об изменениях в религиозной символике. Отдельные находки вроде медной фигурки козла с Шор-Депе свидетельствуют, наоборот, о дальнейшем подъеме и совершенствовании реалистического мастерства древних художников и скульпторов.

Связи с соседними культурами

Блестящая культура земледельческих общин Южного Туркменистана была наивысшим достижением среднеазиатских племен эпохи бронзы. Связи с этими общинами оказали прогрессивное влияние на культуру племен, охватывающих с севера плотным полукольцом оседлоземледельческие центры юго-запада. Эти связи и контакты были, вероятнее всего, обусловлены производственной необходимостью. Древние поселения Южного Туркменистана и Северного Ирана были лишены оловянных источников. Ближайшие разработки олова находились в Фергане и,

возможно, в районе Бухары. Видимо, не случайно в этих областях отмечаются следы воздействия со стороны древних земледельческих центров. Так, в Фергане был обнаружен клад вещей, относящихся к началу II тыс. до н. э. Среди них находятся серебряная булава с биспиральной головкой и бронзовая булава со скульптурным навершием, изображающим доение коровы с подпуском теленка. Эти предметы скорее всего являются образцами импорта из развитых ремесленных центров Южного Туркменистана или Северного Ирана (В. Массон, 1959а, стр. 114; С. Сорокин, 1960; Заднепровский, 1962а, стр. 52—55). К сожалению, местная культура Ферганской долины этого времени остается неизученной. Топор-тесло южного типа обнаружен и в районе Пенджикента (Тереножкин, 1948). Ярким примером воздействия южных связей на культуру северной зоны является заман-бабинский комплекс в низовьях Зеравшана. Здесь наряду с привозными предметами имеется ряд вещей, изготовленных в подражание продукции земледельческих общин юга. Скорее всего именно южные связи обусловили сравнительно ранний переход к производящему хозяйству в древнезеравшанской дельте.

В эпоху бронзы сохранились и традиционные связи южно-туркменистанских общин с южными районами, где тоже продолжалось развитие оседлоземледельческой культуры племен астрабадского бронзового века (Тюрень-Тепе, Шах-Тепе). Эта культура частично охватывала горные районы Юго-Западного Туркменистана (Ганялин, 1953), а отдельные черепки шах-тепинского типа были найдены в верхних слоях пещеры Джебел. Целый серолощенный сосуд шах-тепинского типа был обнаружен при раскопках Алтын-Депе. Вероятно, путешествия отдельных лиц, в частности торговцев, из одной области в другую не были редкостью. Неудивительно поэтому значительное число аналогий между южнотуркменистанскими материалами, комплексами астрабадского бронзового века и Гисара (В. Массон, 1956д). Вместе с тем следует подчеркнуть, что перед нами две различные культурные зоны, возможно соответствующие различным племенным общностям. Так, на северо-востоке Ирана в эпоху бронзы решительно преобладает чернолощенная и серая керамика, в то время как на Намазга-Депе и Алтын-Депе мы наблюдаем расцвет расписной посуды, сменяемый господством светлой неорнаментированной керамики.

Определенные линии связей уходят из прикопетдагских оазисов на юго-восток в районы Южного Афганистана и Северо-Западной Индии. Так, может быть отмечено несомненное сходство форм нерасписных сосудов типа Намазга V и нерасписной керамики Сеистана (Fairervis, 1961, p. 75, fig. 36) и Мундигака (Casal, 1961, v. II, fig. 73, 232). Эти аналогии могут быть продолжены и дальше на юг вплоть до хараппских комплексов. Толстостенные сосуды Хапуз-Депе с полихромным орнаментом порази-

тельно напоминают аналогичные изделия Мундигака (Casal, 1961, v. II, fig. 91), что, возможно, свидетельствует о продолжающихся воздействиях Южного Туркменистана на южные области, отмеченных еще в пору энеолита. Проушной топор-тесло из южно-туркменистанского погребения в Дайне (Ганялин, 1953) принадлежит к типу топоров, хорошо известному по находкам в Гисаре, Тюрень-Тепе и Мохенджо-Даро. Все это лишний раз подчеркивает культурно-историческое место южнотуркменистанских комплексов эпохи бронзы. Это была самостоятельная область в цепи оседлоземледельческих культур, протянувшихся от Инда до Тигра. Тесные связи и взаимный обмен в пределах этой зоны становились интенсивнее по мере развития хозяйства и общества. Не случайно на Алтын-Депе обнаружены изделия из слоновой кости и поливной сосудик, возможно месопотамского происхождения.

Таким образом, мы застаем Южный Туркменистан эпохи бронзы в состоянии перехода на новую ступень общественного развития. Быстрый прогресс ремесел, крупные населенные центры, обнесенные стенами, признаки имущественной дифференциации — все это явственно свидетельствует о наступлении нового периода. Однако это прогрессивное развитие неожиданно было задержано не совсем понятными для нас явлениями и событиями. Не имея еще возможности точно установить причины, мы ясно видим результаты их воздействия. Огромные земледельческие поселения Алтын и Намазга в середине II тыс. до н. э. приходят в запустение. На Намазга-Депе жизнь еще теплится на его северной окраине, но Алтын-Депе покидается полностью. Им на смену приходят небольшие поселки. Известный упадок отмечается и в гончарном производстве. Наступает второй период — период поздней бронзы, характерной чертой которого являются именно упадок и запустение по сравнению с блестящей культурой начала II тыс. до н. э.

Памятники времени Намазга VI

Ко времени поздней бронзы в Южной Туркмении относится комплекс типа Намазга VI, начало которого связано с появлением серой и красноангобированной керамики, отсутствующей в комплексе Намазга V, а конец — с появлением лепной расписной керамики типа Яз-Депе I. Судя по толщине культурных напластований (7 м — в Намазга-Депе, 6 м — в Теккем-Депе), он занимал длительный отрезок времени. Б. А. Куфтин относил комплекс Намазга VI к середине II тыс. до н. э. (Куфтин, 1954). Для памятников типа Намазга VI в дельте Мургаба были предложены даты 1600/1700—1400/1000 лет до н. э. (В. Массон, 1959а).

Характерной чертой поселений поздней бронзы на юге Туркмении является их небольшая величина (площадь их не более 1—2 га).

Известные памятники Намазга VI сосредоточены преимущественно в двух районах. Один — это подгорная полоса, древняя «метрополия» оседлоземледельческих культур. Другой — область сравнительно новая для оседлого земледелия — дельта Мургаба. Между обеими группами памятников наблюдаются некоторые различия в материальной культуре, не выходящие, однако, за рамки слабо выраженных локальных вариантов.

Обратимся прежде всего к памятникам подгорной полосы. Это южный холм Анау (Pimpelly, 1908), Елькен-Депе, находящееся в 1.5 км к юго-востоку от станции Каушут (Марущенко, 1959), уже известное пам Намазга-Депе (Куфтин, 1956) и расположенное поблизости от него Теккем-Депе (Ганялин, 1956в).

Поселения Елькен-Депе и Теккем-Депе в период поздней бронзы занимали площадь около 2 га. Теккем-Депе возникло в пору Намазга VI (возможно, в результате переселения части жителей с Намазга-Депе) и пришло в запустение к концу этого периода. Здесь в верхнем слое вскрыты остатки нескольких помещений, которые, видимо, погибли от пожара, поскольку на пол упали обгоревшие балки перекрытия. На этом же памятнике в шурфе была обнаружена двухъярусная керамическая печь.

Поселение Намазга-Депе, как показали раскопки, в период Намазга VI приходит в упадок, большая часть обжитой территории забрасывается. Оставшееся население сосредоточивается в северной части памятника, на так называемой вышке, образованной слоями Намазга VI. На остальной части Намазга-Депе располагалось в пору Намазга VI кладбище, причем могильные ямы обнаружены в оплывших руинах построек времени Намазга V. В 1964 г. были проведены раскопки поселения на «вышке», которые открыли части трех кварталов, разделенных улицами шириной от 2.5 до 4 м. Один из вскрывавшихся кварталов состоял из хозяйственного двора и ряда жилых строений, видимо, части большого многоквартирного дома. В другом располагалось несколько печей для обжига посуды. Эти двухъярусные горны, прямоугольные в плане, характеризуются продуманной системой жаропроводных каналов. Гончарная печь аналогичного устройства была обнаружена впервые в слоях Намазга VI еще в 1952 г. (Сарианиди, 1958, стр. 339—340).

В отличие от памятников поздней бронзы подгорной полосы, располагавшихся, как правило, на месте более древних поселков, памятники Намазга VI дельты Мургаба возникают в рассматриваемый период. Они расположены к северу от колодцев Новый Кишман и образуют оазис, вытянутый в меридиональном направлении на 43 км (В. Массон, 1959а, стр. 12—19). Возможно, эти поселения, которых всего известно шесть, располагались вдоль одного из протоков древнемургабской дельты. Их размеры не превышают 1—1.5 га.

Наиболее ранним из них следует считать Аучин-Депе, представляющее собой небольшой холм, культурные слои которого достигают 1.5 м. Здесь раскопана двухъярусная печь с продолговатой топочной камерой, разделенной на две части тонкой продольной стенкой. Она более примитивна, чем описанные выше горы с Намазга-Депе, и в целом весьма близка наиболее распространенному типу керамических печей подгорной полосы времени Намазга V.

К несколько более позднему времени относится поселение Тахирбай 3, занимавшее площадь около 2 га. Здесь раскопана часть двора с круглой печью (тандыр) и остатки построек из сырцового кирпича.

Погребения на поселениях и Янги-Калинский могильник

На большинстве памятников поздней бронзы наряду с остатками жилых построек открыты и древние захоронения. Это все без исключения одиночные скорченные погребения в ямах, различающиеся лишь составом погребального инвентаря. Погребальный инвентарь обычно представлен глиняными сосудами и украшениями, в том числе железными бусами, найденными в одном погребении на «вышке» Намазга-Депе. Погребение со сравнительно богатым инвентарем было расчищено в верхнем слое Аучин-Депе. В нем найдено 14 сосудов, бронзовый браслет, бусы из лазурита, гипса и бирюзы и каменная подвеска-печать с изображением змеи (табл. IX). На одном из мургабских поселений отмечен случай неполного трупосожжения. Погребальные камеры с коллективными захоронениями для времени поздней бронзы пока неизвестны, но зато обнаружен могильник, расположенный в стороне от поселения. Этот могильник находится у селения Янги-Кала, к югу от Геок-Тепе и, возможно, тяготеет к поселению Экин (Ганялин, 1956б). Янги-калинские погребения располагались в грунтовых ямах, нарушенных сейчас временными водотоками. Всего раскопано семь могил с одинаковым положением скелетов — на левом боку, с подогнутыми ногами. Ориентация скелетов различна. В могильных ямах отмечены следы кострищ, возможно связанных с погребальным культом. Инвентарь погребений сравнительно небогатый. В головах или ногах стояло от 1 до 4 сосудов. В двух могилах встречены фрагментированные женские терракотовые статуэтки. В этом отношении заметно продолжение традиции, свойственной некоторым энеолитическим погребениям. Одно из погребений несколько выделяется своим инвентарем. В нем было обнаружено 4 сосуда, терракотовая статуэтка и 6 бронзовых украшений.

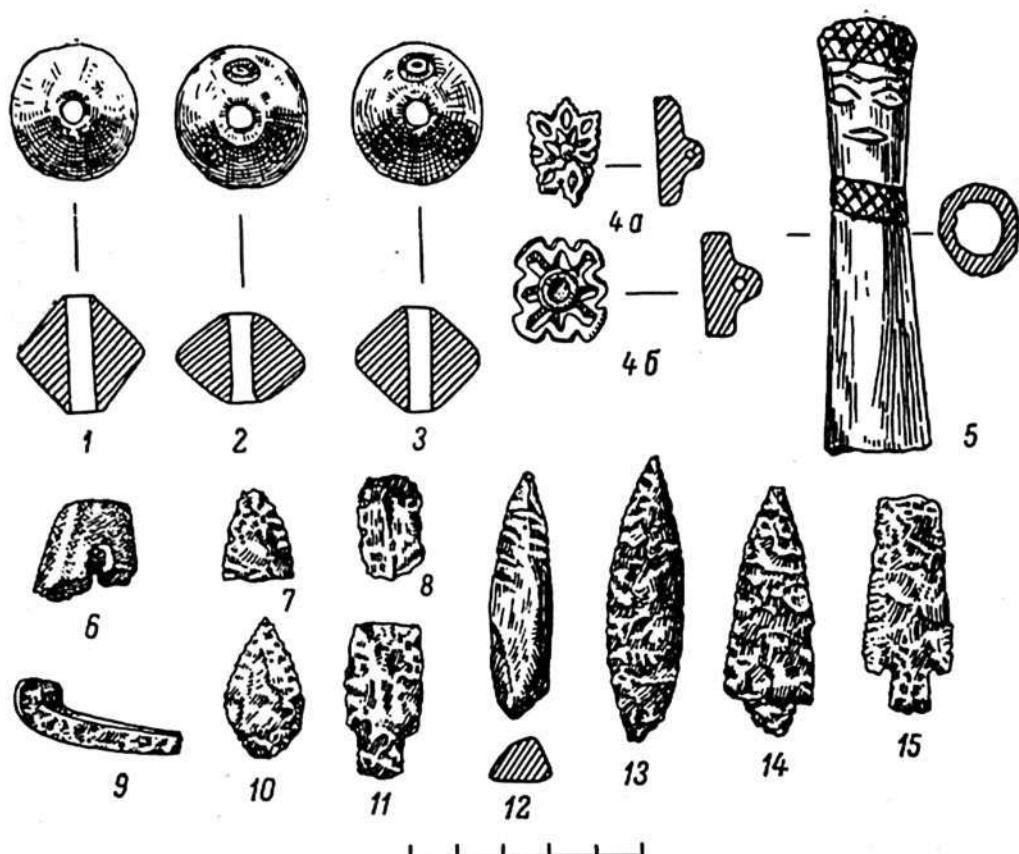

Рис. 39. Изделия из камня (1—4а, 4б, 6—15) и кости (5) времени Намазга VI.

Возможно, к такому отдельно расположенному могильнику принадлежали и погребения времени Намазга VI, открытые в 1963 г. при строительных работах на восточной окраине Ашхабада.

Изделия из камня и металла

Металлические орудия, находимые в слоях Намазга VI, более многочисленны по сравнению с соответствующей категорией предметов, известных для более раннего времени. К сожалению, недостаточное количество химических анализов не позволяет сказать, в какой мере произошло полное вытеснение медных предметов собственно бронзовыми изделиями. На северном холме Анау обнаружены черешковые кинжалы с широким плоским лезвием без ребра (рис. 35, 16), близко напоминающие аналогичные вещи комплекса Намазга V. Аналогичный кинжал был найден и на Намазга-Депе. С Анау происходит также бронзовый серп изогнутой формы с выделенной прямой основой для рукоятки (рис. 35, 19), отличающийся от примитивных серпов андроновского типа, характерных для северных районов Средней Азии, и близко напоминающий серп из некрополя А Сялка. На Намазга-Депе найден также небольшой изогнутый нож, который

некоторые исследователи считали серпом (рис. 35, 18). С мургабских поселений происходят квадратные в сечении пробойники и плоские наконечники дротиков, несколько напоминающие по форме ножи катакомбного типа (рис. 35, 17, 18). Бронзовые украшения представлены несомкнутыми браслетами, кольцами, ушными подвесками (рис. 35, 8, 9), по форме напоминающими браслеты, пластинками-диадемами, накладывавшимися на лоб, и булавками с ажурной головкой (рис. 35, 12, 13). Судя по отдельным фрагментам, продолжалось изготовление бронзовых печатей.

Из каменных изделий следует отметить кремневые наконечники стрел двух типов — лавролистные без черешка и черешковые с двумя опущенными жальцами (рис. 39, 13—15). Весьма характерны именно для комплекса Намазга VI крупные биконические каменные бусы, обычно вытачивавшиеся из стеатита и по форме своей близко напоминающие пряслица (рис. 39, 1—3). Иногда их поверхность украшена кружковым орнаментом. Из камня изготовлялись печати в виде креста или восьмилепестковой розетки (рис. 39, 4а, 4б).

Керамика типа Намазга VI

Керамика типа Намазга VI сделана в основном с помощью гончарного круга и обожжена в специальных печах. По ряду признаков могут быть выделены два локальных варианта керамики этого типа: западный и мургабский.

Керамика западных памятников ранних этапов характеризуется, по-видимому, отсутствием красного ангоба (Марущенко, 1959, стр. 61). В более поздних комплексах запада преобладает керамика с черепком кремового и красного цвета. Серая посуда встречается более редко. Распространен светлый и красный ангоб различных оттенков. Часть серых и красноангобированных сосудов залощена.

Можно назвать четыре характерные формы керамики западной группы: вазообразные сосуды на ножке (рис. 40, 9), иногда гофрированной; конические подставки (рис. 40, 6); конические чаши с загнутым внутрь венчиком (рис. 40, 2) и крупные горшковидные сосуды с выкружкой в придонной части (рис. 40, 10). Вазы обычно красноангобированные или серые. Керамика, как правило, не орнаментирована; лишь изредка встречаются нацарапанные волнистые и прямые линии или ряды вертикальных насечек. Иногда на сосудах нацарапаны знаки (крест, свастика и т. п.). Кухонные котлы, лепившиеся от руки, имеют в основном горшковидную форму, и их венчик иногда украшен косыми насечками.

Керамика мургабских памятников может быть подразделена на две хронологические группы. К ранней группе следует от-

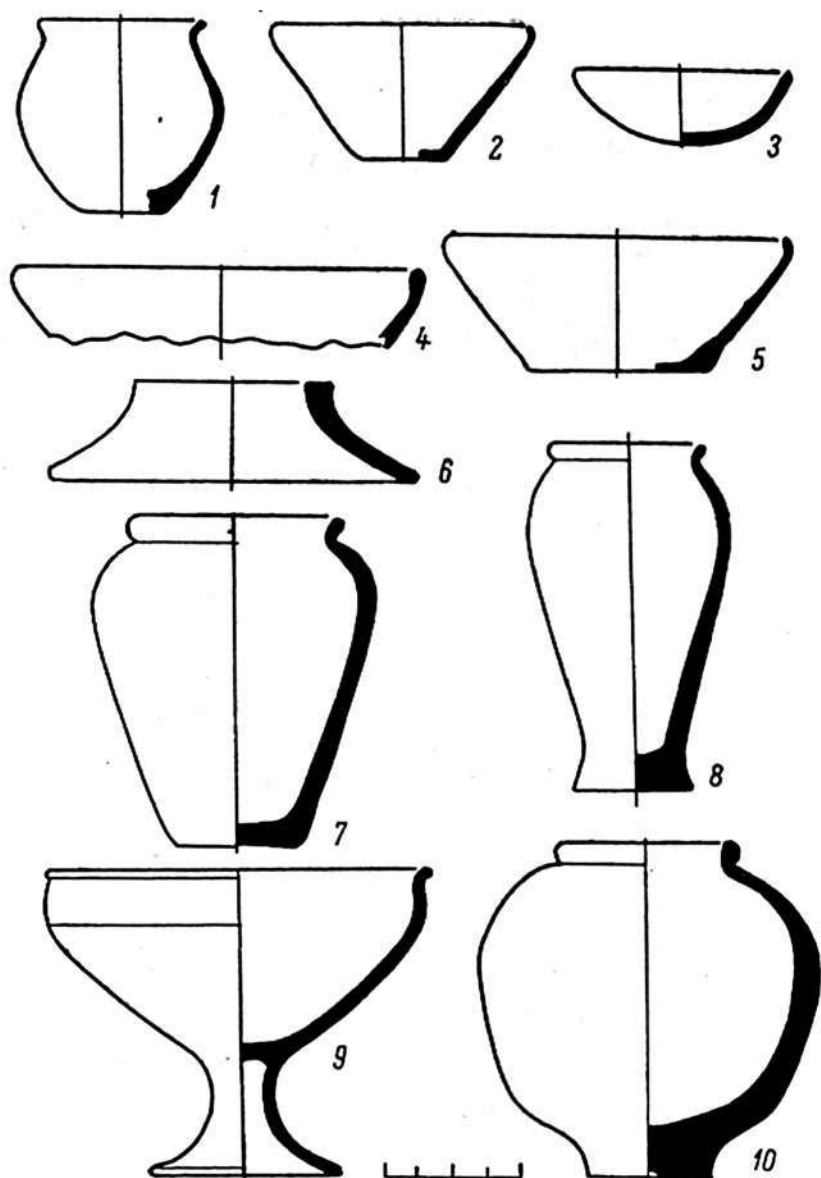

Рис. 40. Керамика Намазга VI. Западный вариант (1—10).

носить посуду с Аучин-Депе. Керамика здесь имеет черепок главным образом красного и розового цвета с зеленовато- или желтовато-белым ангобом, типичным для сосудов комплекса Намазга V. Серой керамики мало. Характерны вазы на ножке, крупные горшковидные сосуды с выкружкой у дна, крынки без валика у венчика, глубокие конусовидные чаши с изогнутым бортиком. Встречаются также кольцевидные подставки. Керамика эта имеет много общего с посудой западных памятников. Конические чаши близко напоминают аналогичные сосуды с Намазга-Депе из слоя Намазга V.

Керамика поздней группы, представленная комплексом с поселения Тахирбай 3, более отлична от посуды западных па-

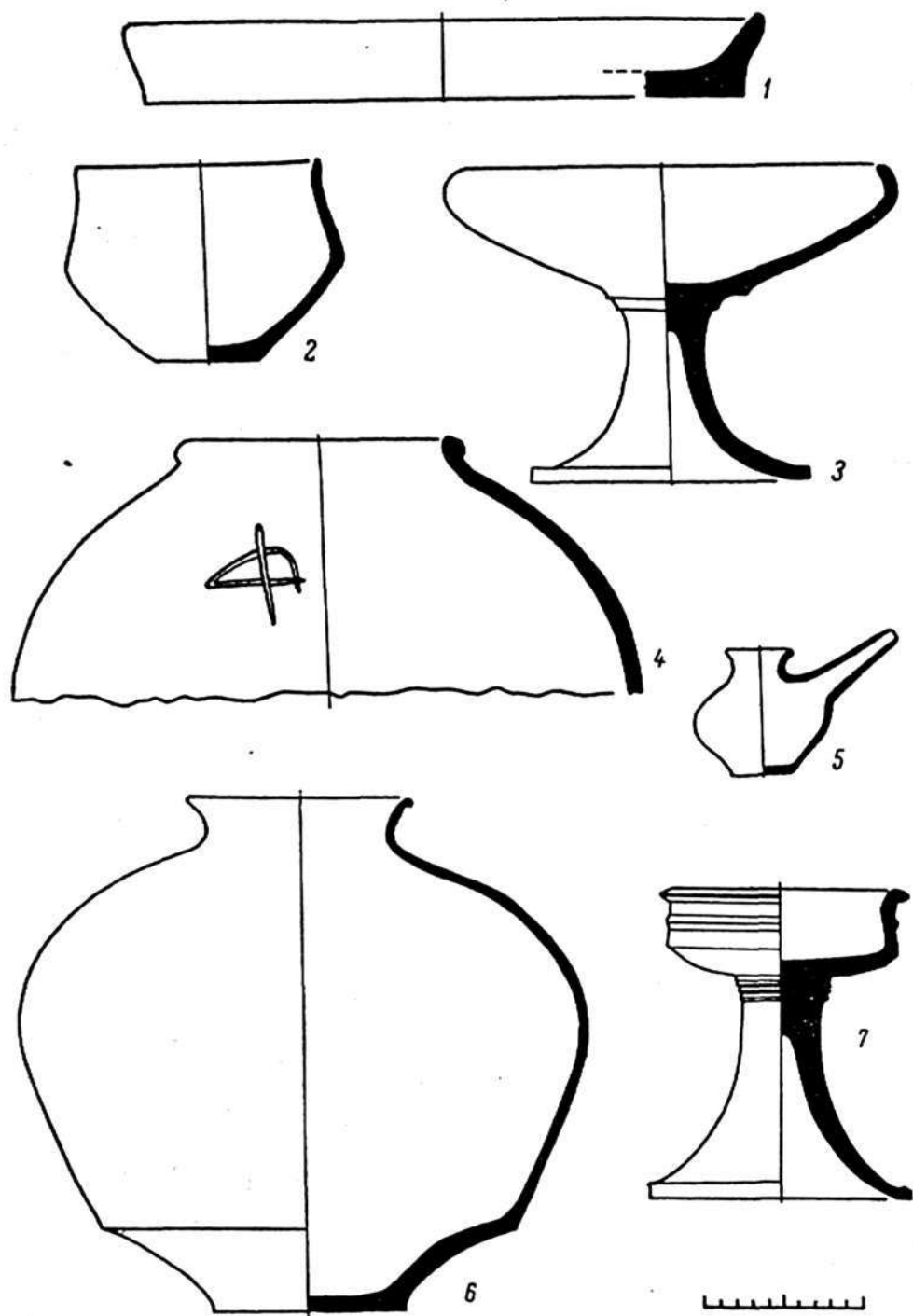

Рис. 41. Керамика Намазга VI. Мургабский вариант (1—7).

мятников. Следует считать, что это отличие связано с процессом роста культурной и хозяйственной самостоятельности нового оазиса. Подобное явление можно было наблюдать для эпохи энеолита в геоксюрской группе памятников. Крупные горшководные сосуды с выкружкой у дна (рис. 41, 6), кольцевидные подставки, процарапанный орнамент сближают керамику мургабских поселений с посудой Теккем-Депе и Намазга-Депе.

Вместе с тем в Тахирбае 3 нет классических чаш с венчиком, загнутым внутрь, но зато весьма распространены кубковидные сосуды с ребром, обычно серого цвета (рис. 41, 2). Отлична и форма ваз (рис. 41, 3, 7). От руки лепились кухонные котлы и жаровни в виде диска с невысоким бортиком (рис. 41, 1). Интересно отметить распространение различных знаков, процарапанных на керамике. Среди них имеются традиционная для среднеазиатских земледельцев фигура козла, изображение лука и свастика.

Южная Туркмения в пору поздней бронзы

Археологический материал рисует нам Южную Туркмению времени поздней бронзы как страну, занятую небольшими поселками оседлых земледельцев-скотоводов. Находки на Елькен-Депе зерен пшеницы, ячменя и косточек винограда свидетельствуют, что основные возделываемые культуры остались прежними. На Теккем-Депе обнаружены кости ряда домашних животных: овцы, козы, коровы, свиньи, верблюда и, возможно, лошади (Ганялин, 1956в, стр. 83). Таким образом, в составе стада также не произошло существенных изменений. Интересно отметить, что материалы Елькен-Депе как будто указывают на преобладание в стаде мелкого рогатого скота (Марущенко, 1959, стр. 60).

О продолжении старых традиций свидетельствует и общий облик культуры. Многокомнатные дома, как и раньше, строятся из сырцового кирпича прямоугольной формы, для кладбища используется непосредственно территория поселения, хотя появляются и отдельно расположенные могильники. Определенными чертами преемственности характеризуется и керамическое производство, а отдельные находки терракотовых фигурок людей и животных указывают на постепенно угасающие традиции корoplastики, столь характерной для раннеземледельческих обществ. Происходит даже известное расширение земледельческой эйкумены: складывается оазис в дельте Мургаба.

Вместе с тем изменения, происшедшие по сравнению с предшествующим временем, весьма велики. Крупных центров вроде Намазга-Депе и Алтын-Депе теперь нет, они пришли в упадок, и их оплывшие руины нередко используются окрестными жителями в качестве кладбища. Сменяющие их мелкие селения своими размерами как бы возвращают нас к поре неолита. Определенный упадок и огрубение отмечается и в керамическом производстве.

Важно подчеркнуть, что эти явления запустения и упадка отмечаются на значительно более широкой территории, чем область обитания земледельческих племен юго-западной Средней Азии. Почти одновременно с Алтын-Депе и Намазга-Депе пре-

кращается жизнь на таких североиранских памятниках, как Тюрень-Тепе, Шах-Тепе и Гисар. На юге Афганистана городок Мундигак IV также большей частью лежит в руинах, и в новом комплексе (Мундигак V) гончарная керамика почти полностью сменяется посудой ручной лепки. Где-то в пределах первой половины—середины II тыс. до н. э. происходят заметные изменения и в более южных областях (проникновение комплексов Шахи-Тумп на юг Белуджистана), запустение ряда оазисов (например, Сеистанского) и упадок хараппской цивилизации в долине Инда.

Едва ли для объяснения всех этих явлений удастся предложить однозначное, все объясняющее решение. Скорее всего там действовал ряд факторов, нередко различных для разных областей и районов. Возможно, в ряде земледельческих обществ, в том числе и в древнеиндийской цивилизации, имел место какой-то внутренний кризис. Было высказано мнение, что именно с подобным кризисом оседлого земледелия в подгорной полосе связано освоение в пору Намазга VI мургабской дельты (В. Массон, 1959а, стр. 110). Интересное заключение предложено Б. Б. Пиотровским. Он предполагает, что на юге Средней Азии, как и в Закавказье, имел место переход некоторых земледельцев к преимущественному занятию скотоводством (Пиотровский, 1960, стр. 49). Действительно, имеются некоторые свидетельства об увеличении в пору Намазга VI количества мелкого скота в составе стада, а появление выселков на окраинах Каракумов еще в пору Намазга V (находки керамики в районе Овадан-Депе) может быть рассмотрено как доказательство развития отгонного скотоводства. Однако достаточный материал для рассмотрения этой проблемы пока отсутствует.

Вместе с тем ряд данных бесспорно указывает и на значительные перемещения племенных групп, имевшие место во II тыс. до н. э. Возможно даже, что изменения внутри оседлоземледельческих обществ в известной мере стимулировали эти передвижения. Но перемещения и сдвиги затронули не только обитателей оседлых оазисов. На целом ряде памятников времени Намазга VI в культурном слое обнаружены лепленные от руки черепки, явно принадлежащие инокультурному кругу — племенам степной бронзы. Эти находки сделаны как на поселениях подгорной полосы в Анау (Rimpelly, 1908) и Теккем-Депе (Ганялин, 1956в), так и на нижнемургабских памятниках (В. Массон, 1959а, стр. 21, 27).⁵ В последние годы получены новые материалы, свидетельствующие о продвижении в подгорную полосу племен степной бронзы. Неудивительно, что еще Б. А. Куфтиным было выска-

⁵ Достоверных находок подобной керамики на Намазга-Депе пока не отмечено. Соответствующие упоминания в литературе (Куфтин, 1954, стр. 116) основаны лишь на находках там кухонных котлов, характерных для комплекса Намазга VI.

зано предположение о борьбе с надвигающимися с севера племенами (которые он не вполне точно именовал кочевническими) как об одном из факторов, обусловивших упадок оседлых поселений Южной Туркмении (Куфтин, 1954, стр. 29). Правда, пока ни на Намазга-Депе, ни на Алтын-Депе не обнаружено следов каких-либо катастрофических событий в конце периода Намазга V, например пожаров или насильственных разрушений. Однако сам факт проникновения на юг степных племен во всяком случае в период поздней бронзы является бесспорным.

Имеется ряд данных и о передвижениях или по крайней мере об усилении контактов в мире оседлоземледельческих племен, группирующихся вокруг Иранского нагорья. Как уже отмечалось, на юге Афганистана древнюю оседлую культуру (Мундигак IV) сменяет совершенно новый комплекс, обнаруживающий известную перекличку с чустскими материалами Ферганы. Раскопки Гисара свидетельствуют, что в начале II тыс. до н. э. в Северном Иране имели место ожесточенные столкновения: «дом вождя» на этом памятнике был взят штурмом и погиб в огне (Schmidt, 1937). В комплексе типа Намазга VI отмечаются значительные связи с позднехараппскими и постхараппскими культурами Инда. Особенно показательно наличие совершенно идентичных крупных каменных бус с кружковым орнаментом и на памятниках Намазга VI (рис. 39, 2, 3), и в комплексах Джжукара, представляющих собой культуру одной из племенных групп, утвердившихся на руинах хараппских городов в долине Инда (В. Массон, 1959а, стр. 27). Во многих других областях Евразии II тыс. до н. э. было эпохой значительных перемещений племенных групп, находящих известное отражение в археологических материалах.

Вместе с тем не следует забывать, что оседлоземледельческие комплексы Южного Туркменистана в пору поздней бронзы являются в первую очередь продолжением старых традиций, несмотря на известный застой и упадок.

Кризис конца периода развитой бронзы отрицательно сказался и на развитии общественных отношений. Во всяком случае нет данных о каком-либо прогрессе в этой области со времени Намазга V. Поэтому особенно разительно выступают перемены, наблюдаемые в тех же южных областях в первой трети I тыс. до н. э.

Глава 2.

На пороге раннеклассового общества. Оазисы юга Средней Азии в первой трети I тыс. до н. э.

При рассмотрении оседлоземледельческих комплексов юга Средней Азии четко выступает тенденция поступательного развития культуры, хотя конкретная историческая обстановка обусловила известную специфику этого процесса. В рассматриваемое нами время в южных районах шло интенсивное разложение первобытнообщинного строя и становление раннеклассового общества, о чем свидетельствуют как археологические памятники, так и сведения письменных источников. Лучше известны и изучены по-прежнему южно-туркменские культуры, однако в последнее время стали поступать материалы и с территории Южного Узбекистана. В Южной Туркмении в тот период существовали две культурные области. Следует подчеркнуть, что это были не просто локальные варианты, как в пору Намазга VI, а именно две различные культуры: культура архаического Дахистана в Юго-Западной Туркмении и комплексы типа Яз-Депе I в старых земледельческих центрах подгорной полосы и в дельте Мургаба.

ЮГО-ЗАПАДНАЯ ТУРКМЕНИЯ

Памятники архаического Дахистана

Культура архаического Дахистана характеризуется крупными поселениями с центральными укреплениями, на которых найдены бронзовые наконечники стрел, кремневые вкладыши серпов и нерасписная керамика, изготовленная на гончарном круге, с ведущей формой в виде чаши на трех ножках. Эта культура может быть датирована концом II—первой третью I тыс. до н. э. (В. Массон, 1956б).

Наиболее значительный оазис данной культуры располагается на территории Мисрианской равнины (В. Массон, 1956б). Вместе с тем небольшие поселения известны в долине Сумбара (Ганя-

лин, 1953) и в западной части подгорной равнины у Кизыл-Арвата, Бами и Беурме (Марущенко, 1935; В. Массон, 1956б).

На территории Мисрианской равнины выделяются два типа поселений: наряду с небольшими поселками площадью около 0.5 га (Едиджа-Депе, поселение Д-41 и др.) здесь существовали крупные центры, руины которых сейчас занимают площадь в несколько десятков гектаров. Таково поселение Изат-Кули (площадь до 50 га). Здесь около центрального укрепления, пятиугольного по форме, расположены оплывшие бугры, содержащие остатки жилых домов. В нескольких местах, преимущественно на окраине поселка, располагались гончарные печи. Примечателен крупный формат сырцового кирпича, употреблявшегося при строительстве. На центральном укреплении он достигает $74 \times 49 \times 10$ см.

В принципе аналогична планировка и другого памятника Мисрианской равнины — Мадау-Депе. Здесь центром поселения было также укрепление, оплывший холм которого достигает сейчас 13-метровой высоты. На поселении раскопана часть многокомнатного дома и установлено, что мощность культурных слоев достигает 6.5 м.

В пору существования культуры архаического Дахистана южная часть Мисрианской равнины была орошена с помощью системы каналов, выведенных из р. Атрек и достигающих в длину 50—60 км. Остатки таких каналов обнаружены у Изат-Кули и Мадау-Депе. Здесь же, на окраине поселений, располагались и орошаемые водами каналов поля. Как и в Маргиане, это было время создания крупных оросительных систем.

Изделия из камня и бронзы

Целых железных предметов, относящихся к культуре архаического Дахистана, пока не найдено, но на поселениях встречаются куски железных шлаков и криц. Из бронзы изготовлялись различные наконечники стрел. Среди них следует отметить листовидные двухперые, пирамидалевидные, трехперые — все три типа с черешками. Встречаются и двухперые наконечники стрел с выступающей втулкой. На Мадау-Депе был найден узкий бронзовый меч с квадратным в сечении черешком и небольшим продольным ребром. Камень употреблялся при изготовлении зернотерок, крупных шаровидных ядер для пращи и низеньких квадратных жертвенных столиков на четырех ножках. Довольно часто встречаются кремневые пластины, использовавшиеся в качестве вкладышей составных серпов. Вероятно, одновременно с дорогостоящим металлическим серпом (ведь именно к этому времени относится железный серп с Анау, а бронзовый серп был известен много раньше) продолжал применяться и старый кремневый серп. Сосуществование двух таких видов серпов известно также для бронзового века Закавказья.

Керамика

Глиняная посуда архаического Дахистана отличается большим своеобразием. В отличие от комплексов типа Яз-Депе в культуре архаического Дахистана решительно преобладает высококачественная посуда, сделанная на гончарном круге быстрого вращения. Ручной лепкой изготовлялись лишь кухонные котлы и жаровни. Обычно вся посуда тщательно залощена и, как правило, не орнаментирована. Основную массу составляет серая керамика, часто покрытая черным ангобом. Наряду с ней имеется посуда с черепком красного и зеленовато-белого цвета. Характерными формами являются одноручные кувшины, чаши на трех ножках и разнообразные сосуды со сливами. Здесь можно видеть и полусферические чаши с мягко изогнутым сливом, и небольшие стаканчики со сливом желобчатых очертаний, и кувшины с трубчатым носиком, заканчивающимся длинным изогнутым сливом. Имеются также кубки, чаши с одной ручкой, керамические ситечки и прямогорлые кувшины с ушками для подвешивания, украшенные пунсонным орнаментом. Особо следует выделить курильницы с шаровидным туловом на высокой пустотелой ножке. Таким образом, перед нами весьма специфический керамический комплекс. Анализ материала подтверждает особый характер ее эволюции.

Происхождение культуры архаического Дахистана

Памятники архаического Дахистана образуют культурный комплекс, резко отличный от культуры подгорной полосы и дельты Мургаба. Есть основания полагать, что близкий архаическому Дахистану материал характерен и для прикаспийских областей Ирана (В. Массон, 1956б, стр. 449; Schmidt, 1937, p. 308). Подобные географические границы позволяют видеть в культуре архаического Дахистана культурно-хозяйственную общность с древней Гирканией, название которой известно по Авесте (*Vahrkana* — «волчья страна») и по ахеменидским надписям (*Varkana*).

Анализ материала показывает, что многие традиции, например в области керамического производства, характерные для Изат-Кули или Мадау-Депе, восходят к таким пригюргенским памятникам III—начала II тыс. до н. э., как Шах-Тепе и Тюрень-Тепе (В. Массон, 1956б, стр. 428—430). Памятники культуры типа Шах-Тепе были распространены и в северо-западном Копет-Даге (Ганялин, 1953), а отдельные черепки сосудов шах-тепинского типа обнаружены в пещере Джебел. Поэтому вполне естественно, что при освоении земледельцами Мисрианской равнины здесь складывается культура, генетически восходящая к комплексам шах-тепинского типа. Следует отметить, однако, что

пока отсутствует материал, характеризующий переходный период, непосредственно предшествующий Мадау-Депе или Изат-Кули.

Интересно отметить, что ряд элементов культуры архаического Дахистана, в том числе такая специфическая форма, как сосуд со сложным носиком-сливом, находит прямые аналогии в некрополе В Сялка (Иран), который можно считать раннемидийским (Ghirshman, 1939). Последние работы показывают, что сосуды подобного типа в конце II—первой трети I тыс. до н. э. широко распространяются на территории Ирана (Vanden Berghe, 1959, pp. 5—6, 41—44, 123—125), возможно отражая процесс расселения каких-то групп ираноязычных племен. Правда, для некрополей Сялка типична наряду с черной и красной керамикой также расписная посуда, но в могильниках Калар-Дашт и Хурвин в Мазандеране роспись на керамике отсутствует, что сближает их с памятниками архаического Дахистана.

Совершенно отличная культура была распространена в это же время в восточных районах Южного Туркменистана и южных районах Узбекистана, для которых характерны комплексы типа Яз-Депе I.

ЮГО-ВОСТОК СРЕДНЕЙ АЗИИ

Комплексы типа Яз-Депе I

Комплексы данного типа характеризуются преобладанием керамики ручной лепки, иногда украшенной росписью, появлением первых железных изделий и двухперых втульчатых стрел из бронзы, а также сложением крупных поселений, центрами которых являются цитадели на массивных платформах. Особенно характерной является керамика. Именно появление в большом количестве лепных сосудов ограниченного числа форм как бы прерывает с традициями ремесленной керамики бронзы и отмечает нижнюю границу комплекса Яз-Депе I. Его верхней границей следует считать полное вытеснение лепной керамики посудой, сделанной с помощью гончарного круга. Раскопки Яз-Депе дали основания ориентировочно датировать комплекс Яз I 900—650 гг. до н. э. (В. Массон, 1959а, стр. 48). Вместе с тем следует иметь в виду, что на Яз-Депе не представлены ранние этапы, образующие переход от периода поздней бронзы. Такие этапы как будто обнаружены на Елькен-Депе, и поэтому вполне вероятно, что начало комплекса типа Яз-Депе I восходит к самому концу II тыс. до н. э. Проводивший раскопки на Елькен-Депе А. А. Марущенко предложил для слоев типа Яз-Депе I примерную дату XII—VII вв. до н. э. (Марущенко, 1959, стр. 65). Территориально памятники типа Яз I довольно четко распадаются на две группы. Одна из них объединяет поселения подгорной полосы — метрополии древнейших земледельцев Средней Азии. Для начала

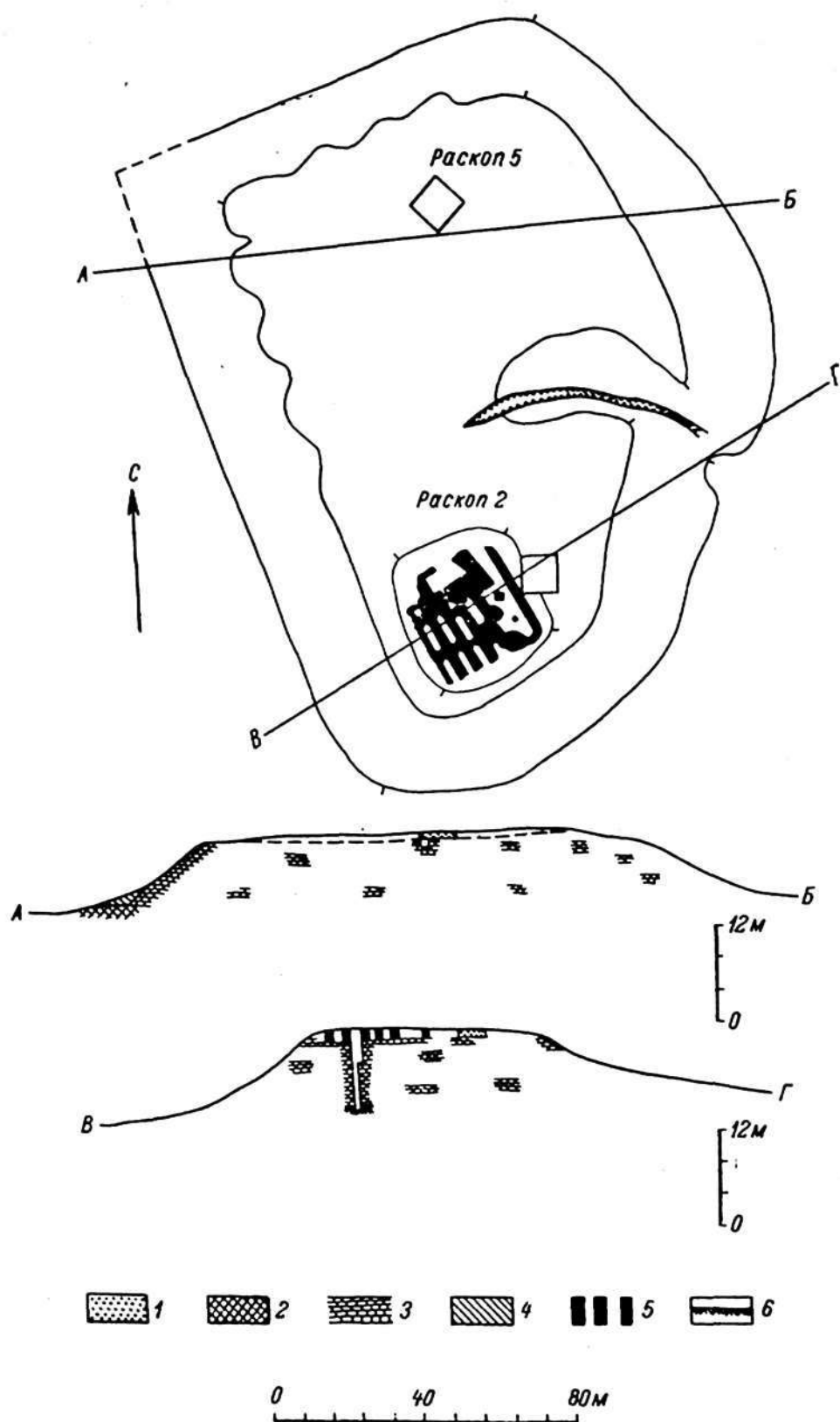

Рис. 42. Цитадель Яз-Депе.

1 — культурный слой; 2 — глинобитные промазки; 3 — кладка сырцового кирпича; 4 — завал сырцового кирпича; 5 — сырцовые стены в разрезе; 6 — аллювиальные слои,

I тыс. до н. э. эту область можно именовать Северной Парфией. Это слово, переводимое как «окраина», возможно, вошло в употребление в процессе расселения ираноязычных племен, хотя неизвестно, была ли в данном случае Парфия окраиной для племен, живших к югу от этой страны, или для более северного населения. На территории Парфии слои типа Яз-Депе I в ряде случаев отмечены на памятниках поздней бронзы и свидетельствуют о непрерывном существовании этих поселений (Елькен-Депе, Улуг-Депе, северный холм Анау). В других случаях поселки возникают на новых местах. Четко различаются памятники двух типов — небольшие поселки и крупные центры, имеющие, однако, в отличие от центров ранней бронзы укрепленные цитадели.

В качестве примера памятников первого типа может быть назван южный холм Анау, площадь которого (около 1 га) не изменилась со времени Намазга VI. На Елькен-Депе, напротив, обжитая территория увеличивается в несколько раз, достигая 12 га (Марущенко, 1959, стр. 62—64). Слои типа Яз-Депе I толщиной в 2—2.5 м в ряде случаев лежат прямо на материке, свидетельствуя, что именно в это время происходил рост поселения. Оно укреплено валами, а находящийся в центре бугор, образовавшийся из остатков оплывших строений эпохи бронзы, наращивается 6-метровой кладкой сырцового кирпича и превращается в платформу мощной цитадели. Елькен-Депе являлось крупнейшим поселением подгорной полосы начала I тыс. до н. э., и, возможно, в нем следует видеть своеобразную столицу Северной Парфии, пришедшую на смену традиционному центру древних земледельцев — Намазга-Депе, от которого оно расположено в 15 км.

Вторую территориальную группу образуют поселения, расположенные в дельте Мургаба, где уже в пору поздней бронзы сложился небольшой земледельческий оазис. Эта область известна в источниках под именем Маргианы (авест. *Mōrighi*, древнеперс. *Margu*). Здесь к рассматриваемому времени возникли два новых оазиса, состоявшие из поселений, вытянувшихся вдоль магистральных каналов, выведенных из главного русла Мургаба. Как и в Северной Парфии, в состав оазисов входили и мелкие поселки, и крупные селения с цитаделями. Последние были центрами двух упомянутых выше оазисов: Арвали-Депе — западного и Яз-Депе — восточного.

Яз-Депе — столица древней Маргианы

Из двух вышеназванных центров наибольший интерес несомненно представляет Яз-Депе, где были проведены и наиболее значительные по масштабам раскопки. Вполне вероятно, что это поселение, наиболее значительное из числа других, известных

в дельте Мургаба, подобно северопарфянскому Елькен-Депе, было местной столицей.

Оплывшие бугры Яз-Депе высотой до 4 м занимают площадь около 16 га. В центре расположена цитадель, основанием которой служила платформа из сырцового кирпича 8-метровой высоты, возведенная прямо на глинистых отложениях мургабского аллювия (рис. 42). Большая часть цитадели была занята незначительными, плохо сохранившимися постройками, видимо имевшими хозяйственное назначение. Однако в южной ее части, обособленно от других строений, возвышалось монументальное здание. Его стены были возведены из того же сырцового кирпича размером в среднем $55 \times 28 \times 11$ см. В западной части здания расположены вытянутые в четыре ряда узкие коридорообразные помещения, ширина которых достигала всего 2 м. Их разделяли массивные стены, имевшие ту же ширину, что и комнаты (2—2.5 м). Судя по характеру завала, эти помещения были внутри перекрыты сырцовыми сводами. Возможно, перед нами какие-то служебные постройки цокольного этажа. К востоку от них располагался большой прямоугольный зал шириной в 7 м и длиной не менее 26 м, частично перестроенный в процессе его использования. Трудно судить о назначении этой постройки. Скорее всего это был дворец местного правителя, варварского князька яз-депинского оазиса, а может быть, и всей Маргианы. Все строение характеризует массивность, стремление к монументальности. Оно резко отличается от многокомнатных домов-кварталов с тонкими стенами, характерных для поселков энеолита и бронзового века. Остатки подобных построек были встречены при раскопках холмов, окружающих яз-депинскую цитадель. Наличие их здесь, в слоях Яз-Депе I, мощность которых на поселении достигает 2 м, подчеркивает контраст между архитектурой обычных домов и дворцовой постройкой.

Оружие и орудия

При раскопках Яз-Депе и других поселений этого типа был найден целый ряд изделий, характеризующих материальную культуру рассматриваемого периода. Из их числа несомненно наибольший интерес представляют обломки серпа, обнаруженные на южном холме Анау и представляющие собой едва ли не самый древний железный предмет Средней Азии. Однако значительная часть вещей еще изготовлялась из бронзы (рис. 43, 1—10). Такими обнаруженными на Яз-Депе бронзовый нож, пробойники, нашивные бляшки и наконечники стрел двух типов: двухперые втульчатые и черешковые с двумя опущенными жальцами. Эти последние как бы копируют кремневые наконечники стрел, распространенные в дельте Мургаба в пору поздней бронзы. Более крупные предметы найдены на южном холме Анау. Это узкие

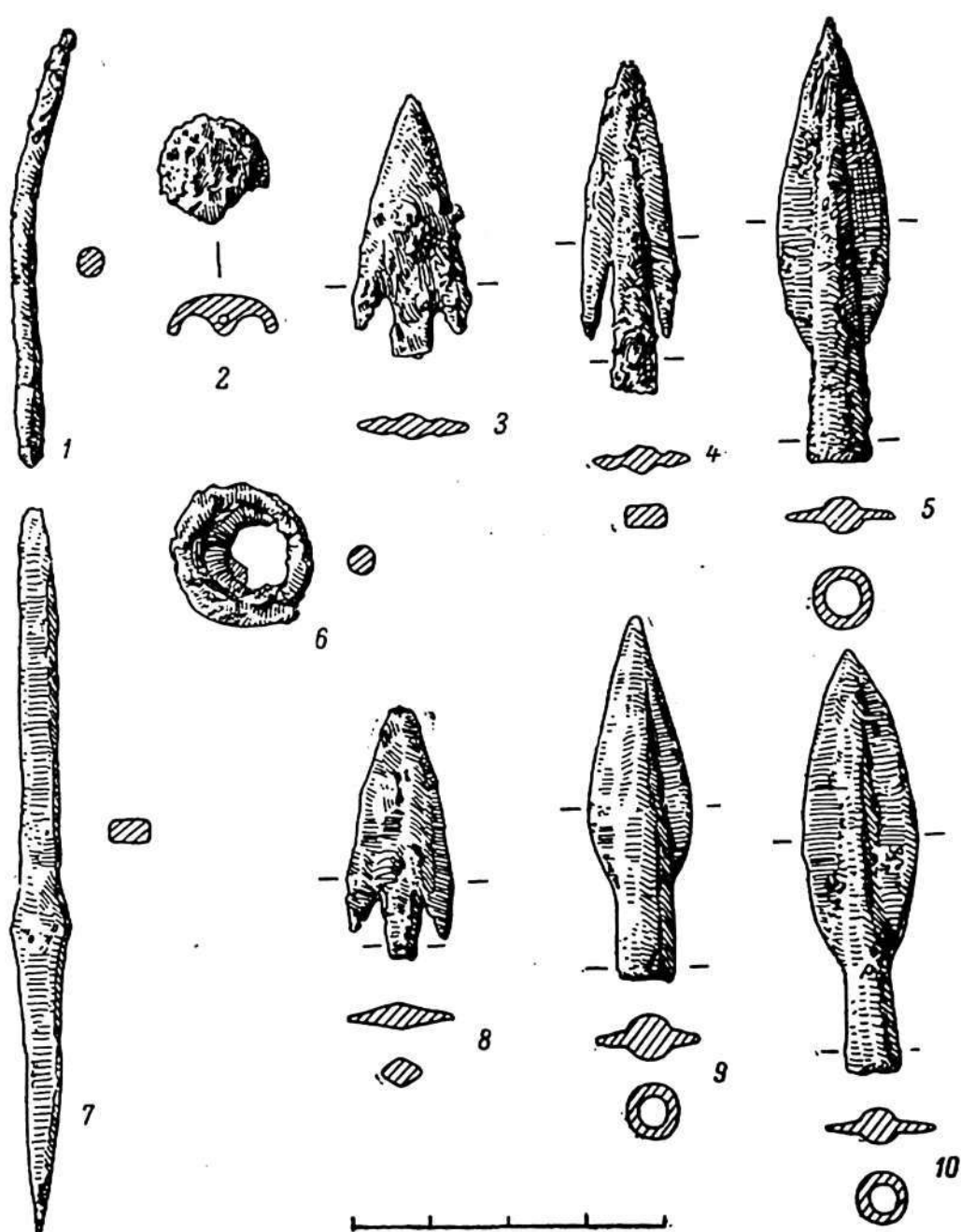

Рис. 43. Яз-Депе I. Бронзовые изделия (1—10).

черешковые кинжалы, имеющие в отличие от уплощенных клинков эпохи бронзы продольное ребро.

Весьма часто встречаются на мургабских поселениях биконические ядра для пращи из обожженной глины или, реже, каменные. В одном из коридорообразных помещений яз-депинского дворца таких ядер было найдено 139. Из других изделий следует отметить костяной псалий, каменное навершие булавы, ступки, пестики, зернотерки, подпятники.

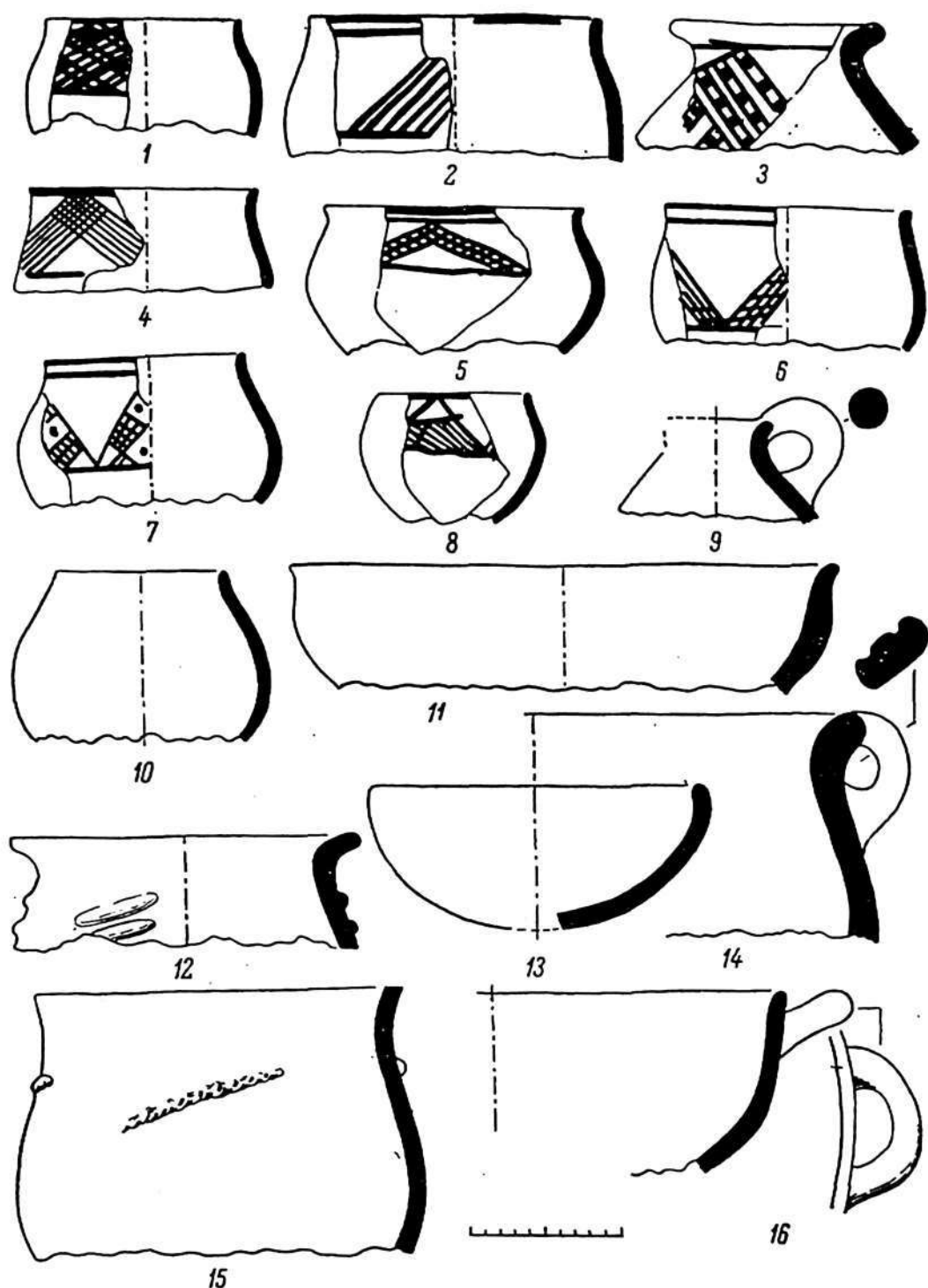

Рис. 44. Яз-Дере I. Расписная (1—8) и серая (9—16) керамика.

Глиняная посуда

Как уже неоднократно отмечалось выше, глиняная посуда рассматриваемого времени в основной своей массе лепилась от руки. В Маргиане древнейшие слои типа Яз-Депе I содержат всего 5.5% керамики, сделанной с помощью гончарного круга, Позднее этот процент достигает 14.5, но все равно не может считаться особенно значительным. Вместе с тем следует отметить, что керамика типа Яз-Депе I, лепленая от руки, отличается высоким качеством изготовления и, судя по черепку, обжигалась в специальных печах.

Посуда, сделанная на гончарном круге, представлена на Яз-Депе кубковидными и горшковидными сосудами. Лепная керамика этого маргианского поселения может быть разделена на три подгруппы. К первой относится сравнительно редкая (3—6%) расписная керамика, представленная в основном двумя формами — чашей и горшковидными сосудами разной величины. Роспись производилась главным образом красновато-коричневой или коричневой краской по зеленовато-белому фону. Мотивы росписи довольно однообразны (рис. 44, 1—8). Простой геометрический орнамент (преимущественно треугольники) как бы возвращает нас к поре раннего энеолита. Вторую подгруппу образуют сосуды с черепком серого цвета, обычно, тщательно залощенные снаружи (рис. 44, 10, 11, 13). Здесь выделяются те же две основные формы, что и в расписной керамике, причем горшковидные сосуды обычно имеют петлеобразные ручки у венчика (рис. 44, 9). Встречаются также чаши полусферической формы с горизонтальной ручкой (рис. 44, 16). Наконец, третья подгруппа объединяет нерасписные светлоангобированные чаши и хумы, кухонные котлы и жаровни.

Насколько можно судить по раскопкам Елькен-Депе и Анау, керамика яз-депинского типа характерна и для северопарфянских поселений, хотя здесь отмечаются некоторые отличия в росписи.

На Елькен-Депе удалось выделить ранний этап развития рассматриваемого керамического комплекса, отсутствующий на Яз-Депе, в котором еще весьма сильны традиции поздней бронзы: довольно многочисленна красноангобированная керамика, встречаются грубые вазообразные сосуды. Вместе с тем расписная керамика крайне редка (Марущенко, 1959, стр. 64).

Проблема происхождения

С точки зрения археолога, привыкшего устанавливать линию генетического развития преимущественно на керамическом материале, весь комплекс Яз-Депе I выглядит как-то странно и неожиданно на фоне предшествующего развития. Перед нами

как бы возврат к более древним традициям: возрождение лепной техники и красочной росписи посуды.

В свое время еще Г. Шмидт называл соответствующие слои на северном холме Анау «эпохой варварской оккупации» (Rimpelly, 1908). В настоящее время ряд советских археологов склонен связывать сложение «огрубленного» комплекса типа Яз-Депе I с продвижением в подгорную полосу и в дельту Мургаба племен степной бронзы (Ганялин, 1956в, стр. 86; Марущенко, 1956, стр. 3; Толстов и Итина, 1960, стр. 33—34). Трудность решения этого вопроса заключается в том, что племенам степной бронзы ни в коей мере не свойственна керамика, известная как посуда типа Яз-Депе I. Было высказано предположение, что расписные треугольники на яз-депинской керамике — это подражание резной орнаментации посуды степной бронзы (В. Массон, 1956д, стр. 313). Возможно, действительно имели место инфильтрация племен степной бронзы и включение их в состав оседлого населения, но для окончательного решения этого вопроса потребуются дополнительные исследования и прежде всего получение антропологического материала. Вместе с тем необходимо решительно подчеркнуть, что по основным своим культурным и хозяйственным признакам время Яз-Депе I — это период дальнейшего развития оседлых земледельческо-скотоводческих общин юго-запада Средней Азии.

Вопрос о бактрийских комплексах типа Яз-Депе I

В свое время, когда в Маргиане был открыт комплекс Яз-Депе I, было высказано предположение, что аналогичная или весьма близкая культура существовала и в Бактрии, очень тесно связанной с Маргианой в середине I тыс. до н. э. (В. Массон, 1959а, стр. 128). В настоящее время на этот счет имеются более определенные свидетельства.

Так, на поселении Мундигак в Южном Афганистане в слое 6, относящемся скорее всего к концу II—началу I тыс. до н. э., была найдена расписная керамика ручной лепки, почти идентичная яз-депинским образцам (Casal, 1961, v. II, fig. 122, 653, 654). Правда, эта глиняная посуда составляет лишь одну из групп местного керамического комплекса, но ее наличие так далеко на юге подкрепляет уверенность в распространении сходной культуры в Арее (Гератский оазис) и в Бактрии (юг Узбекистана и Таджикистана, Северный Афганистан).

В 1962—1964 гг. ташкентскому археологу Л. И. Альбауму удалось обнаружить близкий по времени памятник к северу от Термеза на территории Северной Бактрии (Альбаум, 1965). На небольшом холме Кучук-Теппе были открыты остатки овального в плане строения, окруженного стеной из сырцового кирпича. Среди обнаруженной здесь керамики имеется группа посуды

ручной лепки с красноватой росписью по светлому фону, близкая керамике Яз-Депе I. Яз-депинские образцы напоминают также бронзовый нож и бронзовые наконечники стрел. Здесь найдены так называемые каменные серпы, аналогичные чустским. Значительный процент среди посуды занимает керамика, сделанная с помощью гончарного круга, составляющая в нижних слоях около половины всех находок. Следует полагать, что истоки оседлоземледельческих комплексов Бактрии восходят по крайней мере к поре поздней бронзы. Хотя Кучук-Тепе представляет собой небольшое поселение или даже скорее отдельно стоящий дом, но в дальнейшем возможно открытие и более крупных центров. Во всяком случае обнаружение на этой территории памятника яз-депинского типа позволяет с большей уверенностью распространить на Бактрию явления, устанавливаемые на археологическом материале для более западных областей.

Гиркания, Парфия, Маргиана и Бактрия в первой трети I тыс. до н. э.

Несмотря на различное происхождение культуры архаического Дахистана и комплексов типа Яз-Депе I, в районах обеих культур наблюдается ряд черт, свидетельствующих об общих закономерностях в развитии хозяйства и общества. Археологические материалы позволяют говорить по крайней мере о трех таких чертах — появлении железа, проведении больших каналов и наличии на крупных поселениях центральных укреплений или цитаделей.

Железные предметы широко распространяются в Ассирии в X—VIII вв. до н. э. В Иране железные предметы появляются во второй половине II тыс. до н. э. и широко распространяются также в первой трети I тыс. до н. э. В Афганистане железо отмечено в упоминавшемся выше Мундигаке. В Средней Азии железные предметы, видимо, распространяются с этого же времени, насколько можно судить по находке обломков железных серпов на южном холме Анау. Правда, другие орудия, например иглы, в это время по-прежнему делались из бронзы. Тем не менее употребление железа для изготовления хотя бы основных орудий труда (серпы, лопаты, топоры) несомненно способствовало значительному повышению производительности труда.

Создание значительных ирригационных систем также было большим шагом в развитии производительных сил. На просторах аллювиальных равнин Мисриана и нижнего Мургаба, так же как и в Шумере IV—III тыс. до н. э., на определенном этапе развития дальнейший прогресс в области производства стал невозможен без перехода к созданию крупных оросительных систем. В дельте Мургаба в пору поздней бронзы древние земледельцы, видимо, довольствовались освоением одного из протоков мургабской

дельты. В начале I тыс. до н. э. здесь уже складываются два новых крупных оазиса, само возникновение которых стало возможно лишь в результате выведения из главного русла Мургаба двух крупных магистральных каналов длиной в несколько десятков километров. Аналогичное явление наблюдается и на другом конце Туркмении — на Мисрианской равнине, где выведенный из Атрека канал, орошавший оазисы архаического Дахистана, имел в длину около 50—60 км. За время существования культуры архаического Дахистана была проведена даже частичная перепланировка оросительной сети.

Цитадели и центральные укрепления также являются новым явлением в истории рассматриваемых областей. Оплывшие бугры яз-депинского поселения мало бы чем отличались от Намазга-Депе эпохи бронзы, если бы их организующим центром не являлась цитадель на высокой платформе. Возведение платформы площадью в 1 га и высотой до 8 м требовало огромной затраты организованного труда. Монументальная постройка на платформе, скорее всего являющаяся дворцом, разительно отличается от небольших построек на самом поселении. Цитадель на платформе мы находим и на Елькен-Депе в Парфии, и на гирканских поселениях. Если применение железа и появление крупных каналов свидетельствовали об изменениях, происходящих в области производительных сил, то наличие цитаделей указывает на развитие социальной дифференциации в обществе, поляризацию в нем имущественно неравных сил.

Сложение раннеклассового общества

Таким образом, перед нами яркое свидетельство происходящего процесса разложения первобытнообщинного строя. Начало этого процесса уходит еще в эпоху бронзового века и, как мы видели, уже для времени Намазга V можно предполагать довольно сложную структуру общественного устройства. Вполне вероятно, что упадок, отмечаемый для времени поздней бронзы, отрицательно сказался и на темпах общественного развития. Нечто подобное можно наблюдать для Северо-Западной Индии, где после упадка городской цивилизации Хараппы наступает несомненный регресс в сфере общественных отношений. Аналогичное явление отмечается и в Греции после падения крито-микенского общества.

Вместе с тем археологические данные свидетельствуют, что в первой трети I тыс. до н. э. имел место определенный перелом в развитии общественных отношений в оседлых оазисах по крайней мере на юге Средней Азии. Это подтверждает и такой памятник среднеазиатских племен, как Авеста, содержащий сведения о том, что IX—VII вв. до н. э. были временем сложения раннеклассового общества (История таджикского народа, 1963, стр. 139—150). В Авесте рассказывается о наличии нескольких категорий рабов,

об употреблении железа, о проведении каналов. В числе общественно-территориальных делений Авеста называется дахью (страна, область), во главе которой стоят правители (дахьютати). Это племенные вожди, все более превращавшиеся в независимых царьков. При дворе одного из них — Вишпаспы — произносил свои проповеди основатель новой религии — Зороастр. Скорее всего подобными областями, объединявшими целый ряд поселений, и были древнемаргианские оазисы, описанные выше, а яз-депинская цитадель являлась резиденцией маргианского дахьютати. В Авесте уже фигурируют и Парфия, и Маргиана, и Гиркания, но трудно судить, имеются ли при этом в виду страны как этнические общности или как политические объединения. Терминология, применяемая в Авесте, позволяет предполагать, что иногда складывались и более крупные объединения. Так, в Михр Яште упоминается владыка областей (дахьютат всех дахью) и «совет первейших», возможно представлявший собой совет вождей, вошедших в состав этого объединения (Gershevitch, 1959, р. 83, 295—299; История таджикского народа, 1963, стр. 148). Вполне вероятно, что временное возвышение какого-либо владетеля, сумевшего подчинить своей власти соседей, приводило к созданию таких объединений. Недаром сохранились полуполюгендарные сведения о существовании крупного политического объединения в Бактрии (В. Массон, 1959а, стр. 127—132). Однако едва ли эти объединения были сколько-нибудь прочными. В нашем распоряжении нет данных, позволяющих говорить о наличии в Средней Азии в IX—VI вв. до н. э. крупных государств с централизованной властью.

Глава 3.

Чустская культура в Ферганской долине

В Фергане в конце II—начале I тыс. до н. э. сложилась своеобразная земледельческая культура, называемая по первому хорошо изученному поселению чустской. Для этой культуры характерно наличие своеобразной расписной посуды (геометрические узоры наносились черной краской по красному фону), развитой металлургии бронзы и разнообразного каменного инвентаря вспомогательного назначения. Чустская культура представляет наиболее ранний известный нам сейчас этап развития земледельческой культуры в Фергане. Памятники ее распространены в северной и восточной частях долины.

Изучение чустской культуры еще находится в начальной стадии. Полностью раскопан только один небольшой памятник в Чимбае, представляющий собой остатки отдельного дома-усадыбы. Систематически раскапывались лишь Чустское и Дальверзинское поселения. Поэтому вполне понятна необходимость продолжения раскопок поселений, которые смогут дать большой вещественный материал, необходимый для характеристики культуры в целом.

Распространение памятников и хронология

В настоящее время известно более 30 поселений и мест отдельных находок чустской керамики. Имеющиеся в нашем распоряжении материалы позволяют наметить примерные границы распространения этой культуры: на северо-западе — Чуст—Кара-Курган и на юго-востоке — Маняк—Чимбай. Крайние памятники располагаются на расстоянии более 200 км друг от друга. Ареал памятников и само количество их дает основание говорить о широком распространении этой культуры в Фергане. Однако нельзя думать, что вся указанная обширная территория была полностью заселена. Памятники чустской культуры расположены группами на значительном расстоянии друг от друга.

Чустская группа в Северной Фергане — Чуст в долине р. Гавы (Воронец, 1951, 1954; Спришевский, 1954, 1956, 1957а, 1957б,

1958а—1958в, 1960, 1963), Кара-Курган в долине р. Коксарек-Сай (Чуланов, 1963). Несколько памятников выявлено в долине р. Кассан-Сай — Тюря-Курган, Тергаучи I и II (Чуланов, 1963), Гур-Мирон (Бернштам, 1954) и Яз-Депе (Чуланов, 1963).

Большой интерес представляют памятники дальверзинской группы в Восточной Фергане — Дальверзин, Ашкал-Тепе и Ах-шар на левобережье р. Кара-Дарьи (Заднепровский, 1962а), находки керамики в Гайрат-Тепе (Козенкова, 1959).

Наибольшее количество поселений сконцентрировано в Узгенском оазисе — таковы Дехкан, Чимбай, Каракочкор I и II, поселения 33 и 82 на правобережье р. Кара-Дарьи к юго-востоку от Узгена, Кашка-Терекское и Кызыл-Октябрьское (Заднепровский, 1962а). Отдельные находки отмечены также в Узгене и Дунбулаке (Заднепровский, 1960).

В самостоятельную группу можно выделить памятники, расположенные в Юго-Восточной Фергане — поселения Шор-Тепе и Заргулдак-Тепе (Козенкова, 1959), Маняк (Заднепровский, 1962а) и находки керамики на Шалтак-Тепе (Заднепровский, 1959а).

Вне этих групп располагаются поселение Чакан на левом берегу р. Кара-Дарьи к западу от Андижана (Оболдуева, 1951) и поселение Акбарабад к западу от Кувы в песках Каракалпакской степи (Конопля, 1959; Заднепровский, 1962а). К этому следует добавить находки чустской керамики на городище Эйлатан (Оболдуева, 1962).

Большинство известных ныне памятников (17 поселений из 22 и 5 пунктов находок керамики) сосредоточено в восточной части Ферганы, что свидетельствует, по всей вероятности, о значительном развитии земледельческой культуры именно в этой части долины вследствие наличия особо благоприятных природных условий.

Поселения чустских племен располагаются в основном в равнинной части долины, но ряд памятников выявлен в предгорной зоне — поселения в Узгенском оазисе, на хребте Маняк в районе г. Ош и Кара-Курган в Северной Фергане. Одно поселение — Акбарабад — находится на окраине песков Центральной Ферганы. Таким образом, в отличие от неолитических стоянок, которые встречены только в песках Центральной Ферганы, земледельческие поселения чустских племен располагаются в различных ландшафтах — степном, полупустынном и пустынном.

Время чустской культуры можно установить путем сопоставления ее материалов с опорной для Средней Азии стратиграфической шкалой Южной Туркмении. Определенное сходство наблюдается с комплексами «варварской оккупации» (Анау IVA), причем наибольшее сходство памятники чустской культуры имеют с комплексом Елькен-Депе II (Марущенко, 1959). Совпадают почти все основные формы посуды. Характерно применение матерчатого

шаблона в производстве посуды. Соответствие наблюдается и в мотивах расписного орнамента, который отличается только по цветовой гамме. Известное сходство можно отметить между памятниками Ферганы и комплексом Яз-Депе I (Массон, 1959а). Форма бронзовых изделий — трехдырчатые псалии, круглые зеркала с ручкой, двуперые наконечники стрел — имеет ближайшие аналогии в материалах некрополя В Сялка (Ghirshman, 1939). Все это позволяет датировать основной период существования чустской культуры концом II—началом I тыс. до н. э. По данным радиоуглеродного анализа, время второго периода Дальверзинского поселения 760 ± 120 лет до н. э., а время первого периода 1090 ± 120 лет до н. э. Дата Чустского поселения 280 ± 75 лет до н. э. Нижняя граница чустской культуры нам пока неизвестна, поскольку отсутствуют памятники предшествующего периода. До сих пор между чустскими памятниками и неолитическим комплексом имеется большой разрыв. Верхний предел чустской культуры ограничен начальным этапом эйлатанской культуры (VII—IV вв. до н. э.) эпохи раннего железа.

Типы поселений

Поселения чустской культуры по размерам занимаемой площади могут быть разделены на большие (площадь более 10 га — Дальверзин, Ашкал-Тепе) и малые (площадь до 1 га). Промежуточное положение занимают такие поселения, как Чустское (4 га) и Дехканское (около 5 га).

Наиболее хорошо изучено Чустское поселение (Воронец, 1951, 1954; Спришевский, 1954, 1957а, 1957б, 1958а—1958в, 1960, 1963). Оно располагается на холме (размером 210×200 м) в пойме р. Гавы, к северу от г. Чуст.

Культурный слой толщиной от 40 см до 3.5 м разделяется на 7 прослоек. На обширной вскрытой площади поселения обнаружено всего лишь два помещения с глинобитными стенами, а также остатки легких наземных построек наподобие шалашей. Почти в центре поселения располагается овальное глинобитное сооружение (размером 2×2.7 м), служившее, вероятно, обжигательной керамической печью или культовой постройкой (Спришевский, 1958в).

На вскрытых участках обнаружены многочисленные круглые ямы. Они предназначались для хранения зерна и других продуктов.

Чустское поселение было укрепленным. Оборонительная стена толщиной в 3 м и высотой до 3.5 м сложена из сырцового кирпича (размером $54-55 \times 32-33 \times 8-10$ см). Основание ее лежит на культурном слое, находки в котором не отличались от вышележащих слоев.

Одним из наиболее крупных поселений является Дальверзинское. Оно расположено восточнее селения Аим, на левом берегу р. Кара-Дарьи, приблизительно в 5 км от нее (Заднепровский,

19576, 1960, 1961, 1962а, 19626). Площадь поселения около 25 га. В культурных напластованиях выделено три строительных горизонта, причем толщина культурного слоя колеблется от 1.6 до 3—4 м.

В центре поселения культурный слой подстилается двухметровым слоем лёссовидного суглинка, что позволяет говорить о существовании здесь небольшого лёссового холма на галечном останце, на поверхности и вокруг которого и обосновались первые поселенцы.

В пределах вскрытой площади во всех трех горизонтах обнаружены остатки нескольких помещений из сырцового кирпича. Так же как и для Чуста, характерно обилие хозяйственных ям, имеющих во всех горизонтах, но основная масса которых встречена в среднем и нижнем. Выявлено несколько типов очагов: в виде скопления гальки и обожженных вальков и в виде прямоугольной площадки с глинобитными стенками.

Дальверзинское поселение было окружено оборонительной стеной, по всей вероятности, со всех сторон. В настоящее время остатки стен изучены на северном, восточном и юго-восточном краях поселения.

Стены Дальверзина дошли до нас в виде земляных валов шириной 18—20 м и высотой над окружающей местностью 2.8—3.6 м. Первоначально поселение, по-видимому, не имело стен. Затем на отложившемся (нижнем) культурном слое была построена глинобитная платформа. На нее был положен слой утрамбованной черной земли толщиной в 1.2 м. Сверху этот слой перекрыт кладкой толщиной в 60 см из нескольких рядов сырцовых кирпичей (размером от $30 \times 30 \times 10$ до $50 \times 70 \times 10$ см), лежавших без определенного порядка на толстом слое раствора. В последующее время стена была расширена за счет пристройки с внутренней стороны, в результате чего толщина ее достигла 4—6 м. Высота сохранившегося участка стены 2.5 м, а первоначальная высота ее, по всей вероятности, достигала 5—6 м. В одном месте в стену врезано помещение К нему с внутренней стороны поселения подходит каменная выкладка мостовой дороги или улицы длиной более 30 м и шириной до 4 м. С восточной стороны поселения на расстоянии 200 м от первой стены проходит вторая оборонительная стена, сходная по устройству с первой. Особая забота об укреплении восточного края поселения, вероятно, объясняется тем, что здесь находился основной въезд на поселение. Возможно, что сооружение второй стены связано с изменением площади древнего поселка, так как обширный участок между стенами также был заселен. Судя по рельефу местности, вторая стена была возведена только с восточной стороны.

На Чустском поселении в отличие от Дальверзина стена окружает не все поселение, а только северо-западную часть его и имеет форму дуги. На других поселениях чустской культуры укрепления пока не обнаружены.

К числу мелких поселений относится Чимбайское (в 10 км к юго-востоку от Узгена на краю древней излучины Кара-Дарьи), площадью до 500 м², раскопанное полностью (Заднепровский, 1962а). Оно занимает небольшой овальный холм (размером 30 × 10—25 м) высотой 8 м. Толщина культурного слоя достигает 1 м. Строительные остатки полностью разрушены, но все же можно было проследить остатки стены в один ряд сырцовых кирпичей и очагов. В полу имелось 16 хозяйственных ям. Судя по размерам, Чимбай представлял собой поселок небольшой семейной общины, скорее всего дом-усадьбу, а не поселение. Никаких следов укреплений на нем не оказалось.

В Кара-Дарьинском оазисе исследовано всего 5 небольших поселений чустской культуры. Они располагаются на краю древней береговой террасы Кара-Дарьи на расстоянии 1—3 км друг от друга. Отличаются они также небольшими размерами: площадь поселения Каракочкор I — 200 м², Каракочкор II — около 700 м², поселения 33 — 1040—1400 м², поселения 82 — около 2000 м² (Заднепровский, 1964).

Особым типом поселений являются поселки, расположенные на скальных хребтах, например в седловине невысокой гряды Маняк к северо-западу от г. Ош. Хотя культурные наслоения достигают 60—80 см, здесь, по всей вероятности, никаких постоянных жилых построек не было и оно служило местом сезонного пребывания. Другое аналогичное поселение находится в селении Кара-Курган в долине Коксарек-Сая в Северной Фергане.

На некоторых многослойных поселениях, как например на Кызыл-Октябрьском городище, выявлены культурные напластования, принадлежащие к кругу чустской культуры. На других многослойных памятниках — Узген, Дунбулак, Гайрат-Тепе — обнаружены отдельные находки чустской керамики. Она встречена также возле андроновского поселения в Кайрак-Кумской степи (Литвинский, Окладников и Ранов, 1962) и в могильнике Таш-Курган в Южной Фергане, вместе с керамикой андроновского типа.

Проблема жилищ

Жилища поселений чустской культуры недостаточно изучены, и поэтому в нашем распоряжении мало материалов для их характеристики. Скорее всего основным типом жилищ служили глинобитные или из сырцового кирпича наземные дома. Остатки их выявлены уже на трех поселениях. В нижнем горизонте Дальверзина открыта часть узкой комнаты, стены которой сложены из кирпича, сформованного из зеленой болотной глины (размером 50 × ? × 8; 33 × ? × 9; 25 × ? × 7 см). Аналогичное строение отмечено в среднем горизонте, а в верхнем горизонте раскрыто помещение размером 9 × 7 м. Еще одно помещение (6 × 3 м) выявлено в оборонительной стене. Несколько узких комнат с глинобитными стенами

раскопано на Чустском поселении (размеры комнат 1.5×3.0 и $1-2.2 \times 4$ м) (Спришевский, 1960). В верхнем горизонте выявлено крупное помещение, по своим размерам сходное с помещением верхнего горизонта Дальверзина.

Остатки трех комнат изучены также на Ашкал-Тепе. Все эти факты не оставляют сомнения в существовании наземных домов в этот период. Однако вызывает удивление малочисленность выявленных построек по сравнению с размерами изученной площади поселений.

В Чусте отмечено наличие легких построек наподобие шалашей, от которых сохранились ровики и круглые углубления для стоек. Следует, однако, иметь в виду, что в условиях континентального климата Ферганы такие постройки не могли служить основным типом жилищ и не могли заменить наземные дома.

Погребальный обряд

Жители древних поселков хоронили умерших сородичей, вероятно, главным образом в пределах самого поселка на пустырях и на месте разрушенных построек. Особенности погребального обряда установлены для нескольких захоронений в Дальверзине и Чусте. Умершие лежат, как правило, в скорченном положении на правом или левом боку. Ориентация погребенных разнообразна: на северо-восток, юго-запад, восток-юго-восток, запад. В скорченном положении погребены как дети, так и взрослые. На обоих поселениях встречены также единичные захоронения в вытянутом положении на спине. Никаких вещей возле костяков не найдено. Только в голове одного погребенного находилась расписная чаша.

Особо выделяется захоронение подростка в верхнем горизонте Дальверзина, лежащего на спине в вытянутом положении. На черепе его имеются два круглых, пробитых каким-то орудием отверстия — свидетельство насильственной смерти. Положение умершего на спине и западная ориентация его сближает погребение с более поздними захоронениями в могильниках актамовской группы середины I тыс. до н. э.

Наряду с целыми захоронениями в Чусте и Дальверзине в большом количестве встречены разрозненные человеческие кости и черепа. Очень часто эти кости находят в хозяйственных ямах вместе с костями животных и отбросами. Некоторые из них имеют следы пребывания в огне. На обоих поселениях обнаружены скопления одних черепов по несколько штук в каждом, что можно рассматривать как проявление обычая «охоты за черепами», сохранившегося, очевидно, среди чустских племен Ферганы. Только на Чустском поселении отмечен обычай захоронения в небольших сосудах-корчагах.

Орудия и оружие

Для чустских племен важное значение имело развитие бронзолитейного производства. В Чусте и Дальверзине найдены формы для отливки одинаковых плоских круглых зеркал с небольшой рукоятью, причем на одной стороне формы вырезано углубление для изготовления зеркала большого размера, а на другой — для отливки небольших зеркал. На одной литейной форме из Чуста вырезаны углубления для отливки одновременно двух серпов. Древние мастера весьма экономно использовали поверхность каждой литейной формы, поскольку камень-песчаник, из которого они вырезаны, составлял, видимо, большую редкость.

Все процессы вторичной обработки металла производились в пределах поселения. Плавка осуществлялась в обычных сосудах. Преобладают изделия, изготовленные путем литья, но имеются также кованные изделия. Большинство металлических предметов, судя по спектральному анализу, изготовлено из бронзы. Среди них выделяется группа оловянистых бронзовых изделий с содержанием 3—7% олова и группа мышьяковистой бронзы с примесью более 5% мышьяка и включением небольшого количества олова. По химическому составу сплавов изделия чустской культуры отличаются от изделий соседних областей Средней Азии, что объясняется главным образом характером использованной местной руды (Богданова-Березовская, 1962). Набор бронзовых изделий чустской культуры довольно разнообразен и включает орудия труда [серпы, долота, ножи, шилья (рис. 45, 6), иглы и др.], предметы вооружения (наконечники стрел и копий) и конской упряжи (удила и псалии), предметы украшения и туалета (зеркала, браслеты, кольца, бусы и др.).

Типичными для чустской культуры формами являются своеобразные ножи с узкой рукоятью, составляющие одно целое с клинком и заканчивающиеся круглым навершием (рис. 45, 1, 2), серпы со слабо изогнутым лезвием, закругленным обушком и отверстием (рис. 45, 7), разного размера двухперые наконечники стрел с черешком, наконечники копий двух разновидностей — листовидные с центральным ребром и со втулкой, на которой имелось отверстие для закрепления на древке, и листовидные с прорезами (находка на Заргулдак-Тепе), двусоставные удила из стержня с кольцами на концах (кольцо располагалось перпендикулярно плоскости удила), псалии в виде длинного стержня с тремя отверстиями в одной плоскости на небольшом расстоянии друг от друга, верхний конец которых заканчивается кнопковидной шишкой.

Всего на Дальверзине найдено около 60 металлических предметов, а в Чусте — около 80.

Наряду с широким развитием металлургии бронзы в это время появляются первые свидетельства знакомства населения Ферганы

с железом. Из Дальверзина происходит обломок железного ножа с узким клинком и выделенной рукоятью. О распространении на поселении железа говорят находки шлака железной руды.

Каменные орудия и изделия широко использовались чустскими племенами. Находки их весьма многочисленны на всех поселениях. Так, например, на Дальверзине добыто около 1500 каменных орудий и поделок. Чаще всего встречаются каменные шаровидные отбойники, представленные в коллекциях Чуста и Дальверзина сотнями экземпляров.

Каменные орудия и поделки находили разностороннее применение в хозяйстве и быту населения. Но в основном они имели вспомогательный характер. Для обработки почвы использовали массивные мотыги трапецевидной формы со слегка выделенной рукоятью. Типичным для чустской культуры орудием являются серповидные ножи, насчитывающие в материалах из Дальверзина около 400 экземпляров (рис. 45, 8, 9). Они производились на месте, о чем говорит наличие их многочисленных заготовок, находящихся на разных стадиях изготовления. Ножи имеют слегка изогнутую форму, с прямым обушком и массивным рабочим краем. Средние размеры их $15 \times 4.2 \times 0.8$ см. Они несколько различаются по своей форме, степени изогнутости лезвия и размерам. Подобные орудия недавно были найдены на поселении Кучук-Тепе на юге Узбекистана.

На изученных поселениях часто встречаются каменные наверхия булавы. Они найдены даже на небольших поселениях — в Чимбае и Тергаучи. Наверхия обычно конической формы, изготовлены из мраморовидного камня белого (Дальверзин) или черного цвета (Чуст), тщательно отшлифованы. В Чусте найдено также наверхие иной формы, с шишковидными выступами.

Из Дальверзина происходит предмет в форме печати. Имеется обломок гальки с выделенным острием, со следами кругового вращения у основания острия. Это орудие, очевидно, употреблялось в качестве сверла. Уникален предмет в форме ворота, изготовленный из темного камня и прекрасно отшлифованный. Имеется обломок каменной полированной чаши.

Широко использовали древние земледельцы гальки и камни в качестве различных терок, ударных орудий и т. д. Многочисленны на всех поселениях находки каменных зернотерок нескольких разновидностей и, как правило, больших размеров. Однако назначение и характер употребления ряда каменных изделий остаются неясными.

Следует добавить, что из камня (песчаника) вырезали литейные формы, а также изготавливали украшения (бусы).

Изделия из кости составляли важную часть производственного инвентаря. Набор костяных орудий и поделок разнообразен — это костяные гребни и челнок для ткацкого производства, проколки-шилья, роговые трехдырчатые псалии, наконечники

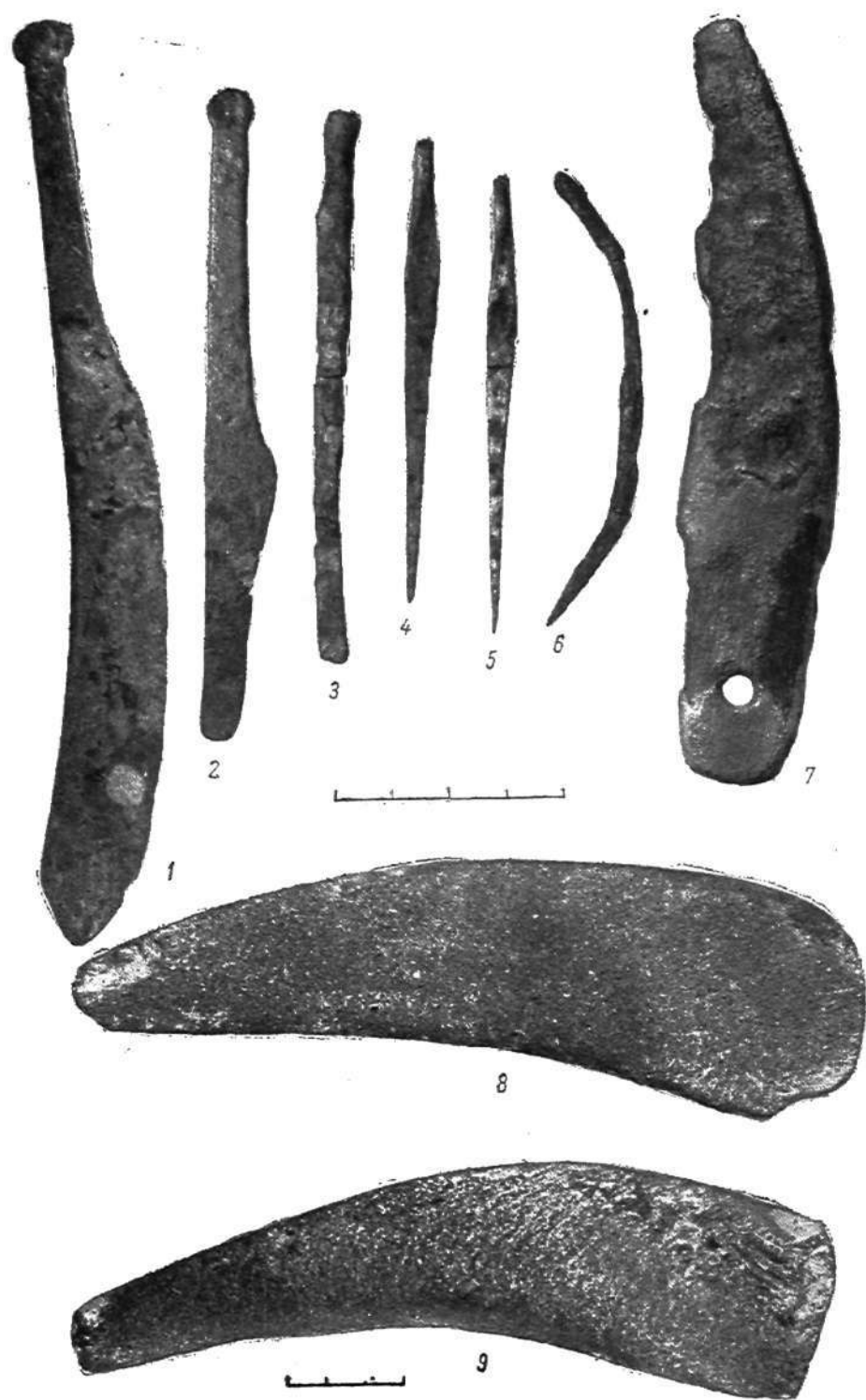

Рис. 45. Дальверзин. Бронзовые (1—7) и каменные (8, 9) изделия.

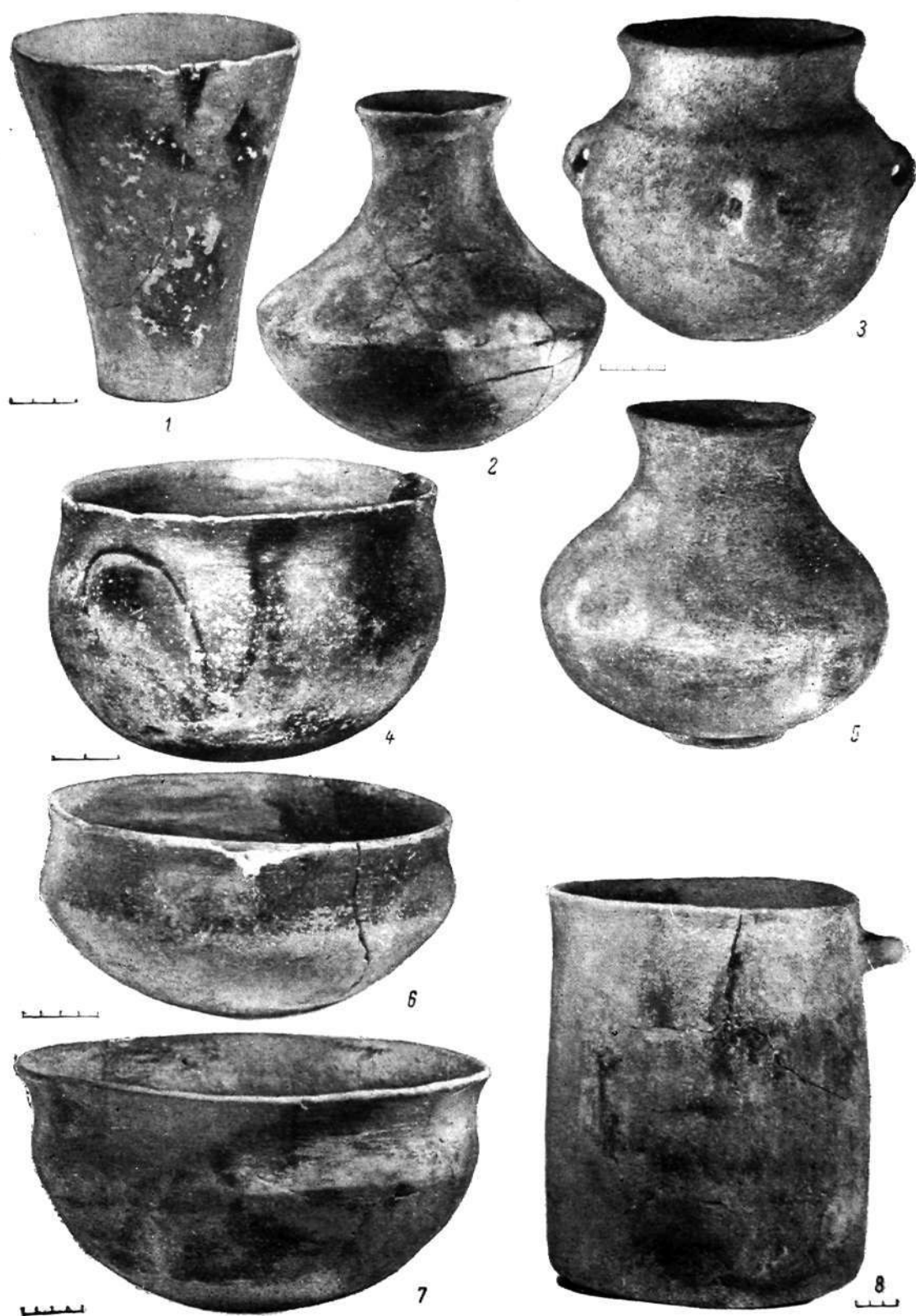

Рис. 46. Дальверзин. Глиняная посуда (1—8).

стрел, орудия из метаподия лошади (так называемые коньки), трубки и рукояти, кружки из эпифизов костей, костяные пряслица и др. На всех поселениях в большом количестве встречены астрагалы со срезанными и зашлифованными поверхностями. Некоторые из них имеют отверстия, которые залиты бронзой. Имеются астрагалы с нарезками и вырезанными знаками. Найдены зубы животных с просверленным отверстием для шнура, которые использовались в качестве амулетов или украшений, часто встречаются раковины каури, служившие украшением.

Керамика

Целые сосуды и обломки их, найденные на поселениях чувской культуры в разных частях Ферганы, отличаются большим разнообразием.

Вся посуда изготовлялась вручную, так как в Фергане гончарный круг в это время не был еще известен. Однако в Чусте и Дальверзине имеется несколько фрагментов сосудов, изготовленных на гончарном круге, происхождение которых остается неясным. Необычна находка венчика сероглиняного сосуда, украшенного по плечикам зигзагообразным узором, нанесенным веревочным штампом. По всем признакам он выделяется из комплекса чувской керамики, но отличается также и от андроновской керамики. Происхождение его пока невозможно установить.

Основную массу находок составляет керамика двух типов — с красной облицовкой (73%) и кухонная сероглиняная (18%). Все остальные типы представлены небольшим количеством фрагментов, в том числе находки расписной посуды (1.2%).

Керамика с красной облицовкой изготовлена из плохо промытой массы с примесью дресвы, обжиг недостаточный. Сосуды снаружи покрыты красной краской, на которой разбросаны пятна разного цвета, от светло-коричневого до черного. Посуда формовалась ленточным способом и на матерчатом шаблоне. Можно выделить ведущие формы посуды этого типа — круглодонные кувшины (рис. 46, 5), плоскодонные горшки конической формы (рис. 46, 1), миски с перегибом бортика (рис. 46, 6, 7), чаши полушарической формы и с плоским дном (рис. 46, 4). Весьма характерны чаши и миски с носиком-сливом.

Расписная посуда является одним из выразительных признаков чувской культуры в целом (табл. X). По составу глины и способу изготовления она мало отличается от посуды первого типа, но, как правило, у нее лучшее качество и более яркая и прочная облицовка. Роспись наносилась черной краской и занимала главным образом верхнюю часть сосуда. В орнаменте преобладают геометрические узоры и отсутствуют криволинейные и зооморфные мотивы. Единственным экземпляром представлена чаша с силуэтным изображением фигурки человека. Основные мотивы

узора — треугольник, клиновидный треугольник, ромб, лента и отдельные линии. В орнаменте преобладают геометрические узоры с сетчатым заполнением и со сплошной заливкой. Большинство узоров находит прямые аналогии в расписной посуде эпохи неолита и энеолита Переднего Востока. Вместе с тем в орнаменте наблюдается и сходство с карасукской посудой.

Для чустской керамики характерно украшение закраины сосуда с внутренней стороны косыми линиями и клиньями.

Наряду с преобладанием черной росписи на Чустском поселении обнаружены образцы с узором коричневой краской по светлой облицовке. Имеется также несколько фрагментов с потеками буро-коричневой краски. На Ашкал-Тепе найдена чаша, украшенная зигзагообразным узором лилового цвета, приближающаяся по цвету к росписи посуды Актамского могильника.

По количеству находок второе место в комплексе занимает сероглиняная посуда. Она изготовлена из глины с примесью известняка ленточным способом и на матерчатом шаблоне. Характерные формы — большие шаровидные котлы, кувшины, жаровни.

Для сравнительного изучения представляет также интерес черно- и серолащенная посуда. Она обнаружена пока только на Дальверзине и Чимбае и резко выделяется среди всего комплекса по составу глины, цвету и характеру обработки поверхности. Посуда отличается серым или черноватым цветом поверхности и полосчатым лощением. Известны следующие формы посуды — кувшин с отогнутым венчиком, конусовидный бокал, плоскодонная чаша с перегибом бортика, миска.

Для чустской керамики характерны сосуды с ручками и носиками, представленные пока немногочисленными образцами. Своеобразны ручки в виде прямоугольных вертикальных наклепов с вертикальным отверстием для шнура и плоские горизонтальные ручки, прилегающие к горловине сосуда. Имеются также обычные петлевидные ручки. Крышки имеют дисковидную форму, иногда снабжены ручками.

К числу керамических изделий относятся прясла чечевицеобразной и биконической формы, а также разнообразные грузики-кружки, вырезанные из обломков посуды, с отверстием в центре. На поверхности некоторых заготовок грузиков имеются прорезные узоры.

Хозяйство

Для чустской культуры характерно сложившееся земледельческо-скотоводческое хозяйство. Время возникновения земледелия в Ферганской долине пока еще не установлено. Но можно полагать, что оно зародилось в дочустский период, так как в чустский период уже отмечается широкое освоение земледельцами этой долины. Количество поселений, большие размеры некоторых из них, а также значительные толщи культурных отложений и об-

щий высокий уровень материальной культуры дают право говорить о значительном развитии земледелия. Косвенные данные позволяют предполагать использование начальных форм искусственного орошения.

Древние земледельцы возделывали мягкую пшеницу, пленчатый ячмень, а также просовидное растение типа могара. Семена этих культур обнаружены в Чусте (Худайбердыев, 1962; Спришевский, 1963). Разведение проса является особенностью древнеземледельческой культуры Ферганы.

Для хранения зерна и других продуктов сельского хозяйства предназначались многочисленные хозяйственные ямы, обнаруженные на ряде поселений. В среднем каждая такая яма могла вмещать от 2 до 10 ц, а большие ямы — до 20 и более центнеров зерна. Эти подсчеты позволяют предполагать, что чустские племена были хорошо обеспечены зерном и, видимо, имели даже излишки для обмена. Обычай хранения зерна в ямах пока установлен только для Ферганы и не был распространен в эпоху бронзы у земледельцев юга Туркмении и Хорезма.

Набор известных нам земледельческих орудий очень ограничен. Для рыхления и обработки земли применяли массивные каменные мотыги. С земледелием связаны каменные серповидные ножи, имевшие различное назначение и употреблявшиеся в качестве и серпов, и ножей. Наряду с каменными серповидными орудиями употребляли в это время также бронзовые серпы. По форме и размерам они близки подобным орудиям из Чуйской долины и Восточного Казахстана (Черников, 1960), но отличаются от синхронных орудий комплекса некрополя В Сялка (Ghirshman, 1939). Из других предметов труда, применявшихся при обработке продуктов земледелия, в большом количестве встречаются ручные зернотерки.

Значительную роль в хозяйстве чустских племен играло пастушеское скотоводство, тесно связанное с земледелием. Кости животных, добытые в Чусте и Дальверзине, дают некоторое представление о видовом составе стада (Спришевский, 1958в; Заднепровский, 1962а). В это время разводили все виды домашних животных: коров, коз, овец, лошадей, ослов, а также верблюдов и, возможно, свиней. Кости крупного рогатого скота и лошадей составляли в среднем 40% всех сборов костей, и, очевидно, разведение именно этих видов животных было ведущим в скотоводстве.

Костей диких животных найдено немного. Объектами охоты были представители степной и полупустынной фауны — сайгак, кулан и особенно джейран, 13 особей которого определено в материалах из Чуста. Найдены кости кабана и благородного оленя.

Население занималось, кроме того, рыболовством, об этом говорят находки костей рыб в Чусте и Дальверзине, а также находки рыболовных крючков.

Широкое развитие получило бронзолитейное производство, хорошей базой для которого были рудные богатства гор Ферганы.

Важным занятием населения было изготовление пряжи и тканей. Источником для изучения ткачества служат орудия ткацкого производства — костяные гребни для подбивания утка, челнок, прясла от веретен, а также отпечатки тканей на сосудах. На основании последних установлено, что наибольшее распространение имели ткани полотняного и репсового переплетения. Ткани саржевого переплетения встречаются редко. Сырьем служила шерсть, а также лубяные культуры. Ткани изготовлялись, вероятно, на вертикальном станке (Коробкова, 1962). Население занималось также обработкой камня, кости и рога. Большое место в хозяйственной деятельности занимало гончарное производство. Значительное развитие получило строительное дело, о чем свидетельствуют оборонительные стены, окружавшие поселения.

Фергана в чустский период

Таким образом, на рубеже II—I тыс. до н. э. Фергана представляла собой крупный очаг древнеземледельческой культуры расписной керамики. Он не был изолирован. Археологические материалы позволяют наметить историко-культурные связи Ферганы с юго-западными областями Средней Азии и Ирана. Сходство чустской культуры с комплексами периода Анау IVA юга Туркмении, с нашей точки зрения, отражает определенные культурные связи населения этих областей.

Специфической особенностью истории Ферганы эпохи поздней бронзы является сосуществование земледельческих племен чустской культуры с пастушеско-земледельческими племенами андроновско-тазабагьябской культуры, которые имели иные связи, иное происхождение и составляли часть обширного массива племен степных культур эпохи бронзы. Таким образом, на территории Ферганской долины проходила граница между земледельческими культурами крашеной керамики и андроновской культурой, причем отношения между этими племенами не всегда носили мирный характер, чем, видимо, и следует объяснять появление мощных оборонительных стен на поселениях земледельцев.

В Фергане как бы в миниатюре отражаются сложные переплетения исторических судеб этнически разнородного населения Средней Азии в целом.

Добытые палеоантропологические материалы позволили охарактеризовать расовый тип населения. Большинство изученных черепов принадлежит европеоидному долихокранному средиземноморскому типу (Гинзбург, 1962; Зезенкова, 1958). Меньшим количеством черепов представлен другой расовый тип, сходный с андроновским и с европеоидным типом погребенных в Вуадильском могильнике. Имеются также черепа промежуточного типа, в ко-

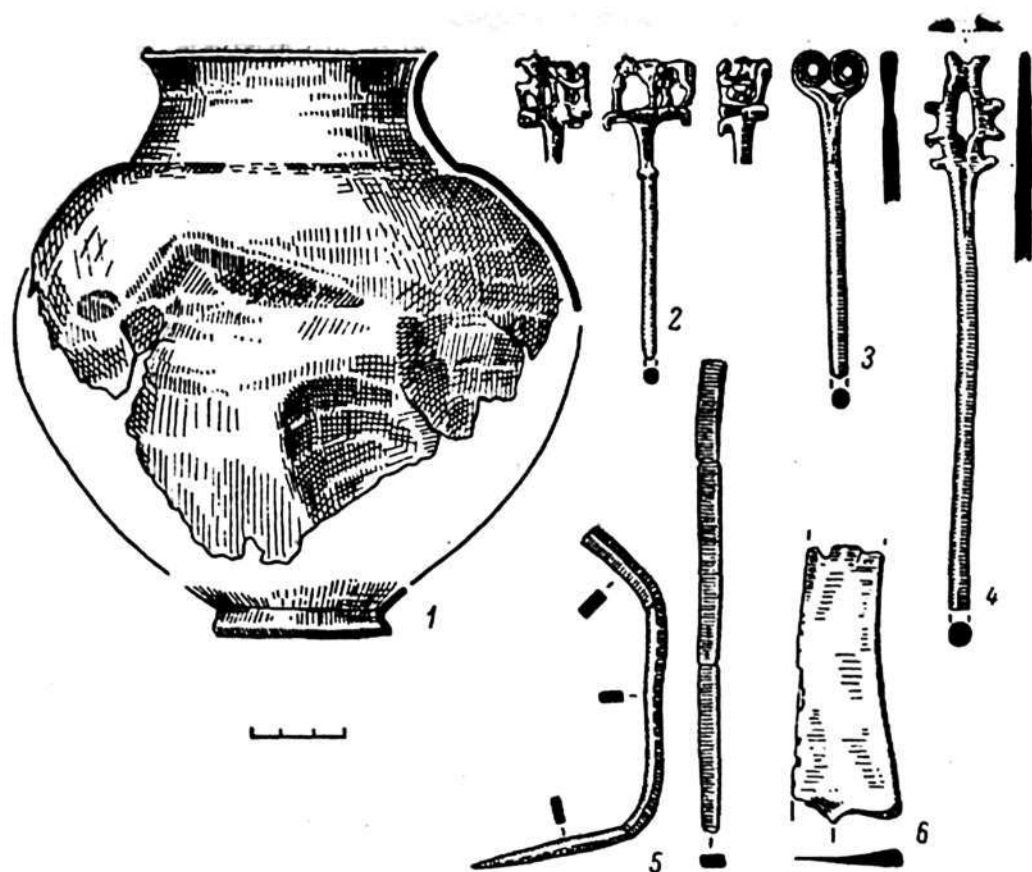

Рис. 47. Хакский клад (1—6).

торых смешаны черты средиземноморского долихокранного и брахикранного типов. В расовом отношении население чустской культуры было сходно с земледельцами юга Туркмении (Гинзбург и Трофимова, 1959), Бухарского оазиса (Зезенкова, 1953) и частично Хорезма (Трофимова, 1961б).

Прямых данных об этнической и языковой принадлежности чустских племен у нас не имеется. Однако историческая преемственность развития древнеземледельческой культуры чустского периода и культуры ираноязычного населения Ферганы эпохи железа позволяет высказать предположение о принадлежности создателей чустской культуры к числу оседлых восточноиранских племен.

Общественный строй земледельческих племен Ферганы, по имеющимся материалам и по аналогии с другими, лучше изученными областями Средней Азии, может быть охарактеризован как поздний этап развития родового строя, находящегося на стадии разложения первобытнообщинных отношений.

По уровню развития хозяйства (земледелия), поселений и материальной культуры, при общности расового (возможно, этнического) состава население Ферганы было сходно с племенами Южной Туркмении. Но в последней наблюдается в этот период большее развитие ирригации, ремесленного производства (в част-

ности, использование гончарного круга и внедрение железа) и появление цитаделей на поселениях. Все это свидетельствует о высоком хозяйственном и культурном развитии племен юга Туркмении, по отношению к которым чустские племена занимали периферийное положение. Вместе с тем древнеземледельческое население Ферганы находилось на более высоком уровне развития по сравнению с тазабагыбскими племенами Хорезма и других областей Средней Азии.

Период поздней бронзы в истории Средней Азии был временем крупных передвижений племен. В это время происходят передвижение на юг и вторжение индо-иранских племен в Иран, а затем в Индию. Эти события не могли не затронуть населения Ферганы. Об этом говорят упоминавшиеся аналогии чустской культуре в синхронном комплексе некрополя В Сялқа в Центральном Иране, а также некоторые индийские параллели чустской керамики.

В литературе было отмечено сходство ряда основных керамических форм чустской культуры Ферганы с комплексами II тыс. до н. э. в Центральной Индии, а именно сходство мисок с перегибом бортика, полусферических чаш, сосудов с высокими горловинами и жаровень. Совпадает также и цветовая гамма (узоры наносились черной краской по красному фону), и ряд основных мотивов геометрического орнамента (Заднепровский, 1962а). Некоторые индийские археологи связывают происхождение культуры халколита Центральной Индии с влиянием или приходом ариев. В порядке гипотезы наличие индийских параллелей чустской керамики можно рассматривать как отражение событий, связанных с передвижениями индо-иранских племен.

Происхождение чустской культуры и проблема дочустских памятников

В Фергане известен ряд находок металлических изделий, которые могут быть отнесены к дочустскому периоду. Таков Хакский клад (рис. 47), имеющий близкие аналогии в комплексе Гисар III в Северном Иране (Schmidt, 1937). К этому же времени относятся бронзовые ножи катакомбного типа, найденные в разных пунктах Ферганской долины, и некоторые другие орудия (Заднепровский, 1962а). Нам неизвестна керамика этого периода. Вполне возможно, что открытие раннего этапа чустской культуры позволит заполнить этот пробел. В этой связи большое значение имеет сходство чустской расписной керамики с комплексом Мундигак V в Афганистане, который нельзя датировать позднее первой половины II тыс. до н. э. Появление сходства в керамике связывают со вторжением в Афганистан ферганских племен (Casal, 1961).

Отсутствие памятников предшествующего периода не позволяет проследить истоки чустской культуры, и поэтому в настоящее

время проблему происхождения ее решить невозможно. В литературе высказано предположение о возникновении чустской культуры в результате перехода местных племен к земледелию под влиянием южнотуркменистанских племен (В.Массон, 1957г). Вполне возможно, что это предположение в дальнейшем найдет подтверждение в конкретных материалах. Во всяком случае несомненно, что развитие металлургии и традиции украшения глиняной посуды росписью являются результатом культурного влияния более развитых земледельческих общин юга Туркмении. Вместе с тем совершенно отчетливо проступают черты самобытности культуры населения Ферганы эпохи поздней бронзы. Это дает основание говорить не о простом и механическом заимствовании культурных достижений, а о более сложных процессах сложения своеобразного облика чустской культуры, еще недостаточно нам известных.

Цветущие земледельческие оазисы чустских племен приходят в упадок в VIII—VII вв. до н. э. Полностью прекращается существование чустских поселений, и на смену им приходят памятники следующего, эйлатанского периода. Сравнительное изучение керамики обоих периодов свидетельствует об определенной преемственности развития земледельческой культуры в период поздней бронзы и раннего железа. Наиболее яркое отражение эта преемственность нашла в своеобразном типе керамики из поселения Кара-Курган, сочетавшей признаки, характерные для чустского и эйлатанского комплексов.

Глава 4.

Племена степной бронзы на севере страны

Большая часть Средней Азии в эпоху бронзы была занята племенами, которые существенно отличались от оседлых земледельцев Ферганы и Южной Туркмении. Это было население, оставившее сравнительно недолговременные поселки, нередко называемые поэтому стоянками. Оно изготовляло лепленую от руки керамику и вело производящее хозяйство с преобладающей ролью скотоводства. Подобные скотоводческо-земледельческие племена широко распространяются в бронзовом веке в степной и лесостепной полосах Евразии. Это дает основания использовать для их обозначения термин «племена степной бронзы». Памятники этих племен стали известны лишь в течение последнего десятилетия, и их хронология и классификация еще слабо разработаны. К раннему периоду можно с уверенностью отнести только заман-бабинскую культуру.

КУЛЬТУРА ЗАМАН-БАБА

Эта культура известна в настоящее время лишь в низовьях Зеравшана. Для нее характерно наличие крупных землянок, круглодонной и плоскодонной неорнаментированной керамики, в основном ручной лепки, орудий из мышьяковистой бронзы и захоронений в катакомбах. По привозным вещам и ряду других признаков культуру Заман-Бабы можно синхронизировать с временем позднего Намазга IV—Намазга V в Южной Туркмении и Гисара III в Иране и соответственно датировать концом III—первой третью II тыс. до н. э. (В. Массон, 1957г; Кузьмина, 1958) или первой половиной II тыс. до н. э. (Аскаров, 1962а).

Памятники

В настоящее время известны два памятника этой интереснейшей культуры — могильник Заман-Баба, расположенный к северу от одноименного озера в низовьях Зеравшана (Гулямов,

1956; Кузьмина, 1958; Латынин, 1958; Аскарлов, 1962г), и поселение Заман-Баба, открытое неподалеку от могильника на берегу высохшего русла Гуджейли (Аскарлов, 1962а, 1962б).

Могильник состоит из 8 могил с парными погребениями и 28 могил с одиночными захоронениями. В двух парных погребениях наряду со скелетами взрослых встречено также по одному детскому скелету. Наиболее характерны могилы в виде ямы с подбоем, или так называемые катакомбные погребения. Вместе с тем имеются и просто погребения в ямах, которые, по мнению одних исследователей, представляют собой особый тип захоронений (Гулямов, 1956; Латынин, 1958; Кузьмина, 1958), а по заключению А. Аскарлова, являются не чем иным, как разрушенными катакомбными могилами (Аскарлов, 1962г). Насколько можно судить по вещам, все погребения принадлежат одному историческому этапу.

В тех случаях, когда положение скелетов удалось проследить, они лежали в скорченном состоянии на правом или левом боку головой на восток, северо-восток и север. В число погребального инвентаря заман-бабинских могил входят керамика, кремневые наконечники стрел (до 5 в одной могиле), разнообразные бусы, медные зеркала и «лопаточки», кости животных и зерна злаков.

На поселении Заман-Баба открыты остатки нескольких землянок, причем одна из них раскопана полностью. Это было большое жилище (23,5 м в длину, 9 м в ширину), имеющее в настоящее время глубину около 1 м. На полу обнаружены очаги, хозяйственные ямы, обмазанные глиной с саманом, и ямки от столбов диаметром 14—16 см. Рядом с жилищем располагалась овальная в плане, двухъярусная гончарная печь, отличающаяся небольшими размерами (диаметр топки 90 см). По краю поселка проходил вал шириной около 2 м, сделанный из плотно утрамбованной земли.

Керамика, орудия, украшения

Глиняная посуда Заман-Бабы отличается высоким качеством обжига и отсутствием в глине примеси, за исключением иногда встречающегося мелкого песка. По фактуре она близко напоминает посуду южнотуркменистанских земледельцев времени Намазга V или Намазга VI. Большая часть сосудов леплена от руки, но 10% изготовлено, по-видимому, с применением гончарного круга. Весьма характерны крупные яйцевидные сосуды с округлым или приостренным дном (рис. 48, 21—23) и круглодонные полусферические чаши (рис. 48, 17). Столь же типичны горшковидные сосуды с плоским или реже круглым днищем (рис. 48, 16). Следует отметить также сосуды цилиндрической формы (рис. 48, 25), кубические сосуды с отверстиями для подвешивания (рис. 48, 24), небольшие чаши и прямоугольные сосуды с полукруглым или квадратным отделением в одном из углов, трактуемые как курильницы (Кузьмина, 1958) или кормушки для птиц (Аскарлов,

1963). В могильнике Заман-Баба обнаружены также части привозных сосудов, в том числе одного с темно-коричневой росписью по зеленовато-белому фону, явно принадлежащего к керамике типа позднего Намазга IV.

Кремневые изделия заман-бабинской культуры представлены ограниченным числом вещей. Главным образом это наконечники стрел листовидной или реже миндалевидной формы (рис. 48, 4—7), в основании которых иногда имеется выемка, а в одном случае — слабо выраженный черешок. Известны также пластины с ретушью, использовавшиеся при скоблении деревянных или костяных изделий, вкладыши серпов с зубчатой ретушью и одно сверло.

Широко распространены и металлические изделия, найденные как в могильнике, так и на поселении. В их составе ножи, круглые зеркала диаметром 8 см и «лопаточки». Специальное исследование показало, что во всяком случае часть из них изготовлена из мышьяковистой бронзы (Аскарлов, 1962г). В Заман-Бабинском могильнике обнаружены также золотые бусы и серебряная трубочка. Среди бус, изготовлявшихся из агата, бирюзы, лазурита, сердолика, яшмы и некоторых других пород камня, преобладают бусы цилиндрической и боченковидной формы. Весьма специфична форма крестовидных бус, находящих себе прямые параллели в материалах Северного Ирана (Гисар III) и Южного Афганистана (Мундигак IV). Довольно своеобразны глиняные и каменные шарики с несквозным отверстием, условно именуемые навершием для булавок, также обнаруживающие ближайшие аналогии в оседло-земледельческих культурах юга. В одной из могил оказалась терракотовая статуэтка, выполненная в условно-плоскостной манере даже без обозначения признаков пола. Фрагмент другой глиняной фигурки найден на поселении.

Хозяйство и проблема происхождения

Имеющиеся материалы дают довольно ясное представление об основных занятиях племен, оставивших памятники Заман-Бабы. На поселении, помимо обломков зернотерок и кремневых вкладышей серпов, обнаружены также куски глиняной обмазки с отпечатками пшеницы и ячменя. Среди костных остатков преобладают кости домашних животных (козы, барана, коровы, осла). Кости диких животных (тугайного оленя, кабана, джейрана) составляют всего около 15%.

Следует полагать, что в условиях периодически разливающихся протоков и озер древнезеравшанских низовий практиковались какие-то способы лиманного земледелия, напоминающие способы земледелия южных племен в пору неолита. Вместе с тем в заман-бабинской культуре не наблюдается развития прочной оседлости, как это было в Южной Туркмении, где поселения столетиями су-

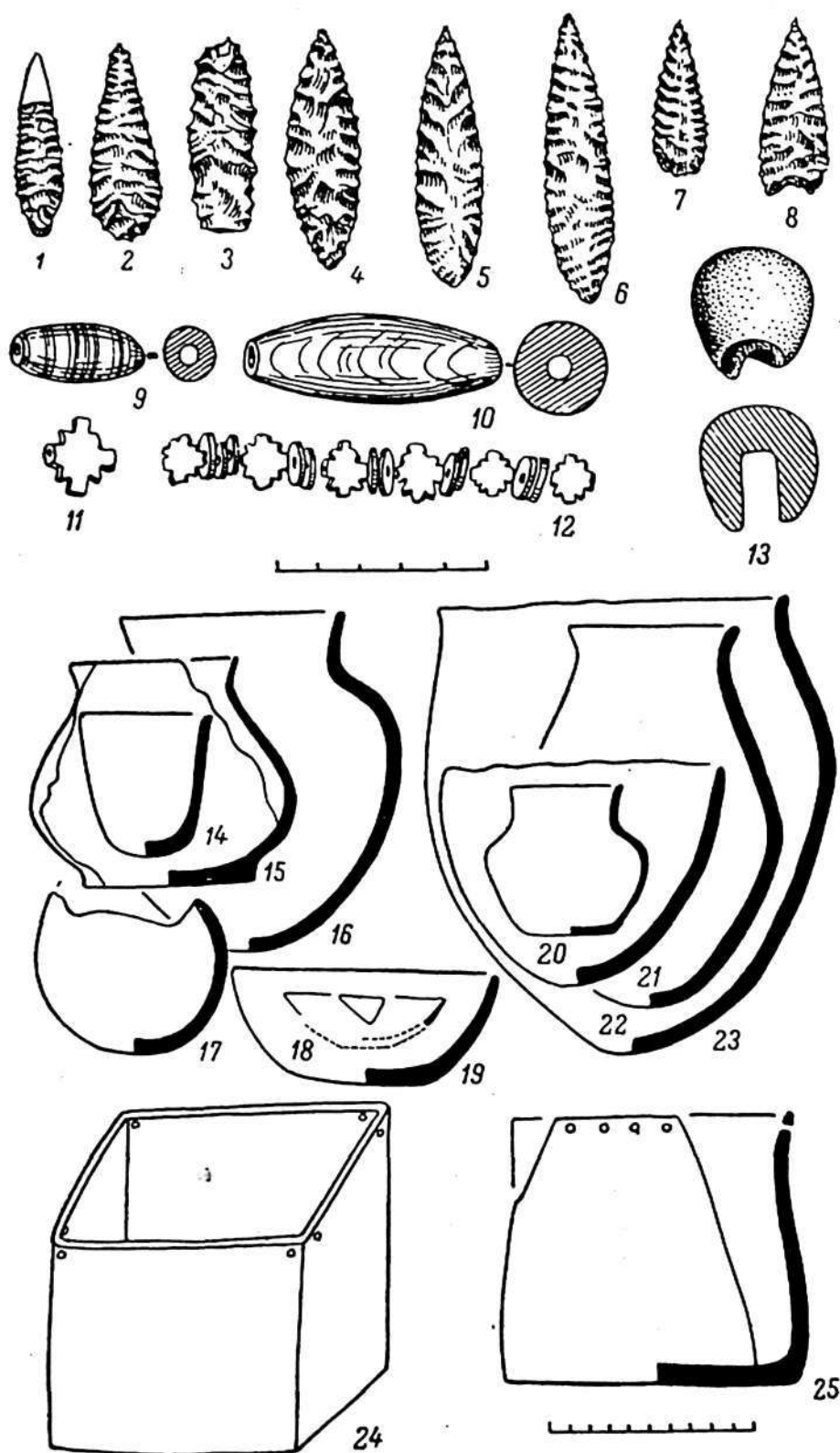

Рис. 48. Заман-Баба. Изделия из камня (1—12) и керамика (13—25).

ществовали на одном и том же месте. Видимо, хозяйство заман-бабинской культуры следует характеризовать как скотоводческо-земледельческое. Все это находится в разительном контрасте с состоянием хозяйства низовьев Зеравшана в предшествующий период, когда здесь обитали примитивные неолитические племена, занимавшиеся охотой и рыболовством, и с особой остротой ставит вопрос о происхождении заман-бабинской культуры.

Как уже частично отмечалось выше, ряд явлений в материальной культуре Заман-Бабы находит себе прямые аналогии или прототипы в памятниках земледельцев Южной Туркмении и Северного Ирана. Таковы медные «лопаточки», глиняные наперстки булавок, крестовидные бусы, терракотовые статуэтки. Керамическая печь Заман-Бабы является уменьшенным повторением горнов времени Намазга V. Есть в Заман-Бабинском могильнике и части сосудов, явно изготовленных где-то на поселениях южнотуркменистанских земледельцев. Все это позволяет прийти к заключению, что скорее всего именно влияние со стороны южнотуркменистанских общин было одним из решающих факторов, предопределивших переход к экономике производящего типа в низовьях Зеравшана. Вероятнее всего, именно оттуда, с территории древних оазисов, попали в низовье Зеравшана пшеница, ячмень и домашний скот. Южные влияния в весьма сильной степени отразились на заман-бабинской культуре. Однако эта культура отнюдь не является результатом непосредственного переселения в заамударьинские области какой-либо группы южнотуркменистанских племен, хотя имеющиеся антропологические материалы и свидетельствуют о близости долихокранного населения Заман-Бабы и обитателей Намазга-Депе (Зезенкова, 1953). Достаточно сравнить высокоразвитую культуру времени Намазга V и комплекс Заман-Бабы, чтобы убедиться, что это две совершенно различные культуры и что Заман-Баба, несмотря на наличие земледелия и скотоводства, во многом уступает южнотуркменистанским общинам. Показательна и разница в погребальных обрядах — у анауских племен никогда не было катакомбных захоронений.

Все это заставляет искать второй и в количественном отношении, видимо, основной компонент заман-бабинской культуры в местном населении низовий Зеравшана. Им могли быть лишь раннекельтеминарские племена, памятники которых известны для этого района. В литературе уже отмечалось некоторое сходство ряда керамических форм Заман-Бабы и позднего Кельтеминара (Виноградов, 1960). Поэтому вполне вероятно предположение, что заман-бабинские племена являются потомками зеравшанских кельтеминарцев (В. Массон, 1962б), хотя переходные этапы нам пока остаются неизвестными (Аскаров, 1962 г). Вскоре после открытия культуры Заман-Бабы в литературе появились высказывания о связи ее с ямной культурой Юго-Восточной Европы (Латынин, 1958). Действительно, подобно ямной культуре, Заман-Баба

принадлежит к типу культур степной бронзы, но говорить о каких-либо конкретных связях пока затруднительно (Аскаров, 1962г), особенно учитывая территориальный и хронологический разрыв. Вместе с тем не может не обратить на себя внимания такое явление, как наличие в степных культурах юго-востока Европы и среднеазиатского междуречья могил катакомбного типа, совершенно нехарактерных для земледельцев юго-запада Средней Азии.

ПАМЯТНИКИ АНДРОНОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Значительно более широко представлены в Средней Азии памятники степных племен периода поздней бронзы. На огромном пространстве от высоких тянь-шаньских нагорий до заболоченных низин древней аму-дарьинской дельты за последние годы открыто значительное число могильников, одиночных могил, остатков разветвленных поселений и отдельных металлических вещей, могущих быть отнесенными к этому культурному кругу. Как это нередко бывает, возникли значительные терминологические трудности. Памятники в низовьях Аму-Дарьи, открытые С. П. Толстовым еще в 1938 г., сразу были им выделены в особую культуру, названную тазабагъябской (Толстов, 1939, 1948а). Однако другие исследователи, учитывая значительную близость материалов этой культуры к памятникам Казахстана и Южной Сибири, называли ее местным вариантом андроновской культуры в Ташкентском оазисе (Тереножкин, 1950) и в Фергане (Гамбург и Горбунова, 1956). Имеется тенденция распространить термин «тазабагъябская культура» на все памятники поздней степной бронзы Средней Азии (Толстов и Итина, 1960), а Б. А. Литвинский, исследовавший остатки разветвленных стоянок по среднему течению Сыр-Дарьи, предлагает включить памятники Ташкентской области, Ферганской долины и низовий Зеравшана в «кайрак-кумскую культуру» (Литвинский, Окладников и Ранов, 1962, стр. 246, сл.). Бесспорно, детальное исследование материалов и особенно увеличение их количества позволят выделить ряд локальных вариантов культуры степной бронзы на территории Средней Азии. Однако в настоящее время эта работа не может быть проведена с достаточной убедительностью, и терминологически, видимо, наиболее правильно говорить о наличии в Средней Азии особого варианта андроновской культуры, который можно именовать тазабагъябским (Аскаров, 1962в) или среднеазиатским (Кузьмина, 1964а). Отмечаемые при этом, например в хорезмийском материале, связи со срубной культурой не должны служить существенным препятствием для использования подобной терминологии, так как сильное влияние срубной культуры характерно и для андроновских памятников Западного Казахстана.¹ Памятники

¹ Отличное мнение см. ниже, в гл. 5.

степной бронзы Северной Киргизии и Южного Казахстана, отличающиеся значительным своеобразием, следует выделять в качестве другого локального варианта — северокиргизского или тянь-шаньского.

Этим, однако, терминологические затруднения и связанные с ними путаница и неясность еще не исчерпываются. В ряде исследований и статей развивается мнение о наличии во II тыс. до н. э. в низовьях Аму-Дарьи еще одной культуры, именуемой суярганской.

К вопросу о суярганской культуре

Как следует из наиболее полного описания материалов, относимых к суярганской культуре, эта культура появилась в правобережном Хорезме в первой половине II тыс. до н. э., а затем дала смешанные с тазабагьябской комплексы, в которых преобладают тазабагьябские черты (Толстов и Итина, 1960; Толстов, 1962а, стр. 60, сл.). К концу II тыс. до н. э. суярганская культура, однако, уже полностью ассимилирует тазабагьябскую.

Вместе с тем, по имеющимся материалам, сам вопрос о существовании Суяргана как особого археологического комплекса или даже культуры остается не вполне ясным. Для раннего его этапа характерно наличие кремневых наконечников стрел и, видимо, дротиков, крупных кремневых ножей и лепленных от руки керамических сосудов с шаровидным туловом и красной окраской. Последние рассматриваются как свидетельство южного происхождения всего комплекса. Действительно, данный тип сосудов не характерен для культур степной бронзы, а в керамике оседлоземледельческих культур и прежде всего в посуде типа Намазга VI, где, кстати, распространена и краснолощенная керамика, он может найти ряд аналогий. Однако это лишь определенное сходство, а не полная идентичность, как это должно было бы иметь место при переселении южных племен. В основной же своей массе керамика, именуемая раннесуярганской, имеет мало общего с гончарной посудой южных комплексов (История таджикского народа, 1963, стр. 110; В. Массон, 1959а, стр. 126). Станным кажется то, что племена, переселившиеся, по С. П. Толстову, в Хорезм с юга, где повсеместно господствовало производящее хозяйство, стали на новом месте охотниками и рыболовами. С. П. Толстов и М. А. Итина специально подчеркивают, что природные условия северной части акча-дарьинской дельты, где расположены стоянки, именуемые раннесуярганскими, в отличие от южных районов дельты не способствовали развитию земледелия (Толстов и Итина, 1960, стр. 27). Некоторые исследователи склонны связывать так называемую суярганскую культуру с местным хорезмийским неолитом, испытывавшим определенные южные влияния (Гулямов, 1957, стр. 51—54). Это мнение представляется более соответствующим действительности. В самом деле не случайно, что именно для позднего

Кельтеминара северного Приаралья характерны ножи из крупных кремневых пластин. Таким образом, комплексы, именуемые раннесуярганскими, скорее всего следует рассматривать как памятники местного (позднекельтеминарского?) населения, а отнюдь не как пришлую культуру, к тому же южного происхождения.

Еще сложнее обстоит дело с так называемыми позднесуярганскими памятниками. Крайне трудно, а зачастую практически невозможно отличить керамику, называемую позднесуярганской, от тазабагъябской. О сильнейшем смешении суярганских и тазабагъябских черт пишут и С. П. Толстов с М. А. Итиной. Видимо, в Хорезме во второй половине II тыс. до н. э. имел место сложный процесс ассимиляции местного населения (потомков кельтеминарцев) северными племенами, связанными со срубной и андроновской культурами. При этом вполне естественно наличие известных воздействий со стороны развитых культур оседлых оазисов юга (появление в отдельных случаях красного ангоба на керамике). Однако пока нет достаточных оснований говорить о сосуществовании в это время в Хорезме двух различных культур. В пользу подобного заключения свидетельствует и картографический материал: так называемые позднесуярганские и тазабагъябские стоянки концентрируются в непосредственной близости друг от друга, зачастую на одних и тех же протоках (Толстов и Итина, 1960, стр. 15, рис. 1). Поэтому в дальнейшем изложении все хорезмийские памятники эпохи бронзы будут рассматриваться как относящиеся к среднеазиатскому (тазабагъябскому) варианту андроновской культуры. Выделение особой суярганской культуры представляется терминологическим усложнением, не оправданным имеющимся материалом.

Распространение памятников и хронология

Можно считать, что степи Средней Азии составляли юго-западную часть ареала андроновских племен. Соответствующие памятники выявлены в Северной Киргизии и Южном Казахстане, в Приаралье, Ташкентском оазисе и Ферганской долине, в долинах Зеравшана и Кашка-Дарьи и на Памире. Следы кратковременного пребывания степных племен встречены и в других районах. На юге степные племена доходили во всяком случае до низовьев Зеравшана и Кашка-Дарьи. На юго-востоке граница распространения андроновской культуры, судя по случайным сборам керамики в районе Лобнора и Хотана (Stein, 1921), проходила за пределами Советского Союза.

Как уже отмечалось, памятники степных племен могут быть объединены в два локальных варианта андроновской культуры. К одному из них, именуемому среднеазиатским, следует относить

памятники междуречья Аму- и Сыр-Дарьи. Ко второму варианту, северокиргизскому (семиреченскому), относятся памятники, выявленные в Северной Киргизии и Южном Казахстане (Бернштам, 1943, 1949в). В настоящее время нет достаточных оснований для выделения других вариантов культуры степных племен.

Памятники степных племен Средней Азии исследованы еще крайне недостаточно и неравномерно, что не позволяет охарактеризовать с должной полнотой многие стороны культуры степных племен эпохи бронзы.

Если сопоставить среднеазиатские памятники со схемой К. В. Сальникова, то к раннему федоровскому этапу (абсолютная дата XVII—XV вв. до н. э.) андроновской культуры можно отнести лишь захоронение, случайно обнаруженное возле г. Фрунзе. Костяк лежал в скорченной позе на левом боку. Возле него находился богато орнаментированный сосуд, бронзовые бусы и обоймочка. Форма сосуда и украшение его (среди узоров имеются меандры) весьма типичны именно для федоровского этапа (Кожемяко, 1960; Аскарлов, 1962г). К этому же этапу относят находку фрагмента орнаментированного сосуда из тепе Наука в средней части долины Зеравшана (Аскарлов, 1962б). Промежуточное положение между памятниками федоровского и следующего, алакульского этапов занимает могильник Тау-Тары в Южном Казахстане (Максимова, 1962). Могильник располагается возле городища Баба-Ата, на северном склоне гор Каратау. Здесь раскопана 31 ограда. Захоронения производились в прямоугольных и квадратных оградках из поставленных на ребро каменных плит. Обычно в ограде находилось по одной грунтовой могиле. Труп сжигался за пределами ограды, и остатки костей вместе с золой и угольками складывали кучкой или рассыпали в западной части могильной ямы. В могилу помещали глиняные сосуды и украшения (бронзовые бляшки, височные кольца, бусы и др.). Обряд сожжения трупов, сосуды, богато украшенные гребенчатым штампом, — все эти признаки характерны для федоровского этапа. Но вместе с тем в Тау-Тары найдены сосуды с уступом, украшенные равнобедренными треугольниками, типичные для алакульского этапа.

Основная масса среднеазиатских памятников при сопоставлении со схемой К. В. Сальникова по формам глиняной посуды и орнаменту ее, основным типам металлических изделий и по характеру погребального обряда относится к алакульскому этапу андроновской культуры. В последние годы отчетливо проявляется тенденция удреждения абсолютной даты алакульского этапа до XIV—XI вв. до н. э. Эта хронология находит подтверждение в результатах радиоуглеродного определения возраста поселения Тасты-Бутак в Западном Казахстане — 1229 ± 80 лет до н. э. — и комплексов пещеры Ак-Танги возле Шахристана — 1208 ± 110 лет до н. э. (Литвинский и Ранов, 1964).

Тянь-шаньская (семиреченская) группа племен

Памятники алакульского этапа открыты в разных районах Северной Киргизии — в долинах Таласа, Чу, на Центральном Тянь-Шане и в Кетмень-Тюбе. Здесь в нескольких могильниках вскрыто всего около 50 захоронений. На поверхности могилы обозначены четырехугольными оградками из крупных каменных плит. Иногда оградки пристраивались одна к другой. Захоронения совершались в грунтовых ямах, только изредка облицованных каменными плитами. В некоторых могилах Таласской долины края могильной ямы обмазаны глиной. Распространен был как обряд трупоположения, так и трупосожжения. В могилу ставили горшок с пищей, клали бронзовый нож, иголки и украшения (браслеты, серьги с раструбом, бусы и др.). В одной могиле в Таш-Тюбе (рис. 49, 2) найдено более 100 бронзовых и стекло-видных бус и свыше 1200 сурьмяных, украшавших одежду. По богатству украшений это захоронение резко выделяется (Кожемяко, 1960; Абетеков, 1963).

Особого внимания заслуживает могильник Бурмачап, расположенный высоко в горах в долине Арпы Центрального Тянь-Шаня. Он находится на высоте 2800 м над ур. м. Из 15 оградок здесь раскопано 6. В одной могиле обнаружены остатки сожженного скелета, богато украшенный горшок, бронзовый браслет и бусы (Бернштам, 1952а).

Поселения этого периода в Северной Киргизии пока неизвестны, если не считать стоянки на берегу р. Аламедики в северной части г. Фрунзе, датировка которой неясна в силу малочисленности опубликованного материала (Тереножкин, 1935).

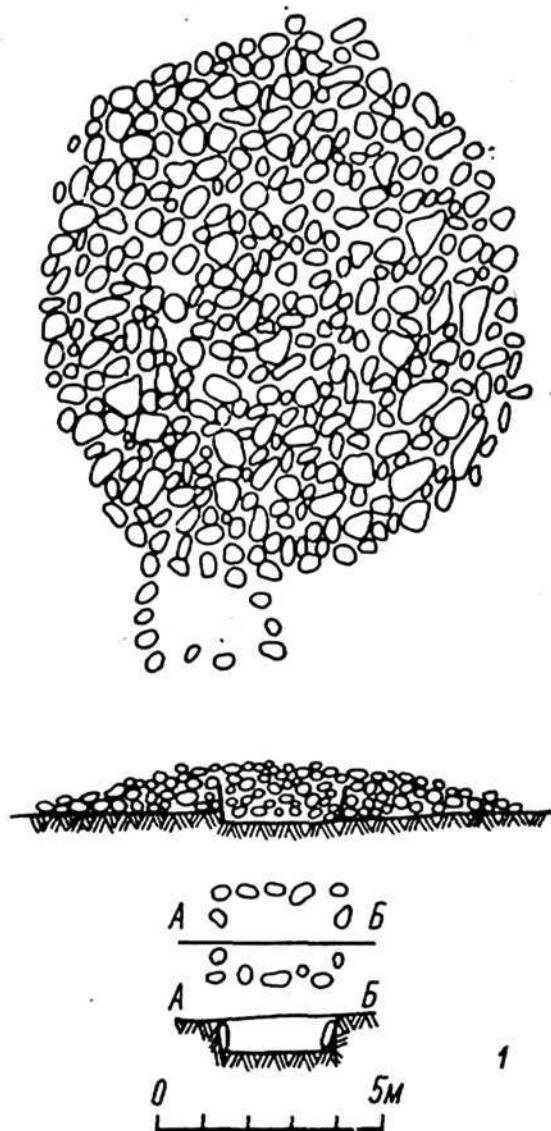

Рис. 49. Типы погребальных сооружений эпохи бронзы.

1 — Вуадиль.

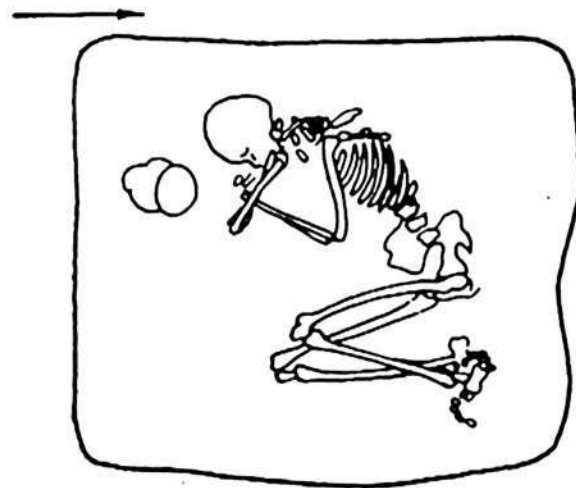
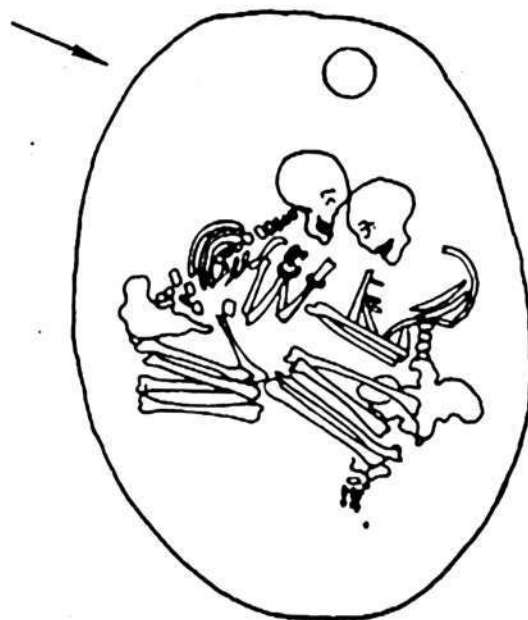
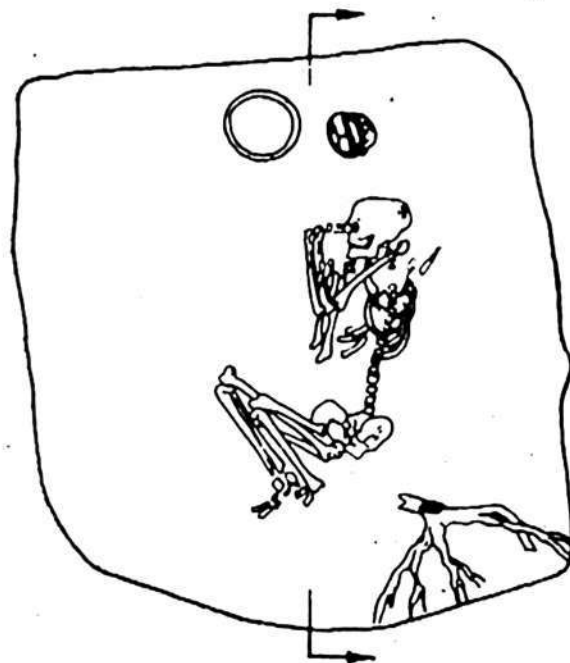
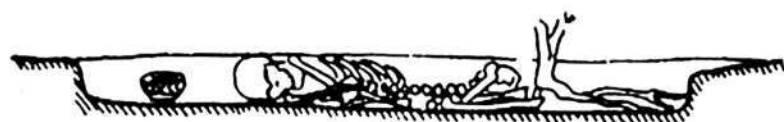

Рис. 49 (продолжение).

2 — Таш-Тюбе.

Кроме того, в Чуйской долине и на Иссык-Куле случайно найдены отдельные металлические (бронзовые) орудия, часть которых, очевидно, относится к алакульскому этапу (Бернштам, 1943; Кибиров и Кожемяко, 1956; Кузьмина, 19616).

В отличие от других областей в Северной Киргизии чаще обнаруживается сожжение трупов. Имеются могилы без каменных плит и могилы, стенки которых обмазаны глиной; глиняная посуда грубого изготовления и часто совсем без украшения. По всем этим признакам тянь-шаньские племена андроновской культуры отличались от среднеазиатских степных племен Приаралья, долины Зеравшана и других районов.

3

0 50 100 см

Рис. 49 (продолжение).

3 — Кокча 3.

Поселения племен среднеазиатского междуречья

В разных местах среднеазиатского междуречья Аму- и Сыр-Дарьи открыты поселения степных племен. В Приаралье, в древней дельте Акча-Дарьи, на правом берегу Аму-Дарьи выявлено более 100 пунктов, которые представляют собой остатки поселений степных племен алакульского этапа. Большинство из них — это кратковременные стоянки, от которых до нас дошли только разбросанные на поверхности земли обломки глиняной посуды. Но имеются и постоянные поселения.

Наиболее хорошо изучено поселение Ангка 5. Оно расположено на берегу одного из протоков Акча-Дарьи среди такыров и песков. Здесь на участке длиной 2.5 км найдены остатки нескольких поселений. Раскопано два прямоугольных жилища-полуземлянки (размером 10.5×10 и 12.2×7.4 м). Вдоль глинобитных стен идет ряд ямок от столбов. Пол также глинобитный. От стен и крыши сохранились куски обмазки и остатки деревянных палок от каркасных конструкций. На полу, в середине жилища, располагался очаг и хозяйственные ямы (Итина, 1959а, 1960а).

Другое поселение — Кават 3 — находится примерно в 25 км к северо-западу от Ангка 5. Раскопанное жилище имеет тоже прямоугольную форму (размером 12×11 м), с коридорообразным входом и очагом в центре. Здесь среди находок обращает на себя внимание примитивная фигурка лошади из светлой необожженной глины (Итина, 1960а). Поблизости от поселений обнаружены остатки оросительных каналов и древние поля, которые связывают с этими поселениями (Толстов и Андрианов, 1957).

Большая группа стоянок степных племен изучена в кайрак-кумских песках в Северо-Западной Фергане. Около 60 памятников, разделенных на три группы, располагалось на первой террасе Сыр-Дарьи, ныне затопленной водами Кайрак-Кумского водохранилища. На большинстве стоянок, как и в Приаралье, культурный слой отсутствует. И только на двух поселениях сохранились остатки развеянного слоя толщиной 10—35 см. Никаких признаков существования жилищ, кроме очагов, не обнаружено. Многочисленность стоянок и их небольшие размеры (в среднем площадь равна нескольким сотням квадратных метров) говорят скорее о сезонном, временном характере поселений. На стоянках выявлены следы бронзолитейного производства — это скопления шлаков, куски дробленой руды, литейные формы и сами металлические изделия. Развитие металлургии бронзы выделяет кайрак-кумские памятники среди других памятников степных племен Средней Азии (Литвинский, 1961а; Литвинский, Окладников и Ранов, 1962).

Такие же кратковременные стоянки степных племен, как в Фергане и Приаралье, найдены в долинах древних протоков

Зеравшана в Кызылкумах (Гулямов, 1956; Аскарлов 1961, 1962г) и в низовьях Кашка-Дарьи (Аскарлов, 1964).

В горных районах население использовало пещеры как убежища и жилища. К числу таких памятников относится пещера Ак-Танги. Она располагается в 25 км к юго-востоку от Шахристана, в ущелье Туркестанского хребта. Здесь, ниже античных слоев, выявлены культурные остатки толщиной 40—50 см с андроновской керамикой. В слое обнаружены очаги из камней, обломки глиняной посуды, бронзовые шилья, обломки зернотерок и обработанные камни-отщепы, близкие по форме изделиям гиссарской культуры, а также костяные поделки (Литвинский и Ранов, 1961, 1964). Аналогичная картина отмечена и на Памире, где культурный слой с андроновской керамикой, бронзовыми и каменными наконечниками стрел открыт в пещере Куртеке, в 40 км к юго-западу от Мургаба (Ранов, 1963).

Могильники и погребальный обряд

Погребальные памятники обнаружены во всех основных районах андроновской культуры Средней Азии. По устройству могильного сооружения они подразделяются на два типа: безкурганные захоронения — в Приаралье и в долине Зеравшана — и захоронения в курганах и в «каменных ящиках» — в Фергане, Ташкентском оазисе и, быть может, на Памире.

Из числа памятников первого типа наиболее полно изучен могильник Кокча 3 в Приаралье. Он находится на берегу одного из протоков Акча-Дарьи, примерно в 25 км к северу от поселения Ангка 5. Из 103 заметных на поверхности могил раскопано 74. Захоронение совершалось в неглубоких (поэтому они сильно разрушены) грунтовых ямах, и надмогильные сооружения не сохранились (рис. 49, 3). Могилы, как правило, прямоугольной формы и вытянуты в широтном направлении. В нескольких случаях прослежены остатки циновки на дне могильной ямы. Все умершие лежат в скорченном положении, с согнутыми в коленях ногами и согнутыми в локтях руками, на которых обычно покоится голова. Преобладает западная ориентация. Мужские костяки лежат на правом боку, женские — на левом. В головах умерших находится по несколько горшков с пищей. Обычную принадлежность инвентаря составляют простые украшения из бронзы и камня, изредка встречаются бронзовые иглы в женских погребениях и шилья — в мужских. В могильнике преобладают одиночные захоронения, но много открыто и парных погребений. В том числе имеются разновременные захоронения взрослых мужчин и женщин (Толстов, 1955а; Итина 1961).

В низовьях Зеравшана в могильниках вскрыто несколько захоронений в грунтовых ямах. Костяки здесь лежат в скорчен-

ном положении на левом боку, головой на запад. В некоторых могилах встречены кости домашних животных. По обряду захоронения, устройству могилы и сопровождающим вещам эти погребения сходны с захоронениями могильника Кокча 3 (Гулямов, 1956; Аскарлов 1961, 1962г).

Особый интерес вызывает случайно открытое женское захоронение в районе Ургута (примерно в 60 км к юго-востоку от Самарканда), в средней части долины Зеравшана. Погребенная лежала на левом боку, с согнутыми ногами. У головы находился сосуд с резным орнаментом. Возле костяка найдено бронзовое круглое зеркало, 4 браслета, кольцо, височные серьги с раструбом и более 1000 металлических (возможно, серебряных) бусин ромбической формы. По количеству металлических предметов это захоронение является самым богатым среди всех известных в Средней Азии.

От погребений этого типа отличается захоронение, открытое в могильнике Янги-Юль на правом берегу р. Чирчик, в Ташкентском оазисе. Костяк ребенка лежал в глубокой грунтовой яме под курганной насыпью (диаметром 8 м) в сильно скорченном положении на правом боку, головой на восток-юго-восток. На ногах видны следы красной краски. У головы найден горшок без орнамента (Григорьев, 1940; Оболдуева, 1955). Единичные захоронения этого времени открыты также в могильнике у ст. Вревская (Воронец, 1951), на окраине Ташкента, на «никифоровских землях» (Збруева, 1946; Оболдуева, 1955), и на трассе Ташкентского канала (Тереножкин, 1940).

К погребениям второго типа относятся два небольших могильника, расположенных в Северо-Западной Фергане — Дахавинский и Кайрак-Кумский. Захоронения производились в могилах, выложенных камнем, образующих подобие каменного ящика. Костяки сильно разрушены. Могила содержали небольшое количество вещей: обломки сосудов, серьги с раструбом, каменную поделку, бронзовые браслеты и бляшки, а также бусы из стекловидной массы (Литвинский, 1960б; Литвинский, Окладников и Ранов, 1962).

Несколько могильников степных племен обнаружено также на юге Ферганской долины. Наибольшие материалы получены в могильнике, расположенном на окраине селения Вуадиль, в 25 км к югу от г. Ферганы (на северном склоне Алайского хребта). Здесь среди разновременных курганов встречаются погребения андроновской культуры. Захоронения совершались в могилах, выложенных камнем (рис. 49, 1). На поверхности они обозначены прямоугольными или овальными оградками из камней. Могила ограблена, и все костяки разрушены. Но, несмотря на это, в могилах были найдены глиняные сосуды, бронзовый наконечник стрелы, браслет из отдельных бронзовых бусин, височное кольцо, а также бусы из стекловидной массы.

Лишь в одном погребении удалось проследить остатки двух костяков, лежавших в скорченной позе на боку (Гамбург и Горбунова, 1957). В могильнике Карамкуль, находящемся недалеко от Вуадильского, могилы по устройству сходны с вуадильскими. Здесь также выявлен обряд погребения в скорченной позе (Гамбург и Горбунова, 1957).

На Восточном Памире в долине Кокуйбель-Су (в районе Сарезского озера) изучены могилы с каменными выкладками и остатками трупосожжения, похожие на арпинские. К этому же времени относятся отдельные захоронения в могильниках Джерты-Гумбез и Кызыл-Рабат (Литвинский, 1960б). При накоплении материалов, весьма возможно, появятся основания увязать погребальные памятники Памира с тянь-шаньской (семиреченской) группой племен андроновской культуры.

Помимо основных районов, отдельные комплексы, принадлежащие степным племенам, открыты на Узбое (Толстов, 1954, 1957б, 1962а), в Южных Кызылкумах (Вактурская, 1959), на южном склоне Каратау (Кызласов, 1956), на левом берегу Сыр-Дарьи возле средневекового городища Сюткен (Гомолоцкий, 1960). Находки андроновской керамики отмечены возле г. Ош в Фергане (Бернштам, 1952а), на городище Ак-Тепе в районе Чардары на правобережье Сыр-Дарьи, на Келифском Узбое в Туркмении (Ершов, 1951), в долине Вахша в Южном Таджикистане (Черников, 1960; Литвинский, Окладников и Ранов, 1962).

Особый интерес вызывают находки керамики, которую большинство исследователей считает андроновской,² на ряде земледельческих поселений в Южной Туркмении (Rimpelly, 1908; Збруева, 1946; Кызласов, 1956; В. Массон, 1959а; Ганялин, 1956в). Они позволяют говорить о непосредственном соседстве и тесных контактах степных племен с земледельческим населением южных районов Средней Азии.

Из случайных находок особо отметим антропоморфные глиняные фигурки, очень сходные по стилистическим особенностям с каменными идолами андроновского времени из Южной Сибири (Кызласов, 1956).

Изделия из металла и камня

Металлические изделия были сравнительно широко распространены и применялись в хозяйстве, военном деле и в быту степных племен. Об этом, в частности, можно судить хотя бы потому, что они встречаются почти на всех поселениях и особенно в захоронениях, причем отдельные погребения содержат очень большое количество бронзовых украшений.

² Иную точку зрения см. ниже, в гл. 5.

Население употребляло массивные вислообушные топоры, ножи и кинжалы, серпы, иглы и шилья. Предметы вооружения включали копья со втулкой и наконечником листовидной формы, а также лук со стрелами. Характерны широкие листовидные втульчатые наконечники стрел крупных размеров. Имеются также двулопастные черешковые наконечники.

Чаще всего встречаются украшения. Очень характерны выпукло-вогнутые браслеты с заходящими концами. Известны восьмеркообразные височные подвески. Серьги имеют кольцевидную форму с характерным широким раструбом на одном конце. Типичны массивные браслеты с незамкнутыми концами и двумя выступающими спиральными рождками. Встречаются круглые бронзовые зеркала с петлевидной ручкой в центре. Очень характерны бусы, изготовленные из загнутой плоской пластинки, выпукло-вогнутых пластинок, ромбические в сечении и др. Почти все орудия и украшения изготовлялись в это время из бронзы. Часто бронзовые украшения покрывались листовым золотом. Некоторые украшения сходны больше с изделиями срубной, чем андроновской культуры (например, в могильнике Кокча 3).

Раньше к числу металлических изделий андроновской культуры относили клады орудий из Чуйской долины. Однако в литературе высказано мнение, что основную часть изделий этих кладов следует датировать более поздним временем. Вопрос о датировке кладов из Ташкентского оазиса (Чимбайлыкского, Чирчикского, Бричмуллинского), очевидно, может быть решен только после их специального изучения.

Изделия из камня крайне малочисленны. Основные орудия труда в это время изготовлялись из металла. И металлические орудия почти полностью вытеснили каменные. Довольно широко применялись лишь каменные зернотерки, терочники, колотушки. Камень шел на изготовление литейных форм. Весьма возможно, что наряду с бронзовыми продолжали употреблять и каменные наконечники стрел и дротики. Во всяком случае на поселении Ангка 5 найден сланцевый наконечник дротика. Некоторые типы кремневых наконечников стрел, найденные на кайрак-кумских стоянках и в низовьях Зеравшана, возможно, использовались степными племенами. Из камня делали также бусы и другие украшения.

Керамика

Глиняная посуда степных племен разных районов Средней Азии, несмотря на известное своеобразие, имеет много общего и может быть охарактеризована в целом. Вся посуда изготовлялась вручную из глины с примесью дресвы и толченых раковин. Обжигали сосуды, вероятно, на открытом костре, отчего поверхность их пятнистая.

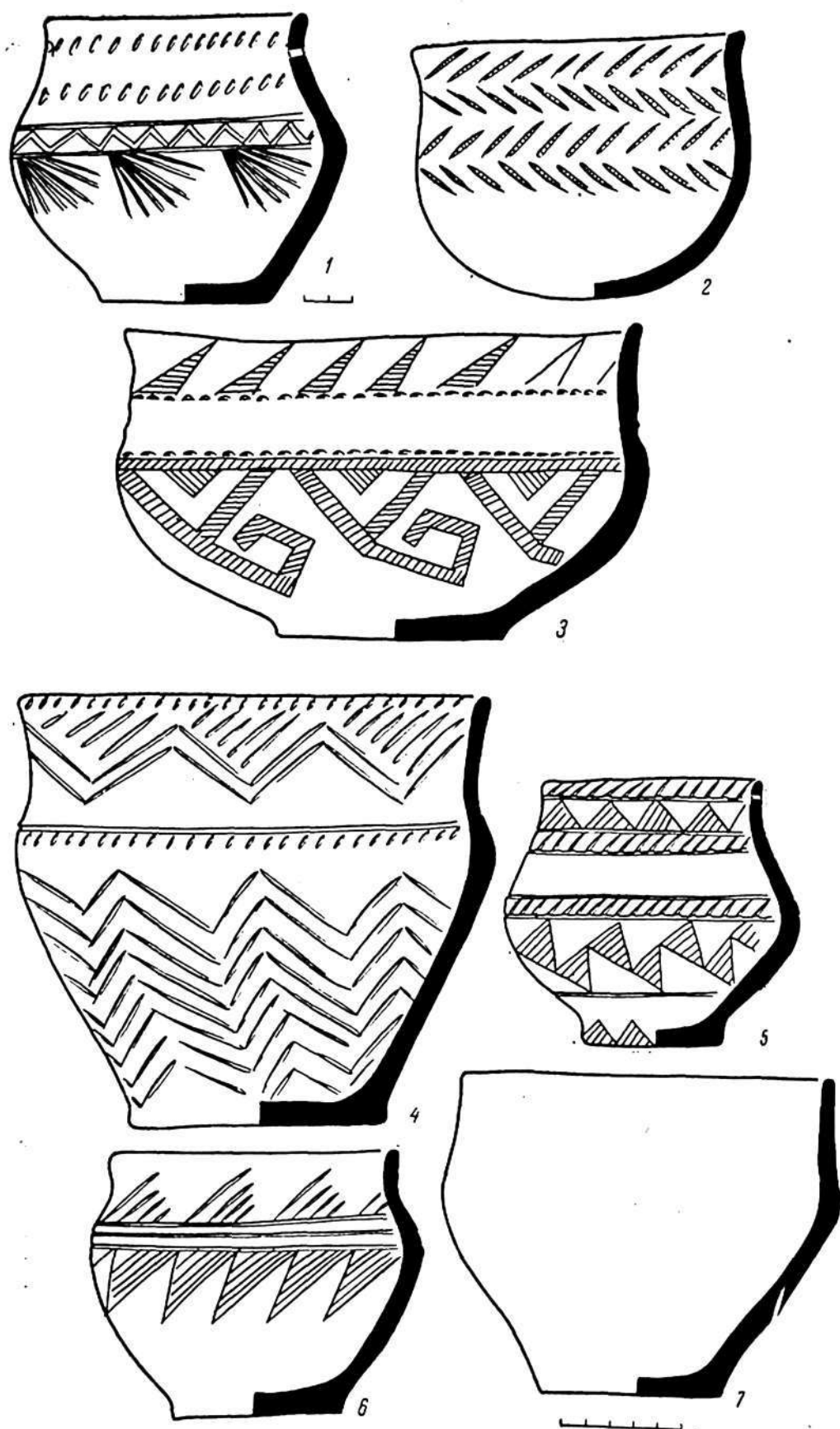

Рис. 50. Кокча 3. Керамика (1—7).

Наиболее полная коллекция керамики происходит из могильника Кокча 3 (рис. 50). Для этого комплекса характерны плоскодонные горшки с уступом, сосуды биконической формы и круглодонные чаши. Больше трети сосудов совсем без украшения. На остальных сосудах орнамент располагается на шейке и плечиках и очень редко вокруг дна. Преобладает в посуде могильника мотив равнобедренного заштрихованного треугольника. Встречаются часто незамкнутые треугольники, узор в виде «елочки» и др. Чаще всего применялся резной орнамент, но встречаются также каплевидные насечки и ногтевые вдавления. Почти совсем отсутствует гребенчатый штамп. Все эти признаки сближают керамику могильника с посудой именно алакульского этапа андроновской культуры. Вместе с тем особенности формы и орнамента некоторых сосудов восходят к керамике срубной культуры.

По многим признакам керамика кайрак-кумских стоянок сходна с посудой могильника Кокча 3. В ее орнаменте в отличие от Приаралья несколько чаще встречается гребенчатый штамп и отсутствуют такие мотивы, как веерообразные отрезки, треугольники с «ресничками» и др. Керамика низовьев Зеравшана мало чем отличается от посуды степных племен Приаралья и Ферганы.

В целом посуда среднеазиатских племен отличается от посуды племен центральных областей андроновской культуры наличием большого числа сосудов без орнамента или со скромным украшением, разнообразием посуды и своеобразием ряда орнаментальных мотивов.

Хозяйство

Пастушеское скотоводство и мотыжное земледелие — основные виды хозяйственной деятельности андроновских племен в главных районах их расселения — в Казахстане и Южной Сибири. И, видимо, они же были определяющими в хозяйстве среднеазиатских степных племен. Эти племена селились главным образом по берегам рек и озер в степных и пустынных районах, где были благоприятные условия для разведения скота и имелись хотя бы небольшие участки, пригодные для занятия земледелием.

В совсем иных условиях жили племена в высокогорных районах Центрального Тянь-Шаня (Арпа) и Памира. В этих местах развитие земледелия невозможно, поэтому хозяйственная деятельность населения несомненно отличалась от таковой в степных районах.

Весьма возможно, что освоение горных районов Средней Азии сопровождалось изменением в традиционных формах хозяйства и переходом уже на алакульском этапе к сезонным перекочевкам.

Условия жизни в пустынном и горном ландшафтах обусловили, вероятно, преимущественное развитие скотоводства в хозяйстве

среднеазиатских андроновцев. Они разводили крупный рогатый скот, лошадей, овец и коз, так же как и андроновские племена в других областях. Кости домашних животных найдены на поселениях (например, на Кават 3 в Приаралье, в Кайрак-Кумах и Ак-Танге), а также в захоронениях. Именно скотоводство было ведущей, постоянно развивающейся отраслью хозяйства того времени. Оно давало все большее количество продуктов, непрерывно прогрессировало и в конце эпохи бронзы привело к появлению новой формы хозяйства — кочевого скотоводства, которое стало возможным в результате развития коневодства. О возросшей роли лошади в жизни населения может свидетельствовать также находка статуэтки лошади на поселении Кават 3 в Приаралье (Итина, 1962). Скорее всего только использование лошади как верхового животного позволило освоить горные районы и проникнуть в глубь Тянь-Шаня и Памира.

В некоторых районах, например в Приаралье, занятие земледелием благодаря применению в это время искусственного орошения играло несколько большую роль. Здесь возле поселений андроновских племен выявлены остатки каналов ирригационной сети, а также полей. Для обработки земли применялись грубые каменные мотыги, для сбора урожая — бронзовые серпы. Продукты земледелия перерабатывались на ручных зернотерках, которые обнаружены в жилищах на поселениях в Приаралье.

Несомненно, известную роль играло также рыболовство. Об этом свидетельствуют неоднократные находки бронзовых рыболовных крючков в Приаралье и в Северо-Западной Фергане (М. Массон, 1953; Литвинский, Окладников и Ранов, 1962). Все крючки массивные, больших размеров и, очевидно, предназначались для ловли крупных рыб. Вероятно, в некоторых местах население занималось и охотой.

Все, что нам известно о хозяйстве и культуре степных племен Средней Азии, наглядно свидетельствует об их прогрессивном развитии по сравнению с предшествующим периодом (эпохой неолита и энеолита), когда господствовали присваивающие формы хозяйства охотников-рыболовов и собирателей. Вместе с тем по уровню хозяйства степные племена значительно уступали современным им оседлоземледельческим общинам юга Туркмении и даже чустским племенам Ферганы.

В экономике степных племен большую роль играли добыча руд и обработка меди и бронзы. В разных местах обнаружены бесспорные свидетельства развития металлургии и металлообработки в виде находок руды, литейных форм, шлаков и самих металлических изделий. Так, в Кайрак-Кумах в ряде мест обнаружены куски руды и несколько скоплений шлака, количество которого достигает 1.5—2 т. Такие скопления, очевидно, представляют собой остатки мест плавки руд, причем плавилась

как самородная медь, так и богатая окисленная руда, содержащая серу. Плавка сернистых (сульфидных) руд представляет более сложный процесс, что говорит о большом умении и опыте древних мастеров.

На одном поселении, в Кайрак-Кумах, найдено три литейных формы из песчаника. Одна — для отливки вислообушных топоров с гребнем вокруг втулки. Другая форма служила для изготовления вислообушных кирок — орудия своеобразной формы, встречающейся очень редко. Третья находка представляет собой небольшой обломок литейной формы (Литвинский, 1959б).

Металлические изделия племен Средней Азии в значительной части по форме очень сходны с изделиями других степных племен. Это, конечно, не означает, что они изготавливались в одном каком-либо месте и затем оттуда распространялись в разные области. Степные племена Средней Азии искусство обработки металла заимствовали первоначально у земледельческих южнотуркменских общин. Это наглядно проступает в формах медных изделий доандроновского комплекса Заман-Бабы. Для андроновского периода уже можно говорить о местном производстве металла. Своеобразие металлического производства среднеазиатских племен проявляется как в особенностях форм некоторых изделий (например, браслетов с рожками), так и в химическом составе сплавов.

Результаты химических анализов изделий из Северной Киргизии, Ферганы, низовьев Зеравшана и других районов свидетельствуют о разном составе сплавов и, следовательно, об использовании разных рудных месторождений. Среди изученных предметов имеется небольшое количество медных, но преобладают изделия из бронзы. Проведенные химические исследования позволяют говорить о самобытном облике среднеазиатских центров обработки металла (Копылов, 1955; Итина, 1961; Богданова-Березовская, 1962; Литвинский, Окладников и Ранов, 1962).

Вопросы общественного строя

В рассматриваемое время отмечается общий подъем производительных сил общества, проявившийся особенно в развитии металлургии, скотоводства и земледелия. Одним из последствий его явились увеличение численности населения степей и появление более прочной оседлости.

Следует полагать, что развитие металлургии и скотоводства способствовало увеличению роли мужчины в хозяйстве и общественной жизни. Образуется большая патриархальная семья, которая и составляет основную общественную ячейку. Эти изменения нашли отражение в погребальном обряде. Так, существо-

вание парных разновременных захоронений и устойчивой традиции разного трупоположения мужчин и женщин (супругов) в могильнике Кокча 3 можно рассматривать как отражение патриархальных отношений. Мужчин, как правило, клали на правый бок, а женщин — на левый. Поскольку детей, как и мужчин, клали на правый бок, то из этого можно заключить о бытовании патрилинейной формы счета родства (Итина, 1961; Сорокин, 1962). Подобные захоронения были отмечены еще на раннем этапе в пору заман-бабинской культуры, когда, вероятно, уже имело место возникновение патриархальных отношений.

С развитием производительных сил и особенно в связи с переходом к новой системе скотоводческого хозяйства (систематическим и регулярным сезонным перекочевкам) происходят изменения и в социальном строе общества. Ослабевает общинная собственность на скот, и он переходит во владение отдельных патриархальных семей. Развитие частной собственности семьи на скот со временем приводит к неравномерному накоплению богатств и развитию имущественного неравенства в родовой общине. В археологических материалах это проявилось в появлении отдельных захоронений с большим количеством высоко ценившихся в то время вещей, положенных в могилу. Такие богатые погребения выявлены в могильнике Таш-Тюбе в Таласе, где в одной могиле найдено очень много бронзовых, стеклянных и сурьмяных бус, а также в могиле возле Ургута в долине Зеравшана. В могильнике Кокча 3 тоже имеется захоронение, где вместо обычных двух браслетов было положено пять. Все сказанное позволяет сделать вывод, что среднеазиатские андроновские племена находились на последних этапах развития родового строя, когда возникли предпосылки для его разложения.

Анализируя с точки зрения родовой организации общества данные о распределении поселений и других памятников степных племен, можно сделать некоторые заключения.

Вполне понятно, что сотни стоянок и поселений андроновской культуры в Приаралье оставлены не одним родовым коллективом. Небольшие дома-полуземлянки (размером в 100—150 м²) на поселениях Ангка 5 и Кават 3, вероятно, служили жилищем патриархальной семьи. В таком случае поселение, состоящее из нескольких жилищ, представляет собой скорее всего родовой поселок. Совокупность нескольких таких поселков принадлежала, по-видимому, отдельному племени. Исходя из количества известных в настоящее время памятников в Приаралье, можно предположить, что на этой территории обитало не одно племя, а целая группа племен. Особенности развития хозяйства и некоторое своеобразие материальной культуры дают основания рассматривать население Приаралья (Хорезма) в качестве особой этнической группы племен, составляющей, быть может, племенной союз.

Имеющиеся три группы стоянок в Кайрак-Кумах тоже можно рассматривать как памятники отдельных родовых коллективов, объединенных в племя. Другие группы племен или племенные союзы населяли долины Зеравшана и Кашка-Дарьи, горные районы Северной Киргизии и Южного Казахстана. Все имеющиеся факты говорят о довольно сложном общественном устройстве степных племен в андроновское время.

Проблема происхождения

Единого мнения по вопросу о происхождении андроновской культуры и появлении ее в Средней Азии не имеется. В настоящее время существует две теории. Одна из них говорит о сложении среднеазиатского варианта андроновской культуры на основе развития какой-то местной энеолитической культуры, а вторая — о приходе андроновской культуры в уже готовом виде с севера.

Первоначально С. П. Толстовым было высказано предположение о происхождении ее от кельтеминарской культуры (Толстов, 1948б; Гулямов, 1949). Это предположение было поддержано А. А. Формозовым по материалам Западного Казахстана (Формозов, 1949). Однако конкретных фактов, позволивших бы увязать обе эти культуры, до сих пор не выявлено. Поэтому С. П. Толстов в последующих работах отказался от прежней точки зрения и примкнул к сторонникам теории переселения андроновцев. Имеется также мнение, что основой для сложения андроновской культуры могла послужить гиссарская позднеэнеолитическая культура горных районов (Литвинский и Ранов, 1961). По другой точке зрения, корни этой культуры восходят к комплексам Заман-Бабы (Латынин, 1958). Представленные варианты теории автохтонного развития андроновской культуры объединяются попыткой проследить местные корни этой культуры.

Сторонники второй теории считают, что андроновская культура сложилась на территории Казахстана, затем на алакульском этапе была привнесена в Среднюю Азию и проникла до южных ее районов (Черников, 1960; Акишев и Кушаев, 1963). Вариантом этой концепции является гипотеза о формировании тазабагтябской культуры Хорезма в зоне контактов срубных и андроновских племен на территории Среднего Заволжья и Южного Приуралья (Толстов и Итина, 1960; Итина, 1962).

Анализируя обе теории, следует прежде всего сказать, что андроновскую культуру со всеми присущими ей своеобразными признаками материальной культуры никак нельзя полностью вывести из более ранних местных комплексов — позднего Кельтеминара, гиссарской культуры и особенно заман-бабинской. Возможно, некоторые районы Средней Азии были заселены андроновскими племенами уже на федоровском этапе одновременно со всеми другими областями распространения этой культуры.

Однако подавляющее большинство известных в настоящее время в Средней Азии памятников относится к алакульскому этапу. Вполне вероятно, что именно в этот период произошло значительное расширение ареала среднеазиатских андроновцев в результате прихода с севера новых андроновских племен.

Однако картина была более сложной и ее нельзя сводить к простому переселению племен с севера. Об этом говорят, в частности, антропологические данные. Среди погребенных в могильнике Кокча 3 имеются представители двух расовых типов — европеоидного долихокранного средиземноморского типа и другого европеоидного типа, характерного для степных племен эпохи бронзы (срубной культуры Поволжья и андроновской культуры Казахстана). Причем замечено, что серия черепов из Кокчи 3 несет следы, вероятно, недавнего смешения населения. Из всего этого вытекает заключение о разнородности населения Приаралья в антропологическом отношении (Трофимова, 1957, 1959, 1961б). Единственный определенный череп из Вуадильского могильника сходен с черепами второго типа из могильника Кокча 3 (Трофимова, 1959).

В Фергане, так же как и в Приаралье, наряду с населением европеоидного степного типа были распространены представители долихокранного средиземноморского типа, характерного для чустских земледельческих племен (Гинзбург, 1962; Зезенкова, 1958). Существование населения этих двух типов отмечается и в памятниках поздней бронзы юга Туркмении (Гинзбург, 1959). Такая разнородность населения была, вероятно, характерна для Средней Азии, где степные племена являлись непосредственными соседями земледельческих. Среди последних средиземноморский расовый тип был распространен, например, в Южной Туркмении начиная по крайней мере со времени энеолита (IV тыс. до н. э.).

Среднеазиатские степные племена отличались в антропологическом отношении от населения основных областей андроновской культуры. Почти на всей территории андроновцев распространена была особая разновидность европеоидной расы — андроновский тип, характеризующийся мезокранным черепом, прямым лбом, низким и очень широким лицом и значительно выступающим носом (Гинзбург, 1956). Этот тип в небольшом количестве представлен в могильнике Кокча 3. Но в целом погребенные здесь люди ближе стоят к населению срубной культуры, чем к андроновцам.

В последние годы появились также материалы, свидетельствующие о разнородности андроновского населения Западного Казахстана. В могильнике Тасты-Бутак выявлена серия черепов средиземноморского типа, сходная с черепами Нижнего Поволжья и Приаралья. Совершенно отчетливо устанавливается сходство их с первым расовым типом могильника Кокча 3. Все эти факты говорят о разнородности и смешанном характере населения андроновской культуры Средней Азии и Западного Казахстана,

а также о том, что среднеазиатские племена отличались друг от друга в антропологическом отношении. Эти факты говорят и о том, что передвижение населения, возможно, происходило не только с севера на юг, но и в обратном направлении.

Что касается языковой принадлежности андроновских племен, то наибольшим распространением пользуется гипотеза об ираноязычности их. Она основывается главным образом на факте прямой преемственности в развитии культуры между срубными и андроновскими племенами, с одной стороны, и саками, савроматами и скифами — с другой, поскольку ираноязычность последних не вызывает особых сомнений (Бернштам, 1952а; Толстов, 1948б). В литературе даже высказано предположение, что иранизация срубных и андроновских племен является результатом влияния степных племен Приаралья.

Совершенно очевидно также, что в Средней Азии население в период ранней бронзы уже было (теория К. А. Акишева о «пустых пространствах», таким образом, неприемлема), и поэтому пришедшие на федоровском этапе андроновские племена должны были вступить в контакт с местным населением и, очевидно, ассимилировать его. Во всяком случае локальное своеобразие культуры разных групп среднеазиатских племен, возможно, отражает разную степень ассимиляции местных элементов, будь то потомки поздних кельтеминарцев, заман-бабинцев или потомки племен гиссарской культуры.

Более того, вполне вероятно, что формирование андроновской культуры, хотя и неодновременно, происходило не в одной какой-либо области, а в разных областях обширной территории, ранее заселенной близкими по культуре энеолитическими племенами, а это несомненно содействовало общности культуры их потомков.

В настоящее время, очевидно, можно проследить два направления связей и культурных влияний, обусловленных, вероятнее всего, передвижениями племен. Первое, западное направление — из западноказахстанской области андроновской культуры, где отмечается также примесь срубных элементов или даже собственно срубной культуры. Быть может, с этим следует связывать появление срубных элементов в Северо-Западной Туркмении. Другое, восточное — из центральноказахстанской и восточноказахстанской областей андроновской культуры в сторону Северной Киргизии, Ташкентского оазиса и Ферганы. Здесь отсутствуют срубные элементы и более отчетливо проявляются признаки классической андроновской культуры — захоронения в курганах и каменных ящиках, обряд трупосожжения, орнаментация глиняной посуды, набор украшений и т. д. (Акишев и Кушаев, 1963; ср.: Черников, 1960). Весьма возможно, именно этим направлением связей можно объяснить появление обряда захоронения в ящиках на юге Таджикистана, в Бишкентской долине.

В низовьях Аму-Дарьи, в историческом Хорезме, в первой трети I тыс. до н. э. была распространена амирабадская культура, характеризующаяся, как и андроновские памятники, поселениями, состоящими из полуземлянок, и лепной керамикой, изредка орнаментированной насечками на плечиках сосудов (Толстов, 1962а; Итина, 1963а). По наблюдениям С. П. Толстова, у населения Хорезма в этот период отмечается развитие ирригации, в частности проводятся каналы в несколько километров длиной (Толстов и Андреев, 1957). Интереснейший материал для характеристики племен данного времени с преимущественно скотоводческим направлением хозяйства дали раскопки могильника Тагискен, проведенные Хорезмской экспедицией под руководством С. П. Толстова (Толстов, 1962а, 1962б; Толстов и Итина, 1964).

Тагискен — усыпальница вождей

Могильник Тагискен находится на правом берегу Инкар-Дарьи в дельте р. Сыр-Дарьи, на бугре Тагискен. Около 20 больших и малых курганов беспорядочно расположено здесь на площади протяжением около 400 м вдоль берега теперь сухого русла. Они принадлежат по крайней мере к двум периодам. Из 5 раскопанных курганов 4 относятся к эпохе поздней бронзы, один — к сакскому времени (VI—V вв. до н. э.). Курганы эпохи бронзы представляют собой сглаженные временем руины больших мавзолеев, построенных из сырцового кирпича и окруженных пристроенными к ним или группирующимися около них небольшими могильными сооружениями разных форм и размеров. На вскрытой раскопками, сравнительно небольшой площади могильника открыто 7 различных могил около одного мавзолея, 6 — у другого и 3 — у третьего. В целом кладбище состояло, видимо, из десятка, а может быть и больше, крупных мавзолеев и значительного числа расположенных вокруг них и между ними небольших по размерам могил разного устройства (Толстов, 1962а, 1962б; Толстов, Жданко и Итина, 1963).

Самый большой мавзолей (№ 6) представлял собой круглое снаружи и квадратное внутри массивное строение (рис. 51). Диаметр его около 15 м, стены толщиной до 4 м. Внутреннее квадратное помещение площадью в 50 м² углублено почти на 1.5 м в землю. Строение это обведено круглой же мощной стеной, отстоящей от него на 2 м. Все это сооружение первоначально имело приблизительно такой вид: монументальное круглое здание в 6—8 м высотой, окруженное стеной 3-метровой высоты и толщины. Внутренние стены погребального помещения были обложены толстым слоем камыша и веток и, судя по находке более 100 бронзовых гвоздей, задрапированы какими-то

коврами. Пол устлан циновками. От перекрытия помещения ничего не сохранилось. Можно предполагать, что оно было купольным, дарбазного типа.

Три других мавзолеев более сложного устройства и несколько меньших размеров также величественны и монументальны. Конструкция их не вполне понятна. Квадратная погребальная камера в одном случае (мавзолей № 7) сложена из кирпичей, в двух других стены ее образованы кирпичными колоннами и рядами деревянных столбов (мавзолеев №№ 4 и 5). Камера окружена кольцевым, по-видимому, крытым «коридором» шириной в 2 м, отстоящим от камеры на 1.5—2 м. Каркасом внешней стены коридора служит ряд часто поставленных деревянных столбов, а внутренняя, более монументальная стена сооружена, как и стены камеры, из кирпича или образована чередующимися кирпичными колоннами и рядами столбов. Наконец, снаружи все это обведено массивной кирпичной квадратной оградой со стенами 3-метровой толщины. Ограда серединой своих сторон вплотную примыкает к наружной стене кольцевого коридора, а в свободных углах ее поставлено по одной массивной, сложенной из кирпича колонне, также примыкающей к стене коридора. Назначение колонн остается совершенно непонятным. Первоначальный общий вид этих трех мавзолеев был примерно таков: квадратная массивная ограда, к которой внутри примыкает более высокий, крытый кольцевой коридор, а в центре, как бы в круглом дворике, помещается относительно небольшой квадратный домик (5×5 и даже 3×3 м).

Вход в ограду и в погребальное помещение во всех мавзолеех сделан с восточной стороны. Вероятно, в связи с этим все меньшие могильные сооружения пристроены и с севера, и с юга к большим мавзолеем. Эти малые могилы в одних случаях повторяли в упрощенном виде конструкцию больших мавзолеев, в большинстве же своем имели вид небольших прямоугольных оград. Они также обращены входом на восток (рис. 51).

Все мавзолеев ограблены и все сгорели. Когда это произошло, сказать трудно. Несомненно, что то и другое было в древности, причем ограбление предшествовало пожару. Это следует из того, что стены и другие архитектурные части сооружения не нарушены, а сохранившиеся в камерах остатки всего захороненного и следы пожара (угли, зола) находятся на полу и отсутствуют в «насыпи» кургана.

Нельзя поэтому следы огня в Тагискене приписывать обряду трупосожжения, как это делают некоторые исследователи могильника (Толстов, Жданко и Итина, 1963). Нельзя этого делать еще и потому, что этнография не знает примеров, когда бы сооружались огромные монументальные здания лишь затем, чтобы сжечь их вместе с помещенным в них покойником. Ведь мавзолей № 6 в Тагискене по своим размерам (точнее, по массе употребленных

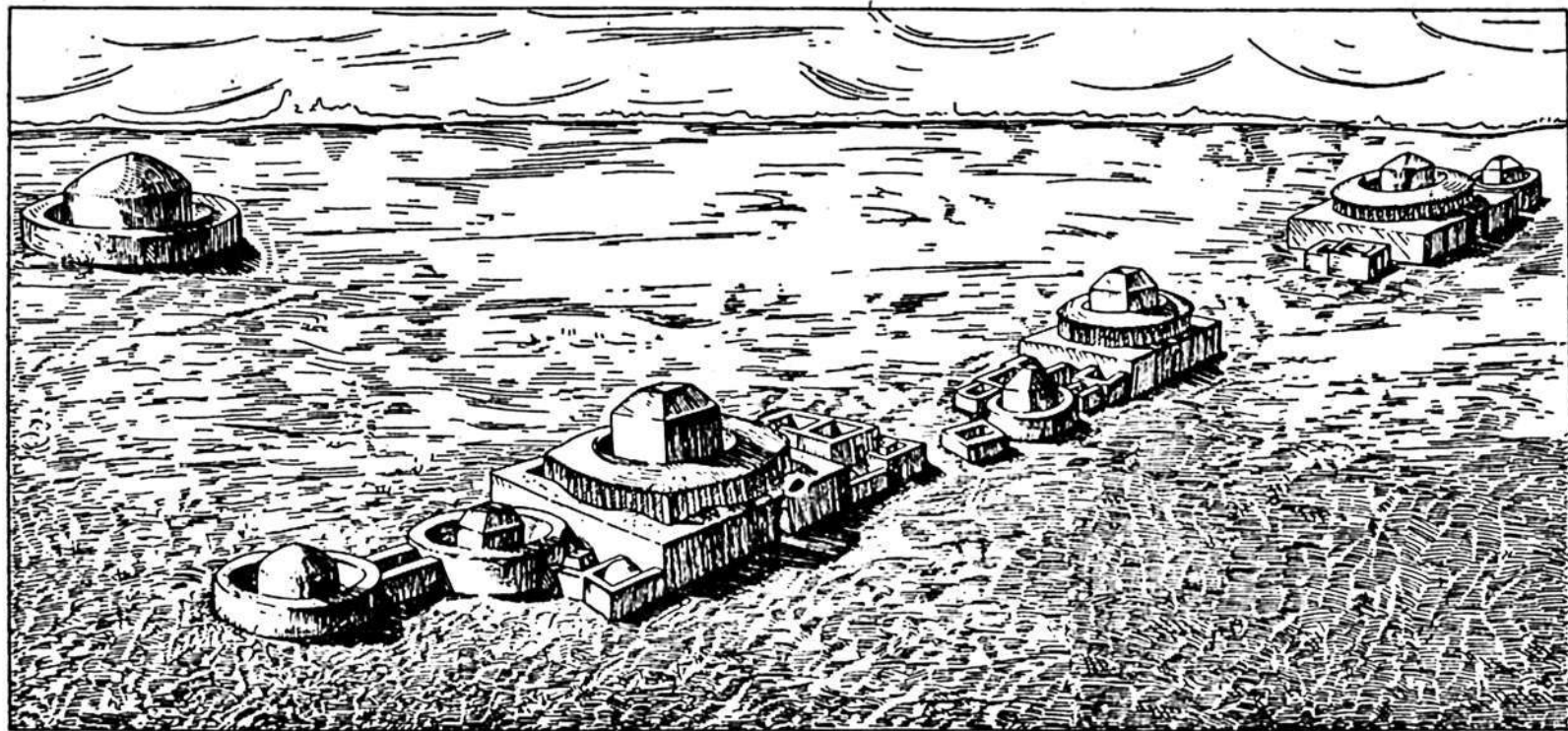

Рис. 51. Тагискен. Общий вид мавзолеев. (Реконструкция М. П. Грязнова).

на сооружение строительных материалов) лишь немногим уступает, например, знаменитому монументальному мавзолею Гур-Эмир в Самарканде, в котором был погребен Тимур.

О богатстве могил в Тагискене говорят не только размеры мавзолея. Просторные погребальные камеры площадью по 15 и даже 50 м² каждая предназначались, видимо, для помещения в них разнообразного и пышного инвентаря, сопровождавшего умерших. Грабители, огонь и время уничтожили большую часть погребенного, но и оставшееся дает представление о пышности и роскоши похоронного обряда. Умершего снабжали обильной, вероятно разнообразной пищей в большом количестве сосудов — до 60 в одной могиле (мавзолей № 6). Основная масса посуды — это небольших размеров миски, горшки и кувшины. Все они лепные, очень хорошей выделки, чернолощенные,³ с нарядным тисненым геометрическим орнаментом, часто с белой инкрустацией. Один горшок даже украшен 4 золотыми обоймочками по венчику. Несомненно, что эта посуда представляет собой лучшие отборные образцы из имевшихся в соорудившем могилы обществе.

Других вещей сохранилось совсем немного. Это прежде всего упомянутые уже бронзовые гвозди для навешивания ковров, войлоков или других каких-то драпировок на стенах мавзолея № 6. Уцелело несколько золотых украшений: оригинальной формы массивная литая серьга, бусы, а также миниатюрные медные гвоздики с позолоченной головкой и др. В двух могилах (мавзолей №№ 4 и 7) найдены бронзовые втульчатые наконечники стрел с характерным, очень узким пером. Бронзовые изделия представлены еще обломком серпа, большой серповидной или полулунной подвеской, игловидными или булавовидными предметами. Интересны также несколько костяных пластинок с кружковым и спиралевидным орнаментом и нитка сердоликовых цилиндрических бус.

Нет сомнения, что мавзолеи Тагискена были усыпальницами представителей высшей племенной знати, вероятно племенных вождей. Рядом с ними хоронили, видимо, членов их семей и приближенных слуг. Могилы этих лиц были богаты. Так, например, в пристроенной с севера к мавзолею № 5 могиле найдены 40 нарядных горшков, золотые серьги и бусы.

Вопросы датировки

Вещевой материал Тагискена находит себе очень близкие аналогии в менее богатых могильниках и в могильниках основного населения культур карасукского типа Сибири и Казахстана. Шаровидные и сплюсненно-шаровидные формы тулова сосуда с вы-

³ Свою первоначальную черную блестящую поверхность сохранила только часть сосудов. Остальные от действия сильного огня при пожаре приобрели красный цвет.

пуклым или плоским дном, иногда на поддоне, с характерным «карасукским» прямым венчиком, чернолощенная поверхность, геометрические тисненные орнаменты, происходящие от андроновских и во многом еще на них похожие, часто с ними идентичные, наконец, белая инкрустация — все это свойственно керамике типа Дындыбай—Бегазы в Центральном Казахстане, карасукской керамике Верхней Оби и Енисея. Некоторые сосуды из могильников Карасук I и Ярки I на Енисее по формам и орнаментам настолько сходны с тагискенскими, что легко сделать ошибку, определяя, какой из них происходит из Приаралья, какой — с Енисея. Правда, в целом тагискенская керамика отличается значительно большим разнообразием форм, нарядностью и пышностью орнамента. Кроме того, эта чернолощенная керамика Тагискена во многом сходна и с подобной керамикой кобанской и ходжалы-кедабекской культур на Кавказе.

Бронзовые и золотые вещи Тагискена немногочисленны и своеобразны. Пока близкие им аналогии в других районах неизвестны. Исключение составляют лишь бронзовые втульчатые наконечники стрел, совершенно подобные таким же наконечникам в могильнике Дындыбай.

Своеобразные конструкции надмогильных сооружений Тагискена также следует сравнивать прежде всего с сооружениями карасукского времени в Центральном Казахстане, которым тоже свойственно сочетание прямоугольных и круглых стен в одном памятнике (Бельсар, Канат-Тас), наличие пристроенных малых могил к первой (основной), более богатой могиле. В некоторых случаях, как например в мавзолее Аксу-Аюлы, надмогильные сооружения по своей монументальности и сложности конструкции особенно близки тагискенским (Маргулан, 1959, стр. 34—37).

Ранние мавзолеи Тагискена принято относить к началу I тыс. до н. э., а именно к X—VIII вв. до н. э. Однако они сходны с памятниками дындыбай-бегазинского типа в Казахстане и карасукского в Южной Сибири, а со сменившими последние в X—VIII вв. до н. э. памятниками ивановско-замараевского типа в Казахстане и каменноложского на Енисее они почти ничего общего не имеют. Поэтому в относительной хронологии Тагискена находит себе место после андроновской культуры в периоде, для которого характерны памятники типа Дындыбай—Бегазы—Карасук и который предшествует появлению памятников ивановского и замараевского типов [поселения: Улу-Тау, Бугулы II, Суук-Булак; могильники: Боровое (ограда 1, 1954), Черняки (курганы 36, 37)]. В абсолютной хронологии время сооружения мавзолеев Тагискена, как и памятников карасукской культуры, надо относить к концу II тыс. до н. э.⁴

⁴ Мнение М. П. Грязнова об отнесении к этому времени всех тагискенских мавзолеев ранней группы редакцией не разделяется.

Культура строителей мавзолеев

Надо полагать, что местоположение усыпальниц племенной знати Тагискена находилось в центре расселения какой-то большой этнической группы с культурой типа Дындыбай—Карасук, занимавшей значительную часть степей и полупустынь Средней Азии. Нам известны пока лишь незначительные следы ее пребывания здесь. Один сосуд и несколько фрагментов керамики, близкой по форме и орнаментам к керамике Тагискена—Дындыбая, найдены на р. Зеравшане. Небольшая серия такой же керамики, правда иного варианта, собрана в районе сел Каинда и Джаильма на р. Чу.

Материалов пока еще недостаточно, чтобы дать по ним сколько-нибудь полную картину жизни степных племен Средней Азии в конце II тыс. до н. э. Но общее представление мы можем получить главным образом по аналогии с более детально изученными районами Казахстана и Сибири. Большое количество в могилах костей животных, преимущественно крупного рогатого скота, как и в памятниках карасукской культуры, указывает на весьма значительную, если не основную, роль пастушеского скотоводства молочной направленности. С крупным рогатым скотом в течение многих веков кочевали массагеты и скифы. Можно предполагать и наличие мотыжного земледелия в условиях скотоводческого яйлажного хозяйства при ежегодных переселениях с зимних пастбищ на летние и обратно.

Полукочевники Приаралья имели, видимо, оживленные связи с населением земледельческих оазисов. От земледельцев могли быть заимствованы некоторые строительные приемы и прежде всего изготовление для мавзолеев сырцового кирпича. Несомненно, от земледельцев получена сделанная на гончарном круге посуда.

Наличие особого кладбища, где сооружались величественные мавзолеи для погребения в них представителей высшей племенной знати, вокруг которых лепились могилы членов их семей и, вероятно, зависимых сородичей, служит указанием на далеко зашедшее разложение патриархального рода, на выделение слоя богатой племенной и родовой аристократии. Возможно, что подобные же богатые усыпальницы племенных вождей будут найдены со временем и в других центрах расселения скотоводческих племен Казахстана и Сибири этого времени. Но пока Тагискен является единственным памятником, не имеющим себе равных по величине и сложности надмогильных сооружений, по богатству и пышности погребального инвентаря.

Глава 5.

Памятники „степного“ круга эпохи бронзы на юге Средней Азии

Памятники позднего этапа эпохи бронзы в южных областях Средней Азии, не входящих в территорию распространения оседлоземледельческих культур, стали предметом изучения только в недавнее время. Наиболее важные из них обнаружены лишь в последние годы; результаты исследований пока не опубликованы. Имеющиеся материалы, включая и случайные находки, очень скудны и крайне неравномерны по своему географическому распределению; кроме того, интерпретация их в ряде случаев представляет значительные трудности. В силу этих причин предлагаемая здесь попытка обобщения не может претендовать на полноту, а ряд высказываемых ниже положений должен рассматриваться лишь в гипотетическом плане.

„Степная“ периферия запада Средней Азии

Накопленные за последнее время данные свидетельствуют о том, что для правильного понимания основных процессов, наблюдающихся в Средней Азии на позднем этапе эпохи бронзы, необходим тщательный учет материалов из областей, лежащих на периферии от основных центров оседлоземледельческих культур. В первую очередь это относится к обширной территории пустынь и полупустынь, простирающейся от Усть-Урта до северных отрогов Хорасанской горной системы. Здесь уже сравнительно давно были отмечены находки лепной керамики с геометрическим орнаментом. В последнее десятилетие число таких пунктов заметно увеличилось, что позволило условно выделить три географически обособленные группы: 1) Красноводский полуостров и Средний Узбой, 2) окраины песков, противолежащие Копет-Дагу, и 3) низовья Мургаба (Кузьмина, 1964а).

Характерной особенностью указанной керамики, позволяющей относить ее к позднему этапу эпохи бронзы, является нали-

чие геометрического узора простейших вариантов (зигзаги, елочки, косые кресты, иногда заштрихованные треугольники), насечек на венчиках и в отдельных случаях налепного валика (часто с насечками или вмятинами). Датирующим признаком может служить также наличие специфического утолщения у дна. Основными формами сосудов, судя по фрагментам, являются плоскодонные горшки с широким низким горлом, близкие к баночным, и с более округлым туловом, а также сосуды менее ясные по облику, имеющие широкое тулово и сравнительно узкую горловину. Почти все они сходны с керамикой северных, степных культур Евразии.

Находки последних лет позволяют расширить ареал упомянутой выше первой группы находок: это фактически вся территория севернее Больших Балхан до Кара-Богаз-Гола (хотя северная граница остается еще неясной). Новые материалы дают уже основание полагать, что на обширном пространстве севернее Больших Балхан в поздний период эпохи бронзы обитало сравнительно многочисленное население, культуре которого свойственна известная общность.

Очень важны для его характеристики погребения двух небольших могильников, расположенных у северного склона Больших Балхан, у выхода на равнину Патма-Сая и Каралемата-Сая. Здесь наряду с погребальными сооружениями античной эпохи исследованы сильно разрушенные каменные курганы, под которыми располагались сравнительно небольшие грунтовые ямы прямоугольной или овальной формы, вытянутые с запада на восток. Ямы были перекрыты большими плитами, на которых сохранились следы разведения огня (угли), а в одном случае, вероятно, тризны. Погребенные лежат на левом боку в скорченном положении, головой на восток (рис. 52, 1). Сопровождающий инвентарь представлен только керамикой (однако в одном случае, видимо, имелся деревянный сосуд) — это сравнительно небольшие лепные горшки близкой к баночной формы. Орнамент имеется только на одном сосуде — поясок треугольных вмятин под краем.

Обряд погребения (прежде всего строго повторяющееся положение скелета при неизменно восточной ориентации) и формы глиняных сосудов позволяют относить исследованные курганы обоих могильников к позднему этапу эпохи бронзы и сближать их с памятниками срубной культуры.

Для суждений относительно хозяйства и образа жизни населения рассматриваемой территории почти нет прямых данных. Единственная находка, которая может быть нами использована — обломки челюсти коровы, найденные на перекрытии ямы в одном из курганов могильника Каралемата-Сай, — свидетельствует о скотоводческом хозяйстве. К такому же заключению позволяет прийти и учет естественногеографической среды — почти повсеместное отсутствие условий для земледелия. Что касается возможности предполагать существование охоты как ведущей формы

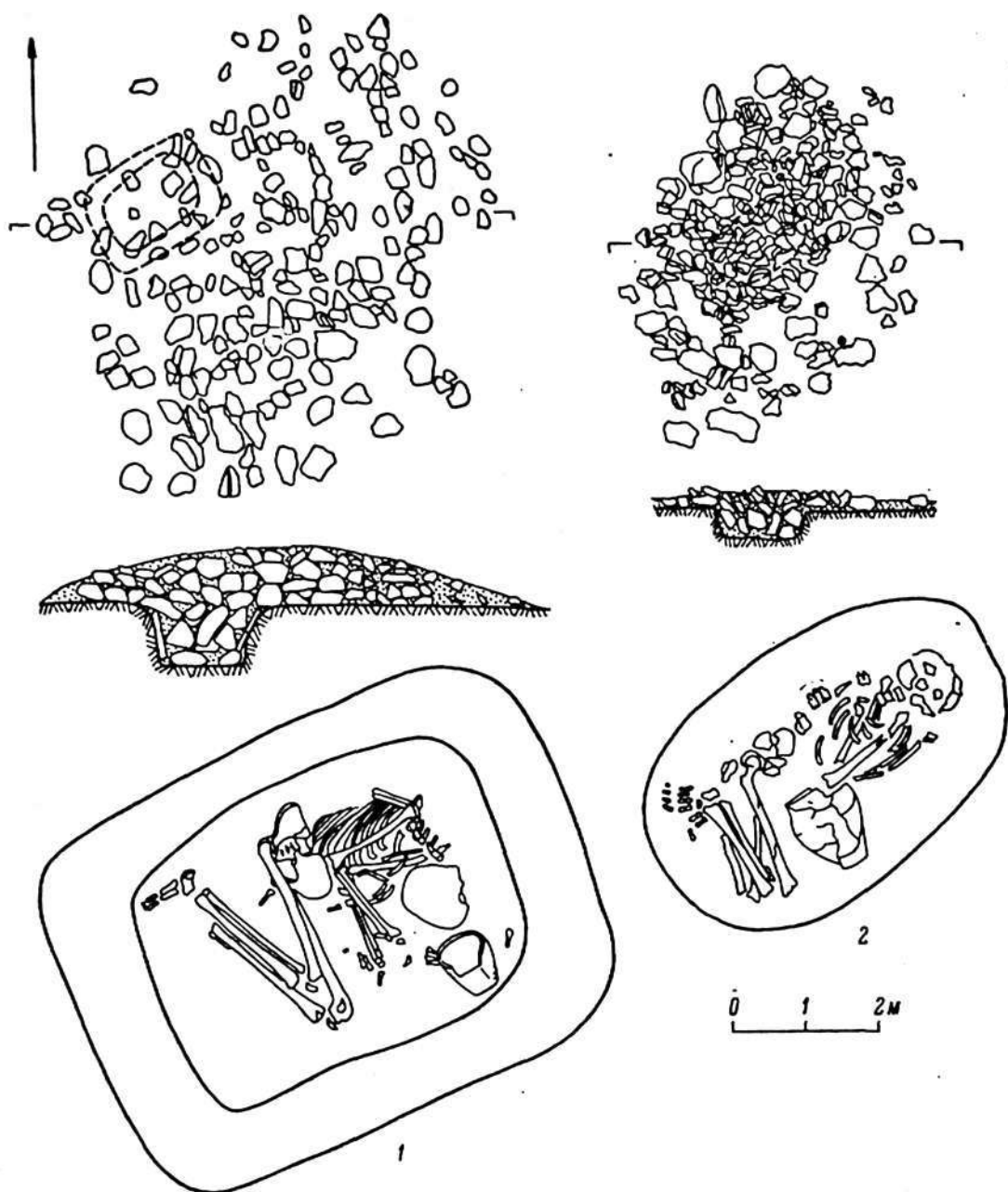

Рис. 52. Западная Туркмения. Погребения эпохи бронзы (1, 2).

хозяйства, то для позднего этапа бронзы это весьма маловероятно. Необходимость исключения этого предположения становится еще более очевидной, если учесть отмеченную близость погребений к срубной культуре. Последнее указывает и направление, в котором следует решать вопрос о происхождении этого населения. Очевидно, оно если не целиком, то во всяком случае в значительной своей части неместное, передвинувшееся с более северной территории. Когда и при каких условиях это произошло, пока остается неизвестным.

Две другие группы пунктов, где зафиксировано наличие керамики «степного» типа, в основном охватывают ближайшую пе-

риферию земледельческих оазисов. Такое положение, естественно, ставит вопрос о том, не имеем ли мы в данном случае свидетельство передвижения скотоводческих племен на юго-восток, к областям древней культуры. Делать твердые заключения на основании лишь фрагментарного керамического материала невозможно, но значительно более прочной базой здесь могут служить погребения, число которых, правда, еще очень невелико.

В трех могильниках, расположенных у самого подножия Копет-Дага, западнее Кизыл-Арвата, обнаружены погребения, относящиеся к рассматриваемому времени. В одном случае (Газылгы-Кум) под большой каменной насыпью располагалась подпрямоугольная яма, вытянутая с запада на восток, на дне которой был обнаружен частично сожженный скелет. Положение погребенного, однако, прослеживается полностью: он лежал на левом боку скорченно, головой на восток. За черепом стояла лепная миска, украшенная пояском резных зигзагов.

В двух других могильниках (Парау I и II) курганы значительно меньших размеров и иные по ряду особенностей конструкции. В последнем это, вероятно, не насыпь, а разрушенная круглая ограда. Погребения здесь обнаружены в неглубоких овальных ямах, вытянутых с запада на восток. Скелеты плохой сохранности расположены на левом боку в скорченном положении, головой на восток (рис. 52, 2). В каждом из них имеется лепной горшок близкой к банкообразной формы, без орнамента.

Все эти погребения как по обряду, так и по характеру керамики чрезвычайно близки к погребениям у Больших Балхан. По всем признакам они также могут быть отнесены к позднему этапу бронзы и рассматриваться как памятники, родственные срубной культуре. Таким образом, мы имеем несомненные свидетельства распространения скотоводческого населения северо-запада вплоть до западной окраины южной зоны оседлоземледельческих культур. Это документировано «физическим» присутствием представителей его, не допускающим (как в случае использования для заключений только керамических находок) каких-либо иных толкований.

В более восточных районах погребения рассматриваемого круга пока неизвестны, однако здесь наблюдается важное явление другого порядка. На ряде памятников земледельческого населения обнаружена керамика «степного» облика и притом в отдельных случаях даже в культурном слое. Истолкование этого факта может быть только одно: скотоводческие племена в определенный период проникают и в пределы земледельческих оазисов, что явилось одной из причин гибели некоторых поселений и общей тенденции к «огрубению» культуры.

Имеющиеся данные еще не позволяют восстановить картину событий этого времени. По-видимому, они были сложными и развивались на протяжении сравнительно большого промежутка

времени, частично захватывающего период Намазга VI и неясный пока по длительности разрыв между последним и комплексом Яз I. При всей существующей неполноте данных отчетливо выступает активная роль в событиях скотоводческих племен, передвинувшихся с севера.

Находки керамики, о которых шла речь выше, неоднократно интерпретировались в плане определения их культурной принадлежности в более узком смысле. Единства точек зрения здесь нет, что вполне естественно. Одни исследователи считают, что эта керамика андроновского круга (Латынин, 1958), другие уверенно называют ее тазабагъябской и даже говорят о передвижении носителей последней на юг (Толстов и Итина, 1960). Имеются и менее конкретные определения — кочевническая (Ганялин, 1956а), или степная (Кузьмина, 1964а). Последнее определение как общее следует считать наиболее правильным.

Отнесение рассматриваемой керамики к андроновской или тазабагъябской культурам (на данном этапе изучения этой территории) представляется недостаточно обоснованным. Против первого предположения говорит отсутствие четко выраженных черт, свойственных только керамике андроновского круга. Во втором случае весь вопрос в целом сложнее, ибо комплекс, именуемый тазабагъябской культурой, как нам кажется, сам носит смешанный характер, и накопление новых материалов настоятельно ставит вопрос о специальном глубоком исследовании его. Наличие как андроновских, так и срубных черт при отсутствии выявленного местного элемента свидетельствует в пользу того, что он связан по своему происхождению с передвижением более северных племен. Таким образом, наличие на рассматриваемой территории керамики, сходной с тазабагъябской, еще не является свидетельством распространения ее именно из Хорезма.

Общеизвестным является существование ряда общих черт в керамике андроновской и срубной культур, проявляющихся прежде всего в сходстве типов сосудов. Это составляет одно из главных препятствий для точной атрибуции в данном плане многих находок с территории Средней Азии. Она становится возможной лишь при наличии комплекса данных, которые могут быть получены либо на поселениях, либо в погребениях. Поэтому в рассматриваемом случае именно материалы с погребений следует считать наиболее показательными при решении вопроса об атрибуции «степных» памятников данной территории. Как указывалось выше, эти материалы свидетельствуют о близости их к срубной культуре.

Южные области

среднеазиатского междуречья

Выделение южной части среднеазиатского междуречья в данном случае является по существу лишь условным. Однако тем не менее оно целесообразно при современном, еще весьма недоста-

точном уровне наших знаний о памятниках эпохи бронзы на территории между Сыр-Дарьей и Аму-Дарьей. Формальным основанием здесь может служить наличие меридиональных горных цепей, реально расчленяющих ее на две половины. Но более существенно то, что вероятные, географически обусловленные направления культурных связей для этих частей различны. Северная часть по своему положению открыта для постоянных контактов со степными областями, южная же удалена от степей, но близка к областям распространения земледельческих культур. Это различие необходимо учитывать в особенности для рассматриваемого периода, когда в пределах евразийского степного пояса складываются свои центры металлообработки, способные оказывать влияние на отдаленные от них области. Что касается имеющихся археологических материалов, то они не противоречат такому делению и даже в известной мере подтверждают его: наиболее показательны в этом плане ареал памятников андроновского круга, который фактически ограничен северной половиной среднеазиатского междуречья, и относительное обилие в последней случайных находок и кладов металлических изделий «степных» типов. Но большая неравномерность в изученности отдельных частей все же диктует необходимость соблюдения осторожности в заключениях.

При всех указанных ограничениях в качестве южных областей среднеазиатского междуречья может быть рассмотрена обособленно вся территория его, лежащая между Гиссарским хребтом с его отрогами и средним течением Аму-Дарьи. В пределах ее известен ряд памятников, относящихся к позднему этапу эпохи бронзы, однако все они обнаружены лишь в последние годы и не нашли еще отражения в публикациях и исследованиях.

Первыми по времени открытия и исследования (с 1955 г.) памятниками рассматриваемого периода являются ранние части двух больших и сложных по своему составу могильников — Тулхарского и Аруктауского, — расположенных в северной части Бишкентской долины. Эта долина находится западнее низовьев р. Кафирнигана и представляет собой в сущности небольшую полупустыню с единственным источником воды. Упомянутые могильники лежат у склонов горных хребтов, окаймляющих долину с востока и запада, в местности, удаленной от источника и совершенно непригодной для земледелия. Последнее следует подчеркнуть, ибо это существенно для интерпретации их.

Наибольшее число погребений эпохи бронзы обнаружено в Тулхарском могильнике, где они составляют компактную группу, расположенную обособленно от курганов более позднего, античного времени. Эта часть могильника раскопана полностью, включая и все подвергшиеся ограблению могилы, что дает нам право оперировать материалом целиком изученного памятника рассматриваемого времени. Особое место его обусловлено наличием

нескольких различных типов погребальных сооружений и, что особенно важно, некоторых стратиграфических данных, позволяющих установить относительную последовательность большинства погребений. На данном этапе исследований ранний Тулхарский могильник может рассматриваться как «ключевой памятник», отражающий во всяком случае основные направления хода исторического процесса в пределах очерченной выше территории.

Первую, стратиграфически наиболее раннюю группу составляют здесь немногочисленные погребения по обряду трупосожжения (рис. 53, 1, 2). Это сравнительно небольшие по размерам, неглубокие грунтовые ямы различных очертаний, чаще всего близких к трапецевидному, вытянутые примерно с юга на север. На дне таких ям в южной их части имеется овальное углубление варьирующей величины и глубины, перекрытое обломками плит или большими удлиненными камнями. На дне углубления неизменно обнаруживается более или менее значительное количество мелких обломков кальцинированных человеческих костей, золы и угольков. Севернее углубления, также на дне ямы, располагается выложенный из камней знак в виде свастики или же круга с четырьмя «спицами». Внешними признаками таких могил являются 7 камней, первоначальное расположение которых восстанавливается в следующем виде: в центре устанавливался крупный камень вытянутой формы, остальные же укладывались вокруг него. На дне ямы в отдельных случаях имеются очень мелкие обломки лепной керамики весьма слабого обжига, которые, вероятно, принадлежат разбивавшимся при совершении погребения сосудам. Формы последних, однако, установить не удастся.

Вторая стратиграфически выделяемая группа представлена значительным числом погребений в своеобразных сооружениях, представляющих собой сочетание неглубокой ямы с ведущим в нее пологим спуском (рис. 53, 3, 4). Яма чаще всего имеет овальные очертания, глубина ее всегда менее 1 м, спуск в плане прямоугольный или близкий к трапецевидному; оси их почти всегда расположены перпендикулярно друг к другу, при этом спуск, как правило, примыкает к одной из длинных сторон ямы и отделен от последней невысоким уступом — «порогом». В спуске (чаще всего в начальной, «входной» его части) имеется некоторое количество камней, верхние из которых выступают над уровнем почвы, составляя единственный внешний признак могил данного типа. Положение ям относительно стран света сильно варьирует. Соответственно варьирует и положение спусков, причем здесь дополнительное осложнение создается тем, что они могут примыкать к яме с разных сторон.

Среди могил данного типа выделяется несколько повторяющихся вариантов. Они отличаются формой ямы, конфигурацией спуска (обе эти особенности встречаются и в сочетании друг с другом) или наличием дополнительных сооружений внутри ямы. Особо

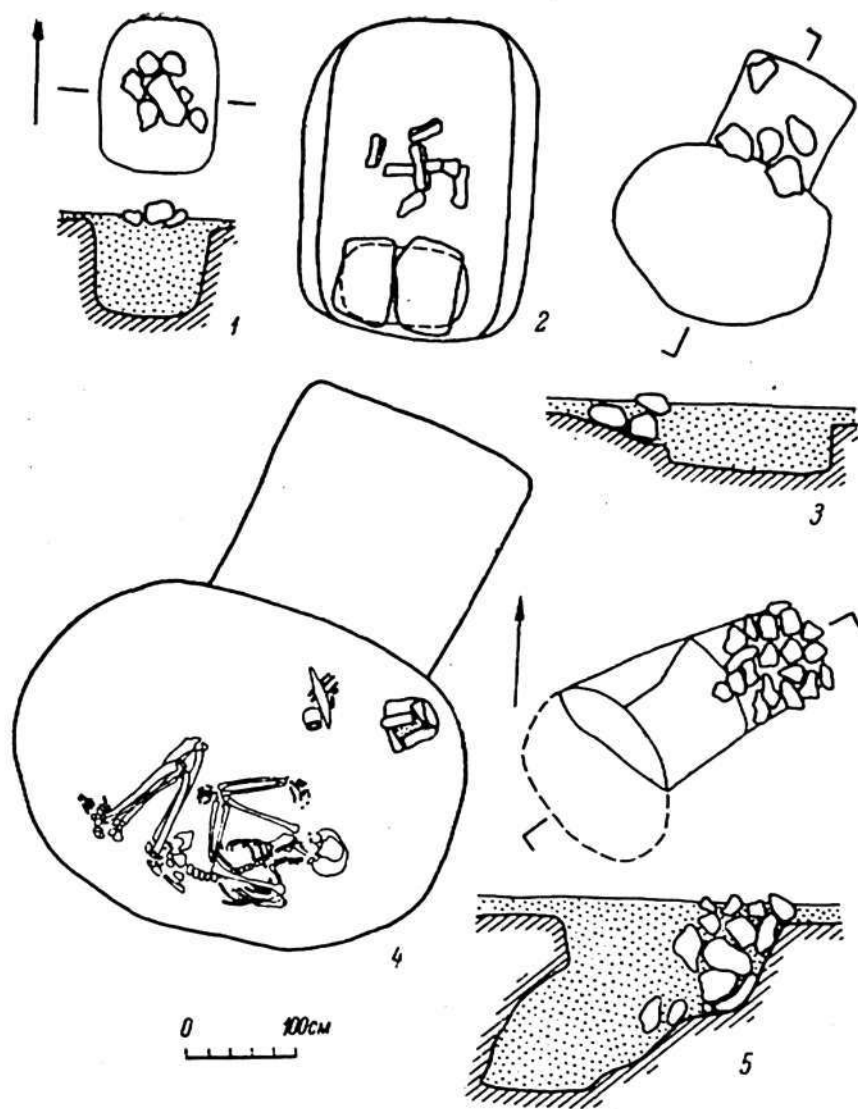

Рис. 53. Южный Таджикистан. Погребения из раннего Тулхарского могильника (1—8).

должен быть отмечен вариант, где в средней части ямы имеется прямоугольное, вытянутое с запада на восток углубление, выложенное по дну и по стенкам обломками плит (рис. 53, 8), похожее на каменный ящик. Погребение находится внутри такого углубления, не имеющего, однако, перекрытия из плит. Характер заполнения показывает, что закрывался он камышом.

Ряд деталей и наблюдений указывает на то, что яма со спуском является остатком более сложного по своей конструкции сооружения, которое должно было иметь наземную часть. Общий облик его может быть гипотетически реконструирован как подобие полуземлянки с перекрытием.

Обряд погребения в могилах типа «яма со спуском» имеет ряд устойчиво повторяющихся черт (исключение — лишь вариант с «каменным ящиком», для которого характерны существенные

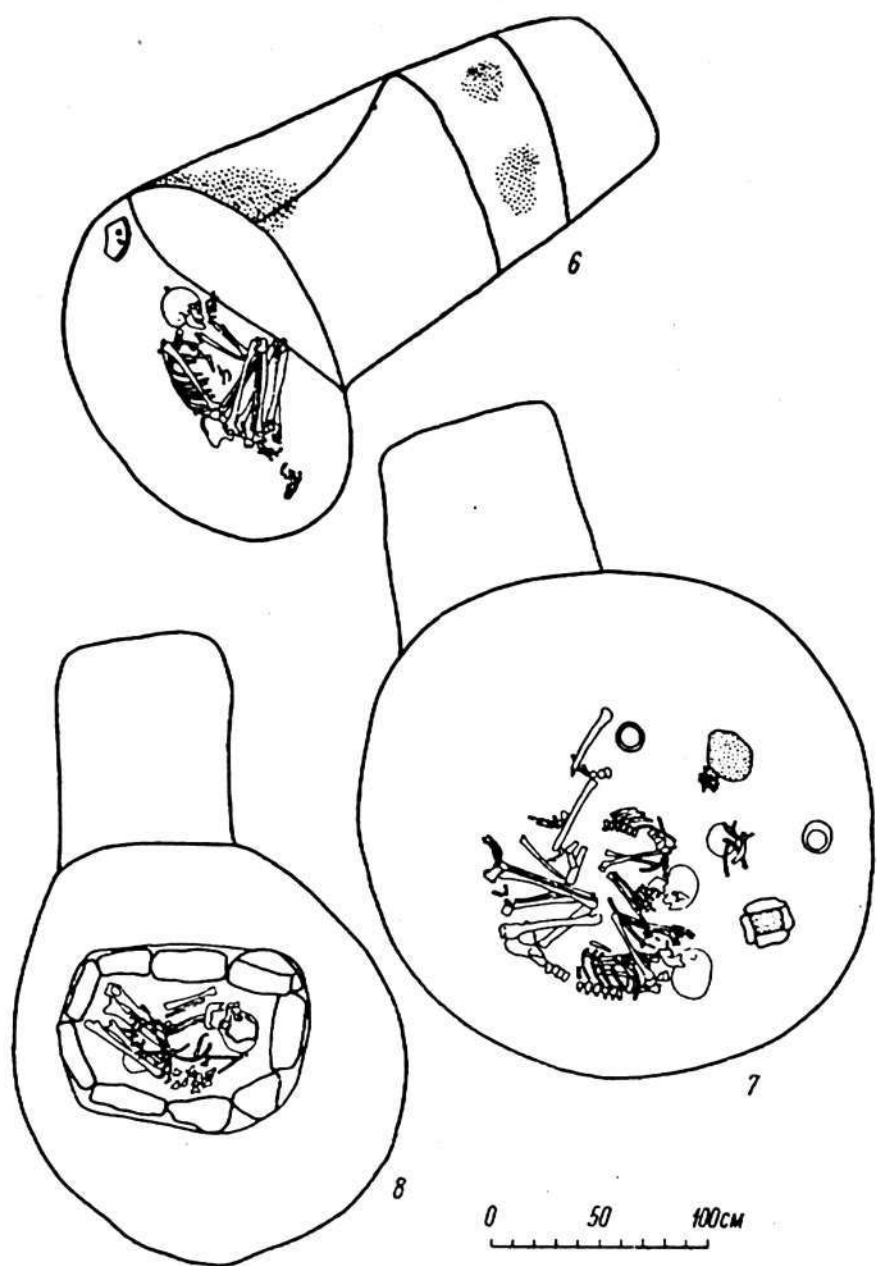

Рис. 53 (продолжение).

отличия). Скелеты неизменно лежат по длинной оси ямы на боку в скорченном положении, ноги сильно согнуты в коленях, причем последние «подтянуты» к локтям, руки согнуты в локтях, и кисти их обычно находятся перед лицевой частью черепа. Преобладают одиночные погребения, но имеется и некоторое количество парных, разнополых, как одновременных, так и разновременных (рис. 53, 7). Дети младшего возраста хоронились отдельно от взрослых, на некотором удалении от могил последних. Соответствующие сооружения сохранились чрезвычайно плохо, но имеются достаточные основания полагать их однотипность и «коллектив-

ный» характер захоронения. Ориентировка скелетов, так же как и положение ям, сильно варьирует.

В могилах с «каменным ящиком» не встречено скелетов в анатомическом порядке. Это, очевидно, расчлененные захоронения, но с соблюдением определенных норм в расположении костей. Так, череп и кости рук неизменно лежат в восточной части «ящика», а кости ног — в западной.

Сопровождающий инвентарь представлен в основном глиняными сосудами, различными предметами из меди и бронзы, а также украшениями. Неизменным является наличие костей барана, а также небольших очагов в виде круглых углублений или же квадратных ямок, обложенных по краям продолговатыми камнями; в них всегда имеется некоторое количество золы и углей, что свидетельствует о разжигании огня с какими-то ритуальными целями. Первый вариант очага имеется в погребениях женщин, второй — в погребениях мужчин.

Керамика, найденная в могилах типа «яма со спуском», в основном лепная, но имеется и сравнительно большое количество сосудов, изготовленных на гончарном круге быстрого вращения. Первая представлена простейшими формами — горшками с округлым туловом и невысокой горловиной, открытыми мисками и небольшими цилиндрическими сосудами (рис. 54, 9—11), ко второй относятся почти шаровидные горшки на невысоком сплошном поддоне и открытые миски различных размеров с изогнутым профилем венчика (рис. 54, 12—15). Имеются отдельные случаи сочетания керамики этих двух групп, позволяющие их синхронизировать.

Металлические изделия (рис. 54, 1—8) включают в себя ножи, кинжалы, «бритвы», зеркала, булавки и некоторые другие (единичные) предметы; большинство их из бронзы, но значительный процент составляют и медные. Ножи представлены двумя типами, из которых один близок к листовидным, но сильно отличается от них изогнутой формой конца, а второй имеет ребро посередине и по общему облику отчасти сходен с миниатюрными кинжалами. Предметы, условно именуемые бритвами, также представлены двумя типами: первый — весьма сложной формы, с небольшой изогнутой рукояткой, отходящей от одного из углов клинка, по видимому двухлезвийный; второй — «угловидный», с длинной рукояткой и прямым лезвием, расположенным под тупым углом к ней. Условия находки (у костей барана) позволяют считать, что здесь они использовались в качестве ножей или, точнее, наравне с ними, для разрезывания мяса. Один из кинжалов (сильно сточенный) относится к хорошо известному типу — «с обособленной рукояткой». На одной стороне его (видимо, лицевой) имеется рельефный орнамент в виде крестов.

Большинство зеркал не имеет ручек. Все они круглой формы, профиль их обычно имеет более или менее явно выраженный вы-

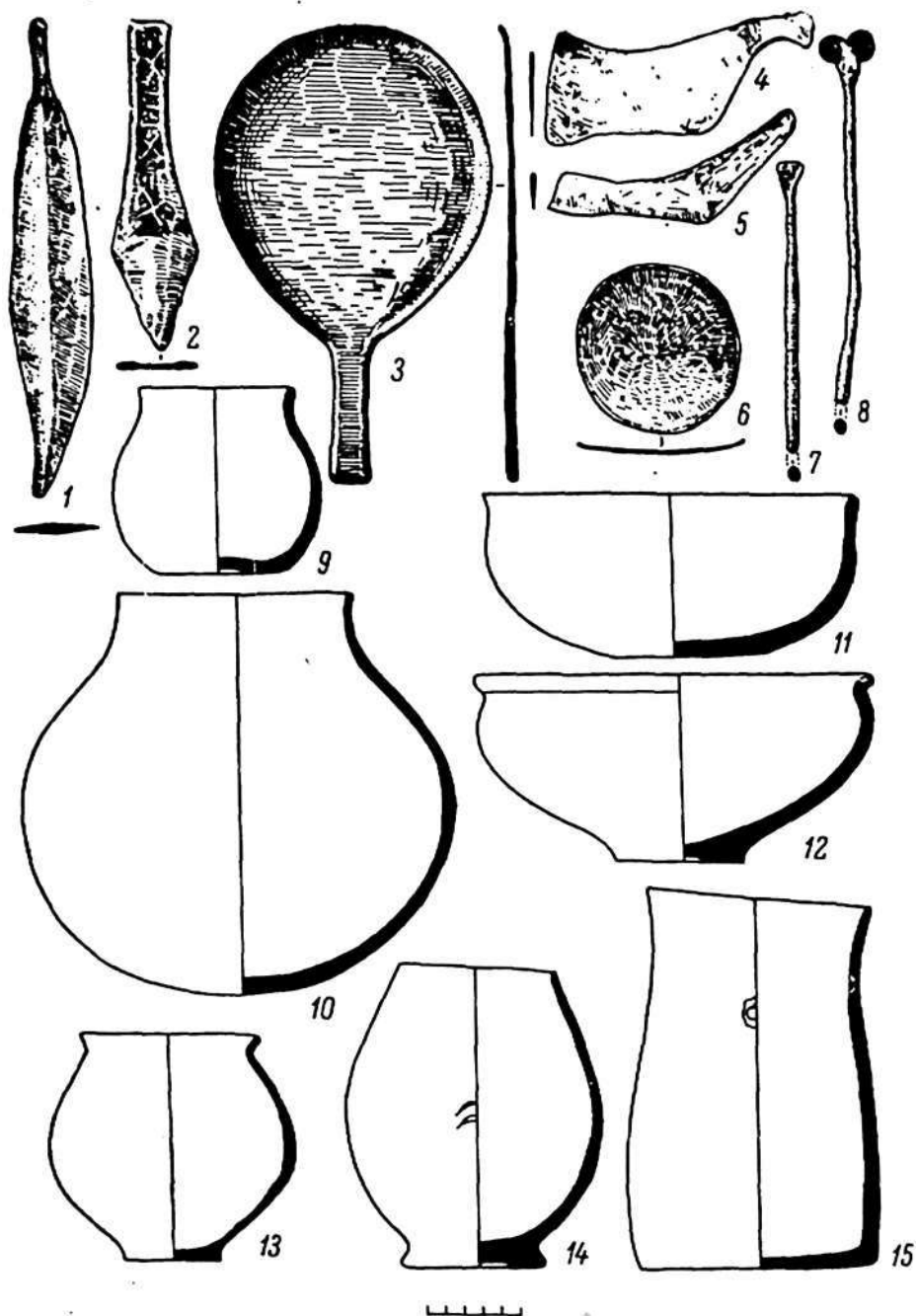

Рис. 54. Южный Таджикистан. Бронзовые предметы (1—8) и керамика (9—15) из раннего Тулхарского могильника.

пуклый характер. Зеркало с ручкой является единичной находкой. Булавки представляют собой длинные, круглые в сечении стержни, снабженные наконечниками в форме лопаточки или двух спиралей.

Украшения представлены в основном каменными бусами различной формы, главным образом боченковидной. Судя по условиям находки, они связаны преимущественно с головными уборами. Техника изготовления бус очень высокая, что дает основа-

ние предполагать их привозное происхождение. Из числа других предметов сопровождающего инвентаря следует отметить своеобразный «набор» для растирания красной краски (киновари), состоящий из двух камней неправильной формы (большого и малого), а также кремневые наконечники стрел. Наличие последних, к тому же архаических по общему облику (черешок имеется лишь у двух), привлекает к себе особое внимание ввиду отсутствия бронзовых наконечников стрел (имеется лишь один обломок, возможно использовавшийся в качестве бусины, найденный в условиях, позволяющих предполагать его принадлежность к впускному погребению, но относящемуся к той же эпохе, что и основное). Дошедшие до нас предметы безусловно составляют лишь часть имевшегося в действительности сопровождающего инвентаря. Многие полностью или почти полностью деградировано и представлено лишь следами (перегнившая кожа, тлен от каких-то шерстяных изделий, окислы меди и т. д.).

Третья группа могил, стратиграфически являющаяся самой поздней, представляет собой четко выраженные катакомбы: это сравнительно длинная, ступенчатая яма-дромос, заканчивающаяся нишей-камерой, расположенной перпендикулярно к ней. Вход в нишу закладывался чаще всего камышом (циновками?), но в одном случае для этого были использованы большие обломки плитняка. Входная яма частично забита камнями, которые одновременно служат основанием для несколько возвышающейся над поверхностью грунта выкладки, имеющей овальную или прямоугольную форму.

В этих могилах, число которых невелико, имеются только одиночные погребения. Скелеты лежат на боку, в скорченном положении, головой обычно на север или северо-запад, при этом они всегда обращены лицом к входной яме. Ноги сильно согнуты в коленях и «подтянуты» к локтям, руки согнуты, и кисти их обычно находятся вблизи от лицевой части черепа. Сопровождающий инвентарь невелик — это глиняные сосуды, бусы и кости барана. Условно к нему могут быть отнесены также подпрямоугольные обломки плитняка с золой и угольками, свидетельствующие о разжигании в могиле огня, по-видимому с ритуальными целями. Керамика представлена в основном двумя формами: высокими, почти цилиндрическими, но несколько сужающимися кверху сосудами и грушевидными горшками без горловины на кольцевидном поддоне.

В качестве особенности могил данного типа следует отметить наличие больших пятен золы и угольков во входной яме (обычно на верхней ступеньке). Это устойчиво повторяющееся явление еще раз указывает на значительную роль огня в погребальном ритуале.

Датировка раннего Тулхарского могильника представляет большие трудности, поскольку ни типы могил, ни большинство

предметов сопровождающего инвентаря не имеют близких аналогий в ранее исследованных памятниках среднеазиатского междуречья.

Состав сопровождающего инвентаря, взятый в целом (имея в виду все типы могил), довольно отчетливо указывает на то, что мы имеем перед собой памятник, относящийся к эпохе бронзы и притом, видимо, не к начальному ее этапу. Показательным является обилие и относительное разнообразие бронзовых изделий (выработанных, частично даже своеобразных форм), сочетающееся с полным отсутствием железа. Определенный вес (особенно при учете данного положения) имеет также полное господство скорченных погребений — явление, несвойственное эпохе железа. К аналогичному заключению приводит и сопоставление отдельных вещей с близкими им предметами с других территорий. «Бритва» сложной конфигурации находит себе параллели в находках, известных в бассейне Эгейского моря и на Переднем Востоке, датируемых в пределах второй половины II тыс. до н. э. Однако совпадения деталей здесь не наблюдается, из чего можно сделать заключение, что в данном случае мы имеем местный вариант или воспроизведение привозного образца. Булавки с завершением в виде двух спиралей очень широко распространены в указанных западных областях, а также на Кавказе и в Иране. Они датируются эпохой бронзы, но в более широких рамках. То же в полной мере действительно и для зеркал, в том числе и для снабженных ручкой. Находки булавок и зеркал известны также в пределах Средней Азии, но датированы они опять-таки по западным аналогиям.

Один из кинжалов твердо может быть отнесен к типу «с обособленной рукояткой», хорошо известному в Восточном Казахстане и более восточных областях. Соответственно мы имеем достаточные основания датировать его поздним этапом эпохи бронзы.

Некоторые параллели могут быть прослежены и для керамики. Так, миски с изогнутым профилем венчика сходны с одним из типов мисок, появляющимся в Мундигаке на шестом этапе, а шаровидные горшки на сплошном поддоне имеют известное сходство с сосудами этого типа из Намазга V—VI. Яйцевидные горшки на кольцевидном поддоне и высокие цилиндрические сосуды при всем своем своеобразии сопоставимы с определенными формами комплекса Яз-Депе I и последующих этапов. Типологически их, возможно, следует считать прототипами форм, характерных для середины I тыс. до н. э. (Кобадиян I).

Таким образом, сумма возможных сопоставлений, перечень которых здесь приведен неполностью, дает основания относить ранний Тулхарский могильник к позднему этапу эпохи бронзы. Однако уточнение абсолютной датировки остается еще невозможным.

Неясность остается в отношении погребений по обряду трупосожжения. Данных для уточнения их времени не имеется, но топография могильника дает основания полагать, что значительного хронологического разрыва между ними и последующими погребениями не имелось.

Если взять всю группу могил типа «яма со спуском» в целом, то устойчивая повторяемость в них ряда признаков выступает настолько явственно, что мы вправе связывать их с определенно сложившейся культурой.

Принятого определения археологической культуры как понятия не имеется, вследствие чего здесь можно исходить только из основной логической посылки, требующей наличия суммы черт, обуславливающих внутреннее единство и в то же время составляющих отличие от сосуществующих однопорядковых явлений. Именно такими основными чертами являются конструкция погребального сооружения, обряд погребения, взятый со всеми его деталями, ритуальное использование огня в специфическом проявлении, сложившийся комплекс сопровождающего инвентаря, наличие своеобразных форм металлических изделий и глиняных сосудов. Все они являются внутренне объединяющими и достаточно отчетливо отличающими данную культуру от известных культур соседних областей.

Вырисовывающаяся таким образом культура, которую условно можно назвать бишкентской, бесспорно не является земледельческой. Местоположение могильника, сопровождающий инвентарь и постоянное наличие костей барана позволяют считать ее в основном скотоводческой, находившейся уже на стадии, когда начинались сезонные переселения. Последнее логически следует из местоположения памятника в непригодной для земледелия, но благоприятной для зимнего выпаса скота местности: могильник, как обычно, возник в местах зимовки.

Вопрос о происхождении той группы населения, которой принадлежат могилы типа «яма со спуском», на данном этапе исследований остается в значительной мере открытым. Памятники более раннего времени в южных областях среднеазиатского междуречья известны очень плохо, и среди них нет таких, которые могли бы рассматриваться как принадлежащие их предкам. Это само по себе не может служить основанием для каких-либо заключений, но при наличии в могильнике предметов явно «степного», северного типа приобретает значение в качестве факта, говорящего в пользу неместного генезиса бишкентской культуры. Истоки ее, видимо, следует искать в более северных областях Средней Азии, благоприятных для комплексного хозяйства. Предшествующая ступень развития могла быть, в частности, похожа на заман-бабинскую культуру, в которой имеются некоторые сходные черты. Однако решение этого вопроса могут дать только новые памятники, обнаружение которых затруднено спецификой конструкции

погребального сооружения и отсутствием четких наземных признаков.

Погребения в катакомбах также имеют ряд повторяющихся, объединяющих их черт, но в раннем Тулхарском могильнике число самих погребений недостаточно, для того чтобы делать далеко идущие заключения. Положение отчасти облегчается тем, что сходные погребения обнаружены после работ в Бишкентской долине также в соседних районах (долина Вахша и низовья Кызыл-Су). Кроме того, сюда же, видимо, следует относить скорченные погребения, обнаруженные под Душанбе (Смоличев, 1949), в могильнике Тупхона (Дьяконов, 1948) и др. Памятники долины Вахша предложено уже объединить в качества вахшской культуры (Литвинский, 1964), но отсутствие публикаций и соответственно каких-либо фактических данных не позволяет судить о том, что является здесь объединяющим и специфическим. Не исключена возможность, что вахшские памятники отражают поздний этап бишкентской культуры, характеризующийся в разных районах отличиями этнографического порядка (в частности, наличием более четких наземных сооружений). Решающим для понимания этого сложного вопроса, вероятно, будет прежде всего обнаружение памятника со стратиграфическими данными, аналогичными тем, которые дает ранний Тулхарский могильник.

Однако этим не исчерпываются имеющиеся в нашем распоряжении данные о позднем этапе эпохи бронзы в южных областях Средней Азии. Так, в том же раннем Тулхарском могильнике имеется несколько погребений в грунтовых ямах, окруженных подквадратными каменными оградами, отличающихся также своеобразием погребального обряда. Сопровождающий инвентарь позволяет считать их синхронными катакомбам.

Ряд совсем иных погребений исследовано в Аруктауском могильнике. Погребальные сооружения здесь — это невысокие каменные ограды круглой или прямоугольной формы. После совершения захоронения они закладывались камнями. Скелеты лежат на уровне древнего горизонта на правом боку, в скорченном положении, головой на восток или северо-восток, ноги сильно согнуты и «подтянуты», руки также согнуты, и кисти их обычно находятся у лицевой части черепа. Сопровождающий инвентарь состоит главным образом из керамики, бронзовых украшений и некоторых других предметов (в числе их бронзовые серпы). Во всех погребениях встречены кости барана. Керамика представлена почти исключительно только лепными сосудами — горшками и мисками простейших форм. Сосуды, изготовленные на гончарном круге, немногочисленны, но именно они позволяют установить примерную дату, поскольку сходны с сосудами, найденными в раннем Тулхарском могильнике.

Единичным является здесь погребение в прямоугольной, вытянутой с запада на восток яме, перекрытой хорошо выраженным

каменным курганом, однако дата его не вполне ясна (Мандельштам, 1959).

Учитывая все имеющиеся данные, мы можем констатировать, что на позднем этапе эпохи бронзы в южных областях среднеазиатского междуречья существовало, видимо, несколько, возможно, близких друг к другу культур скотоводческого характера и, вероятно, «степного» северного происхождения. Все они несомненно находились в контакте с какими-то, пока еще не выявленными центрами земледельческого населения: об этом убедительно свидетельствует наличие в могильниках немалого количества высококачественной керамики, изготовленной на гончарном круге. Импорт из отдаленных областей здесь следует считать исключенным прежде всего ввиду того, что это не единичные случаи. Кроме того, весьма важно наличие даже повторяющихся комплексов из двух сосудов. Источники получения этой керамики следует искать где-то вблизи — в пределах территории, получившей позднее наименование Бактрии. Отсюда же, вероятно, поступали некоторые виды металлических изделий, нехарактерные для культур «степного» круга, и часть украшений, требовавших для своего изготовления высокого уровня обработки камня.

Накопившиеся материалы и косвенные данные, таким образом, позволяют снова поставить вопрос о реальности существования в Бактрии древней земледельческой культуры, обусловившей появление тех многочисленных легендарных сведений о ее былом величии, которые зафиксированы в ряде письменных источников. В ведущейся уже многие десятилетия дискуссии теперь получает право голоса и археология, которой, как следует надеяться, будет принадлежать в конечном счете решающее слово. Наличие древнебактрийской культуры в поздний период эпохи бронзы представляется почти несомненным, причем область ее распространения можно предполагать сравнительно большой, поскольку благоприятные для земледелия условия имеются как в южной, так и в северной части Бактрии.

Вопросы исторической интерпретации

Археологические материалы, полученные в результате исследований последнего десятилетия на территории Средней Азии, позволяют глубже и правильнее понять те процессы, которые протекали здесь на протяжении эпохи бронзы. Это в определенной мере относится и к очень сложному вопросу о проникновении носителей «степных» культур на юг, которое теперь документируется все большим и большим количеством фактов и косвенных свидетельств. Мы можем в настоящее время уже говорить о том, что это были не локальные явления, носившие характер инфильтрации, а реальные передвижения значительных групп, оказавшие

большое влияние на ход исторического процесса. Вырисовывающийся ареал их весьма обширен и, по всей видимости, выходит за пределы Средней Азии

Указанный вопрос имеет особое значение, поскольку именно к эпохе бронзы должны относиться постулируемые лингвистами, а вслед за ними и историками миграции предков иранцев и индийцев с первоначальной территории их совместного обитания. Последняя нам неизвестна, и о местонахождении ее имеется немало различных гипотез, так же как и о путях, по которым шло переселение. Следует отметить, что некоторые исследователи в последнее время связывают те или иные культуры Средней Азии с носителями индо-иранской речи и соответственно выдвигают на первый план роль путей передвижения, лежащих восточнее Каспийского моря. Однако приводимые в пользу этого доводы общего порядка основаны в конечном счете на выводах сравнительного языкознания и данных «этнологических» исследований широкого плана, которые сами по себе еще не являются решающими. Что же касается конкретных, археологических фактов, то они допускают различную интерпретацию, поскольку соответствий им в Иране и в Индии не имеется.

Необходимо всегда иметь в виду неизменно повторяемое лингвистами предостережение относительно опасности попыток связать данные археологии с данными языка. Справедливость его не вызывает сомнений, хотя отвергать такую возможность вообще было бы бесспорно неверно. Она реальна, но лишь при условии наличия достаточного количества археологических фактов и вполне достоверной их исторической интерпретации. Такой уровень знаний, однако, пока остается перспективой будущего. В настоящем же следует идти прежде всего по пути накопления фактических материалов и установления их исторического места.

В данном аспекте археологические памятники южных областей Средней Азии занимают особое место, так как они территориально наиболее близки к Ирану и Индии. Именно в них следует ожидать наличие данных, которые подтвердили бы правильность весьма вероятного предположения о значительной роли восточных путей в миграциях носителей иранской и индийской речи.

Если мы обратимся к юго-западной части Средней Азии, то тут довольно отчетливо выступает непрерывный и преемственный ход развития культур древнеземледельческого типа вплоть до этапа Намазга VI. Степень изученности памятников такова, что мы вправе говорить об отсутствии признаков появления новых этнических элементов до позднего этапа эпохи бронзы (исключая, конечно, локальные инфильтрации и возможные кратковременные вторжения извне). Затем следует недостаточно изученный период, характеризующийся, с одной стороны, определенными изменениями в сфере материальной культуры земледельческого населения, а с другой — наличием свидетельств непосредственного

контакта его со скотоводческими племенами и, вероятно, даже проникновения последних в пределы оазисов. Последующее развитие снова носит преемственный характер и в основном является продолжением старой традиции.

Мы не знаем, на каких языках говорило коренное земледельческое население, но имеются весьма веские основания исторического характера считать, что они не принадлежали к индоевропейской семье. В то же время свидетельства письменных источников позволяют констатировать здесь во всяком случае уже с середины I тыс. до н. э. широкое распространение, если не господство, иранских диалектов. Таким образом, на протяжении какого-то предшествующего периода должна была произойти смена языка, что, естественно, не могло иметь места без появления новых этнических групп, в данном случае бесспорно относящихся к числу ираноязычных.

Поскольку единственно возможный путь определения времени этого изменения заключен в анализе археологических данных, то указанный выше период контакта с носителями культуры «степного» типа представляет специальный интерес. До тех пор, пока не будет достаточных фактических данных о характере и последствиях этого контакта, возможность считать скотоводческие племена причиной иранизации коренного населения остается гипотетической. Но для дальнейших исследований в этом направлении существенны указанные выше свидетельства в пользу близости пришельцев к племенам срубной культуры. Они приобретают еще больший вес в связи с тем, что исследования памятников более поздних периодов показали реальную «проходимость» для скотоводов территории Закаспия в направлении с севера на юг. Этот путь можно считать фактически использовавшимся и при передвижениях, имевших место на позднем этапе эпохи бронзы.

Более сложная картина вырисовывается в южных областях среднеазиатского междуречья, хотя накопление фактических данных здесь находится еще на начальном этапе. В первую очередь тут необходимо вернуться к раннему Тулхарскому могильнику, точнее к двум ранним группам погребений в нем.

Для первой из них характерно сочетание двух основных черт — трупосожжения и наличия солярного знака (в частности, свастики). Как то, так и другое распространено в эпоху бронзы на обширной территории, охватывающей значительную часть Европы и Азии, но данное сочетание является единственно известным. Не имея пока конкретных данных для решения вопроса о генетических корнях этих своеобразных погребений, все же можно предполагать, что искать их следует в северных областях, где трупосожжение засвидетельствовано в погребальных памятниках андроновского круга и где также известна свастика как один из орнаментальных мотивов на керамике.

В плане рассматриваемого комплекса вопросов данные черты безусловно заслуживают внимания прежде всего потому, что трупосожжение, фактически неизвестное в Иране, является господствующим обрядом погребения в Индии со времен составления ведических гимнов и связано здесь именно с носителями индийской речи. Теми же ведическими гимнами у последних засвидетельствовано большое место культа солнца, что позволяет предполагать и наличие солярных знаков. Конкретные формы их пока неизвестны, ибо памятники соответствующего времени еще не выявлены, но имеются основания ожидать здесь обнаружение и таких знаков, которые однотипны с представленными в раннем Тулхарском могильнике. В пользу этого говорит не только широкое распространение аналогичных солярных знаков на очень большой территории, но и обилие их в пределах самой Индии в более позднее время, когда появление монументального искусства обусловило сохранение культовых памятников.

В какой мере такое сопоставление правильно, покажут дальнейшие исследования, но учитывать наличие оснований для него следует.

Вторая группа погребений отличается полным господством трупоположения при наличии явственных свидетельств ритуальной роли огня. Мы неизменно встречаем в них миниатюрные очаги круглой или квадратной формы (в зависимости от пола погребенного). Устойчивая повторяемость этого соответствия указывает на то, что тут отображены какие-то вполне конкретные представления о различных качествах или функциях разжигаемого огня.

Весьма близкую и единственную параллель данному явлению можно найти в древней Индии, в детально разработанной обрядности, где огонь занимает первостепенное место. Здесь мы встречаем эти же два варианта формы у алтаря, на котором разжигались священные огни при различных жертвоприношениях и, в частности, при совершении весьма сложного погребального ритуала. Квадратная форма обязательна для огня ахавания, являющегося по своему положению и функциям высшим, говоря условно, собственно жреческим; круглая — для огня гархапатья («господина дома»), носящего характер освященного домашнего очага. Большинство зафиксированных в религиозных текстах предписаний в отношении огней отражает уже вполне сложившийся, канонизированный ритуал, окончательно выработанный в условиях оседлого образа жизни. Но основа его восходит к традиции, имеющей глубокие корни, которые, как показывает сопоставление с иранской концепцией священных огней, следует относить к более раннему периоду. Из этого вытекает, что чисто мужская атрибуция всех огней — явление относительно позднее.

Применительно к бишкектской культуре такое сопоставление может дать полное объяснение обеих форм очага. Квадратный очаг,

отличающийся тщательностью оформления, выкладывался для разжигания священного огня, связанного со жреческими функциями мужчины в рамках семьи; круглое углубление делалось для разжигания огня домашнего очага, находившегося в ведении женщины, но также носившего черты традиционной святости. Очаги обеих форм являлись в известной мере частями сопровождающего инвентаря, которым умерших снабжали для продолжения жизни в другом мире.

Известные соответствия с индийским ритуалом могут быть установлены и для некоторых других, правда, нечетко прослеживающихся особенностей погребального обряда бишкентской культуры. Но они лишь дополняют основную по своей показательности параллель, которая, как представляется, указывает на наличие каких-то связей носителей последней с предками индийцев. Но поскольку отражение этих связей лежит в пределах культовых представлений и нет возможности проверить наличие подобного положения в иных, чисто материальных сферах, далеко идущие заключения еще преждевременны.

Если исходить из датировки бишкентской культуры, устанавливаемой по данным раннего Тулхарского могильника, то при всех колебаниях индийской хронологии видеть здесь отражение этапа миграции нельзя. Наиболее вероятно, что эта культура принадлежит какому-то племени, входившему в состав двигавшейся на юг группы, но частично или полностью обособившемуся от нее еще севернее Аму-Дарьи. Вступив в контакт с земледельческим населением ближайшей территории, это племя обитало уже в новых условиях, наложивших свой отпечаток на его культуру. Вне зависимости от того, какова была дальнейшая судьба носителей бишкентской культуры, сам факт наличия последней вводит новый и притом важный элемент в рассмотрение среднеазиатского аспекта индо-иранской проблемы. Теперь вырисовывается первое достоверное свидетельство в пользу реальности передвижений в направлении Индии именно через Среднюю Азию (что, естественно, никак не исключает и наличия иных путей). В связи с этим еще больший вес приобретает отмеченное выше сходство специфических черт погребений первой группы раннего Тулхарского могильника с явлениями, засвидетельствованными в Индии. Вполне возможно, что эти погребения связаны с какой-то несколько ранней группой племен, двигавшейся в том же направлении.

Намечающаяся в свете новых данных общая картина «степных» культур характеризуется прежде всего большой сложностью. Археологически документируемые передвижения носителей «степных» культур в южные окраинные области Средней Азии оказываются связанными не с андроновскими племенами (или во всяком случае не только с ними), а с иными группами. Одна из них близка к срубным племенам; вторая, весьма своеобразная, пока неясна по своему происхождению; кроме того, имеются веские основания

предполагать наличие и третьей группы, для которой характерны погребения в оградах.¹ Вопрос о возможности связывать их с конкретными движениями за пределами Средней Азии пока остается открытым; для решения его необходимы прежде всего исследования погребений этого же времени на территории Афганистана и Индии. Основываться на типологическом сходстве отдельных, лишь приближенно датируемых форм керамики земледельческих культур, представленных в Средней Азии и в названных странах, здесь нельзя. Какие-либо заключения возможны лишь при наличии соответствий по комплексу данных, обязательной частью которого является обряд погребения.

¹ Место погребений в катакомбах пока (до опубликования соответствующих материалов) остается неясным. При установлении его весьма важно учитывать возможную генетическую связь с бишкентской культурой и уже отчасти вырисовывающийся факт наличия локальных, этнографических особенностей различных групп памятников.

Выше были кратко охарактеризованы основные памятники и связанные с ними проблемы древнейшей истории Средней Азии, и перечислять их нет особой необходимости. Более рациональным представляется сосредоточение внимания на некоторых еще не решенных вопросах, разрешение которых не только настоятельно необходимо, но и в какой-то мере подсказывается уже имеющимся материалом.

Из многочисленных проблем, связанных с каменным веком, особенно следует отметить необходимое уточнение его периодизации в увязке с геологическими системами периодизации четвертичной истории Средней Азии. В настоящее время, когда среднеазиатский материал увеличивается с каждым годом и количественно и территориально, особенно бросаются в глаза противоречия принятой схемы периодизации со схемами, существующими для смежных районов — Передней Азии и Индии. В результате мустьерский комплекс в Средней Азии относится к куда более ранней геологической эпохе, чем в Передней Азии. В существующей литературе это разительное противоречие уже отмечено (Ранов, 1962б), но необходимо проведение исследований для его устранения. Видимо, придется омолодить ряд среднеазиатских комплексов, и в частности Тешик-Таш, первоначально датированный временем миндель-рисса. О его возможной передатировке рисс-вюрмским временем уже говорилось выше.

Довольно остро стоит в настоящее время и вопрос о среднеазиатском неолите охотничье-рыболовческого круга. В свое время открытие С. П. Толстовым великолепной стоянки Джанбас-Кала 4, материал которой, к сожалению, до сих пор полностью не издан, позволило выделить Кельтеминар как характерную неолитическую культуру низовий Аму-Дарьи. Теперь количество неолитических материалов, происходящих из северных областей Средней Азии, увеличилось во много раз: они открыты и в Западном Прикаспии, и в Кызылкумах, и в зеравшанских низовьях. Естественно, что они сопоставлялись в первую очередь с уже известными материалами и термин «кельтеминарская культура» получил самое широкое применение. Вместе с тем выявились комплексы, как будто отличные от Кельтеминара и представляющие иные куль-

Синхронистическая таблица культур Средней Азии VI—I тыс. до н. э.

Годы до н. э.	Южный Туркменистан			Хорезм	Низовья Зеравшана	Фергана	Западный Таджикистан
	Анау	Намазга	Геоксюр- ский оазис				
1000—	IVA	Яз-Дене I		Амирабад		Чуст	Катакомбы
	III	VI		Культура стеной бронзы			Бишкент
2000—		V		Кельтеминар	Заман-Баба		
		IV	Хануз				Гиссарская культура
3000—		III	Геоксюр		Тузкан		
	II	II	Ялангач				
4000—	IB	I	Дашлыджи				
	IA						
5000—	Джейтун						

туры (см. таблицу). Необходим пересмотр всего накопленного материала с целью уточнения границ культурных ареалов, унификации терминологии и выделения локальных вариантов. В 1957 г. А. В. Виноградов ставил вопрос о существовании в пору позднего Кельтеминара трех территориальных вариантов (Виноградов, 1957а, стр. 9). В настоящее время проблема локальных вариантов может быть поставлена и для раннего периода существования этой культуры. Особенно сложно обстоит дело с памятниками Восточного Прикаспия, где намечается выделение чуть ли не трех или четырех различных комплексов или культурных ареалов (Джебел, Оюклы, мангышлакская группа, так называемая нижнеузбойская культура). Тщательный пересмотр имеющегося здесь материала должен способствовать выяснению вопроса, действительно ли мы имеем такую пестроту и чересполосицу для сравнительно ограниченной области. Положительное его решение также представляло бы огромный интерес, поставив проблему передвижения разнотипных племенных групп в этой области еще для эпохи неолита, тем более что (как есть основание полагать) через Восточное Прикаспие проходило одно из направлений движения племен степной бронзы в сторону оазисов земледельческого юга.

Интереснейшее историческое явление представляет оседлоземледельческая культура, процветавшая на юго-западе Средней Азии в пору ранней бронзы (комплексы Намазга IV и V). В этот период эволюция экономики и общественных отношений раннеземледельческих племен этой области достигает своей наивысшей точки. Выше уже отмечалось, что существуют различные мнения относительно достигнутого уровня развития и что отдельные исследователи готовы видеть здесь уже чуть ли не сложившееся раннеклассовое общество. Независимо от того, каким будет окончательное решение этой проблемы, нет сомнений, что перед нами, пожалуй, наиболее развитая и высокоорганизованная культура эпохи бронзы на территории СССР, причем культура древневосточного типа. Поэтому наряду с публикацией уже накопленных материалов важнейшей задачей является проведение планомерных и достаточно масштабных раскопок на крупнейших центрах этого времени, расположенных на прикопетдагской равнине. При изучении этих центров проблемы первобытной истории СССР тесно смыкаются с проблемами истории Древнего Востока. Их обстоятельное исследование явилось бы одним из узловых моментов в познании прошлого Средней Азии и соседящих с ней с юга стран.

Еще более широка по территориальному охвату следующая проблема, постановка которой намечается имеющимися материалами. Речь идет в данном случае о продвижении племен степной бронзы с севера на юг и об эволюции оседлоземледельческих культур юга. В литературе уже ставился вопрос о двух этапах в продвижении северных племен в сторону южных оазисов, имея в виду середину II тыс. до н. э. как первый этап и конец II—начало

I тыс. до н. э. как этап второй (Итина, 1961; Толстов, 1962а, стр. 59—66). При этом справедливо отмечается, что одновременно происходят и значительные изменения в пределах самих оседлых оазисов. Здесь сначала приходят в запустение крупнейшие протгородские центры поры ранней бронзы и складывается комплекс Намазга VI, несущий черты огрубения и упадка. Позднее, в конце II—начале I тыс. до н. э., появление комплекса типа Яз-Депе I с керамикой ручной лепки, почти полностью сменяющей великолепную гончарную посуду, делает этот спад в отдельных областях культуры еще более явственным и выразительным. Однако подобные заключения при настоящей степени изученности материалов при всей их заманчивости остаются в значительной мере декларативными. Например, далеко еще неясно двухэтапное членение тех археологических комплексов, на которых базируется вывод о движении степных племен на юг. Вполне вероятно, что мы имели дело на длительном отрезке времени (середина и вторая половина II тыс. до н. э.?) с сосуществованием, а также с тесным и постоянным взаимодействием двух племенных массивов, различающихся своей хозяйственной базой и, возможно, этносом. При этом различия в процессе взаимодействия и ассимиляции могли постепенно сглаживаться. Имеются и значительные хронологические трудности в археологическом обосновании этих процессов. Если говорить о какой-то степени участия степных племен в процессах, приведших к запустению земледельческих центров юго-западной Средней Азии (а быть может, и Северного Ирана), то следует иметь в виду, что запустение на юге датируется в пределах первой трети II тыс. до н. э., тогда как соответствующие «степные» материалы юга датируются лишь алакульским этапом андроновской культуры. Правда, имевшее место за последнее время удревнение алакульского этапа способствует сближению этих дат. Очень важно подчеркнуть, что черепки степного типа на южном холме Анау были как будто найдены в самых нижних наслоениях комплекса Намазга VI (В. Массон, 1959а, стр. 98), что может свидетельствовать о появлении «степняков» как раз на грани Намазга V и VI. Несколько проще, видимо, может решаться вопрос о «варваризации» конца II—начала I тыс. до н. э., поскольку сосуществование оседлых оазисов и степных племен отмечается на протяжении всего комплекса Намазга VI, когда могла происходить непрерывная постепенная инфильтрация с севера, давшая в итоге качественный скачок в развитии культуры. Следует еще раз подчеркнуть, что все приводимые выше рассуждения носят гипотетический характер. Необходимы получение нового материала и тщательный пересмотр уже известного. Вместе с тем отмеченный комплекс вопросов имеет первостепенное значение в связи с проблемой распространения в Средней Азии и на соседних территориях племен индо-иранской языковой группы.

Кроме того, следует остановиться на вопросе множественности очагов оседлоземледельческой культуры в Средней Азии в эпоху бронзы. О том, насколько неожиданными могут быть открытия в этой области, показывает пример Закавказья и Дагестана, казалось бы давно и тщательно изучаемых археологами. Между тем именно здесь и буквально в самые последние годы стали появляться комплексы оседлых земледельцев, относящиеся к IV тыс. до н. э. и представляющие собой совершенно новую, ранее неизвестную культуру. И в Средней Азии кажущееся беспрельдно широким распространение находок типа степной бронзы не должно заслонять проблему выявления очагов оседлого земледелия, что способствовало бы изучению становления городских цивилизаций Бактрии и Согдианы. Открытие чустских комплексов в Фергане ясно показало, что анауская культура уже не является для эпохи бронзы монополистом оседлого земледелия.

Сейчас начали появляться и некоторые другие данные. Так, в пещере Ак-Танга в Северо-Западном Таджикистане в одном слое с посудой типа керамики степной бронзы встречена серия фрагментов глиняных изделий более тщательной выделки и с геометрической росписью коричневатой краской по светлому фону (Литвинский и Ранов, 1961, стр. 48—49; Литвинский и Ранов, 1964, стр. 15). Геометрические орнаменты и цветовая гамма этой посуды в целом отличны от чустской керамики Ферганы, хотя некоторые точки соприкосновения имеются, что неудивительно в силу территориальной и хронологической близости обоих комплексов. Вполне закономерна постановка вопроса, не свидетельствует ли эта находка о существовании еще одного очага оседлой культуры, характеризующейся расписной керамикой (ср.: Литвинский и Ранов, 1964, стр. 21). Это мог быть какой-либо зеравшанский центр.

С большей определенностью можно ставить вопрос о подобном центре, располагавшемся в Бактрии. Открытие комплекса типа Яз-Депе I в Северной Бактрии не оставляет сомнений в существовании здесь оседлоземледельческой культуры в первой трети I тыс. до н. э. Можно заключить, что история сложения этого центра уходит во всяком случае во вторую половину II тыс. до н. э. Об этом свидетельствует наличие сделанной на гончарном круге превосходной ремесленной посуды в могильниках Юго-Западного Таджикистана, изучавшихся А. М. Мандельштамом. Бесспорно, перед нами продукция оседлых поселений, причем аналогии с южнотуркменистанскими комплексами (Литвинский, Окладников и Ранов, 1962, стр. 294) имеют скорее хронологическое, чем генетическое значение. Оседлоземледельческая культура с ремесленной посудой имеет стойкую традицию на юге Афганистана, где ее изготовление продолжается во второй половине II и в первой трети I тыс. до н. э. (Мундигак V—VI). Возможно, отдельные мундигацкие аналогии южнотаджикистанских комплексов не случайны и свидетельствуют о том, что Бактрия была освоена,

хотя бы частично, оседлыми земледельцами в пору поздней бронзы. Дальнейшие исследования должны уточнить характер этой культуры и выяснить, не было ли здесь аналогии с юго-западом Средней Азии, когда после упадка древних оседлых центров (ср. запустение протогородского поселка Мундигак IV в начале II тыс. до н.э.) имело место освоение новых территорий и оазисов.

Одной из первоочередных проблем, связанных со всеми эпохами, является унификация терминологии как общих, так и частных понятий. Разнобой определений и нередко различное содержание, вкладываемое разными исследователями в одно и то же понятие, неизбежно затрудняют исторические изыскания и зачастую ведут к путанице. Некоторые шаги к установлению единообразия предприняты в настоящей книге, где формулируется определение комплекса Намазга I, джейтунской и чустской культур и т. д. Еще более важным является установление единой системы классификации и названий массового вещевого материала — форм керамики, типов и видов орудий и т. п. Разнобой в этой области велик необычайно, а между тем отсутствие единой терминологии решительным образом будет препятствовать крайне необходимому процессу — внедрению математических методов в обработку археологических материалов. Представляется, что уже в ближайшее время можно будет предложить единую систему терминологии, например для форм глиняных сосудов, во всяком случае для первобытной эпохи.

Уже одно перечисление встающих проблем и вопросов, а их список легко мог бы быть расширен, показывает широкие перспективы, открывающиеся перед исследователями каменного и бронзового веков Средней Азии. Первобытная археология Средней Азии — это вполне сложившаяся отрасль археологической науки, свидетельством чему является сама возможность выпуска настоящей книги. Дальнейшие открытия и исследования бесспорно закрепят ее место в ряду дисциплин, проливающих свет на важнейшие стороны прошлого племен и народов, населявших в древности как республики советской Средней Азии, так и Иран, Афганистан, Пакистан и Индию.

Литература по первобытной археологии Средней Азии на языках народов СССР

- А б е т е к о в А. 1963. Погребения эпохи бронзы могильника Тегирмен-Сай. КСИА АН СССР, вып. 93.
- А в г у с т и н н и к А. И. и Б а р а н о в а В. И. 1956. Технологическая характеристика черепков Джебела. ТЮТАКЭ, т. 7.
- А г а х а н я н ц О. Е., П а х о м о в М. М. и Т р о ф и м о в А. К. 1964. К палеогеографии Памира в голоцене. ИВГО, т. 96, вып. 6.
- А д ы к о в К. А. и М а с с о н В. М. 1960. Древности Теджено-Мургабского междуречья. (К изучению археологических памятников в зоне 2-й очереди Каракумского канала). ИАН ТуркмССР, сер. обществ. наук, № 2.
- А й з е н б е р г Ю. Б. 1958. Из истории использования естественного камня. Петрографическая обработка археологического каменного материала с мертвого городища Гяур-Кала и поселения Кара-Депе у Артыка. ТЮТАКЭ, т. 8.
- А к и ш е в К. А. и К у ш а е в Г. А. 1963. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата.
- А л е к с е е в В. П. 1964. Антропологический тип населения западных районов распространения андроновской культуры. НТТашГУ, нов. сер., вып. 235, Исторические науки, кн. 49.
- А л ы с б а е в Х. А. 1956. Новые наскальные изображения Бостандыкского района. ТИИАЭ АН КазССР, т. 1.
- А л ы с б а е в Х. А. 1959а. Находки нижнего палеолита в Южном Казахстане. ТИИАЭ АН КазССР, т. 7.
- А л ы с б а е в Х. А. 1959б. Нижнепалеолитические местонахождения в Малом Каратау. ВАН КазССР, № 2.
- А л ы с б а е в Х. А. 1960а. Открытие нижнего палеолита в Казахстане. ВАН КазССР, № 5.
- А л ы с б а е в Х. А. 1960б. Первая многослойная палеолитическая стоянка в Казахстане. ВАН КазССР, № 11.
- А л ы с б а е в Х. А. 1961а. Новые палеолитические местонахождения в бассейне рек Арыстанды—Бурылтай (Боролдай) в Южном Казахстане. ТИИАЭ АН КазССР, т. 12.
- А л ы с б а е в Х. А. 1961б. Открытие памятников древнего и позднего палеолита в Южном Казахстане. СА, № 1.
- А л ы с б а е в Х. А. 1962. Находки памятников каменного века в хребте Каратау. ТИИАЭ АН КазССР, т. 14.
- А л ь б а у м Л. И. 1965. Поселение Кучук-Тепе в Узбекистане. Матер. сессии, посвящ. итогам археол. и этногр. исслед. 1964 г. в СССР (Тез. докл.), Баку.
- А н б о е в И. А. 1963. Древности Голодной степи. В сб.: Ист. матер. культ. Узбекистана, вып. 4, Ташкент.
- А н б о е в И. А. 1964. Каменный сошник. В сб.: Ист. матер. культ. Узбекистана, вып. 5, Ташкент.

А н д р и а н о в Б. В. 1955. Из истории земель древнего орошения Хорезмского оазиса. В сб.: Памяти академика Л. С. Берга, М.—Л.

А н д р и а н о в Б. В. 1961. Раздел «Земледелие и ирригация» в историко-этнографическом атласе Средней Азии и Казахстана. В сб.: Матер. к историко-этногр. атласу Средней Азии и Казахстана, М. (ТИЭ, т. 48).

А р т е м ь е в В. В., Б у т о м о С. В., Д р о ж ж и н В. М. и Р о м а н о в а Е. Н. 1961. Результаты определения абсолютного возраста ряда археологических и геологических образцов по радиоуглероду (C^{14}). СА, № 2.

А р ц и х о в с к и й А. В. 1947. Введение в археологию. Изд. 3. М.

А с к а р о в А. 1961. Памятники эпохи бронзы в районе Махан-Дарьи. Научн. работы и сообщ. (АН УзССР, Отд. обществ. наук), кн. 4, Ташкент.

А с к а р о в А. 1962а. Культура Заман-Баба в низовьях Зеравшана. Обществ. науки в Узбекистане, № 11.

А с к а р о в А. 1962б. Низовья Зеравшана в эпоху бронзы. Автореф. канд. дисс., Л.

А с к а р о в А. 1962в. Открытие поселения эпохи бронзы. Обществ. науки в Узбекистане, № 1.

А с к а р о в А. 1962г. Памятники андроновской культуры в низовьях Зеравшана. В сб.: Ист. матер. культ. Узбекистана, вып. 3, Ташкент.

А с к а р о в А. 1963. Поселение Заман-Баба. КСИА АН СССР, вып. 93.

А с к а р о в А. 1964. Археологическая поездка в северо-западную часть Каршинской степи. В сб.: Ист. матер. культ. Узбекистана, вып. 5, Ташкент.

А с к о ч е н с к и й А. Н. и Д у н и н - Б а р к о в с к и й Л. В. 1964. Археологические и геоморфологические исследования на землях древнего орошения Средней Азии и Казахстана. Гидротехника и мелиорация, № 11.

Б а х т а В. и М а р к о в Г. Е. 1959. Археологическая разведка 1957 г. в Западной Туркмении. ТИИАЭ АН ТуркмССР, т. 5.

Б а х т е е в Ф. Х. 1962. К археологическим раскопкам в Кызылкумах. Обществ. науки в Узбекистане, № 11.

Б е л о с л ю д о в Б. А. 1948. Памятники древности государственного заповедника Боровое. ВАН КазССР, № 10.

Б е л я е в а Е. И. 1946. О находке остатков мамонта в Ферганской долине. БКИЧП, № 8.

Б е р д ы е в О. К. 1963. Стратиграфия Бамийского поселения. СА, № 4.

Б е р д ы е в О. К. 1964а. Стратиграфия Тоголок-Тепе в связи с расселением племен джейтунской культуры. СА, № 3.

Б е р д ы е в О. К. 1964б. Чагыллы-Депе. ИАН ТуркмССР, сер. обществ. наук, № 1.

Б е р д ы е в О. К. 1965а. Неолит Новой Нисы. СА, № 2.

Б е р д ы е в О. К. 1965б. Южная Туркмения в эпоху неолита. Автореф. канд. дисс., Ашхабад.

Б е р д ы е в О. К. и К о р о б к о в а Г. Ф. 1964. Производственные функции каменных и костяных орудий из Чагыллы-Депе. ИАН ТуркмССР, сер. обществ. наук, № 6.

Б е р н ш т а м А. Н. 1943. Историко-культурное прошлое Северной Киргизии по материалам Большого Чуйского канала. Фрунзе.

Б е р н ш т а м А. Н. 1945. Археологические контуры Тянь-Шаня и Алая. ИКиргФ АН СССР, вып. 2—3.

Б е р н ш т а м А. Н. 1946. Некоторые итоги археологических работ в Семиречье. КСИИМК, вып. 13.

Б е р н ш т а м А. Н. 1947. Древняя Фергана. КСИИМК, вып. 21.

Б е р н ш т а м А. Н. 1948. Прошлое района Алма-Ата. Историко-археологический очерк. Алма-Ата.

Б е р н ш т а м А. Н. 1949а. Древняя Фергана. ВДИ, № 1.

Б е р н ш т а м А. Н. 1949б. Из итогов археологических работ на Тянь-Шане и Памиро-Алае. КСИИМК, вып. 28.

Б е р н ш т а м А. Н. 1949в. Основные этапы истории культуры Семиречья и Тянь-Шаня. СА, № 11.

Бернштам А. Н. 1949г. Проблемы древней истории и этногенеза Южного Казахстана. ИАН КазССР, № 67, сер. археол., вып. 2.

Бернштам А. Н. 1949д. Советская археология Средней Азии. КСИИМК, вып. 28.

Бернштам А. Н. 1951. Древняя Фергана. Ташкент.

Бернштам А. Н. 1952а. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. МИА, № 26.

Бернштам А. Н. 1952б. Наскальные изображения Саймалы-Таш. СЭ, № 2.

Бернштам А. Н. 1954. В горах и долинах Памира и Тянь-Шаня. В сб.: По следам древних культур. От Волги до Тихого океана. М.

Бибикова В. И. 1958. Некоторые замечания по фауне из мустьерской пещеры Аман-Кутан. СА, № 3.

Богданова-Березовская И. В. 1962. Химический состав металлических изделий Ферганы эпохи бронзы и железа. МИА, № 118.

Борисковский П. И. 1947а. К вопросу о древнейшем заселении Туркменистана. (Тезисы доклада). ТАШХАБГПИ, вып. 1.

Борисковский П. И. 1947б. Палеолитические местонахождения в Туркмении. КСИИМК, вып. 18.

Букинич Д. Д. 1924. История первобытного орошаемого земледелия в Закаспийской области в связи с вопросом о происхождении земледелия и скотоводства. ХД, № 3—4.

Букинич Д. Д. 1929. Некоторые новые данные об Анау и Намазга-Тепе. Туркменоведение, № 5.

Бунак В. В. 1951. Муляж мозговой полости палеолитического детского черепа из грота Тешик-Таш, Узбекистан. СМАЭ, т. 13.

Бутомо С. В., Ранов В. А. 1962. Палеогеографические результаты изучения высокогорной стоянки каменного века на Памире. ДАН СССР, т. 146, № 6.

Бутомо С. В., Ранов В. А. и Сидоров Л. Ф. 1964. Некоторые вопросы исследования каменного века Памира. СА, № 4.

Вактурская Н. Н. 1959. О поездке в Южные Кызылкумы в 1955 г. МХЭ, вып. 1.

Виноградов А. В. 1955. Неолитические украшения из створок раковин *Didaspa*. (По материалам раскопок в Северной Туркмении). КСИИМК, вып. 59.

Виноградов А. В. 1957а. К вопросу о южных связях кельтеминарской культуры. СЭ, № 1.

Виноградов А. В. 1957б. Кельтеминарская культура. Автореф. канд. дисс., М.

Виноградов А. В. 1958. Раннекельтеминарская стоянка Кунык I. КСИЭ, вып. 30.

Виноградов А. В. 1960. Новые неолитические находки Хорезмской экспедиции АН СССР 1957 г. МХЭ, вып. 4.

Виноградов А. В. 1963. Новые материалы для изучения кельтеминарской культуры. МХЭ, вып. 6.

Виноградов А. В. и Итина М. А. 1959. [Рец. на кн.:] Памятники культуры каменного и бронзового века Южного Туркменистана. [Вып. 1]. 1956. (ТЮТАКЭ, т. 7). СЭ, № 1.

Воронец М. Э. 1940. Археологические исследования 1937—1939 гг. в УзССР. ВДИ, № 3—4.

Воронец М. Э. 1948. Браслеты бронзовой эпохи Музея истории АН УзССР. ТИИА АН УзССР, т. 1.

Воронец М. Э. 1951. Наскальные изображения Южной Киргизии. ТКиргГПИ, вып. 2.

Воронец М. Э. 1954. Археологические исследования Института истории и археологии и Музея истории Академии наук УзССР на территории Ферганы в 1950—1951 гг. ТМИ УзССР, вып. 2.

Воронец М. Э. и Гулямов Я. Г. 1955. Первобытнообщинный строй. В кн.: История Узбекской ССР, т. I, кн. I, ч. 1. Ташкент.

Воронец М. Э. 1956. Каменное изображение змей из кишлака Сох Ферганской области. КСИИМК, вып. 61.

Гайдукевич В. Ф. 1948. К истории древнего земледелия в Средней Азии. ВДИ, № 3.

Гамбург Б. З. и Горбунова Н. Г. 1956. Могильник эпохи бронзы в Ферганской долине. КСИИМК, вып. 63.

Гамбург Б. З. и Горбунова Н. Г. 1957. Новые данные о культуре эпохи бронзы Ферганской долины. СА, № 3.

Ганялин А. Ф. 1953. Археологические памятники горных районов Северо-Западного Копет-Дага. (По данным археологических разведок 1952 г.). ИАН ТуркмССР, № 5.

Ганялин А. Ф. 1956а. К стратиграфии Намазга-Тепе. ТИИАЭ АН ТуркмССР, т. 2.

Ганялин А. Ф. 1956б. Погребения эпохи бронзы у селения Янги-Кала. ТЮТАКЭ, т. 7.

Ганялин А. Ф. 1956в. Теккем-Тепе. (Раскопки 1952—1953 гг.). ТИИАЭ АН ТуркмССР, т. 2.

Ганялин А. Ф. 1959а. Алтың-Депе. (По материалам работ 1953 г.). ТИИАЭ АН ТуркмССР, т. 5.

Ганялин А. Ф. 1959б. Холм Йлгылы-Депе. ТИИАЭ АН ТуркмССР, т. 5.

Герасимов М. М. 1948. К вопросу о восстановлении облика ископаемого человека. (Мальчик неандерталец из грота Тешик-Таш). УЗМГУ, вып. 115.

Герасимов М. М. 1964. Люди каменного века. М.

Гинзбург В. В. 1951. Древние и современные антропологические типы Средней Азии. ТИЭ, нов. сер., т. 16.

Гинзбург В. В. 1956. Материалы к антропологии древнего населения Ферганской долины. ТКАЭЭ, т. 1.

Гинзбург В. В. 1957а. Антропологические материалы из Вуадильского и Ак-Тамского могильников. КСИИМК, вып. 69.

Гинзбург В. В. 1957б. О фрагменте бедренной кости из Аман-Кутана. КСИЭ, вып. 27.

Гинзбург В. В. 1959. Материалы к антропологии населения Южной Туркмении в эпоху поздней бронзы. ТЮТАКЭ, т. 9.

Гинзбург В. В. 1962. К антропологии населения Ферганской долины в эпоху бронзы. (По материалам Дальверзинского поселения). МИА, № 118.

Гинзбург В. В. и Трофимова Т. А. 1959. Черепа эпохи энеолита и бронзы из Южной Туркмении. (Предварительное сообщение). СЭ, № 1.

Гинзбург В. В. и Фирштейн Б. В. 1958. Материалы к антропологии древнего населения Западного Казахстана. СМАЭ, т. 18.

Гомолицкий П. А. 1960. Некоторые археологические наблюдения на левом берегу р. Сыр-Дарья в Южном Казахстане. ТТашГУ, вып. 172, Исторические науки, кн. 37.

Гремяцкий М. А. 1949. Череп ребенка неандертальца из грота Тешик-Таш, Южный Узбекистан. В сб.: Тешик-Таш, М.

Григорьев Г. В. 1940. Находка мустьерского остроконечника в Самарканде. КСИИМК, вып. 8.

Громова В. А. 1940. Остатки млекопитающих из пещеры Тешик-Таш. ТУЗФ АН СССР, сер. 1, вып. 1.

Громова В. И. 1946. О новой ископаемой лошади из Средней Азии. ДАН СССР, нов. сер., т. 54, № 4.

Громова В. И. 1949. Плейстоценовая фауна млекопитающих из грота Тешик-Таш, Южный Узбекистан. В сб.: Тешик-Таш, М.

Грязнов М. П. и Окладников А. П. 1963. Первобытнообщинный строй. В кн.: История Киргизии, т. I, гл. 1. Фрунзе.

Грязнов М. П. и Плотровский Б. Б. 1939. Сибирь, Казахстан и Средняя Азия в эпоху бронзы. В кн.: История СССР с древнейших времен до образования древнерусского государства (Макет), ч. I, гл. 3, § 7. М.—Л.

Гулямов Я. Г. 1949. История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней. Автореф. докт. дисс., Ташкент.

Гулямов Я. Г. 1956. Археологические работы к западу от Бухарского оазиса. ТИИА АН УзССР, вып. 8.

Гулямов Я. Г. 1957. История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней. Ташкент.

Гулямов Я. Г. 1964. О работе Махандарьинского археологического отряда в 1963 г. Обществ. науки в Узбекистане, № 1.

Гулямова Э., Давидович Е. А., Литвинский Б. А. и Ранов В. А. 1956. Археологические и нумизматические коллекции Института истории, археологии и этнографии АН Таджикской ССР. (Краткий обзор). Душанбе.

Дебец Г. Ф. 1939. О черепе из Тешик-Ташской пещеры. КСИИМК, вып. 2.

Дебец Г. Ф. 1940. Об антропологических особенностях человеческого скелета из пещеры Тешик-Таш. (Предварительное сообщение). ТУЗФ АН СССР, сер. 1, вып. 1.

Дебец Г. Ф. 1947. О положении палеолитического ребенка из пещеры Тешик-Таш в системе ископаемых форм человека. М.

Джуракулов М. Д. 1964. Следы кельтеминарской культуры в степях Северной Бухары. Т.СамаркГУ, вып. 135.

Дурдыев Д. Д. 1959. Итоги полевых работ Сектора археологии Института истории, археологии и этнографии Академии наук Туркменской ССР 1954—1957 гг. ТИИАЭ АН ТуркмССР, т. 5.

Дьяконов М. М. 1948. Работы Таджикско-Согдийской археологической экспедиции в 1946—1948 гг. СтаджФ АН СССР, вып. 10.

Дьяконов М. М. 1950. Работы Кафирниганского отряда [Согдийско-Таджикской археологической экспедиции]. МИА, № 15.

Дьяконов М. М. 1954. Предварительные итоги работ Таджикской археологической экспедиции в 1953 г. ДАН ТаджССР, вып. 11.

Дьяконов И. М. 1960. [Рец. на кн.:] В. М. Массон. Древнеземледельческая культура Маргианы (М.—Л., 1959). ВДИ, № 3.

Ершов С. А. 1944. Археология в ТССР за 20 лет. ИТуркмФ АН СССР, № 2—3.

Ершов С. А. 1951. Археологическая коллекция с Келифского Узбоя. ИТуркмФ АН СССР, № 3.

Ершов С. А. 1952. Холм Яссы-Тепе 2. (Раскопки 1952 г.). ИАН ТуркмССР, № 6.

Ершов С. А. 1956а. Северный холм Анау. (Отчет о стратиграфической шурфовке холма в 1953 г.). ТИИАЭ АН ТуркмССР, т. 2.

Ершов С. А. 1956б. Холм Чопан-Тепе. (Отчет о стратиграфическом изучении холма в 1953 г.). ТИИАЭ АН ТуркмССР, т. 2.

Ефименко П. П. 1964. К вопросу о возрасте позднепалеолитической стоянки в Самарканде. Вероятность возраста стоянки. Тезисы. Т.СамаркГУ, вып. 135.

Жданко Т. А. 1956. Полевые археологические исследования Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР [1954 г.]. ТАН ТаджССР, т. 37.

Заднепровский Ю. А. 1956. Разведки и раскопки Южнокиргизского отряда Киргизской археолого-этнографической комплексной экспедиции АН СССР [1954 г.]. ТАН ТаджССР, т. 37.

Заднепровский Ю. А. 1957а. Археологические работы в Южной Киргизии [1954 г.]. КСИЭ, вып. 26.

Заднепровский Ю. А. 1957б. Дальверзинское селище. КСИИМК, вып. 69.

Заднепровский Ю. А. 1959а. Ашкал-Тепе — новый памятник чувшской культуры в Фергане. СА, № 3.

Заднепровский Ю. А. 1959б. Земледельческие поселения Ферганы и Южной Киргизии. (Период поздней бронзы и железа). Матер. Второго совещ. археол. и этногр. Средней Азии, М.—Л.

Заднепровский Ю. А. 1960. Археологические работы в Южной Киргизии в 1954 г. ТКАЭЭ, т. 4.

Заднепровский Ю. А. 1961. Дальверзинское поселение. (Раскопки 1959 г.). КСИА АН СССР, вып. 86.

Заднепровский Ю. А. 1962а. Древнеземледельческая культура Ферганы. МИА, № 118.

Заднепровский Ю. А. 1962б. Некоторые итоги изучения Дальверзинского поселения (1956—1960 гг.). Обществ. науки в Узбекистане, № 1.

Заднепровский Ю. А. 1964. Основные этапы истории Карадарьинского оазиса. КСИА АН СССР, вып. 98.

Замятин С. Н. Разведки пещер в Таджикистане осенью 1943 г. ТТаджФ АН СССР, т. 29.

Збруева А. В. 1946. Древние культурные связи Средней Азии и Приуралья. ВДИ, № 3.

Зезенкова В. Я. 1953. Материалы к палеоантропологии Узбекистана и Туркмении. В кн.: Л. В. Ошанин и В. И. Зезенкова. Вопросы этногенеза народов Средней Азии в свете данных антропологии. Ташкент.

Зезенкова В. Я. 1958. Скелет из погребения в поселении эпохи бронзы близ Чуста. Сов. антропология, № 3.

Зеймаль Е. В. 1958. Медный топор из кишлака Аракчи. СРИКМ ТаджССР, вып. 3.

Зимма Б. М. 1948. Очаг андроновской культуры в Северной Киргизии. ТИЯЛИКиргФ АН СССР, вып. 2.

Зимма Б. М. 1950. Некоторые выводы по вопросу изучения наскальных изображений Киргизии. ТКиргГПИ, вып. 2.

Иванов П. П. 1957. Материалы по археологии котловины Иссык-Куля. ТИИ АН КиргССР, вып. 3.

Иванова В. Г. и Григорьева А. З. 1956. Описание следов сработанности, обнаруженных под микроскопом на кремневых орудиях из пещеры Джебел. ТЮТАКЭ, т. 7.

Иессен А. А. 1941. Каменная скульптура медведя из Туркмении. ТОИПК, т. 1.

Исламов О. И. 1955а. Из истории горного дела и геологических представлений у народов Средней Азии с древнейших времен до XVIII в. В кн.: Очерки по истории геологических знаний, вып. 4. М.

Исламов О. И. 1955б. Из истории культуры камня в Средней Азии. Зап. Узб. отд. Всес. мин. общ., вып. 8.

Исламов О. И. 1960. Зарождение и развитие геологических знаний в Средней Азии с древнейших времен до присоединения к России. ТТашГУ, вып. 180.

Исламов О. И. 1964. О геологическом исследовании археологических объектов. В сб.: Ист. матер. культ. Узбекистана, вып. 5, Ташкент.

Исламов О. И. и Рутковская Л. М. 1961. Каменные орудия из Чаш-Тепе под Ташкентом. СА, № 3.

Исламов У. 1961а. Кельтеминарская культура на Махан-Дарье. Научн. работы и сообщ. (АН УзССР, Отд. обществ. наук), кн. 4, Ташкент.

Исламов У. 1961б. Открытие неолитической культуры на Махан-Дарье. Обществ. науки в Узбекистане, № 1.

Исламов У. 1963а. Многослойная стоянка кельтеминарской культуры в низовьях Зеравшана. В сб.: Ист. матер. культ. Узбекистана, вып. 4, Ташкент.

Исламов. У. 1963б. Неолитическая культура в низовьях Зеравшана. Автореф. канд. дисс., Л.

История Киргизии. 1963. Т. I. Фрунзе. (АН КиргССР, Инст. ист.).

История таджикского народа. 1963. Т. I. С древнейших времен до V в. н. э. М. (АН ТаджССР, Инст. ист.).

История Туркменской ССР. 1957. Т. I, кн. 1. С древнейших времен до конца XVIII в. Ашхабад. (АН ТуркмССР, Инст. ист., археол. и этногр.).

История Узбекской ССР. 1955. Т. I, кн. 1. Ташкент. (АН УзССР, Инст. ист.).

Итина М. А. 1951. Памятники энеолита и бронзового века Средней Азии. (Хронологическая и географическая классификация). Автореф. канд. дисс., М.

Итина М. А. 1957. Работы Узбойского отряда в 1954 г. КСИЭ, вып. 26.

Итина М. А. 1958а. Женская статуэтка эпохи ранней бронзы из Хорезма. КСИЭ, вып. 30.

Итина М. А. 1958б. Памятники первобытной культуры Верхнего Узоя. ТХАЭЭ, т. 2.

Итина М. А. 1959а. Новые стоянки тазабагыбской культуры. (Работы 1956 г.). МХЭ, вып. 1.

Итина М. А. 1959б. Опыт картографирования памятников первобытной культуры древней дельты Аму-Дарьи. Матер. Второго совещ. археол. и этногр. Средней Азии, М.—Л.

Итина М. А. 1959в. Первобытная керамика Хорезма. ТХАЭЭ, т. 4.

Итина М. А. 1960а. Раскопки стоянок тазабагыбской культуры в 1957 г. МХЭ, вып. 4.

Итина М. А. 1960б. Степные племена среднеазиатского междуречья во второй половине II—начале I тысячелетия до н. э. М. (25-й Междунар. конгр. востоковедов, Докл. делегации СССР).

Итина М. А. 1961. Раскопки могильника тазабагыбской культуры Кокча 3. МХЭ, вып. 5.

Итина М. А. 1962. Степные племена среднеазиатского междуречья во второй половине II—начале I тысячелетия до н. э. СЭ, № 3.

Итина М. А. 1963а. Поселение Якке-Парсан 2. (Раскопки 1958—1959 гг.). МХЭ, вып. 6.

Итина М. А. 1963б. Раскопки стоянки Кават 3 в 1958 г. МХЭ, вып. 6.

Итина М. А. 1964. Южное и восточное Приаралье в эпоху первобытности. В кн.: Очерки истории Каракалпакской АССР, т. I, гл. 1. Ташкент.

Касымов М. Р. 1960. Новое палеолитическое местонахождение близ селения Бричмулла. ИАН УзССР, сер. обществ. наук, № 3.

Касымов М. Р. 1961а. Добыча и техника обработки кремня в каменноломных-мастерских Средней Азии. Научн. работы и сообщ. (АН УзССР, Отд. обществ. наук), кн. 3, Ташкент.

Касымов М. Р. 1961б. Кремневая мастерская близ кишлака Иджонт. Обществ. науки в Узбекистане, № 8.

Касымов М. Р. 1962а. Кремнеобрабатывающие мастерские каменного века в Средней Азии. Автореф. канд. дисс., Л.

Касымов М. Р. 1962б. Кызылкырская стоянка каменного века в окрестностях г. Бухары. В сб.: Ист. матер. культ. Узбекистана, вып. 3, Ташкент.

Касымов М. Р. 1963. Кремневая мастерская у кишлака Учтут в районе горы Каратау Бухарской области. Научн. работы и сообщ. (АН УзССР, Отд. обществ. наук), кн. 6, Ташкент.

Касымов М. Р. 1964. Новые данные о мастерских каменного века в районе Каратау. В сб.: Ист. матер. культ. Узбекистана, вып. 5, Ташкент.

Касымов М. Р. и Коробкова Г. Ф. 1962. Функциональное определение каменных орудий с Кызылкырской неолитической стоянки. Обществ. науки в Узбекистане, № 10.

К е с ь А. С. 1958. Природные факторы, обуславливающие расселение древнего человека в пустынях Средней Азии. КСИЭ, вып. 30.

К е с ь А. С. 1961. Вопросы четвертичной палеогеографии низовьев Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи. Матер. Всес. совещ. по изуч. четверт. периода, т. 3, М.

К и б и р о в А. К. и К о ж е м я к о П. Н. 1956. Новые памятники эпохи бронзы. ТИИ АН КиргССР, вып. 2.

К и с е л е в С. В. 1957. Исследование бронзового века на территории СССР за 40 лет. СА, № 4.

К о б р а н о в Е. Я. 1927. Историческое и культурное значение Анау. Ашхабад—Полторацк.

К о ж е м я к о П. Н. 1960. Погребения эпохи бронзы в Киргизии. ИАН КиргССР, сер. обществ. наук, т. 2, № 3.

К о з е н к о в а В. И. 1959. Археологические работы в Анджжанской области в 1956 г. КСИИМК, вып. 76.

К о м а р о в А. В. 1888. Закаспийская область в археологическом отношении. ТВ, № 24.

К о н о п л я П. Т. 1959. Следы людей каменного века на территории Южной Киргизии. ИАН КиргССР, сер. обществ. наук, т. 1, вып. 1.

К о п ы л о в И. И. 1955. К вопросу о составе древних бронз Семиречья. УЗАГПИ, т. 9, сер. гуманитар. наук.

К о р о б к о в а Г. Ф. 1960 (обл. 1961). Определение функций каменных и костяных орудий с поселения Джейгун по следам работы. ТЮТАКЭ, т. 10.

К о р о б к о в а Г. Ф. 1962. Отпечатки тканей на керамике. (По материалам Дальверзина, Эйлатана и Дараут-Кургана). МИА, № 118.

К о р о б к о в а Г. Ф. 1964. Каменные и костяные орудия их энеолитических поселений Южной Туркмении. (Из материалов ЮТАКЭ). ИАН ТуркмССР, сер. обществ. наук, № 3.

К о с т е н к о Н. П., Н е с м е я н о в С. А. и Р а н о в В. А. 1961. О находке палеолитических орудий на возвышенности Ак-Джар. (Южный Таджикистан). ДАН ТаджССР, т. 4, № 6.

К р ы л к о в Ю. В. и Р а н о в В. А. 1959. Археологические находки мустерского времени на возвышенности Кара-Бура и их геологическая интерпретация. ДАН ТаджССР, т. 2, № 5.

К р ы л к о в Ю. В. и Р а н о в В. А. 1960. Расчленение четвертичных отложений Южного Таджикистана по их фаціальным признакам и археологическим данным. УЗСАИГИМС, вып. 4.

К у з ь м и н а Е. Е. 1958. Могильник Заман-Баба. (К вопросу о культурных связях населения долины нижнего Зеравшана в III—II тысячелетиях до н. э.). СЭ, № 2.

К у з ь м и н а Е. Е. 1961а. Два бронзовых кельта-лопатки из собрания Государственного Эрмитажа. СА, № 4.

К у з ь м и н а Е. Е. 1961б. К вопросу о некоторых типах орудий Киргизии эпохи поздней бронзы. (По материалам Исык-Кульского клада). ИАН КиргССР, т. 3, сер. обществ. наук, вып. 3.

К у з ь м и н а Е. Е. 1964а. О южных пределах распространения степных культур эпохи бронзы в Средней Азии. В сб.: Памятники каменного и бронзового веков Евразии, М.

К у з ь м и н а Е. Е. 1964б. Топорик из Пуль-и-Хатун и вопрос о связях Южной Туркмении с Ираном в III тысячелетии до н. э. КСИА АН СССР, вып. 101.

К у ф т и н Б. А. 1954. Работы ЮТАКЭ в 1952 г. по изучению «культур Анау». ИАН ТуркмССР, № 1.

К у ф т и н Б. А. 1956. Полевой отчет о работе XIV отряда ЮТАКЭ по изучению культуры первобытнообщинных оседлоземледельческих поселений эпохи меди и бронзы в 1952 г. ТЮТАКЭ, т. 7.

К ы з л а с о в Л. Р. 1956. Андроновские антропоморфные фигурки из Средней Азии. КСИИМК, вып. 63.

Л а т ы н и н Б. А. 1958. О южных границах ойкумены степных культур эпохи бронзы. СА, № 3.

Лев Д. Н. 1949а. Древний палеолит в Аман-Кутане. (Предварительное сообщение). Самарканд. (ТУзГУ, нов. сер., вып. 39).

Лев Д. Н. 1949б. Новая находка древнего палеолита в пещере Аман-Кутан близ города Самарканда. Природа, № 6.

Лев Д. Н. 1949в. Новые пещерные стоянки эпохи палеолита в Узбекистане. СЭ, № 1.

Лев Д. Н. 1953. Пещеры эпохи палеолита близ Самарканда. Природа, № 7.

Лев Д. Н. 1955. Новые данные по палеолиту Узбекистана. ТИИА АН УзССР, вып. 7.

Лев Д. Н. 1956. Древний палеолит в Аман-Кутане. (Исследование 1953—1954 гг.). ТУзГУ, нов. сер., вып. 61.

Лев Д. Н. 1957. Новые памятники палеолита в Узбекистане. ТКИЧП, т. 13.

Лев Д. Н. 1958. Новые находки в пещере Аман-Кутан. Природа, № 1.

Лев Д. Н. 1960. Археологические исследования Самаркандского государственного университета в 1955—1956 гг. Т. СамаркГУ, вып. 101, ч. 2.

Лев Д. Н. 1964. Поселение древнекаменного века в Самарканде. (Исследование 1958—1960 гг.). Т. СамаркГУ, вып. 135.

Левен Я. А. 1958. Генезис и развитие пещеры Аман-Кутан. ТУзГУ, нов. сер., вып. 85, Биол.-геогр. фак.

Лисицына Г. Н. 1963а. Древние земледельцы в дельте Теджена. Природа, № 10.

Лисицына Г. Н. 1963б. Основные черты палеогеографии Гексюрского оазиса. КСИА АН СССР, вып. 93.

Лисицына Г. Н. 1964а. Древнейшие оросительные каналы на территории Туркмении. Гидротехника и мелиорация, № 9.

Лисицына Г. Н. 1964б. Растительность Южной Туркмении в эпоху энеолита по палеоботаническим данным. КСИА АН СССР, вып. 98.

Лисицына Г. Н. 1965. Орошаемое земледелие эпохи энеолита на юге Туркмении. МИА, № 128.

Лисицына Г. Н., Массон В. М., Сарияниди В. И. и Хлопин И. Н. 1962. Итоги археологического и палеогеографического изучения Геоксюрского оазиса. Тез. докл. на засед., посвящ. итогам исслед. 1961 г., М.

Лисицына Г. Н., Массон В. М., Сарияниди В. И. и Хлопин И. Н. 1965. Итоги археологического и палеогеографического изучения Геоксюрского оазиса (1956—1962 гг.). СА, № 1.

Литвинский Б. А. 1952. Намазга-Тепе. (По данным раскопок 1949—1950 гг.). СЭ, № 4.

Литвинский Б. А. 1954а. Археологическое изучение Таджикистана советской наукой. Душанбе.

Литвинский Б. А. 1954б. Древнейшие страницы истории горного дела Таджикистана и других республик Средней Азии. Душанбе.

Литвинский Б. А. 1956. Работы отряда по изучению памятников бронзового века в Кайрак-Кумах в 1955 г. ТАН ТаджССР, т. 63.

Литвинский Б. А. 1959а. Изучение памятников эпохи бронзы и раннего железа в Кайрак-Кумах в 1956 г. ТАН ТаджССР, т. 91.

Литвинский Б. А. 1959б. Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Кайрак-Кумах. Матер. Второго совещ. археол. и этногр. Средней Азии, М.—Л.

Литвинский Б. А. 1960а. Археологические открытия на Восточном Памире и проблема связей между Средней Азией, Китаем и Индией в древности. М. (25-й Междунар. конгр. востоковедов, Докл. делегации СССР).

Литвинский Б. А. 1960б. Даханийский могильник эпохи бронзы в Западной Фергане. КСИИМК, вып. 80.

Литвинский Б. А. 1961а. О топорах эпохи бронзы из Таджикистана. ИООН АН ТаджССР, вып. 1 (24).

Литвинский Б. А. 1961б. Раскопки могильников на Восточном Памире в 1958 г. ТИИ АН ТаджССР, т. 27.

- Литвинский Б. А. 1963. Бронзовый век. В кн.: История таджикского народа, т. I, гл. 2. М.
- Литвинский Б. А. 1964. Таджикистан и Индия. (Примеры древних связей и контактов). В сб.: Индия в древности, М.
- Литвинский Б. А. и Бубнова М. А. 1962. Раскопки курганов на Восточном Памире в 1960 г. ТИИ АН ТаджССР, т. 34.
- Литвинский Б. А. и Ранов В. А. 1961. Раскопки навеса Ак-Танги в 1959 г. ТИИ АН ТаджССР, т. 31.
- Литвинский Б. А. и Ранов В. А. 1964. Раскопки навеса Ак-Танги в 1961 г. ТИИ АН ТаджССР, т. 42.
- Литвинский Б. А., Окладников А. П. и Ранов В. А. 1962. Древности Кайрак-Кумов. (Древнейшая история Северного Таджикистана). Душанбе.
- Лунин Б. Б. 1958. Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане. Туркестанский кружок любителей археологии (1895—1917 гг.). Ташкент.
- Макеев П. С. 1952. Земли древнего орошения на сухих руслах Куля-Дарьи и Джаны-Дарьи. ИВГО, т. 84, вып. 6.
- Максимов С. Е. 1944. Находка палеолита в районе Аральского моря. УЗЛГУ, № 70, сер. геол.-почв. наук, вып. 11.
- Максимова А. Г. 1962. Могильник эпохи бронзы в урочище Тау-Тары. ТИИАЭ АН КазССР, т. 14.
- Мамедов Э. Д. 1963. Пески внутренних Кызылкумов. Автореф. канд. дисс., Ташкент.
- Мандельштам А. М. 1959. Археологические работы в Бишкентской долине в 1957 г. ТАН ТаджССР, т. 91.
- Маргулан Н. Х. 1949. Отчет о работах Центрально-Казахстанской археологической экспедиции 1947 г. ИАН КазССР, № 67, сер. археол., вып. 2.
- Маргулан А. Х. 1950. Историко-топографический фон восточной Бетпак-Далы. ВАН КазССР, № 6.
- Маргулан А. Х. 1951. Третий сезон археологической работы в Центральном Казахстане. (Отчет экспедиции 1948 г.). ИАН КазССР, № 108, сер. археол., вып. 3.
- Маргулан А. Х. 1959. Архитектура [Казахстана] древнего периода. В кн.: А. Х. Маргулан и Т. К. Басенов. Архитектура Казахстана, гл. 1. Алма-Ата.
- Маргулан А. Х. 1960. Открытие новых памятников культуры эпохи бронзы Центрального Казахстана. М. (25-й Междунар. конгр. востоковедов, Докл. делегации СССР).
- Марков Г. Е. 1961. Раскопки первобытной стоянки Оюклы. ВМУ, сер. 9, История, № 3.
- Марущенко А. А. 1931. У истоков культуры. Следы протонеолитических культур в Каракумах. Туркменоведение, № 7—9.
- Марущенко А. А. 1935. Археологические открытия последних лет в Туркменистане. ИТуркмГНИИ, № 1.
- Марущенко А. А. 1939. Анау. Историческая справка. В кн.: Архитектурные памятники Туркмении, вып. 1. Москва—Ашхабад.
- Марущенко А. А. 1949. Краткий отчет о работе Кабинета археологии Туркменского государственного института истории за первую половину 1939 г. МЮТАКЭ, вып. 1.
- Марущенко А. А. 1956. Итоги полевых археологических работ 1953 г. Института истории, археологии и этнографии Академии наук Туркменской ССР. ТИИАЭ АН ТуркмССР, т. 2.
- Марущенко А. А. 1959. Елькен-Депе. (Отчет о раскопках 1953, 1955 и 1956 гг.). ТИИАЭ АН ТуркмССР, т. 5.
- Массон В. М. 1951. Хумы Нисы. (О некоторых формах неполивной керамики). ТЮТАКЭ, т. 2.

Массон В. М. 1953. Изучение культуры древнего Дахистана в 1951 г. (Из работ ЮТАКЭ в 1951 г.). ИАН ТуркмССР, № 1.

Массон В. М. 1954а. Древняя культура Дахистана. (Историко-археологические очерки). Автореф. канд. дисс., М.—Л.

Массон В. М. 1954б. Мисрианская равнина в эпоху поздней бронзы и раннего железа. ИАН ТуркмССР, № 2.

Массон В. М. 1955. Древнемаргианское поселение Яз-Депе. ИАН ТуркмССР, № 3.

Массон В. М. 1956а. Изучение древнеземледельческих поселений в дельте Мургаба. (Из работ ЮТАКЭ 1955 г.). ИАН ТуркмССР, № 2.

Массон В. М. 1956б. Памятники культуры архаического Дахистана в Юго-Западной Туркмении. ТЮТАКЭ, т. 7.

Массон В. М. 1956в. Первобытнообщинный строй на территории Туркмении. (Энеолит, бронзовый век и эпоха раннего железа). ТЮТАКЭ, т. 7.

Массон В. М. 1956г. Поселения поздней бронзы и раннего железа в дельте Мургаба. КСИИМК, вып. 64.

Массон В. М. 1956д. Расписная керамика Южной Туркмении по раскопкам Б. А. Куфтина. ТЮТАКЭ, т. 7.

Массон В. М. 1957а. Джейтун и Кара-Депе. Предварительное сообщение о работах 1955 г. СА, № 1.

Массон В. М. 1957б. Древнеземледельческие племена Южного Туркменистана и их связи с Ираном и Индией. ВДИ, № 1.

Массон В. М. 1957в. Изучение древнеземледельческих поселений в дельте Мургаба. КСИИМК, вып. 69.

Массон В. М. 1957г. Изучение энеолита и бронзового века Средней Азии. СА, № 4.

Массон В. М. 1959а. Древнеземледельческая культура Маргианы. МИА, № 73.

Массон В. М. 1959б. Древние земледельцы на юге Туркменистана. (Краткий путеводитель по памятникам древнеземледельческой культуры). Ашхабад. (То же на туркм. яз.: Ашхабад, 1959).

Массон В. М. 1959в. Изучение анауских культур в 1956 г. КСИИМК, вып. 73.

Массон В. М. 1959г. О культе женского божества у анауских племен. КСИИМК, вып. 73.

Массон В. М. 1960а (обл. 1961). Джейтунская культура. ТЮТАКЭ, т. 10.

Массон В. М. 1960б. Древнейшая земледельческая культура Средней Азии. ИАН ТуркмССР, сер. обществ. наук, № 1.

Массон В. М. 1960в (обл. 1961). Кара-Депе у Артыка. (В свете раскопок 1955—1957 гг.). ТЮТАКЭ, т. 10.

Массон В. М. 1960г (обл. 1961). Южнотуркменистанский центр раннеземледельческих культур. (В свете работ ЮТАКЭ 1955—1958 гг.).

Массон В. М. 1960д. [Рец. на кн.:] W. A. Fairervis. Excavations in the Quetta Valley (New York, 1956). СА, № 3.

Массон В. М. 1962а. Восточные параллели убейдской культуры. КСИА АН СССР, вып. 91.

Массон В. М. 1962б. Древнейшее прошлое Средней Азии. (От возникновения земледелия до похода Александра Македонского). Автореф. докт. дисс., Л.

Массон В. М. 1962в. Новые раскопки на Джейтуне и Кара-Тепе. (К эволюции жилых домов у раннеземледельческих племен). СА, № 3.

Массон В. М. 1962г. Памятники развитого энеолита Юго-Западной Туркмении. Археология СССР, Свод археол. источников, вып. БЗ-8, Энеолит южных областей Средней Азии, ч. 2, М.—Л.

Массон В. М. 1963. Средняя Азия и Иран в III тысячелетии до н. э. КСИА АН СССР, вып. 93.

Массон В. М. 1964а. Историческое место среднеазиатской цивилизации. СА, № 1.

Массон В. М. 1964б. [Рец. на кн.:] J. M. Casal. Fouilles de Mundigak, vol. 1—2 (MDAFA, t. 17, 1961). СА, № 4.

Массон В. М. 1964в. Средняя Азия и Древний Восток. М.—Л.

Массон В. М. 1964г. Традиция коллективных погребений в энеолите Средней Азии, Афганистана и Индии. КСИА АН СССР, вып. 101.

Массон В. М. и Окладников А. П. 1957. Первобытнообщинный строй на территории Туркменистана. В кн.: История Туркменской ССР, т. I, кн. I, гл. 1. Ашхабад.

Массон М. Е. 1939. Археологические исследования в Узбекистане. В сб.: Наука в Узбекистане за 15 лет (1924—1939), Ташкент.

Массон М. Е. 1951а. Некоторые итоги работ ЮТАКЭ и перспективы археологического изучения Южного Туркменистана. ИАН ТуркмССР, № 1.

Массон М. Е. 1951б (обл. 1953). Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция (ЮТАКЭ) 1947 г. ТЮТАКЭ, т. 2.

Массон М. Е. 1953. Ахангеран. Археолого-топографический очерк. Ташкент.

Массон М. Е. 1954. О работах Южно-Туркменской археологической экспедиции. Тез. докл. на сессии Отд. ист. наук и пленуме Инст. истории матер. культ., посвящ. итогам археол. и этногр. исслед. 1953 г., М.

Массон М. Е. 1955. Краткая хроника полевых работ ЮТАКЭ за 1948—1952 гг. ТЮТАКЭ, т. 5.

Массон М. Е. 1956. Краткий очерк истории изучения Средней Азии в археологическом отношении. Ч. 1. До первой послевоенной пятилетки. ТСАГУ, вып. 81.

Массон М. Е. 1963. Из работ Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции Академии наук Туркменской ССР 1962 г. ИАН ТуркмССР, сер. обществ. наук, № 3.

Мухамеджанов А. Р. 1964. К изучению древнего русла Махан-Дарьи. В сб.: История материальной культуры Узбекистана, вып. 5, Ташкент.

Насретдинов Х. К. 1960. Неолитические находки в местности Кызыл-Кыр. Научн. работы и сообщ. (АН УзССР, Отд. обществ. наук), кн. 1, Ташкент.

Насретдинов Х. К. 1962. Ходжикентская пещера № 2 — мустьерский памятник близ Ташкента. Обществ. науки в Узбекистане, № 4.

Насретдинов Х. К. 1963а. Пещера Ак-Таш — палеолитическая стоянка под Ташкентом. Обществ. науки в Узбекистане, № 6.

Насретдинов Х. К. 1963б. Разведка следов каменного века в Бостандыкском районе в 1959 г. В сб.: Ист. матер. культ. Узбекистана, вып. 4, Ташкент.

Насретдинов Х. К. 1964. Грот Обирахмат. В сб.: Ист. матер. культ. Узбекистана, вып. 5, Ташкент.

Несмеянов С. А. и Ранов В. А. 1962. Палеолитические находки у Шахристана. ДАН ТаджССР, т. 5, № 6.

Несмеянов С. А. и Ранов В. А. 1964. О геологическом возрасте верхнепалеолитической стоянки Ходжа-Гор (Южная Фергана). ТИИ АН ТаджССР, т. 42.

Никольский Г. В., Радаков Д. В. и Лебедев В. Д. 1952. Остатки рыб из неолитической стоянки Джанбас-Кала 4. ТХАЭЭ, т. 1.

Оболдуева Т. Г. 1951. Отчет о работе первого отряда археологической экспедиции на строительстве Большого Ферганского канала. ТПИИ АН УзССР, т. 4.

Оболдуева Т. Г. 1955. Погребения эпохи бронзы в Ташкентской области. КСИИМК, вып. 59.

Оболдуева Т. Г. 1962. Раскопки 1960 г. на городище Эйлатан. КСИА АН СССР, вып. 91.

Окладников А. П. 1939а. Мустьерская стоянка в гроте Тешик-Таш в Узбекистане. КСИИМК, вып. 2.

Окладников А. П. 1939б. Находка неандертальца в Узбекистане. ВДИ, № 1.

Окладников А. П. 1940а. Амир-Темир — новый памятник каменного века в горах Байсунтау (Узбекистан). КСИИМК, вып. 6.

Окладников А. П. 1940б. Исследование палеолитической пещеры Тешик-Таш. (Предварительное сообщение). ТУзФ АН СССР, сер. 1, вып. 1.

Окладников А. П. 1940в. Неандертальский человек и следы его культуры в Средней Азии. (Предварительные данные и выводы о раскопках в гроте Тешик-Таш). СА, № 6.

Окладников А. П. 1945. Следы каменного века в районе Термеза. В сб.: Термезская археол. экспед., т. 2, Ташкент.

Окладников А. П. 1949а. Древние каменные изваяния с городища Новая Ниса. (Сборы 1946 г.). ТЮТАКЭ, т. 1.

Окладников А. П. 1949б. Изучение древнейших археологических памятников Туркмении. КСИИМК, вып. 28.

Окладников А. П. 1949в. Исследование мустьерской стоянки и погребения неандертальца в гроте Тешик-Таш, Южный Узбекистан. (Средняя Азия). В сб.: Тешик-Таш, М.

Окладников А. П. 1951. Древнейшие археологические памятники Краснодарского полуострова. (Отчет о полевых исследованиях в 1947 г.). ТЮТАКЭ, т. 2.

Окладников А. П. 1953. Изучение памятников каменного века в Туркмении. (По данным работ IX отряда ЮТАКЭ в 1952 г.). ИАН ТуркмССР, № 2.

Окладников А. П. 1954а. Археологические исследования в Киргизии (1953 г.). ВАН СССР, № 9.

Окладников А. П. 1954б. Работы Киргизской комплексной археолого-этнографической экспедиции в 1953 г. (Первый год работы Киргизской комплексной экспедиции). СЭ, № 2.

Окладников А. П. 1956а. Древнейшее прошлое Туркменистана. (Древние охотники и собиратели в степях и пустынях Туркменистана). ТИИАЭ АН ТуркмССР, т. 1.

Окладников А. П. 1956б. Исследование памятников каменного века в бассейне р. Сыр-Дарья осенью 1955 г. ТАН ТаджССР, т. 63.

Окладников А. П. 1956в. Пещера Джебел — памятник древней культуры прикаспийских племен Туркмении. ТЮТАКЭ, т. 7.

Окладников А. П. 1956г. Предварительный отчет об исследовании памятников каменного и бронзового веков в Таджикистане летом 1954 г. ТАН ТаджССР, т. 37.

Окладников А. П. 1957. Итоги и узловые проблемы изучения палеолита в СССР за 40 лет. СА, № 4.

Окладников А. П. 1958а. Исследование памятников каменного века Таджикистана. (Предварительное сообщение о работах 1948, 1952—1954 гг.). МИА, № 66.

Окладников А. П. 1958б. Работы палеолитического отряда в 1958 г. (Предварительное сообщение). ИАН УзССР, сер. обществ. наук, № 4.

Окладников А. П. 1959а. Исследование памятников каменного века Северного и Южного Таджикистана в 1956 г. ТАН ТаджССР, т. 91.

Окладников А. П. 1959б. Каменный век Таджикистана. Итоги и проблемы. Матер. Второго совещ. археол. и этногр. Средней Азии, М.—Л.

Окладников А. П. 1959в. О работах по изучению каменного века Таджикистана в 1957 г. (в Гиссарской и Дангаринской долинах). ТАН ТаджССР, т. 103.

Окладников А. П. 1961а. Исследование памятников каменного века в районе Куляба и Дангара осенью 1959 г. ТИИ АН ТаджССР, т. 31.

Окладников А. П. 1961б. Исследования памятников каменного века на юге Таджикистана в 1958 г. ТИИ АН ТаджССР, т. 27.

Окладников А. П. 1961в. Ходжикентская пещера — новый мустьерский памятник Узбекистана. КСИА АН СССР, вып. 82.

Окладников А. П. 1963. Краткий отчет о раскопках Ходжикентской пещеры в 1958 г. В сб.: Ист. матер. культ. Узбекистана, вып. 4, Ташкент.

Окладников А. П. и Грязнов М. П. 1963. Первобытно-общинный строй. 1. Каменный век. 2. Бронзовый век. В кн.: История Киргизии, т. 1, гл. 1. Фрунзе.

Окладников А. П. и Исламов О. И. 1961. Палеолитические находки в урочище Шуралисай (Боз-Су 2). В сб.: Ист. матер. культ. Узбекистана, вып. 2, Ташкент.

Окладников А. П., Касымов М. Р. и Конопля П. Т. 1964. Капчигайская палеолитическая мастерская. В сб.: Ист. матер. культ. Узбекистана, вып. 5, Ташкент.

Окладников А. П. и Кляшторный С. Г. 1961. Археологические работы в Центральном Каракумах. Тр. Всес. научно-исслед. геол. инст., т. 46.

Окладников А. П. и Леонов Н. И. 1961. Первые находки каменного века в Фергане. КСИА АН СССР, вып. 86.

Окладников А. П. и Ранов В. А. 1963. Каменный век. В кн.: История таджикского народа, т. 1, гл. 1. М.

Окладников А. П. и Радек В. И. 1954. Следы древней культуры в пещерах Тянь-Шаня. (Находки в пещере Ак-Чункур). ИВГО, т. 86, вып. 5.

Ошанин Л. В. 1952. Антропологические материалы к проблеме этногенеза туркмен. ИАН ТуркмССР, № 4.

Ошанин Л. В. 1953. Палеоантропологические и исторические данные о расселении монголоидных рас в северной степной полосе Средней Азии. В кн.: Л. В. Ошанин и В. Я. Зезенкова. Вопросы этногенеза народов Средней Азии в свете данных антропологии. Ташкент.

Памятники культуры каменного и бронзового века Южного Туркменистана. [Сборник статей]. Под ред. М. Е. Массона. Вып. 1, ТЮТАКЭ, т. 7, 1956; вып. 2, ТЮТАКЭ, т. 10, 1960.

Парфенов Г. В. 1956. Каменный молоток со сверлиной из поселка Нижний Комсомольск Ташкентской области. ИАН УзССР, № 6.

Парфенов Г. В. 1959. Захская палеолитическая стоянка. ИАН УзССР, сер. обществ. наук, № 2.

Парфенов Г. В. 1961. Следы древних культур на городище Айтрам. В сб.: Ист. матер. культ. Узбекистана, вып. 2, Ташкент.

Парфенов Г. В. 1963. Археологическая рекогносцировка Турды Миргиязова в пустыне Кызылкумы в 1928 г. В сб.: Матер. по ист. Узбекистана (АН УзССР, Музей истории), Ташкент.

Парфенов Г. В. 1964. Следы каменного века в северных окрестностях Ширабада. В сб.: Ист. матер. культ. Узбекистана, вып. 5, Ташкент.

Питровский Б. Б. 1949. Разведочные работы на Гяур-Кала в Старом Мерве. МЮТАКЭ, вып. 1.

Питровский Б. Б. 1955. Новые данные о древнейших цивилизациях на территории СССР. М. (Докл. сов. делегации на 10-м Междунар. конгр. историков в Риме).

Питровский Б. Б. 1960. Успехи советской археологии в изучении древнейшей истории Закавказья и Средней Азии. УЗИВ, т. 25.

Пославский И. Т. 1906. О находке орудий каменного века. ПТКЛА, вып. 11, 1906—1907, протокол № 3 от 11 декабря 1906 г., приложение.

Протопопов Х. В. и Бутомо С. В. 1959. Развитие техники жидких сцинтилляторов и ее применение для датировки по радиоуглероду (C^{14}). СА, № 2.

Ранов В. А. 1953. Изучение каменного века Таджикистана. ДАН ТаджССР, вып. 9.

Ранов В. А. 1956а. Отдельные находки изделий каменного века. ТАН ТаджССР, т. 63,

Ранов В. А. 1956б. Результаты разведок каменного века в 1955 г. (В отрогах Гиссарского хребта и урочище Ходжа-Ягона). ТАН ТаджССР, т. 63.

Ранов В. А. 1958а. Кремневый нуклеус из коллекций Республиканского музея. СРИКМ ТаджССР, вып. 3.

Ранов В. А. 1958б. Находки каменного века в Алайской долине. ТИИ АН КиргССР, вып. 4.

Ранов В. А. 1959а. Отдельные находки изделий каменного века в 1957 г. ТАН ТаджССР, т. 103.

Ранов В. А. 1959б. Первые памятники каменного века на Памире. Матер. Второго совещ. археол. и этногр. Средней Азии, М.—Л.

Ранов В. А. 1959в. Результаты разведок каменного века в 1956 г. (в урочище Шор-Куль и на Восточном Памире). ТАН ТаджССР, т. 91.

Ранов В. А. 1959г. Результаты разведок каменного века в 1957 г. (в низовьях Вахша и на Восточном Памире). ТАН ТаджССР, т. 103.

Ранов В. А. 1960а. Наскальные рисунки у кишлака Лянгар. (Западный Памир). ИООН АН ТаджССР, вып. 1 (22).

Ранов В. А. 1960б. Стоянка Каратумшук. (Восточный Памир). КСИИМК, вып. 80.

Ранов В. А. 1961а. Археологическое изучение пещер Таджикистана. Сб. тр. Тадж. фил. Геогр. общ. СССР, вып. 2.

Ранов В. А. 1961б. Археологическое исследование на возвышенности Кара-Бура в 1959 г. ТИИ АН ТаджССР, т. 31.

Ранов В. А. 1961в. Изучение памятников каменного века на Восточном Памире в 1958 г. ТИИ АН ТаджССР, т. 27.

Ранов В. А. 1961г. О сопоставлении археологических данных со стратиграфией четвертичных отложений Таджикистана. ИООН АН ТаджССР, вып. 1 (24).

Ранов В. А. 1961д. Отдельные находки изделий каменного века в 1958 г. ТИИ АН ТаджССР, т. 27.

Ранов В. А. 1961е. Рисунки каменного века в гроте Шахты. СЭ, № 6.

Ранов В. А. 1962а. Два новых памятника каменного века в Южном Таджикистане. ТИИ АН ТаджССР, т. 34.

Ранов В. А. 1962б. О стратиграфическом положении палеолита Средней Азии. В сб.: Новейший этап геологического развития территории Таджикистана, Душанбе.

Ранов В. А. 1962в. Раскопки памятников первобытнообщинного строя на Восточном Памире в 1960 г. ТИИ АН ТаджССР, т. 34.

Ранов В. А. 1962г. Стоянка на озере Кара-Куль. ИООН АН ТаджССР, вып. 1 (28).

Ранов В. А. 1963. Каменный век Таджикистана. Обобщающий доклад по работам, представленным к защите на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Душанбе.

Ранов В. А. 1964а. Итоги разведок памятников каменного века на Восточном Памире (1956—1958 гг.). МИА, № 124.

Ранов В. А. 1964б. Следы писаниц в навесе Куртеке. (Восточный Памир. По материалам Таджикской археологической экспедиции). ИВГО, т. 96, вып. 1.

Ранов В. А. 1965. Каменный век Таджикистана. Вып. 1. Палеолит. Душанбе. (АН ТаджССР, Инст. ист.).

Ранов В. А. и Сидоров Л. Ф. 1960. К вопросу об изменениях природных условий Памира в голоцене. ДАН ТаджССР, т. 3, № 3.

Ранов В. А. и Стеценко И. А. 1958. Из истории изучения археологических памятников Таджикистана. Душанбе. (На тадж. яз.).

Ремпель Л. И. 1951 (обл. 1953). Новые материалы к изучению древней скульптуры Южной Туркмении. ТЮТАКЭ, т. 2.

Рогинская А. 1950. Зараут-Сай. (Записки художника). М.—Л.

Росляков А. А. 1955. Мелкие археологические памятники окрестностей Ашхабада. ТЮТАКЭ, т. 5.

Сабурова М. А. и Ягодин В. Н. 1964. Литейная форма из Хорезма. СА, № 1.

Сарианиди В. И. 1957а. К истории древнего гончарства на территории Южного Туркменистана. ИАН ТуркмССР, № 6.

Сарианиди В. И. 1957б. Керамические печи древней Маргяны. КСИИМК, вып. 69.

Сарианиди В. И. 1958. Керамическое производство древнемаргянских поселений. ТЮТАКЭ, т. 8.

Сарианиди В. И. 1959а. Новый тип древних погребальных сооружений Южной Туркмении. СА, № 2.

Сарианиди В. И. 1959б. Раскопки жилых комплексов на энеолитическом поселении Геоксюр. (По материалам ЮТАКЭ в 1956 г.). КСИИМК, вып. 76.

Сарианиди В. И. 1960а. К стратиграфии восточной группы памятников культуры Анау. СА, № 3.

Сарианиди В. И. 1960б (обл. 1961). Энеолитическое поселение Геоксюр. (Результаты работ 1956—1957 гг.). ТЮТАКЭ, т. 10.

Сарианиди В. И. 1962а. Культовые здания поселения анауской культуры. СА, № 1.

Сарианиди В. И. 1962б. Некоторые вопросы древней архитектуры энеолитических поселений Геоксюрского оазиса. КСИА АН СССР, вып. 91.

Сарианиди В. И. 1963а. Земледельческие племена Юго-Восточной Туркмении (в эпоху энеолита и бронзы). Автореф. канд. дисс., М.

Сарианиди В. И. 1963б. Керамические горны восточноанауских поселений. КСИА АН СССР, вып. 93.

Сарианиди В. И. 1964. Хапуз-Депе как памятник эпохи бронзы. КСИА АН СССР, вып. 98.

Сарианиди В. И. 1965. Памятники позднего энеолита Юго-Восточной Туркмении. Археология СССР, Свод археол. источников, вып. БЗ-8, Энеолит южных областей Средней Азии, ч. 4. М.—Л.

Семенов С. А. 1957. Первобытная техника. (Опыт изучения древнейших орудий и изделий по следам работы). МИА, № 54.

Сенигова Т. Н. 1951. Находка кремня в западных районах чинка Усть-Урта и в Приаральских Кызылкумах [1948 г.]. ИАН КазССР, № 108, сер. археол., вып. 3.

Синельников Н. А. и Гремяцкий М. А. 1949. Кости скелета ребенка неандертальца из грота Тешик-Таш, Южный Узбекистан. В сб.: Тешик-Таш, М.

Смоличев П. И. 1949. Погребения со скорченными костями в районе г. Сталинабада. ИТаджФ АН СССР, вып. 15.

Сорокин В. С. 1960. Могильник Тасты-Бутак I. (Раскопки 1956—1957 гг.). КСИИМК, вып. 80.

Сорокин В. С. 1962. Могильник бронзовой эпохи Тасты-Бутак I в Западном Казахстане. МИА, № 120.

Сорокин В. С. 1960. Хакский клад. СГЭ, вып. 19.

Соседко А. Ф. 1931. Находка неолита в Центральном Кызылкумах в Средней Азии. Природа, № 11.

Спришевский В. И. 1954. Чустская стоянка эпохи бронзы. (Раскопки 1953 г.). СЭ, № 3.

Спришевский В. И. 1956. Раскопки Чустского поселения. ТАН ТаджССР, т. 37.

Спришевский В. И. 1957а. Раскопки Чустского поселения эпохи бронзы в 1955 г. ИАН УзССР, сер. обществ. наук, № 1.

Спришевский В. И. 1957б. Чустское поселение эпохи бронзы. (Из раскопок 1954 г.). КСИИМК, вып. 69.

Спришевский В. И. 1958а. Раскопки Чустского поселения в 1956 г. СА, № 3.

Спришевский В. И. 1958б. Раскопки Чустского поселения эпохи бронзы в 1957 г. ИАН УзССР, сер. обществ. наук, № 6.

Спришевский В. И. 1958в. Чустское поселение эпохи бронзы. (Раскопки 1955 г.). КСИИМК, вып. 71.

Спришевский В. И. 1960. Раскопки Чустского поселения [в 1960 г.]. Обществ. науки в Узбекистане, № 1.

Спришевский В. И. 1963. Чустское поселение. (К истории Ферганы в эпоху бронзы). Автореф. канд. дисс., Ташкент.

Станюкович К. В. 1965. С какой скоростью меняется природная обстановка на Памире. ИВГО, т. 97, вып. 1.

Сулейманов Р. Х. 1964. О находке мустьерской пластины в низовьях Зеравшана. Обществ. науки в Узбекистане, № 11.

Суслова П. В. 1949. Плейстоценовая орнитофауна из грота Тешик-Таш, Южный Узбекистан. В сб.: Тешик-Таш, М.

Тереножкин А. И. 1935. Археологические разведки по реке Чу в 1929 г. ПИДО, № 5—6.

Тереножкин А. И. 1940. Памятники материальной культуры на Ташкентском канале. ИУзФ АН СССР, № 9.

Тереножкин А. И. 1947. Археологическая рекогносцировка в Западной части Узбекистана. ВДИ, № 2.

Тереножкин А. И. 1948. Археологические находки в Таджикистане. КСИИМК, вып. 20.

Тереножкин А. И. 1950. Согд и Чач. Автореф. канд. дисс., КСИИМК, вып. 33.

Тереножкин А. И. 1958. Бронзовый псалий с городища Кюзели-Гыра в Хорезме. КСИЭ, вып. 30.

Тереножкин А. И. 1962. Клад андроновских бронзовых предметов из с. Бричмулла близ Ташкента. СА, № 3.

Тетюхин Г. Ф. 1960. К стратиграфии лессовых пород Приташкентского района. УЗСАИГИМС, вып. 3.

Тетюхин Г. Ф. и Уткина Н. Г. 1961. Археологические находки в бассейне рек Кашка-Дарья и Зеравшана. ИУзФГО, т. 5.

Тешик-Таш. Палеолитический человек. 1949. [Сборник статей. Отв. ред. М. А. Гремяцкий]. М.

Толстов С. П. 1939. Древнехорезмийские памятники в Каракалпакии. (Предварительные итоги археологических работ ИИМК АН СССР и ККАССР в 1938 г.). ВДИ, № 3.

Толстов С. П. 1941. Древности Верхнего Хорезма. (Основные итоги работ Хорезмской экспедиции ИИМК 1939 г.). ВДИ, № 1.

Толстов С. П. 1946а. Новые материалы по истории культуры древнего Хорезма. (Предварительные итоги ХАЭ 1940 г.). ВДИ, № 1.

Толстов С. П. 1946б. Хорезмская археологическая экспедиция 1940 г. (Четвертый полевой сезон работ экспедиции). КСИИМК, вып. 12.

Толстов С. П. 1946в. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция Академии наук СССР 1945 г. ИАН СССР, сер. ист. и филос., т. 3, № 1.

Толстов С. П. 1947а. Древнехорезмийская цивилизация в свете новейших археологических открытий (1937—1945). В кн.: Общее собрание Акад. наук СССР 1—4 июля 1946 г. М.—Л.

Толстов С. П. 1947б. К вопросу о протохорезмийской письменности. КСИИМК, вып. 15.

Толстов С. П. 1947в. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция Академии наук СССР в 1946 г. ИАН СССР, сер. ист. и филос., т. 4, № 2.

Толстов С. П. 1948а. Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования. М.

Толстов С. П. 1948б. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.—Л.

Толстов С. П. 1951. Древний Хорезм. В сб.: По следам древних культур, М.

Толстов С. П. 1952а. Археологические памятники на трассе Главного Туркменского канала. (Разведки Хорезмской экспедиции АН СССР в 1950—1951 гг.). ВАН СССР, № 4.

Толстов С. П. 1952б. Археологические разведки по трассе Главного Туркменского канала (русло Узбоя). КСИЭ, вып. 14.

Толстов С. П. 1953а. Археологические исследования Хорезмской экспедиции 1952 г. ВАН СССР, № 8.

Толстов С. П. 1953б. Археологические работы Хорезмской экспедиции АН СССР в 1952 г. (Краткая информация). ВДИ, № 2.

Толстов С. П. 1953в. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция Академии наук СССР 1950 г. СА, № 18.

Толстов С. П. 1954. Археологические работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции Академии наук СССР в 1951 г. СА, № 19.

Толстов С. П. 1955а. Итоги работ Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1953 г. ВДИ, № 3.

Толстов С. П. 1955б. Работа Хорезмской археолого-этнографической экспедиции 1951—1954 гг. ВИ, № 3.

Толстов С. П. 1955в. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1954 г. СВ, № 6.

Толстов С. П. 1957а. Итоги двадцати лет работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции [1937—1956 гг.]. СЭ, № 4.

Толстов С. П. 1957б. Новые работы в Хорезме (1954 г.). КСИЭ, вып. 26.

Толстов С. П. 1958а. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949—1953 гг. ТХАЭЭ, т. 2.

Толстов С. П. 1958б. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция 1955—1956 гг. СА, № 1.

Толстов С. П. 1959. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в 1954—1956 гг. МХЭ, вып. 1.

Толстов С. П. 1962а. По древним дельтам Окса и Яксарта. М.

Толстов С. П. 1962б. Результаты историко-археологических исследований 1961 г. на древних руслах Сыр-Дарьи (в связи с проблемой их освоения). СА, № 4.

Толстов С. П. и Андрианов Б. В. 1957. Новые материалы по истории развития ирригации в Хорезме. КСИЭ, вып. 26.

Толстов С. П., Воробьева М. Г. и Рапопорт Ю. А. 1960. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в 1957 г. МХЭ, вып. 4.

Толстов С. П., Жданко Т. А. и Итина М. А. 1963. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1958—1960 гг. МХЭ, вып. 6.

Толстов С. П. и Итина М. А. 1960. Проблема суярганской культуры. СА, № 1.

Толстов С. П. и Итина М. А. 1964. Могильник Тагискен. (В связи с вопросом о происхождении скифской культуры). Тез. докл. на засед., посвящ. итогам полевых исслед. 1963 г., М.

Толстов С. П. и Кесь А. С. 1954. Проблема древнего течения Аму-Дарьи в свете новейших геоморфологических и археологических данных. Матер. ко Второму съезду Геогр. общ. СССР, М.

Толстов С. П. и Кесь А. С. 1956. История первобытных поселений на протоках древних дельт Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи. Сб. ст. для 18-го Междунар. геогр. конгр., М.—Л.

Толстов С. П., Кесь А. С., Итина М. А., Андрианов Б. В. 1960. Низовья Аму-Дарьи, Сарыкамыш, Узбой. История формирования и заселения. МХЭ, вып. 3.

Толстов С. П. и Шишкин В. А. 1942. Археология. В сб.: 25 лет советской науки в Узбекистане, Ташкент.

- Трофимова Т. А. 1957. Палеоантропологический материал с территории Древнего Хорезма. СЭ, № 3.
- Трофимова Т. А. 1959. Древнее население Хорезма по данным палеоантропологии. МХЭ, вып. 2.
- Трофимова Т. А. 1961а. Расовые типы населения Средней Азии в эпоху энеолита и бронзы. КСИЭ, вып. 36.
- Трофимова Т. А. 1961б. Черепа из могильника тазабагъябской культуры Кокча 3. МХЭ, вып. 5.
- Трофимова Т. А. 1964а. К вопросу об антропологическом типе населения Южного и Восточного Узбекистана в эпоху бронзы. НТТашГУ, вып. 235.
- Трофимова Т. А. 1964б. Население Средней Азии в эпоху энеолита и бронзового века и его связи с Индией. (По данным краниологии). В сб.: Современная антропология, М.
- Трофимова Т. А. 1964в. Население Южной Туркмении и его переднеазиатские и южноиндийские связи в первобытную эпоху по данным антропологии. М. (7-й Междунар. конгр. антропол. и этногр. наук, август 1964 г. Доклады).
- Трофимова Т. А. и Гинзбург В. В. 1960 (обл. 1961). Антропологический состав населения Южной Туркмении в эпоху энеолита. (По материалам Кара-Депе и Геоксюра). ТЮТАКЭ, т. 10.
- Труды Семиреченской археологической экспедиции. Чуйская долина. Сост. под рук. А. Н. Бернштама. 1950. (МИА, № 14).
- Федин Н. Ф. и Владимиров Н. М. 1954. Археологические находки междуречья Волги и Урала. ВАН КазССР, № 2.
- Федорович Б. А. 1940. Кремневые орудия в туркменских Каракумах и вопрос о взаимоотношении их с террасами Узбоя и Каспия. БКИЧП, № 6—7.
- Филиппченко В. А. и Курочкин Ю. В. 1960. Кремневые орудия со. Кулалы. СА, № 3.
- Формозов А. А. 1945. Об открытии кельтеминарской культуры в Казахстане. ВКазФ АН СССР, № 2.
- Формозов А. А. 1946. Новые точки кельтеминарской культуры в Казахстане. ВКазФ АН СССР, № 5.
- Формозов А. А. 1947. Древности с Усть-Урта. ВАН КазССР, № 7.
- Формозов А. А. 1949. Кельтеминарская культура в Западном Казахстане. КСИИМК, вып. 25.
- Формозов А. А. 1951а. К вопросу о происхождении андроновской культуры. КСИИМК, вып. 39.
- Формозов А. А. 1951б. [Рец. на кн.:] А. Рогинская. Зараут-Сай (М.—Л., 1950). СЭ, № 3.
- Формозов А. А. 1953. Из новейшей литературы по палеолиту Казахстана и Средней Азии. БКИЧП, № 19.
- Хлопин И. Н. 1957. Изображение коровы на сосуде из Кара-Депе. (По материалам работ ЮТАКЭ 1955 г.). КСИИМК, вып. 69.
- Хлопин И. Н. 1958. Раскопки энеолитических поселений в бассейне Теджена. (Сообщение о раскопках ЮТАКЭ 1957 г.). ИАН ТуркмССР, № 5.
- Хлопин И. Н. 1959. Верхний слой поселения Кара-Депе. (По материалам ЮТАКЭ в 1956 г.). КСИИМК, вып. 76.
- Хлопин И. Н. 1960а (обл. 1961). Дашлыджи-Депе и энеолитические земледельцы Южного Туркменистана. ТЮТАКЭ, т. 10.
- Хлопин И. Н. 1960б. К характеристике этнического облика ранних земледельцев Южного Туркменистана. (По материалам ЮТАКЭ 1956—1957 гг.). СЭ, № 5.
- Хлопин И. Н. 1961. Некоторые вопросы развития древнейших земледельцев. Исследования по археологии СССР. Сб. ст. в честь М. И. Артамонова, Л.
- Хлопин И. Н. 1962а. Изображение креста в древнеземледельческих культурах Южной Туркмении. КСИА АН СССР, вып. 91

- Хлоппин И. Н. 1962б. Племена раннего энеолита Южной Туркмении. (Геоксюрский оазис). Автореф. канд. дисс., Л.
- Хлоппин И. Н. 1963а. Памятники раннего энеолита Южной Туркмении. Археология СССР, Свод археол. источников, вып. БЗ-8, Энеолит южных областей Средней Азии, ч. 1, М.—Л.
- Хлоппин И. Н. 1963б. Ялангач-Депе — поселение эпохи энеолита. КСИА АН СССР, вып. 93.
- Хлоппин И. Н. 1964а. Геоксюрская группа поселений эпохи энеолита. Опыт исторического анализа. М.—Л.
- Хлоппин И. Н. 1964б. Модель круглого жертвенника из Ялангач-Депе. КСИА АН СССР, вып. 98.
- Хлоппин И. Н. 1964в. Псевдодубейская орнаментация керамики в Южной Туркмении. КСИА АН СССР, вып. 101.
- Худайбердыев Р. 1962. Остатки растений Чустского поселения эпохи бронзы. ДАН УзССР, № 10.
- Цалкин В. И. 1956а. Предварительные результаты изучения фаунистического материала из раскопок Джебела, произведенных А. П. Окладниковым. ТЮТАКЭ, т. 7.
- Цалкин В. И. 1956б. Предварительные результаты определения костей из раскопок Мадау-Депе, произведенных в 1953 г. ТЮТАКЭ, т. 7.
- Черников С. С. 1957. Роль андроновской культуры в истории Средней Азии и Казахстана. КСИЭ, вып. 26.
- Черников С. С. 1960. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. МИА, № 88.
- Черных Е. Н. 1962. Некоторые результаты изучения металла анауской культуры. КСИА АН СССР, вып. 91.
- Чуланов Ю. Г. 1963. Новые памятники эпохи бронзы Ферганской долины. СА, № 4.
- Шарипова Л. Х. 1961. Новые находки каменных орудий в Бухарской области. В сб.: Ист. матер. культ. Узбекистана, вып. 2, Ташкент.
- Шевченко А. И. 1960. (обл. 1961). К истории домашних животных Южного Туркменистана. ТЮТАКЭ, т. 10.
- Шишкин В. А. 1961. Узбекская археологическая экспедиция АН УзССР. (Полевые работы 1956—1959 гг.). В сб.: Ист. матер. культ. Узбекистана, вып. 2, Ташкент.
- Шишкин В. А. 1962. Полевые работы Узбекской археологической экспедиции в 1960 г. В сб.: Ист. матер. культ. Узбекистана, вып. 3, Ташкент.
- Шишкин В. А. 1963. Узбекская археологическая экспедиция 1961 г. (Предварительные сообщения о полевых работах экспедиции). В сб.: Ист. матер. культ. Узбекистана, вып. 4, Ташкент.
- Щетенко А. Я. 1960. Терракотовая головка с поселения Джейтун. ИАН ТуркмССР, сер. обществ. наук, № 4.
- Щетенко А. Я. 1964. Расписная керамика эпохи бронзы из Намазга-Депе. КСИА АН СССР, вып. 98.
- Ягодин В. Н. 1963. Поселение амирабадской культуры Кават 2. МХЭ, вып. 6.
- Ярмак Г. А. 1957. Первые находки палеолитических орудий в Южном Казахстане. ВАН КазССР, № 7.

Литература на иностранных языках

- Bordes F. 1955. L'industrie moustérienne de Teshik-Tash. Affinités et âge probable. L'Anthropologie, № 3—4.
- Casali J. M. 1961. Fouilles de Mundigak. MDFA, t. XVIII, vv. I—II, Paris.
- Chard Ch. S. 1960. Northern Asia. Cowa Surveys, Area, 18, II.
- Childe V. G. 1954. New Light on the Most Ancient East. London.

- Coon C. S. 1951. Cave explorations in Iran, 1949. Philadelphia.
- De Terra H., T. T. Peterson. 1939. Studies on the Ice Age in India and associated human cultures. Washington.
- Fairservis W. A. 1961. Archaeological studies in the Seistan Basin of South-Western Afghanistan and Eastern Iran, New York.
- Frumkin G. 1963. Archaeologia in Soviet Central Asia, II. Kazakhstan. CAR, № 1.
- Frumkin G. 1964a. Archaeologie in Soviet Central Asia, III. Kirgiziya and the Fergana valley. CAR, № 1.
- Frumkin G. 1964b. Archaeologie in Soviet Central Asia, IV. Tadzhikistan. CAR, № 3.
- Frumkin G. 1965. Archaeologia in Soviet Central Asia, V. The Deltas of the Oxus and Jaxartes: Khorezm and its Borderlands. CAR, № 1.
- Garrod D., Bate D. 1937. The Stone Age of Mount Carmel. Oxford.
- Gershevitch J. 1959. Avestian Hymn to Mithra. Cambridge.
- Ghirshman R. 1939. Fouilles de Sialk, v. II. Paris.
- Ghirshman R. 1964. [Рец. на кн.:] В. М. Массон. Древнеземледельческая культура Маргианы. Iranica Antiqua, v. IV, f. 1.
- Kayama Yohei. 1962. Chuo Ajia-niokeru nōkō bwaka to bokuchiku bunka. Kodaishi kōza, v. II.
- Kayama Yohei. 1963. Sabaku-to sogen-no iho. Tokyo, 1963.
- Masson V. 1961. The first farmers in Turkmenia. Antiquity, № 139.
- Masson V. 1962. The Neolithic Farmers of Central Asia. VI. Intern. Congr. Prehist. a. Protohist. Sci. Rep. a. Comm. by Archeol. USSR, Moscow.
- Masson M., Masson V. 1959. Archaeological cultures of Central Asia of the Aeneolithic and Bronze Age. Cahiers d'hist. mond., v. V, № 1.
- McCown D. E. 1942. The comparative stratigraphy of Early Iran. SAOC, № 23, Chicago.
- Movius H. L. 1944. Early man and Pleistocene stratigraphy in Southern and Eastern Asia. Papers Peabody Mus. Harvard Univ., XIX, № 3.
- Movius H. L. 1953. Palolithic and Mesolithic Sites in Soviet Central Asia. Proc. Amer. Philos. Soc., v. 97, № 4.
- Neuville R. 1951. Le paléolithique et le mésolithique du Désert du Iudée. Arch. Inst. Paléont. Humanie. Mem. 24, Paris.
- Pumpelly R. 1905. Explorations in Turkestan with an account of the basin of Eastern Persia and Seistan. Washington.
- Pumpelly R. 1908. Explorations in Turkestan. Expedition of 1904. Prehistoric Civilization of Anau, vv. I—II. Washington.
- Schmidt E. F. 1937. Excavations at Tepe Hissar, Damgan. Philadelphia.
- Stein A. 1921. Serindia. Detailed Report of Explorations in Central Asia Westernmost Chine, vv. I—V. Oxford.
- Stein A. 1928. Innermost Asia. Detailed Report of Explorations in Central Asia, Kan-su and Easter Irān, vv. I—III. Oxford.
- Tolstov S. P. 1946. The early culture of Khwarizm. Antiquity, № 18.
- Trofimova T. A. 1957. Palaeoanthropological remains coming from the territory of Ancient Khoresm. East and West, № 3.
- Vanden Berghe L. 1959. Archéologie de l'Iran ancien. Leiden.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

БКИЧП	— Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода. Москва.
ВАН КазССР	— Вестник Академии наук Казахской ССР. Алма-Ата.
ВАН СССР	— Вестник Академии наук СССР.
ВДИ	— Вестник древней истории.
ВИ	— Вопросы истории.
ВКазФ	— Вестник Казахского филиала Академии наук СССР. Алма-Ата.
АН СССР	— Вестник Московского государственного университета.
ВМУ	— Доклады Академии наук СССР.
ДАН СССР	— Доклады Академии наук Таджикской ССР. Душанбе.
ДАН ТаджССР	— Доклады Академии наук Узбекской ССР. Ташкент.
ДАН УзССР	— Известия Академии наук Казахской ССР. Алма-Ата.
ИАН КазССР	— Известия Академии наук Киргизской ССР. Фрунзе.
ИАН КиргССР	— Известия Академии наук СССР.
ИАН СССР	— Известия Академии наук Туркменской ССР. Ашхабад.
ИАН ТуркмССР	— Известия Академии наук Узбекской ССР. Ташкент.
ИАН УзССР	— Известия Всесоюзного географического общества.
ИВГО	— Известия Киргизского филиала Академии наук СССР. Фрунзе.
ИКиргФ	— Известия Отделения общественных наук Академии наук Таджикской ССР. Душанбе.
АН СССР	— Известия Таджикского филиала Академии наук СССР. Душанбе.
ИООН АН	— Известия Туркменского государственного научно-исследовательского института. Ашхабад.
ТаджССР	— Известия Туркменского филиала Академии наук СССР. Ашхабад.
ИТаджФ	— Известия Узбекского филиала Академии наук СССР. Ташкент.
АН СССР	— Известия Узбекского филиала Географического общества.
ИТуркмГНИИ	— Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии Академии наук СССР.
ИТуркмФ	— Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры Академии наук СССР.
АН СССР	— Краткие сообщения Института этнографии Академии наук СССР.
ИУзФ	— Материалы и исследования по археологии СССР.
АН СССР	— Материалы Хорезмской экспедиции. Москва.
ИУзФГО	— Материалы Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. Ашхабад.
КСИА	— Научные труды Ташкентского государственного университета.
АН СССР	— Проблемы истории докапиталистических обществ. Ленинград.
КСИИМК	— Протоколы Туркестанского кружка любителей археологии. Ташкент.
КСИЭ	— Советская археология.
МИА	— Советское востоковедение.
МХЭ	— Сообщения Государственного Эрмитажа.
МЮТАКЭ	— Сборник Музея антропологии и этнографии.
НТТашГУ	— Сообщения Республиканского историко-краеведческого музея Таджикской ССР. Душанбе.
ПИДО	
ПТКЛА	
СА	
СВ	
СГЭ	
СМАЭ	
СРИКМ ТаджССР	

- СтаджФ
 АН СССР
 СЭ
 ТАН ТаджССР
 ТАН УзССР
 ТашхабГПИ
 ТВ
 ТИИА АН
 УзССР
 ТИИ АН
 КиргССР
 ТИИ АН
 ТаджССР
 ТИИАЭ АН
 КазССР
 ТИИАЭ АН
 ТуркмССР
 ТИЭ
 ТИЯЛИКиргФ
 АН СССР
 ТКАЭЭ
 ТКиргГПИ
 ТКИЧП
 ТМИ УзССР
 ТОИПК
 ТСамаркГУ
 ТТаджФ
 АН СССР
 ТТашГУ
 ТУзГУ
 ТУзФ
 АН СССР
 ТХАЭЭ
 ТЮТАКЭ
 УЗАГПИ
 УЗИБ
 УЗЛГУ
 УЗМГУ
 УЗСАИГИМС
 ХД
 САР
 МДАФА
 SAOC
- Сообщения Таджикского филиала Академии наук СССР.
 — Советская этнография.
 — Труды Академии наук Таджикской ССР. Душанбе.
 — Труды Академии наук Узбекской ССР. Ташкент.
 — Труды Ашхабадского государственного педагогического института.
 — Туркестанские ведомости. Ташкент.
 — Труды Института истории и археологии Академии наук Узбекской ССР. Ташкент.
 — Труды Института истории Академии наук Киргизской ССР. Фрунзе.
 — Труды Института истории Академии наук Таджикской ССР. Душанбе.
 — Труды Института истории археологии и этнографии Академии наук Казахской ССР. Алма-Ата.
 — Труды Института истории, археологии и этнографии Академии наук Туркменской ССР. Ашхабад.
 — Труды Института этнографии Академии наук СССР.
 — Труды Института языка, литературы и истории Киргизского филиала Академии наук СССР. Фрунзе.
 — Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции Академии наук СССР. Москва.
 — Труды Киргизского государственного педагогического института. Фрунзе.
 — Труды Комиссии по изучению четвертичного периода. Москва.
 — Труды Музея истории Узбекской ССР. Ташкент.
 — Труды Отдела истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа.
 — Труды Самаркандского государственного университета.
 — Труды Таджикского филиала Академии наук СССР. Душанбе.
 — Труды Ташкентского государственного университета.
 — Труды Узбекского государственного университета. Самарканд.
 — Труды Узбекского филиала Академии наук СССР. Ташкент.
 — Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции Академии наук СССР. Москва.
 — Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. Ашхабад.
 — Ученые записки Алма-Атинского государственного педагогического института.
 — Ученые записки Института востоковедения.
 — Ученые записки Ленинградского государственного университета.
 — Ученые записки Московского государственного университета.
 — Ученые записки среднеазиатского научно-исследовательского института геологии и минерального сырья. Ташкент.
 — Хлопковое дело.
 — Central Asien Revue.
 — Mémoires de la Délégation archéologique Française en Afghanistan.
 — Studies in Ancient Oriental Civilization. Oriental Institute of Chicago.

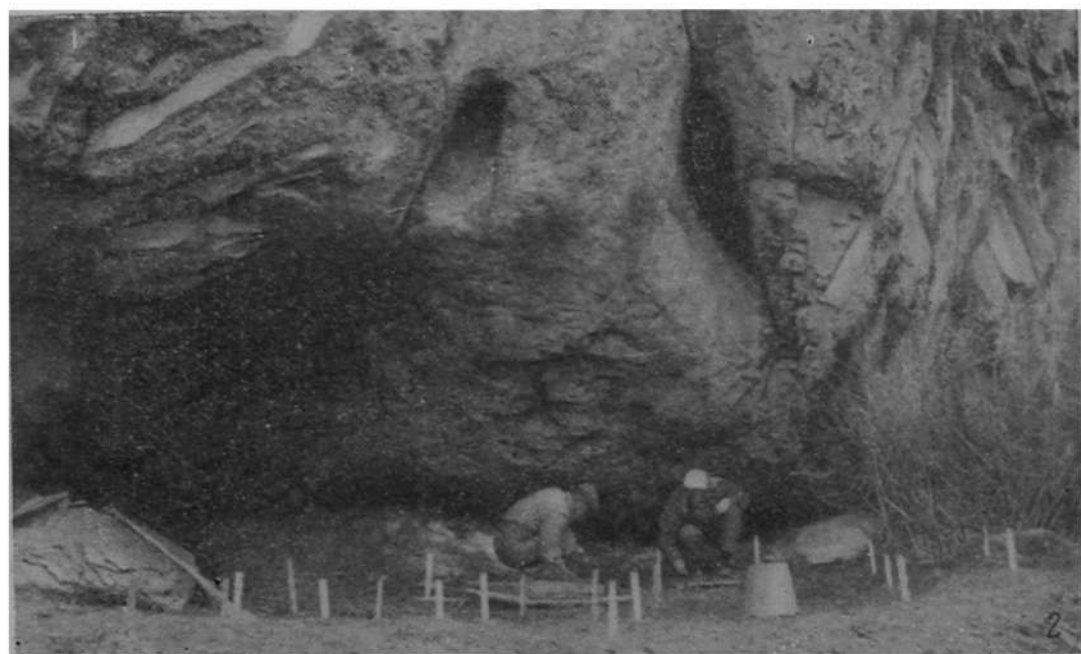

Табл. I.

1 — Кайрак-Кумы, общий вид; 2 — Ходжикент, раскопки грота.

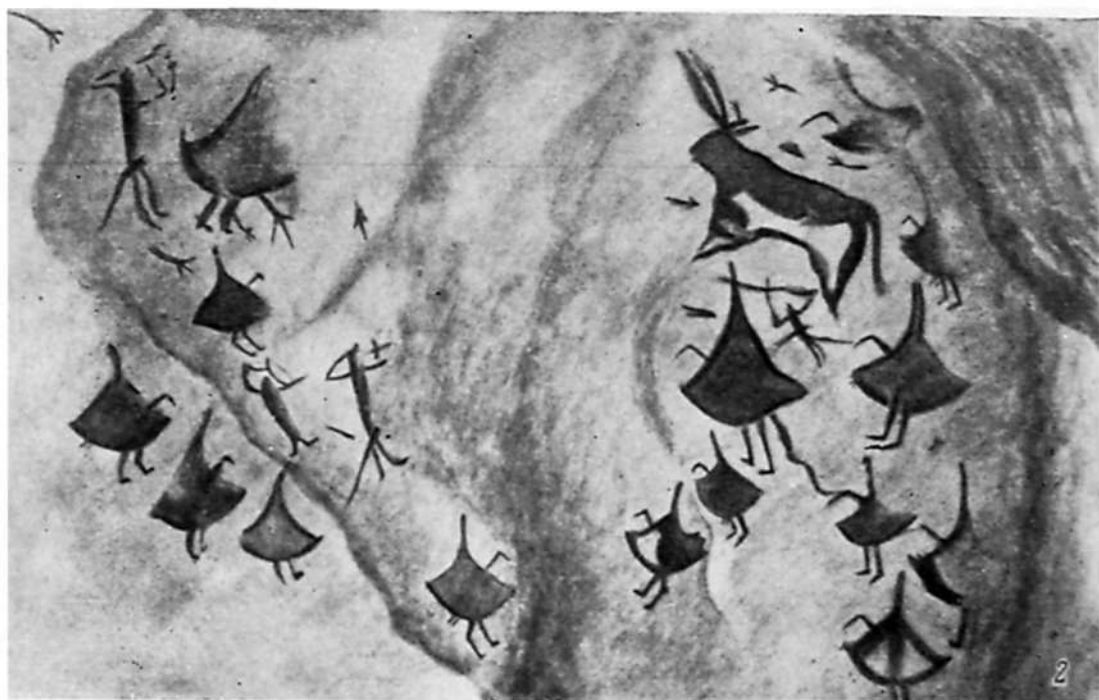

Табл. II.

1 — Капчигай, общий вид; 2 — Зараут-Сай, изображение людей.

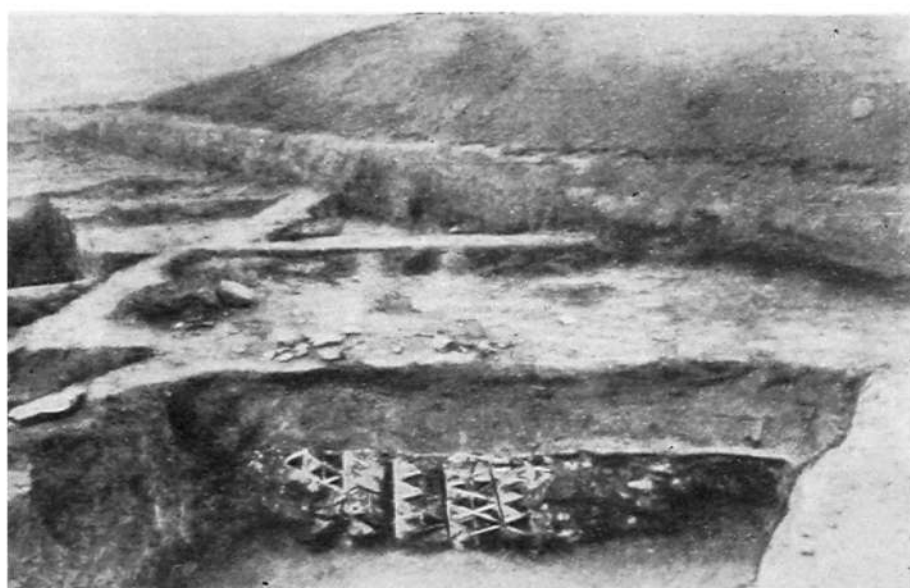
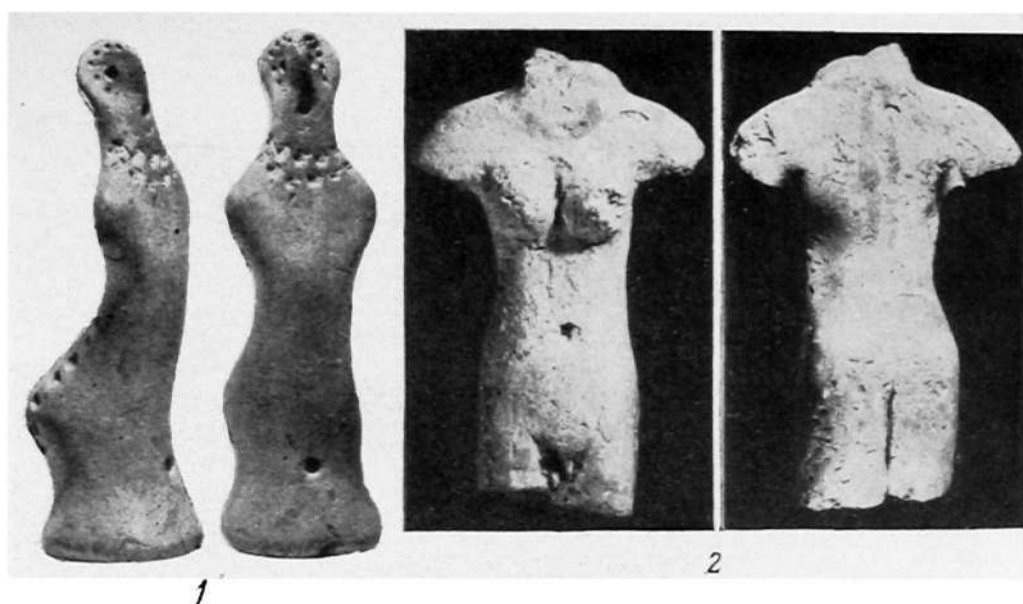
Табл. III. Джейтун.

1 — помещение верхнего слоя; 2 — расчистка очага.

Табл. IV. Джейтун.

1 — каменные топоры; 2 — глиняные сосуды.

3.

Табл. V. Статуэтки из Дашлыджи-Депе (1) и Кара-Депе (2) и настенная живопись из Яссы-Депе (3).

Табл. VI. Геоксюр.

1 — погребальная камера (толос), общий вид; 2 — круглый жертвенник из помещения 31.

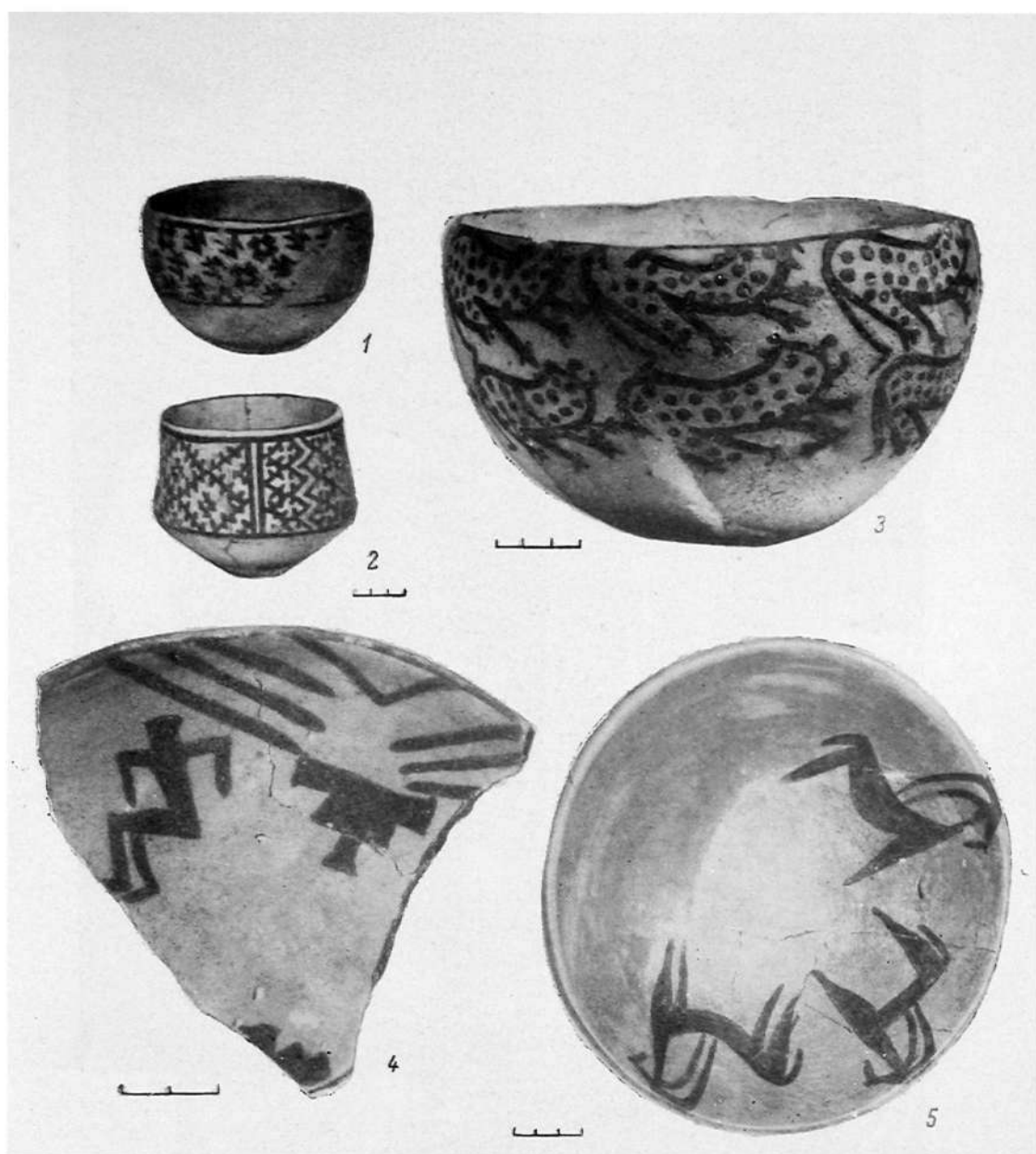

Табл. VII. Кара-Депе. Образцы расписной керамики (1—5).

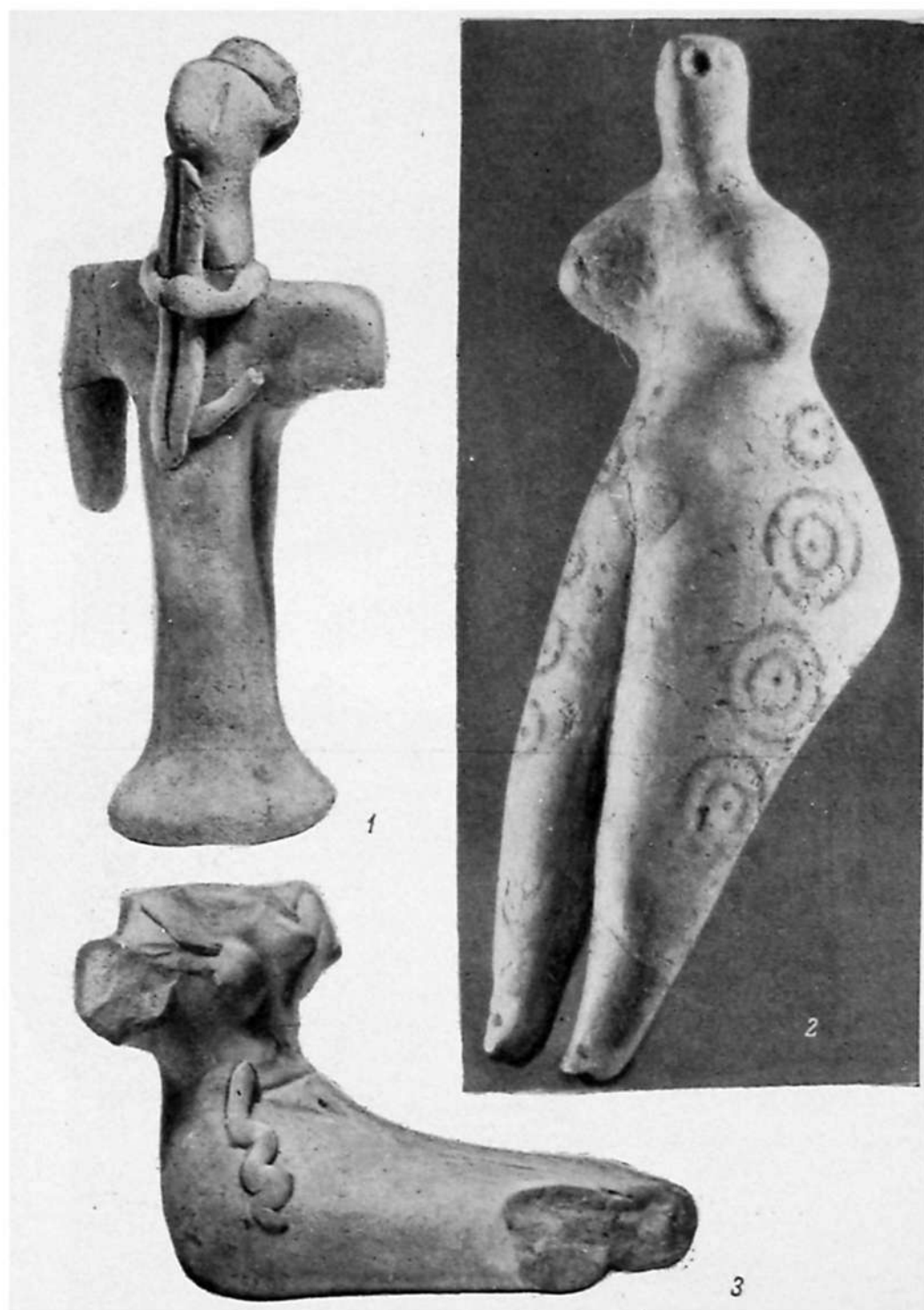

Табл. VIII. Образцы глиняной скульптуры.

1 — мужская статуэтка с Кара-Депе; 2 — женская статуэтка с Ялангач-Депе;
3 — торс женской статуэтки с Кара-Депе.

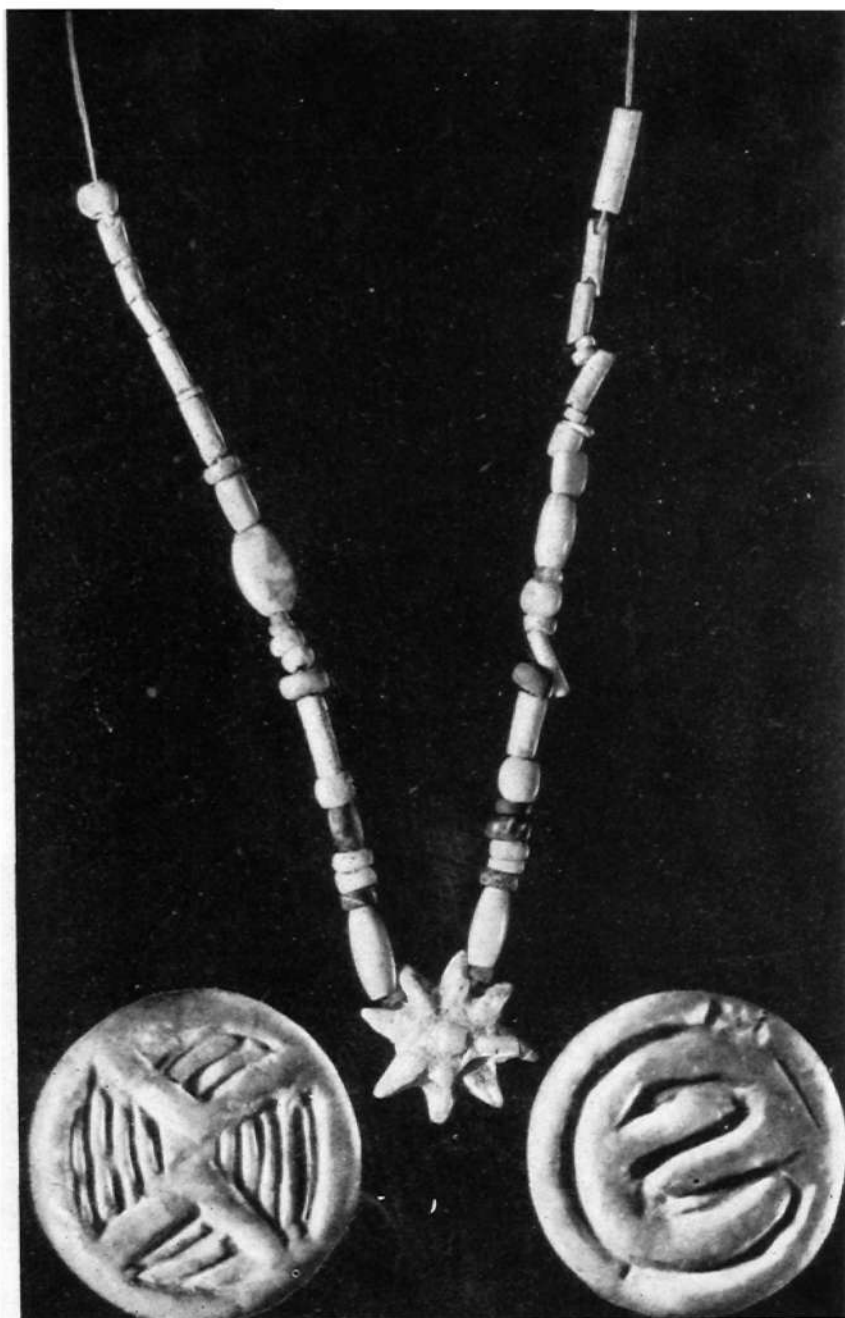

Табл. IX. Аучин-Депе. Ожерелье и каменная подвеска-печать с изображением змеи из погребения.

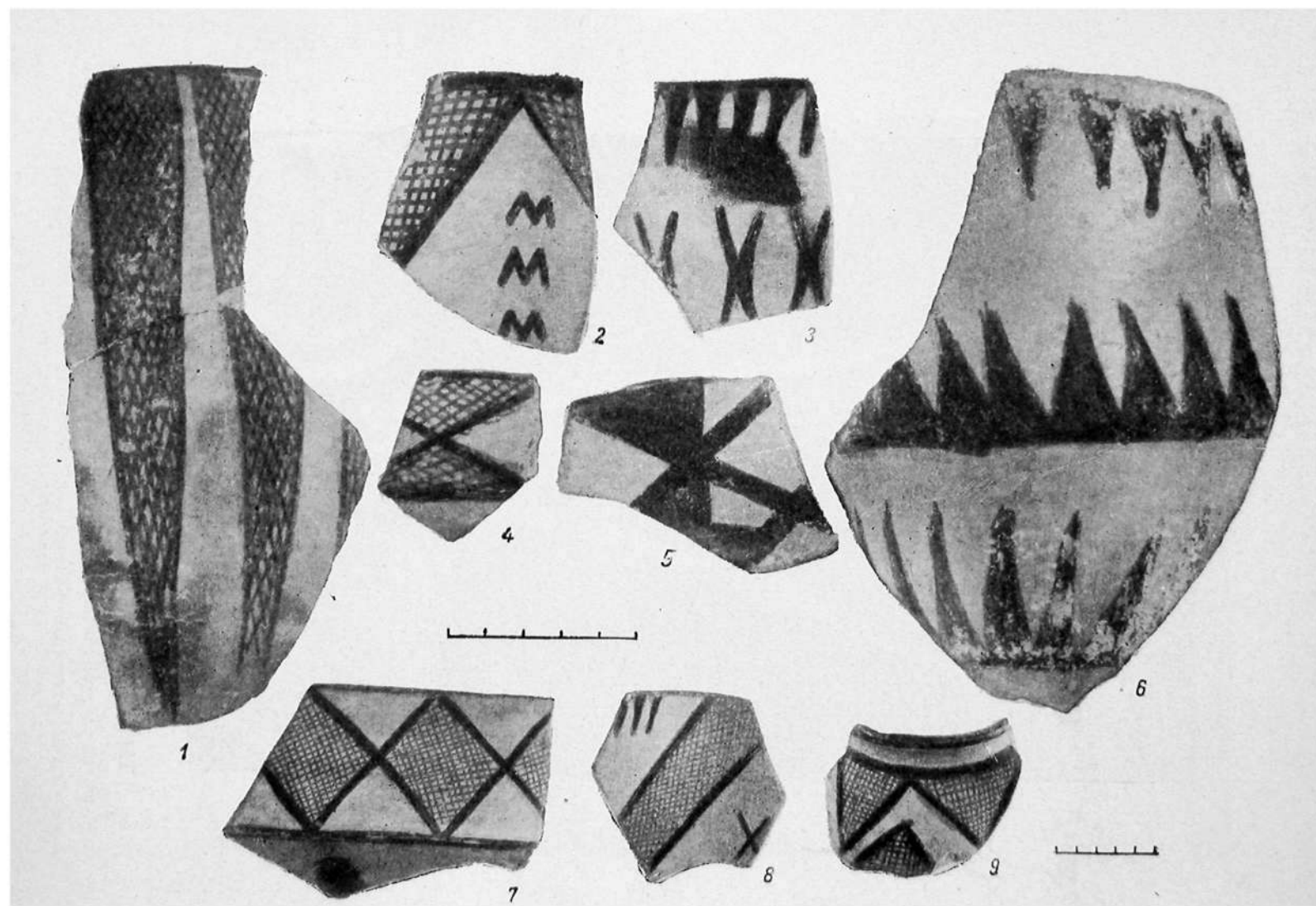

Табл. X. Дальверзин. Образцы керамики с расписным орнаментом (1—9).

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение. (В. М. Массон)	3
------------------------------------	---

ЧАСТЬ I. ПАЛЕОЛИТ И МЕЗОЛИТ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Глава 1. Средняя Азия в четвертичный период. Нижнепалеолитические памятники. (А. П. Окладников)	11
---	----

Природные условия Средней Азии в четвертичное время (12). — Возможный параллелизм с четвертичной Индией (16). — Вопрос о нижнем палеолите в Средней Азии (17). — Находки в Южном Казахстане (20). — Вопрос о двух культурных традициях и связи с соседними странами (22).

Глава 2. Средний палеолит — мустьерское время в Средней Азии. (А. П. Окладников)	23
--	----

Грот Тешик-Таш (25). — Пещера Аман-Кутан (27). — Приташкентские памятники (28). — Кайрак-кумские находки (35). — Мустьерские каменоломни (40). — Вопросы хронологии (45). — Хозяйство и общественная организация (46).

Глава 3. Верхнепалеолитическое и мезолитическое время (А. П. Окладников)	50
--	----

Верхнепалеолитические местонахождения (50). — Хронология верхнего палеолита, связи племен с соседними странами (56). — Прикаспийский мезолит (59). — Мезолит Южного Таджикистана (66). — Памятники Памира (67). — Наскальные изображения (69). — Пути развития Средней Азии в пору мезолита (73).

ЧАСТЬ II. НЕОЛИТ И ЭНЕОЛИТ

Глава 1. Земледельческий неолит юго-запада Средней Азии. (В. М. Массон)	76
---	----

Распространение памятников (76). — Орудия труда (78). — Глиняная посуда (81). — Становление производящей экономики (82). — Родовые поселки (84). — Элементы духовной культуры (88). — Происхождение и расселение джейтунских племен (90).

Глава 2. Энеолит юго-запада Средней Азии (И. Н. Хлопин)	93
---	----

Материальная культура	95
---------------------------------	----

Поселения и жилища раннего энеолита (95). — Поселения и постройки развитого энеолита (96). — Поселения и постройки позднего энеолита (99). — Производственный инвентарь (103). — Керамика (105). — Земледелие и скотоводство (110). — Домашние промыслы (113).

Общественные отношения	115
----------------------------------	-----

Духовная культура	116
-----------------------------	-----

Обряд погребения (116). — Антропоморфная скульптура (118). — Зооморфная скульптура и поделки из глины (121). — Украшения и амулеты (122). — Проблема семантики керамической росписи (123).

Связи с соседними культурами	125
--	-----

Глава 3. Неолитические охотники и собиратели. (В. М. Массон)	129
--	-----

Прикаспийские стоянки и гроты	130
---	-----

Кельтеминарская культура	133
------------------------------------	-----

Памятники и их хронология (133). — Поселения и жилища (135). — Орудия из камня и кости (137). — Глиняная посуда (138). — Хозяйство и общество (142). — Происхождение и связь с южными областями (144).

Гиссарская культура в Западном Таджикистане	145
К проблеме ферганского неолита	148

ЧАСТЬ III. БРОНЗОВЫЙ ВЕК СРЕДНЕЙ АЗИИ

Глава 1. Расцвет и упадок культуры земледельцев юго-запада. (В. М. Массон)	151
Типы поселений (152). — Намазга-Депе — столица древних земледельцев (154). — Погребения и некрополи (156). — Орудия и оружие (157). — Керамика типа Намазга IV и ее локальные варианты (158). — Керамика типа Намазга V (162). — Развитие хозяйства (164). — Проблема общественного строя (165). — Терракотовая скульптура и вопросы идеологии (166). — Связи с соседними культурами (167). — Памятники времени Намазга VI (169). — Погребения на поселениях и Янги-Калинский могильник (171). — Изделия из камня и металла (172). — Керамика типа Намазга VI (173). — Южная Туркмения в пору поздней бронзы (176).	
Глава 2. На пороге раннеклассового общества. Оазисы юга Средней Азии в первой трети I тыс. до н. э. (В. М. Массон)	179
Юго-Западная Туркмения	179
Памятники архайческого Дахистана (179). — Изделия из камня и бронзы (180). — Керамика (181). — Происхождение культуры архайческого Дахистана (181).	
Юго-восток Средней Азии	182
Комплексы типа Яз-Депе I (182). — Яз-Депе — столица древней Маргианы (184). — Оружие и орудия (185). — Глиняная посуда (188). — Проблема происхождения (188). — Вопрос о бактрийских комплексах типа Яз-Депе I (189). — Гиркания, Парфия, Маргиана и Бактрия в первой трети I тыс. до н. э. (190). — Сложение раннеклассового общества (191).	
Глава 3. Чустская культура в Ферганской долине. (Ю. А. Заднепровский)	193
Распространение памятников и хронология (193). — Типы поселений (195). — Проблема жилищ (197). — Погребальный обряд (198). — Орудия и оружие (199). — Керамика (201). — Хозяйство (202). — Фергана в чустский период (204). — Происхождение чустской культуры и проблема дочустских памятников (206).	
Глава 4. Племена степной бронзы на севере страны	208
Культура Заман-Баба (В. М. Массон)	208
Памятники (208). — Керамика, орудия, украшения (209). — Хозяйство и проблема происхождения (210).	
Памятники андроновской культуры. (Ю. А. Заднепровский)	213
К вопросу о суярганской культуре (214). — Распространение памятников и хронология (215). — Тянь-шаньская (семиреченская) группа племен (217). — Поселения племен среднеазиатского междуречья (220). — Могильники и погребальный обряд (221). Изделия из металла и камня (223). — Керамика (224). — Хозяйство (226). Вопросы общественного строя (228). — Проблема происхождения (230).	
Восточное Приаралье. (М. П. Грязнов)	233
Тагискен — усыпальница вождей (233). — Вопросы датировки (236). — Культура строителей мавзолеев (238).	
Глава 5. Памятники «степного» круга эпохи бронзы на юге Средней Азии. (А. М. Мандельштам)	239
«Степная» периферия запада Средней Азии (239). — Южные области среднеазиатского междуречья (243). — Вопросы исторической интерпретации (254).	
Заключение. (В. М. Массон)	260
Литература	
Литература по первобытной археологии Средней Азии на языках народов СССР. (Т. И. Заднепровская)	266
Литература на иностранных языках	285
Список сокращений	287
Таблицы I—X	289

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

<i>Страница</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Должно быть</i>
94	8 сверху	датировки радио- углеродного	датировки и ра- диоуглеродного
171	6 »	горы	горны
285	12 »	Псевдоубейская	Псевдоубейдская
300	4 снизу	(Т. И. Заднепров- ская)	(Т. Н. Заднепров- ская)

Зак. 951.

1 р. 39 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
« НАУКА »